

КИР
БУЛЫЧЕВ

ТАЙНА
УРУЛГАНА

КИР
БУЛЫЧЕВ

ТАЙНА
УРУЛГАНА

КИР
БУЛЫЧЕВ

ТАЙНА
УРУЛГАНА

Москва 1996

ББК 84Р7
Б90

КИР БУЛЫЧЕВ
(*Игорь Всеволодович Можейко*)

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Серия «Взрослая фантастика»

ТАЙНА УРУЛГАНА

Булычев Кир
Б90 Полное собрание сочинений. Т. 11: Тайна
Урулгана. — М.: «Хронос», 1996. — 432 с.
ISBN 5-85482-018-8

В данный том серии «Взрослая фантастика» полного собрания сочинений Кира Булычева включены фантастические романы «Тайна Урулгана» и «Смерть этажом ниже».

ББК 84Р7

ISBN 5-85482-018-8

©«Хронос», 1996
©Кир Булычев
©К. Сошинская

ТАЙНА УРУЛГАНА

Пароход «Св. Сергий Радонежский»

Хоть и конец лета, но темнело поздно. Вечерняя синь поглотила дальний берег, а ближний, обрывистый, с тощими елками по скалам, казался нарисованным силуэтом на длинном картоне. Звуков было много, но они лишь подчеркивали бесконечную тишину — если вдруг наступала мгновенная пауза, она была столь пуста, будто этот мир еще не был создан.

На корме «Св. Сергия Радонежского» уныло пели мастеровые, выписанные Ефремом Колоколовым, мерно шлепали по воде лопасти колес, плескала вода, капитан громко отчитывал на мостике матроса, который забыл в Жиганске пустую бочку, внутри парохода, где-то внизу, стучала машина. «Св. Сергей Радонежский» не так велик и шикарен, как пароходы, что ходят по Волге, но нутро у него немецкое, с великими трудами привезенное по частям до Якутска. На верхней палубе есть шесть кают, обшитых деревом, и столовая с бархатными портьерами, блеском медных частей и пианино, на котором не раз музицировала мисс Вероника Смит, а палубные пассажиры толпились, глазели в квадратные окна, обсуждая иностранку и ее жениха, мистера Дугласа Робертсона, красавца-мужчину.

Но поздним вечером, отужинав в обществе капитана Селиванова, которому в молодости приходилось бывать в дальних плаваниях и даже посещать город Сан-Франциско, иностранцы запирались в каюте Вероники Смит, чтобы в спокойствии обсуждать свои дела. Любой человек на пароходе, до последнего кочегара, знал, зачем англичане стремятся в Новопятницк. Некоторые проникались сочувствием, иные посмеивались.

Мисс Вероника Смит, стройная сероглазая девушка с пышными пепельными волосами, собранными в узел

на затылке, коротким прямым носом и острым решительным подбородком, сидела на койке, подложив под себя длинные ноги с крепкими икрами, закаленными гимнастическими экзерсисами и верховой ездой. Образ ее полностью соответствовал картинкам в журнале «Country life», и, разумеется, более всего к лицу ей был костюм амазонки с хлыстиком в руке. Впрочем, следует сказать, что именно такой ее и воспитывал капитан Оливер Смит и лишь превратности судьбы, связанные с неудачным путешествием отца и смертью матери, заставили ее изменить предначертанному пути. Но, будучи девушкой решительной и целеустремленной, Вероника внешне никогда и никому из бывших светских знакомых не показала, что удручена своим современным положением певички, чему помогли уроки пения, преподанные ей профессором Медиччини, преподавателем музыки в пансионе «Глория» в Берне, где Вероника пребывала до восемнадцати лет.

Спутник Вероники — Дуглас Робертсон также казался сошедшим со страниц светского таблоида. Его тропический загар, полученный, как говорили, во время охоты на слонов в Кении, куда он сопровождал лорда Уорси, сохранился даже здесь, в русской Сибири. Лицо его, украшенное небольшим шрамом — памятью об одном из романтических приключений, которых на счету у Дугласа было немало, являло собой образец силы и уверенности в себе. Вытянутое, с четко проведенными ранними морщинами, узколобое, но не слишком, с крупным, но не чрезмерно, подбородком, это было лицо молодого джентльмена, охотника и благородного искателя приключений. Не принадлежа к высокому роду и не имея хорошего образования, он тем не менее был принят в лучших домах Лондона, и его добродушная улыбка, готовность к любому рискованному предприятию, всегдашнее чуть снисходительное спокойствие вызывали к нему инстинктивное доверие с последующим приглашением на ланч, а то и на африканское сафари, чему способствовала его репутация одного из лучших стрелков Лондона.

Дуглас искренне увлекся Вероникой, встретив ее на скачках в Блекшире три года тому назад. В то время

Вероника только-только вернулась из Швейцарии и начала выходить в свет.

Красота Вероники, слава ее отца, богатство семьи Смитов совместно выступили противниками молодого мистера Робертсона, по правде говоря (хоть это было известно лишь его кредиторам), не имевшего ни пенса за душой. Тем не менее Дуглас был упорен. В надежде обратить на себя благосклонное внимание девушки он чуть было не вызвался присоединиться к экспедиции, которую готовил капитан Оливер Смит. Однако по здравому размышлению передумал, так как имел бы не много шансов завоевать сердце девушки, находясь от нее в десяти тысячах миль в окружении белых медведей.

Настойчивость мистера Робертсона не принесла плодов. Неожиданно Вероника без памяти влюбилась в талантливого, но беспутного выходца из Трансильвании виолончелиста Милоша Куцку. Ослепление ее этим жгучим брюнетом с усами, подобными бычьим рогам, было настолько велико, что Вероника даже не приехала в Ливерпуль проводить корабль «Венчур», на котором ее отец уходил в Арктику.

Дуглас был огорчен прискорбным поворотом судьбы и принял предложение престарелого лорда Уорси присоединиться к сафари в Кении, после чего направился в Маньчжурию корреспондентом от газеты «Дейли мейл», прожил полгода в Корее, чуть было не проник в Тибет, и прошло более двух лет, прежде чем он вновь появился в Лондоне, ничуть не разбогатевший и не ставший разумнее. Из Маньчжурии он привез слугу-китайца по имени Лю, который был отличным кулинаром и знатоком восточной борьбы, а также любовь к жасминовому чаю, чего обитатели Британских островов понять не в состоянии.

Приехав, Дуглас начал наводить справки о своей бывшей возлюбленной и узнал о драматических переменах в ее жизни.

После отбытия капитана Оливера Смита в путешествие Вероника, как и было договорено, поселилась у своей тети Джейн в Девоншире. Виолончелист Куцка уехал в Милан, жизнь постепенно вернулась в свою колею. Вероника совершала верховые прогулки в ок-

рестностях тетиного дома и поддерживала светские отношения с соседями. У нее даже появился жених — мистер Кренкшоу, член парламента от консервативной партии, которому прочили в недалеком будущем министерское кресло.

И вот в одночасье все рухнуло.

Сначала без вести пропал корабль «Венчур». Последние письма с него были переданы на встречное русское судно в районе Новой Земли через четыре месяца после отплытия из Ливерпуля с целью прохода из Атлантического океана в Тихий в течение одной навигации. Прошел еще год, более писем не было, и уже никто не сомневался, что корабль капитана Смита раздавлен льдами.

И тут произошла трагедия с тетей Джейн.

В свое время, после смерти родителей, наследство Смитов было полюбовно разделено между Оливером и Джейн. Так как тетя Джейн не имела детей, а мать Вероники умерла, сопровождая мужа в неудачном путешествии к Южному полюсу, и оставила пятилетнюю девочку на руках мисс Джейн Смит, та заменила ей мать.

Уверенный в том, что будущее дочери обеспечено, капитан Оливер Смит, отъезжая, не оставил завещания, полагая, что в случае его гибели Вероника, безусловно, унаследует оба имени.

Но жизнь распорядилась иначе.

Никто и не подозревал, что тихая как мышка мисс Джейн Смит играет на бирже, ввергаясь в сомнительные предприятия. Известие об исчезновении горячо любимого брата сильно повлияло на ее душевное состояние, и она, словно горький пьяница, с еще большей энергией ударилась в спекуляции. Нетрудно понять, что вскоре она стала жертвой нечистых на руку дельцов и полностью разорилась. Стыдясь признаться в разорении своей горячо любимой племяннице, мисс Джейн приняла яд.

После ее похорон обнаружилось, что Веронике не осталось ничего, кроме долгов.

Это было бы еще поправимо, если бы капитан Смит, чья половина семейного состояния осталась нетронутой и заключалась в земельных владениях и

солидных бумагах, вернулся либо погиб. Но капитан пропал без вести. Он был — и его не было. То есть юридически он не считался умершим лицом, так что Вероника не могла ему наследовать.

Будучи наследницей четырехсот тысяч фунтов стерлингов, мисс Смит оказалась совершенно нищей.

К сожалению, узнав об этом, ее жених мистер Кренкшоу перестал с ней встречаться.

Собрав драгоценности, оставленные ей матерью, Вероника переехала в Лондон, где сняла маленькую квартиру из четырех комнат. Ей пришлось отпустить всех слуг, за исключением горничной Пегги, привезенной некогда ее отцом с Цейлона и бывшей ей более чем горничной. Она была наперсницей, подругой и старшей сестрой Вероники.

Деятельная натура Вероники не смирилась с нищенской долей. Она вспомнила, какие комплименты расточал ей учитель музыки в пансионе профессор Медиччини, и решила зарабатывать деньги, выступая с концертами. Красота и обаяние молодой певицы открыли ей путь в варьете, но несильный, к сожалению, голос не давал надежд на выступления в опере. Воспитание и гордость Смитов не позволяли Веронике опуститься до положения певицы в кабаре, так что ей оставалось лишь выступать с исполнением народных баллад и песенок в летних театрах, что, однако, почти не приносило дохода. Прежние знакомые куда-то исчезли, новых не появилось, так как Вероника не могла найти общего языка с богемой. Не раз Веронике приходилось, особенно в поездках, защищать свою честь от поползновений наглецов, полагавших, что любая певичка — доступная и легкая добыча. Дважды она с негодованием отвергала предложения перейти на содержание к пожилым обеспеченным джентльменам... Лишь надежда на возвращение отца удерживала Веронику от отчаяния. Так прошло почти два года. Каково же было удивление Вероники, когда ей нанес визит бывший поклонник мистер Дуглас Робертсон!

Вернувшись из своего длительного путешествия и узнав о судьбе мисс Смит, тот не замедлил отыскать Веронику, чтобы сообщить ей, что его чувство за годы разлуки не утало.

Профессор Федор Францевич Мюллер

Вероника была рада Дугласу. Он оказался той ниточкой, что связывала несчастную девушку со счастливым прошлым. Дуглас никогда не напоминал ей о виолончелисте Куцке и не осуждал за попытки добиться самостоятельности путем, не принятым в хорошем обществе.

Вероника и Дуглас часто встречались. Однако у Вероники не возникало мысли связать свою судьбу с этим красивым молодым человеком. Причин тому было несколько.

Во-первых, мистер Робертсон был беден как церковная крыса, что не укрывало от пронизательного взгляда Вероники, хотя они с Дугласом ни разу не обсуждали его имущественные проблемы.

Во-вторых, Вероника не любила мистера Робертсона, а благодарность была, по ее мнению, недостаточным основанием для того, чтобы отдать ему руку и сердце.

Примерно через два месяца после возвращения Дугласа свершилось событие, надеяться на которое Вероника уже не смела.

На берегу Ледовитого океана неподалеку от устья сибирской реки Лены местными дикарями был обнаружен замерзший труп человека. На груди покойного, оказавшегося матросом с корабля «Венчур», было найдено письмо капитана Смита. В этом письме капитан сообщал, что «Венчур» уже второй год затерт льдами северо-восточнее полуострова Таймыр и его команда терпит страшные лишения. Если льды не отпустят корабль, следующим летом они попытаются дойти до берега пешком.

Письмо капитана Смита долго добиралось до Лондона и попало туда лишь в июне 1913 года. Оно вызвало недолгую сенсацию в газетах, но когда полная надежд Вероника обратилась за помощью к Адмиралтейству и Королевскому географическому обществу, она убедилась, что никто в Соединенном королевстве не намерен срочно снаряжать экспедицию на поиски капитана Смита, бедствующего у полуострова Таймыр. Веронике объяснили, что спасательную экспедицию невозможно снарядить менее чем за несколько месяцев, а к тому времени наступит осень. Так что к этому

вопросу можно будет вернуться лишь следующей весной.

Убедившись в том, что поддержки ждать не от кого, Вероника с помощью верного Дугласа попыталась привлечь внимание к участи капитана частных благотворителей, но и в этом не преуспела.

Тогда она заявила, что отправляется в Сибирь одна.

Она спустится по русской реке Лене и там, у Ледовитого океана, встретит отца, который обязательно пойдет пешком к Большой земле.

Намерение Вероники осталось неизвестным для публики, так как не было подкреплено ничем, кроме отчаяния. Вероника продала остатки драгоценностей матери, но их было недостаточно, чтобы добраться до устья Лены.

Дуглас Робертсон, ограничивавшийся до того сочувствием к замыслам своей возлюбленной, в один прекрасный день появился у нее дома на Драйверс-стрит с оригинальным предложением.

Он сообщил, что нашел лицо, согласное финансировать это безумное предприятие. Что он сам намерен отправиться в Сибирь вместе с Вероникой. И он ничего не требует взамен, кроме обещания выйти за него замуж после возвращения в Лондон.

Душевное состояние Вероники было таково, что она восприняла предложение Дугласа как откровение свыше. Она отказалась прислушаться к опасениям служанки Пегги, которая, недолголюбивая Дугласа, задавала вопрос:

— Откуда у него появились деньги? Не иначе как источник их сомнителен!

— Нет! — горячо восклицала Вероника. — Раз это единственная возможность спасти моего дорогого отца, который бредет сейчас по ледяным просторам, я не имею права раздумывать. Дуглас вполне достоин моей руки.

И Пегги была вынуждена сдаться.

* * *

Подходил к концу уже второй месяц совместного путешествия молодых людей, тогда как в Лондоне они

полагали, что доберутся до места не более чем за месяц.

Казалось, некие злые силы препятствовали их продвижению. Задержка в Петербурге из-за недоразумений с британским консулом, жестокая простуда, заставившая Веронику две недели провести в кровати в московской гостинице «Гранд-отель», крушение поезда возле Новониколаевска, задержавшее путников еще на неделю, наконец, долгое ожидание в Якутске парохода до Новопятницка...

Пожалуй, будь на месте Вероники и Дугласа французы и тем более итальянцы, они давно бы уже рассорились и расстались, непривычные к русским порядкам и сибирской неповоротливости. Но английская нация являет собой собрание особ, умеющих по примеру своих отцов и дедов стоически переносить трудности, не меняя ни своих привычек, ни образа жизни. Иначе как бы этой нации завоевать половину мира, страны, пребывающие в варварстве, отличающиеся бесчеловечным климатом и полным отсутствием цивилизованных удобств.

Удивительно, но, несмотря на длительное путешествие, на многочисленные лишения, отсутствие возможности вовремя принять ванну, сменить нижнее белье, ни Вероника, ни Дуглас ни на йоту не отступили от своих привычек, и постороннему наблюдателю они показались бы господами, лишь вчера покинувшими берега туманного Альбиона.

Однако внешний вид, как известно, бывает обманчив. К тому времени, когда «Св. Сергей Радонежский», миновав Жиганск, оказавшийся городом лишь на карте, а в действительности скопищем жалких тунгусских юрт и полуразвалившихся избушек, вот-вот должен был достичь Новопятницка, внутреннее состояние Дугласа Робертсона было критическим, что прекрасно ощущала Вероника, с тревогой наблюдавшая тревожные перемены в своем спутнике. Вероника сознавала при этом, что самая трудная часть путешествия еще впереди. Не сегодня — завтра они будут вынуждены окончательно покинуть пределы цивилизации и углубиться в девственные просторы.

— У меня затупилась бритва, — сообщил мрачно Дуглас.

Он сидел на плохо сколоченном стуле, вытянув длинные ноги и разглядывая пятно на башмаке, которое ничем не смог закрасить, хоть и потратил на то более часа.

Вероника кивнула, но не ответила. Она глядела в синий воздух за окном. Черная фигура заслонила вид на луну, и тут же к окну приблизилось пьяное, грязное лицо охотника, взошедшего на борт в Жиганске и не утолившего еще своего любопытства от лицемерия настоящих иностранцев. Дуглас поморщился, сделал шаг к окну и затянул желтые атласные занавески. Комар, пробравшийся в каюту еще днем, взвизгнул, лишенный уютного укрытия, и взвился к потолку, с которого свисал керосиновый фонарь.

— Вы что-то сказали? — спросила Вероника.

Дуглас не ответил. Разговор о бритве он поднимал неоднократно, с тех пор как его собственную, сопровождавшую его во многих путешествиях, украли в Твери.

Вероника почесала щиколотку.

— Простите, — сказала она.

— Я сегодня понял, что нас ждет в этой тайге, — сказал Дуглас.

Вероника кивнула.

Днем пароход простоял часа четыре у берега, потому что надо было напилить дров для машины. Палубные пассажиры помогали матросам, но, разумеется, пассажиров первого класса — англичан, профессора Мюллера и рыботорговца Алачачяна — никто к такой работе не принуждал. Тем не менее застоявшийся в вынужденном безделье Дуглас, будучи спортсменом, вызвался пилить лес, в то время как профессор Мюллер пригласил Веронику пройти с ним по берегу, где он заметил любопытнейшие известковые отложения, в которых можно найти окаменелости.

Как только нос парохода уткнулся в пологий берег, машина остановилась и работники устремились по сходням к подступающему близко лесу, навстречу им из тайги кинулись полчища комаров, словно они давно уже поджидали людей в засаде. И, выйдя из каюты,

Вероника с удивлением поняла, что ее короткое дорожное, выше шиколоток, платье, сапожки и плотная блузка никак не способны защитить от укусов насекомых. Отмахиваясь от них, она проследовала за толстым, подвижным, похожим на мистера Пиквика, профессором на берег.

Профессор помог ей ступить на гальку, окаймляющую край воды, и сказал наставительно:

— Вы сетовали, мисс, на то, что попали в эти края слишком поздно ввиду задержек в пути. Однако я должен сказать, что вам повезло. Наступает осень, а ночные заморозки лучше, нежели тучи гнуса и комаров, которые в тайге могут свести человека с ума. Я должен вам сказать, что намеренно не отправлялся в путь ранее, не желая стать добычей этих тварей.

— О да, — улыбнулась девушка, отчаянно стараясь отогнать комаров. — Наверное, вы правы. Но неужели их бывает больше?

— Значительно, — ответил профессор, взбираясь вверх по крутому берегу. — Тем более что здесь, у реки, дует небольшой бриз.

Они говорили по-английски. Профессор отлично владел этим языком, так как в свое время проучился три года в Кембридже.

К тому времени, когда они добрались до увиденных профессором отложений, комары допекли девушку так, что она с трудом удерживалась от унижительной мольбы отпустить ее обратно на пароход. Но профессор словно перестал замечать насекомых. Подобно альпинисту, он смело ползал по обрыву, восклицая от радости, ибо угадывал в известняке формы ископаемых раковин. Вероника отыскала на берегу, у уреза воды несколько белемнитов, которые профессор называл по-русски «чертовыми пальцами», объяснив девушке, что они являются частями моллюсков, вымерших за миллионы лет до христианской эры, когда в этих местах плескалось теплое море.

Вероника быстро ходила по берегу, отмахиваясь от комаров. Она старалась терпеть их укусы, так как была по натуре терпелива. Однако к тому времени, когда профессор, наполнив предусмотрительно взятую с собой сумку образцами ракушек и кораллов, решил

Дуглас Робертсон

возвращаться к пароходу, Вероника с ужасом поняла, что мысль о дальнейшем путешествии по тайге ее пугает более, чем когда-либо прежде.

— Простите, профессор, — сказала она, — но у побережья Ледовитого океана комаров, надеюсь, нет?

— К тому времени, когда вы туда доберетесь, — ответил профессор, поправляя пенсне, которое, как показалось Веронике, сползло на кончик носа под тяжестью облепивших его комаров, — комаров не станет. Будут морозы. Что заставило вас столь поздно отправиться в путь?

— Мы рассчитывали попасть сюда в конце июля. А вы?

— Цель моего путешествия лежит не столь далеко от Новопятницка. К тому же меня будут сопровождать люди, живущие здесь постоянно. Я рассчитываю на их поддержку, ибо знаю их по университету.

— Они здесь в экспедиции?

— Они здесь не по своей воле, — вздохнул профессор.

Девушка кивнула, показывая тем, что поняла намек профессора, и, чтобы утешить его, сказала:

— Австралию также создали каторжники. И среди них были энергичные люди. Но я бы не решилась идти с такими людьми в глубь леса.

Профессор ничего не ответил.

Почувствовав, что сказала нечто неправильное, и мысленно укорив себя за то, что в очередной раз пыталась судить вслух о русских порядках, непонятных цивилизованному человеку, Вероника сменила тему разговора.

— А вам приходилось когда-нибудь находить болиды? — спросила она.

— Небесные камни, — ответил профессор, осторожно спускаясь с обрыва, — обычные гости с неба. Некоторые из них достигали гигантских размеров. Известный кратер в Аризоне, достигающий нескольких миль в поперечнике, был создан подобным небесным телом.

— Возможно, они представляют опасность для людей? Что если такой большой болид упадет на город?

— К счастью, болид, который я разыскиваю, — сказал профессор, — упал в совершенно ненаселенной местности. Единственно, кого он мог убить, — медведя.

— Их здесь много? — спросила девушка, невольно поглядев на подступающие к обрыву лиственницы.

Когда они вернулись к пароходу, Дугласа на берегу не было. Не выдержав комариных укусов, он ушел в каюту, раскурил трубку и напустил столько дыма, что тот выползал из-под двери каюты, словно там начался пожар.

Вечером, вспоминая о дневном приключении, Вероника поехала.

— Отступать поздно, — сказала она. — Однако вы, Дуглас, свободны покинуть меня в любой момент. И я останусь бесконечно благодарна вам за все, что вы для меня сделали. Я убеждена, что никогда бы не добралась до этих мест, если бы не ваше внимание и забота.

— Пустое, — сказал Дуглас. — К тому же, покинув вас сейчас, я потеряю контракт с «Дейли мейл», которой я обещал посылать корреспонденции. Я не настолько богат, моя дорогая.

— Не знаю, чем отплатить вам за вашу доброту.

— Став моей женой, вы отплатите мне сполна, — ответил Дуглас. — Хотя, признаюсь, трудности, встающие впереди, таковы, что я не уверен, смогу ли я дойти с вами до венца.

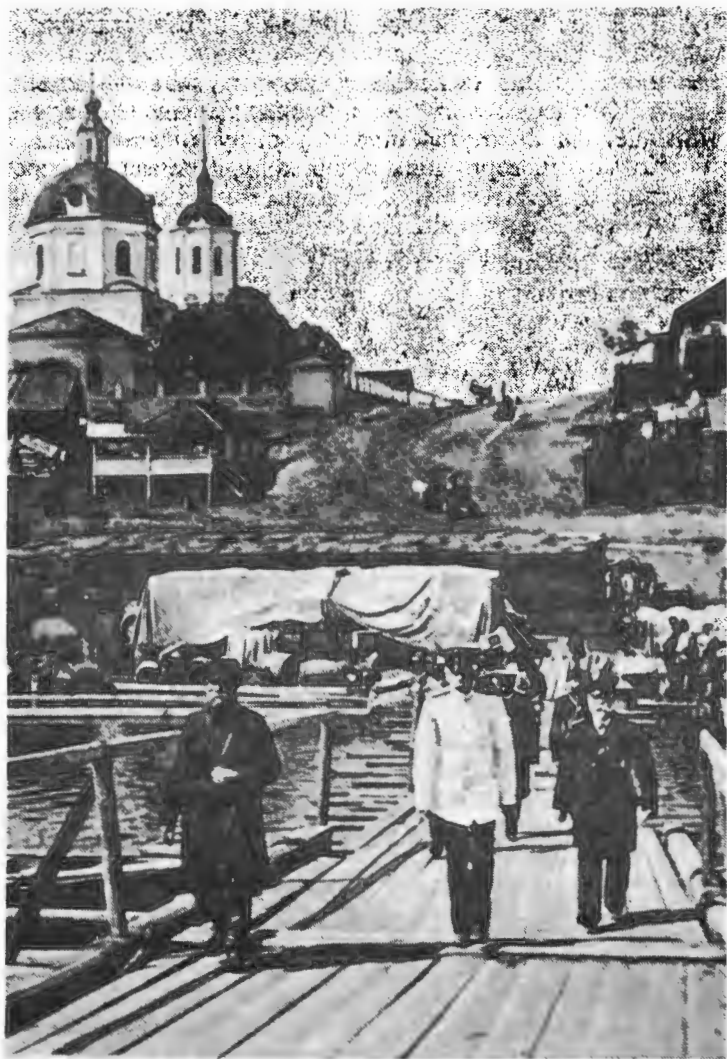
— Как вы смеете так говорить, мой друг! — воскликнула девушка. — Ведь мы с вами не среди людоедов.

— Сегодня я наблюдал миллионы людоедов, более страшных, чем дикари с острова Фиджи, — печально улыбнулся Дуглас. — К тому же ваш отец был лучше подготовлен для путешествий в этих ледяных пустынях, нежели вы, Вероника. И тем не менее...

— Не говорите так, — вздохнула девушка. — Я не теряю надежды.

— Я тоже, — сказал Дуглас и положил руку на колено Вероники.

Вероника нежно накрыла длинными пальцами его руку, желая передать молодому человеку благодарность, которую она испытывала к нему за его самоотверженность.

Пристань в Новопятницке

Однако Дуглас ложно истолковал жест мисс Смит. Пальцы его, словно получив поощрение, сильно впились в колено девушки.

— Простите, мне больно, — сказала Вероника, стараясь отвести колено в сторону. Но Дуглас не отпускал его.

— Мне нужна лишь одна награда, — сказал он сильным голосом. — Ваша любовь, дорогая.

— Я к вам отношусь наилучшим образом, — ответила девушка дрогнувшим голосом. — И постараюсь вознаградить вас по окончании путешествия любым приемлемым для вас способом. И если вы захотите получить мою руку, я готова.

— Я не знаю, что будет через год, — сказал Дуглас. — Но неужели вы не видите, что моему терпению приходит конец? Месяц за месяцем я провожу рядом с вами, ощущая ваши взоры, запах ваших волос, видя линию ваших бедер...

— Мистер Робертсон! — прервала молодого человека Вероника, пытаясь вскочить с койки. — Не думаете ли вы, что нам надо попросить чаю? Будьте любезны позвать Пегги...

Но договорить она не успела, потому что Дуглас закрыл ей рот страстным поцелуем.

— О нет! — пыталась сопротивляться девушка. Она отталкивала его жаждущие руки, которые безжалостно рвали ее одежду, отворачивала лицо от его поцелуев.

— Я закричу! — шептала она.

— Кричите, — отвечал Дуглас громким шепотом. — Сюда прибегут русские, и вы будете опозорены.

— Как вам не стыдно!

— Во мне проснулся зверь.

— Это не зверь, а грязное животное, — возразила девушка, и тут она поняла, что ее нежная упругая грудь, которой после Милоша Куцки не касался ни один мужчина, обнажена и дрожащие жаркие пальцы Дугласа грубо ласкают ее.

— О нет! — застонала Вероника, лихорадочно обдумывая проблему, звать ли на помощь и таким образом сохранить честь, но погубить экспедицию или пойти на жертву ради спасения экспедиции. Пока что она сопротивлялась молча, потому что не теряла

надежды вразумить Дугласа либо отразить его нападение. В каюте было полутемно, фитиль керосинового фонаря коптил, внизу, будто под самой головой, равномерно ухала паровая машина, и Веронике вдруг показалось, что все это происходит не с ней, а лишь в ее воображении, на страницах романа Мопассана «Жизнь», прочитанного в транссибирском экспрессе. О Господи, мысленно молила Вероника, пришли в каюту Пегги или профессора Мюллера, который обещал принести вечером книгу...

Но никто не шел к ней на помощь.

Причину тому нетрудно усмотреть в тонкости переборки парохода и относительной тишине, которая воцарилась на нем поздним вечером. Страстные вздохи Дугласа, шепот и мольбы девушки проникали через переборки и даже вырывались на палубу. И если Дугласу и Веронике казалось, что они замкнуты в некоем тесном пространстве, а остальной мир не ведает о той драме, что разыгрывается в каюте, на самом деле остальной мир прекрасно понимал, что за драма происходит рядом с ним, однако трактовал ее не как борьбу девушки за свою честь, а как развлечение иностранцев, утоляющих таким образом свою похоть.

Профессор Мюллер, чья каюта была отделена от каюты Вероники лишь фанерной переборкой, как раз собрался отойти ко сну. Страсти за перегородкой настолько смутили его, что он натянул ночной колпак на уши, а когда и это не помогло, заткнул уши ватой и, сидя на койке, в ужасе смотрел на то, как вздрагивает переборка, когда ее задевают колени или локти англичан, и более всего опасался, что переборка рухнет и тогда ему придется стать свидетелем интимного зрелища.

Стараясь прикрыть от поползновений Дугласа все более обнажаемое тело, Вероника отдавала себе отчет в том, что ее положение с каждой секундой становится все более безнадежным. Наконец она поняла, что придется кричать, но Дуглас настойчиво шептал ей в ухо:

- Не кричите, не надо, уже поздно, уже поздно...
- Нет! — закричала Вероника.

И в этот момент из коридора донесся громкий, возмущенный голос рыботорговца Алачагына, который не смог больше выносить страстных звуков из английской каюты:

— Перестань, понимаешь! У меня семья в каюте, дети, жена. Распустились! Такой вещи надо тихо делать, кричать зачем?

— Что он? Что он кричит? — испугалась мисс Смит, готовая выброситься за борт. В отчаянии она укусила жениха за ухо, тот отпрянул и крикнул по-английски, обращаясь к невидимому рыботорговцу:

— Идите к черту!

И за окном кто-то громко засмеялся, подтвердив этим, насколько тонки стены на ленском пароходе.

Мисс Смит, свалив Дугласа на пол, зарыдала, и профессор Мюллер услышал рыдания заткнутыми ватой ушами и сам готов был заплакать, потому что в нем поднялось сострадание к девушке, а жена Алачагына закричала на мужа по-армянски, упрекая за невоспитанность. Капитан парохода Селиванов, который слышал далеко не все, ибо стоял на мостике, дал длинный гудок, минуты на три, в котором утопил слезы Вероники, голоса на палубе и шаги ретиrowавшегося к себе в каюту мистера Робертсона.

* * *

Новопятницкое считалось деревней, потом, когда при государе императоре Александре II там построили церковь, оно стало селом. А городом ему не стать бы еще долго, если бы не радения Ефрема Колоколова. Ефрему мечталось стать почетным гражданином. Но стать таковым можно было только в своем городе. Сколько усилий, расходов, времени потребовалось ему, чтобы превратить Новопятницкое в город, немыслимо представить. Указ последовал лишь 7 января 1911 года. Село Новопятницкое Якутской губернии было объявлено городом. Тем же летом Ефрем Колоколов стал в нем первым и единственным почетным гражданином.

К тому времени, когда пароход «Св. Сергей Радонежский» показался из-за Покойного острова и загу-

дел, завидя сбегающий по откосу к Лене Новопятницк, весь город уже собрался на пристани.

Не было только Ефрема Колоколова.

Пароход оживленно шлепал по воде лопастями колес, сворачивая к пристани. Толпа подалась вперед.

Тогда появились первые признаки скорого приезда Ефрема Ионыча. На склоне остановилась телега. Митька Косой стащил с нее холстину, Ахметка с Молчуном поднатужились, свалили через бок тяжеленный рулон ковровой дорожки и принялись катить его под откос по грязи. Ковра точно хватило как раз до пристани.

Когда пароход, снова загудев, начал пыхтеть и принаравливаться к швартовке, сверху пестрой толпой сбежали цыгане. Те самые, которых еще осенью Ефрем сманил из Якутска и которые всю зиму услаждали его слух. А когда магнату было недосуг, подрабатывали в ресторане «Золотой Урулган», который также принадлежал почетному гражданину Колоколову.

Расталкивая горожан и ссыльных, цыгане нагло пробились к самой воде и тут же затянули песню.

Матросы побежали вдоль борта. По пристани, расталкивая любопытных, застучал деревяшкой инвалид Платоныч, поймал конец с петлей, закинул на тумбу и начал закручивать. Быстрое течение разворачивало пароход, капитан Селиванов заорал с мостика, чтобы крепили второй конец. Машина отработывала назад, черный дым повалил до самого неба.

Поднялся галдеж, люди на пристани узнавали знакомых, перекликались с ними, громко пели цыгане. За этим шумом был упущен момент появления Ефрема Колоколова, всегда исполненный смысла для горожан и необыкновенный для некоторых из приезжих.

Ефрем Ионыч подъехал к пристани в красном авто марки «мерседес-бенц», запряженном парой белых коней под синими с золотом попонами.

Пароход окончательно пришвартовался именно в тот момент, когда кучер, привстав на переднем сиденье авто, натянул вожжи и остановил горячих коней. Ахметка и Митька Косой одновременно успели к машине и распахнули ее блестящую дверцу. Почетный

гражданин Ефрем Ионыч ступил на ковровую дорожку, и тут же цыгане, завидев его, грянули величальную.

Столь странное и эффектное появление Колоколова объяснялось не сумасшедшими чудачествами, какими общество и молва награждают богатых сибирских золотопромышленников, а двумя ошибками Колоколова. Позапрошлым летом он выписал из Германии авто, полагая поднять тем престиж своего города. Но ошибся. К появлению авто единственную достойную такого названия улицу — Николаевскую не успели замостить, а о прочих дорогах и речи быть не могло. Осмотрев немецкий самоходный экипаж, Колоколов понял, что переоценил его способности и пройдет немало лет, прежде чем он сможет разъезжать на авто по окрестностям. Вторая и тоже понятная ошибка Колоколова таилась в том, что он запас для будущего экипажа несколько бочек хорошего керосина, а обнаружилось, что керосин для авто не годится — нужен бензин, которого даже в Якутске не водилось.

Экипаж оказался удобным и красивым, перепродать его было некому, а держать в сарае до лучших времен неразумно. Так что Колоколов оставил его себе для торжественных конных выездов по Николаевской улице.

Колоколов ступил на ковровую дорожку и пошел к пристани. За ним шел его сын Костя.

Народ на пристани смолк.

Колоколов шел не спеша. Остановился возле городских чинов, что стояли чуть повыше, не смешиваясь с толпой, некоторым пожал руку.

И хоть Ефрем Ионыч был родом из местных старообрядцев, носил бороду, не брезговал появиться на людях в поддевке, внутри он был совсем иным человеком — современным, деловым, грамотным, в меру прижимистым, тихим и вежливым в обращении.

Сына своего Костю, что следовал за ним послушно, он держал в строгости. Отправил его сначала в гимназию в Якутск, затем в Петербургский университет, но через год, узнав, что сын ведет себя скромно, не пожалел денег и послал Костю в Великобританию продолжать образование в Оксфорде. В Оксфорде Костя не преуспел, потому что ему плохо давался

английский язык, да и соблазнов было много. Поэтому через два года он был возвращен отцом для помощи в делах, привез много галстуков и шелковых сорочек, а также гонорею, от которой вылечился у ссыльного доктора Шмотоваленко.

Вернувшись в Новопятницк, Костя тосковал по столичной и европейской жизни, втихомолку пил с приказчиками и полагал, что его жизнь погублена, однако не имел силы противиться отцовской воле. Он вел деловую переписку и писал стихи в подражание Надсону, что не вязалось с его могучим обликом, золотыми кудрями и розовым лицом.

Филимонов, будущий городской голова, присоединился к семье Колоколовых, потом за ними увязался пристав. Так они и прошествовали, оживленно беседуя, до самых сходов.

И остановились.

Палубные пассажиры толпились у борта, ожидая, пока сойдут пассажиры каютные.

Первым вышел профессор Мюллер. Федор Францевич был поражен оживлением, царившим на пристани, и считал это знаком уважения к его скромной, но международно известной персоне. Он поклонился толпе, но тут же по пустым, не узнающим взорам господина Колоколова и сопровождавших его персон понял, что торжественная встреча к нему не имеет отношения. Растерянность профессора продолжалась недолго, потому что он услышал справа приветственные возгласы, исходившие от небольшой кучки небогато одетых людей, среди которых, к своему облегчению, узнал своего бывшего студента Андрея Святославовича Нехорошева. Нехорошев кинулся к профессору и нечаянно толкнул Колоколова, который холодно наблюдал за тем, как ссыльные окружили толстого низенького мужчину в котелке и пенсне, отнимают у него саквояж, перехватывают у матроса, шедшего следом, большой и тяжелый ящик.

— Кто такой? — спросил Колоколов у Филимонова. — Почему не знаю?

— Профессор из Петербурга, — сказал за Филимонова пристав.

— Опять бабочек ловить? — ухмыльнулся Колоколов.

Он намекал на позапрошлогодного профессора, что добирался до Новопятницка в поисках каких-то букашек, чуть не утонул в Лене и был бит по пьяному делу Ахметкой, после чего убрался со своим сачком восвояси.

— Нет, — сказал пристав. — Он едет искать болид.

— Кого? — Колоколов обернулся к сыну.

— Падающую звезду, метеорит, — ответил Колоколов-младший. — Который весной за Урулганом упал.

— Зачем?

— Отец, — сказал с некоторой обидой Костя, — я же в июле просился у вас — пустите меня посмотреть. Могла быть всемирная слава.

— Чепуха! — сказал Колоколов-старший. — Только деньги тратить. Помню, помню, — он предвосхитил возражения сына. — Ты же говорил, что эти... болиды, возможно, бывают из червонного золота. Как же!

— Мы могли прославиться, — упрямо повторил Костя.

— Дурак! — Отец смотрел на пароход, ожидая появления важных гостей. — Я же тунгусам велел посмотреть. Там только тайга паленая, ничего нету.

С парохода сошел торговец Алачачян со своей семьей и миссионер из Камчатского братства, к которому сразу поспешил отец Пантелеймон, извещенный о его приезде. Потом хлынула толпа палубных.

— Эй! — крикнул Колоколов капитану Селиванову, что стоял на крыше парохода у своей рулевой будки. — Селиванов, ты англичан-то не утопил?

— Сейчас придут, — сказал Селиванов. — Куда им деваться, Ефрем Ионыч?

Селиванов был расстроен ночными событиями в каюте мисс Смит. Он относился к меньшинству пароходного населения, которое искренне сочувствовало английской девице, и его расстройство усугублялось тем, что Селиванов, не ведая английских обычаев и правил, не знал, как вести себя утром. Он не стал здороваться с Дугласом, когда тот вышел к завтраку, и старался не смотреть на несчастную девушку, темные крути под глазами которой и распухшие от слез веки

лучше всяких слов рассказывали об унижении, которому она подверглась...

На пристани появились иностранцы, о которых было еще на той неделе сообщено из Якутска телеграфом.

Первым вышел мистер Дуглас Робертсон, который приостановился на палубе, оглядывая толпу, затем последовала прелестная грустная девушка с бледным напудренным лицом. Наконец вышли слуги англичан — маленький худой китаец Лю и пышногрудая смуглая Пегги. Лю нес футляр с удочками и зонтом Дугласа, Пегги — две круглые коробки с шляпами мисс Смит.

Цыгане еще громче грянули величальную.

Колоколов подошел к самым сходням и сделал знак сыну.

Костя Колоколов замялся, забыл приготовленные слова, потому что образ англичанки поразил его в самое сердце. Даже в Лондоне ему не приходилось видеть подобной нежной и типично английской красоты.

— Говори! — услышал он рассерженный голос отца.

И, не отрывая взгляда от девушки, Костя Колоколов произнес по-английски приветствие, заученное вчера с помощью Ниночки Черниковой.

— Добро пожаловать в наш отдаленный уголок Российской империи! Разрешите представить вам моего отца, негоцианта, почетного гражданина этого города, который вышел на берег для того, чтобы оказать вам гостеприимство.

— Вы говорите по-английски? — удивилась Вероника. — Это невероятно.

Колоколов-старший потряс ей руку, поздоровался с Дугласом, а затем отступил в сторону, чтобы с англичанами могли поздороваться городские власти.

— Ты переводи, переводи, — сказал он сыну, но тот замолчал. Он договорился с Ниночкой Черниковой, что после первых заученных заранее фраз он уступит ей место. Но Ниночка куда-то, как всегда, запропастилась.

— Минутку, отец, — сказал Костя и кинулся искать в толпе Ниночку. Он отыскал ее среди ссыльных,

окруживших профессора, и за руку поволок к англичанам.

Когда они поднимались по откосу, Дуглас смотрел по сторонам, разглядывая цыган и местных зевак, потом поглядел себе под ноги и спросил Колоколова-младшего:

— Здесь принято класть ковры на землю?

— Нет, — сказал Колоколов, глядя на профиль Вероники Смит. — Это для вас.

— Мы тронуты, — сказал Дуглас.

А Вероника увидела авто, запряженное белыми конями, и воскликнула:

— Это удивительнее Великой китайской стены!

* * *

Профессора Мюллера разместили в гостинице «Лена» — двухэтажном каменном здании, построенном недавно на главной площади радением Колоколова. На первом этаже ее помещался ресторан, где порой пели цыгане, а на втором — шесть номеров для приезжих.

Федор Францевич лишь успел разложить вещи, как его потащили в дом к Черникову, где его ждали к обеду.

Домик Черниковых невелик, гостиной в нем не водится, так что все сразу прошли в столовую. Мария Павловна, жена Черникова, еще не старая, кругленькая, добрая якутка, суетилась у стола, накрывала его, стараясь не мешать умным разговорам.

Сам Семен Натанович Черников, поглаживая нервными пальцами широкую с проседью бороду, сидел во главе стола и критическим взглядом оценивал усилия своей супруги. По правую руку от него сидел его закадычный друг отец Пантелеймон, неумно любознательный и крайне веселый человек. И были они с Черниковым схожи — манерами, вальяжностью, бородами, но Черников был втрое меньше отца Пантелеймона, зато втрое говорливей и бурливей. По левую руку от хозяина посадили петербургского профессора, а рядом с ним уселся Андрюша Нехорошев, бывший мюллеровский студент, худой, носатый, неловкий, влюбленно глядевший на профессора, кото-

Семен Натанович Черников

рому поклонялся в университете и появление которого в Новопятницке было для Андрюши подобно явлению божества, и к этому явлению Андрюша готовился с весны, как только узнал, что, получив сообщение Андрюши о падении метеорита за Урулганским хребтом, Мюллер изъявил желание собственноручно отыскать и изучить небесный камень.

Сведения о падении болида, случившемся в марте, проникли в газеты всего мира. Писалось о небесном свечении, об устрашающем грохоте, якобы долетевшем до Хабаровска. Истина смешивалась со слухами, куда более красочными в Вене или Брюсселе, нежели, скажем, в Новопятницке, откуда по карте до Урулгана рукой подать, а на самом деле так далеко, что за полгода никто в те места не добрался, не считая тунгусов, которых посылал колоколовский приказчик и которые ничего, кроме поваленного леса и пожарища, не отыскивали, хотя, возможно, опасаясь злых духов тайги, и не очень старались.

Помимо перечисленных лиц, за столом собрались еще несколько ссыльных, а также учитель словесности из церковноприходского училища и томный, скучный телеграфист Барыкин. Конечно же, всем хотелось узнать петербургские новости, покопаться в журналах, что привез с собой профессор, услышать о событиях на Балканах и об открытии Южного полюса, о том, что нового написал Леонид Андреев, — и глухой провинции всегда есть думающие люди, которые живут интересами нации и всего просвещенного мира.

Но все терпели. Послушно отвечали профессору о метеорите и возможности путешествия за Урулган.

— Если Колоколов не поможет, людей не достать, — говорил отец Пантелеймон.

Он водил пальцем по карте низовьев Лены, привезенной профессором из столицы.

— Тунгусы сейчас съезжаются в Булун, там начинается ярмарка и дележ рыболовных тоней, — пояснил Барыкин.

— Что такое Булун? — спросил Мюллер.

— Это последнее поселение в низовьях Лены, — сказал Андрюша. — Я там был в прошлом году с землемерами.

— Мне знакомо это наименование, — сказал профессор.

— Без сомнения, — пояснил Черников. — В свое время о нем писали в Европе. В семидесятых годах прошлого века корабль «Жаннета» капитана де Лонга был раздавлен льдами севернее устья Лены, и его команда пошла по льдам на юг.

— Помню, помню, — поднял руку профессор, который предпочитал говорить сам. — Они не дошли до Булуна несколько миль и сгинули в снегах.

— Боцман и несколько матросов добрались до Булуна, — с удовольствием поправил гостя Семен Натанович, который тоже любил говорить сам.

— И что там? — спросил Мюллер.

— Там стойбище тунгусов и несколько изб — в них живут казаки. Там есть изба полицейского начальника.

— Крупный культурный пункт наших мест, — сказал иронично телеграфист Барыкин.

Мария Павловна внесла большую деревянную миску с пельменями.

— Отведайте, — сказала она, — отведайте, батюшка.

Ей в жизни еще не приходилось видеть настоящего профессора.

Младшие дети Черниковых — четверо, все одинаковые, скуластые, с прямыми черными волосами — в мать, глазастые, носатые — в отца, выглядывали из-за двери, сопели от волнения.

Мария Павловна положила пельменей Мюллеру и полила их сметаной.

— Лучших пельменей вы от Северного полюса до Иркутска не отведаете, — сказал гостю отец Пантелеймон.

— Да-да, это великолепно, — согласился Мюллер. — Скажите, а отправится ли кто-нибудь на ярмарку из Новопятницка?

— Колоколов собирался, — сказал Андрюша.

— Две баржи с товаром, — отец Пантелеймон загибал пальцы, — нет, три. «Иона» потащит.

— У Колоколова есть мощный буксир «Иона», — пояснил Андрюша.

Ефрем Ионович Колоколов

— В честь ихнего батюшки назван, — сказал учитель.

— Можно ли нам рассчитывать на место на барже? — спросил Мюллер.

— Нравятся пельмени? — спросила Мария Павловна, удрученная тем, что высокий гость все еще их не попробовал.

Черников разливал водку из стеклянного графина.

— С приездом, — сказал он. — Со знакомством.

Хлопнула дверь. Вбежала Ниночка Черникова. За ней боком, почти упираясь в притолоку, вторгся неловкий Костя Колоколов.

— Пельмени еще не съели? — спросила Ниночка с порога.

— Неужто тебя у Ефрема Ионовича не покормили? — удивилась Мария Павловна.

— Разве там пища? Костя, подтвердите, разве там пища? — Ниночка была возбуждена, покраснелась и была так хороша, что даже Мюллер, равнодушный к женским прелестям, залюбовался ее экзотической красотой.

Как и ее младшие братишки, она унаследовала от матери высокие скулы, брови вразлет и густые волосы цвета воронова крыла, а от отца громадные карие глаза, высокий в переносице, тонкий с горбинкой нос и полные яркие губы.

— Отец привез из Якутска повара, — сообщил, смущаясь, Костя. — Теперь питается по системе доктора Лёграна. Вегетарианская пища и долголетие.

Костя говорил серьезно, и непонятно было, осуждает ли он отца либо преклоняется перед его передовыми взглядами.

— Вареная морковь под молочным соусом! С ума сойти! — сказала Нина, занимая место за столом, из-за него телеграфист Барыкин вынужден был отодвинуться в угол.

— Как же басурманы? — засмеялся отец Пантелеймон. — Им же бифштекс с кровью подавай.

— Ели морковь, а Ефрем Ионыч читал им лекцию о пользе натуральных продуктов, — сказала Ниночка, засаживая на вилку сразу два пельменя.

— Глупо, — впервые заговорил Васильев, из ссыль-

ных эсдеков. — В руках торговцев накапливаются колоссальные средства, а они по серости своей не знают, во что их употребить.

— Ошибаетесь, голубчик, — возразил Черников. — Это Иона Колоколов не знал, как употребить, в кубышку складывал. А наш уважаемый почетный гражданин не лишен выдумки и предприимчивости. Он впитывает современные веяния, порой варварски, но впитывает. Прости, Костя.

— А я не обижаясь, — сказал Костя. — Я даже иногда преклоняюсь перед ним.

— Твоя беда, Костик, — сказала Ниночка, — в том, что ты слабовольный. Ты — диалектическое отрицание собственного родителя.

— Он у нас, как русский народ, — сказал отец Пантелеймон профессору, который мало прислушивался к разговору, продолжая рассматривать карту, придавленную миской с пельменями. — Терпелив к властям предержащим.

— Я его перевоспитаю, — засмеялась Ниночка, положив ладошку на плечо Косте, и тот зарделся, потому что до сегодняшнего дня полагал Ниночку единственным близким себе существом в проклятом городишке, а уютный добрый дом Черниковых был ему куда роднее отеческого. И когда два часа назад он влюбился в англичанку, то тут же согнулся под чувством глубокой вины и невозможности что-то изменить в своей жизни.

Мария Павловна принесла еще миску пельменей погорячее, специально для Костика.

— Прекрасным иудейкам, — загудел отец Пантелеймон, — свойственно в силу ихнего характера распоряжаться мужскими судьбами. Однако Библия учит, что редко это приводило к добру.

Все засмеялись.

Семен Натанович не засмеялся — его беспокоили отношения между его дочерью и купеческим сыном. Сам он был лишен сословных и прочих предрассудков, но знал, как важны они для других. Костя был образован, мягок, но неудачник, прирожденный неудачник, который всю жизнь будет позволять иным людям управлять собственной судьбой. А когда рядом

ссть отец — человек волевой и спесивый, уверенный в своем праве крутить сыном, как того пожелает, то будущее Ниночки, как ни странно, весьма похожей по властности характера на старшего Колоколова, пугало старого террориста.

Семен Натанович вздохнул, поискал глазами Марию Павловну и знаком велел ей принести еще водки.

Черников потерял счет годам, проведенным в Сибири. Попал он туда в 1879 году, по процессу девятности шести, еще молоденьким, наивным народольцем, бежал, участвовал в нескольких дерзких акциях, скитался по явкам, бедствовал, спорил в прокуренных комнатах, готовил бомбы, рыл подкопы — было это все одним быстротекущим сном, от которого в памяти остались лишь ненужные частности. В 1882-м он был пойман окончательно, приговорен к смерти, помилован, получил двадцать лет каторги и лишь через десять лет вышел на поселение в Новопятницком — тогда еще деревне и пристани на Лене. И оказалось, что дело, которому он служил, изменилось уже настолько, что и ты ему не нужен, и оно тебе неинтересно. Юношеская энергия и самопожертвованность голодного юноши из Белостока сгорели на каторге — хорошо еще, что сохранилось здоровье. Это не означает, что Семен Натанович изменил своим взглядам или морально опустился. Но он устал и не желал убегать тайгой в Париж, метать бомбы в кареты губернаторов или устраивать голодовки в централь.

В Семене Натановиче проснулся наследственный портняжный талант. Он осел в Новопятницком, там же женился на низенькой разбитной якутской сироте, что сбежала из миссионерского приюта. Родилась Ниночка, и он по настоянию Марии Павловны крестил дочь. Как и остальных своих детей. Был он честен, гостеприимен, начитан и верил в прогресс. Дом его стал центром культурной жизни села. Своим бескорыстием, умением тихо и ненавязчиво помочь любому, обогреть и улыбнуться Семен Натанович вызывал участие многих в Новопятнице. А в Новопятнице обитали разные люди. И всем казалось, что жил он там всегда. И даже железная вывеска с нарисованным на ней масляными красками франтом в котелке и

смокинге под надписью «С. Черников. Мужской портной из Варшавы», приколотая у ворот, совсем облезла от старости. Черников не менял ее. По преданию, она была написана самим князем Кропоткиным.

Ниночку сначала учили дома. Недостатка в ссыльных учителях не было. Девочка проявила удивительные склонности к языкам и выучила их более дюжины. К тому же неплохо музицировала, для чего Черников написал для нее скрипку. Когда Ниночка подросла, Семен Натанович отправил ее к родственникам в Белосток, где она поступила в частную гимназию.

Он понимал, что Новопятницк не место для интеллигентной девушки, которой надо найти свою судьбу. Он надеялся, хоть и тосковал по дочери, что она останется в Белостоке, у тети. Но Ниночка была дочерью известного террориста Семена Черникова, и хоть мало кто подозревал, что бывший боевик жив и обитает в Новопятницке, рассказы о его похождениях до сих пор бытовали среди революционеров. О нем писали Степняк-Кравчинский и сама Вера Фигнер. Ниночке не исполнилось еще шестнадцати лет, как ее позвали на сходку, а потом она оказалась в группе молодых людей, которые готовили акцию в Варшаве. Ниночка горела желанием освободить народ от притеснения царских сатрапов, даже если за это надо заплатить собственной жизнью.

Погибнуть ей не удалось, потому что ее тетя обо всем прознала и принялась писать тревожные письма брату. Ротмистр Польшаев, по долгу службы перлюстрировавший переписку ссыльных, был в курсе проблем семьи Черниковых. И когда он пришел к Семену Натановичу заказать новую шинель, то открыл ему свои подозрения, так как не хотел причинять горя единственному в Новопятницке портному. Да и знакомы они были уже более десяти лет. И никто не знает наверное, как случилось, что Ниночку арестовали за день до того, как она должна была ехать в Варшаву, чтобы убить там полицмейстера, и административным порядком выслали в Сибирь под надзор родителей. Ниночку допрашивали, но она, конечно же, никого не выдала. А ее товарищи, приехав в Варшаву

с бомбами, акцию провести не смогли, потому что сатрап уехал на отдых в Гурзуф.

Так что начиная с 1910 года в семье Черниковых было два политических ссыльных.

Понимание характера своей дочери, ее тоски по бурной революционной жизни, ее стремления к знанию, к людям тревожило старого портного. Ниночке шел девятнадцатый год, она расцвела, как экзотический цветок, в этом сером тусклом краю, и неизбежно было, что она потянется к Косте Колоколову, который принес с собой из Лондона европейский лоск, европейскую печаль и такую же тоску по иному миру. Но Костя был всегда готов, тоскуя и страдая, подчиняться сильному характеру, а Ниночка никому и ни за что подчиняться не намеревалась и планировала дерзкий побег в Америку для того, чтобы там снова окунуться в кипящее море революции. Семен Натанович подозревал, что в ее увлечении Костей Колоколовым была не только ностальгия, не только стремление к близкому тебе по духу человеку, но и желание использовать его для того, чтобы вырваться из ленского болота. Эти планы, хоть и не высказанные и, может, даже не продуманные до конца, ужасали Черникова. Он понимал, что старый Колоколов никогда не допустит этого. Скорее убьет и своего сына, и его невесту. Колоколов был спесив и тщеславен, а его сын был наследником империи, в которую входили смолокурни, раскиданные по берегам Лены, прииски у Вилуйска, рыбные тони в дельте, фабрики, снабжавшие тунгусов патронами и водкой и скупавшие у них песцовые и собольи шкурки, и небольшой город Новопятницк.

Когда Семен Натанович увидел, как Ниночка, словно ей это было дозволено, положила тонкие пальчики на плечо Кости Колоколова, он вздрогнул от предчувствия беды, а отец Пантелеймон, который все видел и все понимал, сокрушенно покачал головой. Он был внутренне согласен с портным, но, как и его друг, не знал, каким образом отвести от девушки беду.

Костя Колоколов

— Как вам показались англичане? — спросил телеграфист Барыкин у Ниночки.

— Самые обыкновенные англичане. — ответила Ниночка. — Костя таких, наверное, видел миллионнами, правда, Костя?

— Видел, — согласился Костя и чуть-чуть повел плечом, освобождая его от Ниночкиных пальцев. Это движение, не замеченное Ниночкой, не укрылось от отцовского взгляда Семена Натановича, и он еще более опечалился.

— Правда, у Вероники неплохой голосок, — сказала Нина. — Она пела.

— Пела? — удивился отец Пантелеймон. — А я полагал по темноте моей, что английские лорды и леди при народе не поют.

— Какая она леди! — воскликнула Ниночка, принимаясь за вторую тарелку пельменей. — Она зарабатывает в кафешантанах. Подтверди, Костя.

— Я не знаю про кафешантаны, — возразил Костя. — Об этом она не говорила. Но сказала, что выступает с концертами.

— Она, разумеется, не говорила, — сказала Ниночка, — но это подразумевалось само собой. С таким голосом дальше не пойдешь.

— А эс жених? — спросил Барыкин.

— Жених ее — странная личность. Вроде бы журналист. А может, просто светский хлыщ. Он мне тоже не понравился.

— Он журналист, — сказал Костя. — Он здесь по поручению газеты «Дейли мейл». Это очень влиятельная газета.

— Невысокого пошиба, — добавила Ниночка.

— Значит, они тебе не понравились? — спросил отец Пантелеймон.

— Я этого не сказала.

— Меня же, — сказал телеграфист Барыкин, — растрогал образ молодой женщины, которая бросает светские удовольствия и прелести лондонской жизни ради спасения собственного отца.

— Она попросту не представляла, что ее здесь ждет, — сказала Ниночка.

— Ну уж не к дикарям приехала, — сказал эсдек Васильев. — Дальше Булуна ей и ехать не нужно. Комары только кусают, вот и все испытания.

— Они расспрашивали отца, — сказал Костя, — про того тунгуса, который труп нашел и письмо принес.

— Чай подавать? — спросила Мария Павловна.

Андрюша тут же поднялся и пошел с ней в сени, чтобы принести самовар.

Костя сидел печальный. Он рад был уйти, но не знал, как это обставить, чтобы не быть смешным. Ему вдруг показалось, что мисс Вероника может неожиданно уехать и он никогда ее не увидит.

— Матрос погиб примерно в ста верстах от устья Лены, — сказал отец Пантелеймон.

— Я пойду, — сказал Костя. — Отец будет гневаться.

— Никто тебя не ждет, — сказала Ниночка раздраженно. — Кому ты нужен? Твой отец вьется вокруг иностранки. Видите ли, настоящая иностранка в наших краях! Словно у нее ноги иначе устроены.

— Деточка! — попытался остановить дочь Семен Натович. — Последи за своим языком.

— Мне уже скоро девятнадцать лет, — сказала Ниночка, — и все время я слышу одно и то же — осторожнее, осмотрительнее!

— В вашем возрасте и в самом деле лучше быть осмотрительнее, — сказал отец Пантелеймон.

— Ах вы, со своей лживой проповедью смирения! — отгрызнулась Ниночка, которая, разумеется, была последовательной атеисткой.

Костя от чая отказался и раскланялся. Ниночка хотела было проводить его, но не пошла. Если ему хочется бежать к этой каланче — его дело.

А Косте в самом деле хотелось. Весь мир норовил угодить в соперники. И этот лохотный Дуглас, и даже отец. А почему бы и нет? Отец вдов, отец тщеславен, отец может вообразить себе, что у него есть шансы стать английским лордом. А какой сибирский купец

откажется стать английским лордом? Все у них есть, а английским лордом еще не пришлось побывать.

Костя несся домой, топая по лужам. Городок был оживлен — не каждый день приходит пароход.

А дома все было мирно. Гости отобедали и ушли отдыхать в отведенные им комнаты. Костя обнаружил лишь служанку Вероники по имени Пегги. Она сидела на кухне в окружении колоколовской челяди, пила чай, ничего не понимала, что ей говорили, но живо отвсчала, показывая жемчужные зубы.

Костю никто в доме не боялся. Кухарка, завидя, что он вернулся, попросила объяснить, о чем говорит эта черная девка. Пегги ожгла Костю черными глазами и стала говорить ему. Костя понял не все, но объяснил слугам, что Пегги родом из страны Цейлон в тропиках. Зовут ее вовсе не Пегги, а Пегги — это прозвище, данное молодой госпожой. Пегги не хочет ехать дальше, но поедет, потому что госпожа к ней добра, а мистер Смит ей все равно что родной отец. Может, Костя не все понял, но слушательницы были довольны. Второй слуга, китаец, сидел в углу, пил чай, с ним никто не говорил, а он и не навязывался. Что китаец, что кореец — одна семья, этим здесь не удивишь: на золотых приисках много работает корейцев, приезжают целыми артелями.

На втором этаже было тихо. Костя прошел, стараясь не скрипеть половицами, до двери в комнату Вероники. Оттуда доносились тихие голоса. Говорили по-английски и невнятно.

Костя ревновал к Дугласу и, подавленный, пошел в кабинет к отцу, который сидел за столом и крутил в пальцах ручку с золотым пером. При виде сына он сказал:

— Живем как варвары.

— Ты им поможешь? — спросил Костя.

— Безусловно, — сказал Колоколов. — Пускай весь мир знает, что мы всегда людям помогаем.

— Они к устью хотят?

— Дальше Булуна не уплывут.

Отец Колоколов поднялся из-за стола — большого красного дерева сооружения, на нем танцевать можно. Этот стол купил отец в Иркутске за сто пятьдесят

рублей и гордился им не меньше, чем роялем, что стоял в гостиной.

— Поет она, стерва, нежно, — сказал он. — Как, понравилась?

— Я не обратил внимания.

— Врешь. Обратил. Но я не возражаю. Ты лучше на нее обращай, чем на Нинку Черникову.

— Отец, не надо.

— Что, я не вижу, что ты к Черниковым частишь?

— У нас общие интересы.

— Знаю, какие интересы. По кустам обниматься. Дело твое, но жениться не позволю. Иди. — В дверях догнал сына строгим голосом: — Смотри, чтобы Нинка не забрюхатела.

— Отец!

— Я не о тебе пекусь. Семена Натаныча уважаю.

* * *

Мисс Смит вышла из своей комнаты уже к вечеру. Костя подстерегал ее в нижней гостиной, читал книгу Герберта Уэллса, привезенную из Лондона, потрепанную, совсем ветхую на первых двадцати страницах и почти новенькую к концу, что свидетельствовало о неудачных попытках молодого человека ее одолеть. Костя сидел на обитом бордовым бархатом диване под фикусом в большой кадке и был почти не виден от лестницы. По лестнице сбежала, шурша юбками, Вероника. За ней шел Дуглас Робертсон и тихо выговаривал ей, но делал это так по-английски, что Костя ничего не понял.

Гости, разговаривая, приближались к дивану, на котором он сидел, и Костя понял, что они его вот-вот увидят. Поэтому он поднялся, не выпуская книги, и попросил по-английски прощения за то, что оказался на пути гостей. Дуглас был недоволен, вытащил монокль и принялся рассматривать Костю, словно тот был экзотическим животным, хотя за обедом они сидели рядом.

— Ах! — воскликнула очаровательная Вероника. — Мы так виноваты, что потревожили ваше уединение. Вы же понимаете по-английски?

— Немного, — сказал Костя, краснея.

— Садитесь, — сказала Вероника, будто Дугласа не было рядом. — Я, с вашего разрешения, посижу вместе с вами. Что за книгу вы читаете?

Она тонкими пальцами взяла книгу из руки Кости, увидела имя автора и воскликнула:

— Герберт Уэллс! «Война миров»! Чудесный роман. А читали ли вы его произведение под названием «Первые люди на Луне»?

— Вероника, — сказал Дуглас, — мы должны нанести визит полицейскому комиссару. Он ждет нас.

— Сходите один, — сказала Вероника и уселась на диван.

— А как вы относитесь к Энтони Треллопу? — спросила она с улыбкой.

Костя в жизни не слышал такого имени и потому ничего не ответил, лишь глядел на девушку — воплощение европейской чистоты. От мисс Смит пахло тонкими духами. Дуглас произнес английское проклятие, которого Костя не понял, а Вероника не услышала, и покинул гостиную. Снаружи его ожидал приказчик, который отведет его к приставу, чтобы тот изучил бумаги и паспорта путешественников, потому что в этом и состоит его служба.

А Вероника и Костя начали разговаривать. Вероника специально подбирала простые выражения, чтобы Костя их понимал, а Костя от натуги вспомнил многие английские слова, которых с Оксфорда не вспоминал.

Вероника расспрашивала его об отце, об их деле, о реке Лене, о туземцах, а потом уговорила Костю повести ее на склад, где хранилась пушнина. Отца не было, он ушел по делам на пристань. Костя дал рубль Ахмету, который сидел в тот день на складе. Они прошли с англичанкой в низкий с маленькими зарешеченными окошками сарай. Шкур было не так много: зимние почти все уже вывезли, а летние меха не так хороши. Меха свисали гроздьями. Вероника гладила их, мурчала, как котенок, была уютная, ласковая. Костя оглянулся, не пошел ли за ними Ахметка. Ахметка не пошел. Костя наклонился к розовому ушку, что выглядывало из-под локона пепельных волос. От волос и уха пахло соблазнительно духами. Вероника

замерла, чувствуя приближение Костиных губ. Костя дотронулся горящими губами до уха, и девушка сказала тихо:

— Ах, вы меня испугали!

— Простите, — сказал Костя. — Я нечаянно.

От растерянности он произнес эти слова по-русски, но девушка поняла его правильно и совсем не рассердилась.

— Не надо этого делать, — сказала она тихо. И была в ее голосе и решительность, и беззащитность, и Костя понял, что отныне он посвятит свою жизнь, чтобы защищать и опекать эту несчастную девушку, благородное сердце которой привело ее в сумрачный сибирский край.

Пальцы молодых людей встретились — горячие пальцы Кости и прохладные пальцы Вероники. Костя дрожал и не мог двинуться с места.

— Эй, — позвал Ахметка, входя в сарай, — поглядели, и хватит. Хозяин придет, ругаться будет.

Вероника кинула еще один взгляд на Костю и сожгла его сердце.

Вечером, уже позже, когда Костя был на улице, Косой сказал ему, что матросы с «Радонежского» слышали, что эту английскую девицу ее кавалер ночью бесчестил и она кричала. Костя не поверил, не хотел поверить, но возненавидел холодного Дугласа.

* * *

Мистер Робертсон уже сносно говорил по-русски. Он начал изучать язык еще в Лондоне, решив сопровождать Веронику в дальний путь, и не терял ни одного дня в путешествии. Он не чурался разговоров с попутчиками в поездах и кондукторами, крестьянами и полицейскими чинами. Склонность к подражательству и настойчивость привели к тому, что Дуглас понимал все и мог выразить любую мысль, правда, произношение его оставалось настолько британским, что не каждый мог его понять. А Вероника, которая также изучала язык этой страны, произносила слова правильно, ибо была награждена от природы музы-

кальным слухом, но, к сожалению, знала мало слов и совершенно не понимала грамматики.

Колоколов-старший в тот вечер часа два беседовал с мистером Робертсоном. Любознательность в сочетании с подозрительностью заставила его быть настойчивым. Ведь англичане впервые приезжают в Новопятницк. И дело у них такое, по какому раньше люди сюда не попадали, — искать пропавшую экспедицию. И девушка хороша собой, так хороша, что Колоколов пожалел, что ему уже шестой десяток. А то бы... А что? Жениться, может быть, и не женился, а иметь в любовницах настоящую английскую даму — такого не удавалось ни одному сибирскому промышленнику от Читы до Иркутска. А сомнения тоже были. Сомнения вызывал Робертсон. Молодой, наглый, голову держит высоко, а по глазам лжив. С первого же мгновения Ефрем Ионыч почувал холод между молодыми англичанами — они не похожи на жениха и невесту. А если обман? Тогда искать его надо в Робертсоне — с мисс Смит все ясно. Достаточно открыть газету, чтобы понять — была такая экспедиция, вся Европа читала, что молодая дочь путешественника отправилась в дальнейшее путешествие. Это понятно, это по-христиански. Но спутник — что за спутник? Какая может быть у него корысть?

Нельзя сказать, что Колоколов не верил в любовь. Сам был молод, совершал глупости и не жалел о них. Потом сообразил, что не женщины ему нужны, а он им. Все они смелые да недоступные, пока ты им даешь волю. А если женщина видит, что ты без нее обойдешься, она начинает беспокоиться и вот уже готова за тобой бежать. Ты только потерпи, не рви зеленое.

Может, и не стал бы Ефрем Ионыч тратить время на разговоры с мистером Робертсоном, если бы Вероника не задела его сердце. Давно такого не случалось, после той цыганки в Новониколаевске, а тому уже шесть лет.

Колоколов знал о ночном происшествии на пароходе — доложили. И происшествие ему было непонятно. Как можно насильничать собственную невесту? И какой мужик позволит себе лезть к женщине, если она

не выкажет согласия? Кто в этой паре хозяин, кто слуга? Равных людей не бывает...

Битых два часа Колоколов говорил с Дугласом, но, если не знаешь языка, до сути человеческой не докопаться. Получалось, что мистер Робертсон как бы сделал Веронике великое одолжение, оплатил все путешествие и горит желанием совершить доброе дело. Так они и расстались, поговорив бесполезно.

Колоколов пошел к себе в кабинет, бумажные дела накопились. Но не работалось. В ушах стоял горловой Вероникин голос, а в глазах — ее внимательный взгляд. Открытый, спокойный и бесстыжий.

Через полчаса Колоколов не выдержал, пошел по дому. А дом был пуст. Ни гостей, ни сына.

Колоколов задул в кабинете лампу, сел у окна и стал смотреть на улицу.

А Костя гулял с Вероникой по набережной. Набережная — пологий спуск к Лене за пристанью. Когда-то ссыльный анархист Прелюбодейко решил высадить здесь аллею из лип — тосковал по своей Украине. Он их укутывал на зиму дерюгой, разжигал костры — и сколько лет он прожил в Новопятнице, столько эти деревья жили и даже выросли выше человеческого роста. Но потом Прелюбодейко сгорел от чахотки. Перед смертью умолял, кричал людям, чтобы не оставили его деточек. И все обещали. Колоколов тоже — аллею хотелось спасти. Но зимой не собрались, забыли закутать — каждый думал, что другой сделает. Весной, когда липы не распустились, переживали. Отец Пантелеймон готов был бороду себе вырвать за забывчивость.

Так что Костя с Вероникой гуляли над рекой среди тонких, уже побитых ветрами и покосившихся, подобно старому забору, липовых стволов. Там лежала здоровая колода — когда-то втащили сюда, чтобы сидеть, смотреть на луну. Так и звалась: лунная колода.

Сидели там те, кто имел серьезные намерения. Если парень в Новопятнице скажет девушке: «Пошли на колоду», можно готовиться к венцу. Вероника про колоду не знала и села на нее без задней мысли. Было ветрено, она прижалась плечом к Косте и молчала — англичанки народ молчаливый. И Косте казалось, что

*Нина Черникова среди ссыльных в Новопятнице
(вторая справа)*

вернулся вечер пятилетней давности, когда он сидел в оксфордском парке на подстриженном газоне и Салли молчаливо жалась к нему плечом. Салли потом прислала письмо, что ждет ребеночка. Костя письмо сжег, чтобы не попало на глаза отцу.

Английский язык вылезал из Кости, словно изображение проявляемой фотографии. Он даже из Байрона вспомнил, правда, не точно, и Вероника его мягко поправила.

— Я вспоминаю Оксфорд, — говорил Костя, и Веронике было странно, почти сказочно, что неуклюжий русский дикарь говорит об Оксфорде, а рука его все тяжелее жмет на плечо.

— Я так переживаю о судьбе отца, — сказала Вероника.

— Я поеду с вами, — сказал Костя. — Вам нужен защитник в пути.

— О, как я вам признательна!

Вероника легко коснулась губами его щеки, и Косте стало внутри щежотно и горячо. Он отыскал ее губы и впился в них, и они стали падать с колоды, но Вероника легко вскочила и рассмеялась:

— Какой вы неуклюжий!

Костя помог Веронике отряхнуться, она все смеялась, но негромко.

С неба упала звезда.

— Я собирался просить отца, чтобы он отпустил меня с экспедицией профессора Мюллера, — сказал Костя, когда они уже снова сидели рядом на колоде, но не касались друг друга. — Но теперь поеду с вами.

— Профессор Мюллер такой умный, — сказала Вероника. — А вы видели, как падал тот болид, который он собирается отыскать?

— Светло было, как днем, — сказал Костя. — И грохот — стекла повывлетали.

— Дуглас тоже хотел на него посмотреть. Он журналист, он должен написать об этом для «Дейли мейл». Но поиски моего отца важнее, правда?

— Разумеется, — сказал Костя. — Пускай ваш Дуглас едет с профессором — мы найдем вашего отца без его помощи.

Вероника поняла и оценила ревность. И засмеялась.

Мелодично, серебряно, только она так умела.

— Мы с ним не близки, — сказала она. — У Дугласа свои интересы, у меня свои.

— Разве он вам не жених?

— О нет! Он равнодушен ко мне, но ведь для того, чтобы быть женихом и невестой, надо иметь взаимные чувства.

Вероника замолчала, долго смотрела в землю, думала. Костя любовался ее профилем и не смел прервать ход ее мыслей.

— Я должна вам признаться. — Голос ее дрогнул. — Потому что вы внушаете мне доверие. — Вероника сглотнула слюну. — Этой ночью на пароходе...

— Что? — Костя боялся признания, но и ждал его.

— Этот человек пытался овладеть мною. Вы понимаете?

— Он напал на вас?

— Мне стоило огромных усилий отразить его нападение.

— Я его убью!

— Он не стоит вашего внимания.

Они помолчали.

— Расскажите мне о своем отце, — попросила Вероника. — В нем есть первобытная сила.

Костику вопрос не понравился. Вопрос означал, что в Костике такой силы нет.

— Он совсем необразованный, — сказал Костик.

— А разве это важно?

Они не слышали, как подошла Ниночка. Она подошла, потому что надеялась, что Кости с Вероникой на колоде нет. Это было бы слишком ужасно. И когда она увидела их, плечом к плечу, поглощенных интимной беседой, в ней буквально сердце оборвалось. Она стояла и не смела двинуться с места.

И неизвестно, сколько бы она стояла, если бы не твердые шаги Дугласа, который также был неспокоен и незаметно пошел вслед за Ниночкой, догадавшись, что она будет разыскивать Костю.

Дуглас нарушил спокойствие ночи, сказав громко:

— Вероника, тебе пора спать.

Голос Дугласа был хорошо модулирован, как голос большого концертного рояля.

Вероника вскочила, словно ее поймали на месте преступления.

— Иду, — сказала она. И добавила после короткой паузы: — Костя рассказывал мне о местной жизни.

— Я видел, — сказал Дуглас.

Вероника пошла к Дугласу, а Костя, который только что намеревался вызвать Дугласа на дуэль или растерзать его голыми руками, так и остался стоять у колоды.

Вероника и державший ее за локоть твердыми пальцами Робертсон растворились в синей мгле, а Ниночка осталась. И Костя увидел ее. Она ни в чем не была виновата. И еще вчера Костя мечтал о ее объятиях. И в мгновение ока все трагически изменилось — Ниночка на глазах теряла его. И была ввергнута в пучину ужаса.

— Что тебе надо? — грубо спросил Костя. Он сейчас был зол на Ниночку и за то, что подглядывала и присутствовала при его унижении.

— Я нечаянно, — сказала Ниночка. — Я просто гуляла...

Она повернулась и побежала прочь.

И Косте стало еще противнее, потому что он был добрым человеком и не хотел никого обижать. Но как только ему встретился идеал, со всех сторон прибежали люди, которые были этим недовольны и хотели разлучить его с идеалом.

Костю мучило воображение.

В этом воображении подлый красавец Дуглас Робертсон крался в носках и махровом халате к двери Вероники. Вероника покорно открывала дверь, и тот набрасывался на хрупкую девушку, осыпая ее градом страстных поцелуев, терзая ее нежное тело.

Ефрем Колоколов был детищем своего времени и места. Купец, миллионер и тиран. От современного были лишь рояль в гостиной, авто и вегетарианство. Дуглас Робертсон также был логичен — порождение западноевропейского мира с привычкой к горячей ванне, сухим воротничкам, страстью к деньгам и англиканской трезвостью. Костя Колоколов оказался

на перепутье. Вырос, как сын Ефрема, учился, как Робертсон. Полюбил горячую ванну и чистые воротнички, но не смог отказаться от сибирских темных страстей — такой феномен любят живописать сибирские писатели. Костя умел целовать дамам руки, говорить с ними по-английски, спорить с Ниночкой о целесообразности террора и идеях князя Кропоткина, но не забывал о том, как отец брал его в детстве на медвежью охоту, как дрался он в стенке с молодцами с соседней улицы и как убивают колодников и душегубов.

Костя готов был по-английски предложить мисс Смит руку и сердце, но не делал этого, потому что опасался отцовского гнева. Но когда он думал о Дугласе, в нем просыпался сибирский парень, который мог побить любого врага, а если не мог, то знал, кого послать на это дело. Если бы Дугласу пришлось расправиться с врагом, он выбрал бы пистолет или подметное письмо. Костя предпочитал право кулачное.

Уверенности в том, что одолеешь Дугласа один на один, не было. Тот был спортсменом — по всему видно: и в походке, и в стати, и в легкости движений. И Костя сделал то, что сделал бы на его месте любой купеческий сын: если есть слуги, слугам можно приказать.

Костя пошел к Косому и сказал, что надо англичанина немного поучить. Косой не стал спрашивать, за что — не его это дело. Да и кто любит в России иностранцев — от них только пакости. Косой свое отсидел за грабеж и поножовщину, а потом прижился в этих местах, так что человек он бывалый.

Косого смущало другое: дознается Ефрем Ионыч — не жить.

Костя пошел на хитрость — намекнул приказчику, что Ефрем Ионыч против того ничего не имеет, но, конечно, знать об этом не хочет и закроет глаза.

Неизвестно, поверил Косой или не поверил, но позвал Ивана Молчуна. Костя успокоил их еще больше, дав три рубля и добавив, что членовредительства не требуется — поучить, но без следов. А это было делом обычным. Почему не поучить, чтобы без членовредительства?

Мистер Дуглас Робертсон гулял перед сном. Пока его слуга Лю надувал резиновую ванну и наполнял ее согретой водой. Ванну поставили за кухней, в пристройке, на нее ходила смотреть вся челядь, смеялись, только Ефрем Ионыч не смеялся, решил, что потом купит себе такую же.

Оставив Лю заниматься делом, Дуглас пошел по берегу Лены, глядя на воду и небо и печалась, как печалится любой европейский житель, когда видит такую бескрайность и однообразие — не на чем остановиться взгляду: водная гладь, плоские берега и так до конца земли.

Дуглас дошел до крайних домов, размышляя о том, чем же могут сейчас заниматься их жители: темно, нигде света нет, ложатся спать на закате, встают на рассвете. Какая тусклая, скучная жизнь!

Тут перед ним возникли две фигуры. Фигуры были крупными, плечистыми. До того момента Дуглас полагал, что находится здесь в полной безопасности, так как городом правит порядок, воплощенный в фигуре исправника и господина Колоколова. А если и нет порядка для иных, то порядок для английских гостей будет соблюдаться строго. Да и Колоколов дал понять. «Гуляйте, — сказал он, — ничего не опасайтесь».

В фигурах была напряженность, пьяное покачивание. На своем веку Дугласу приходилось встречаться с темными людьми и рискованными ситуациями, и он инстинктивно ощутил опасность.

— Закурить будет? — спросила одна из фигур — лица разглядеть было трудно, да и все простонародные русские казались Дугласу на одно лицо.

— Я не курю, — сообщил Дуглас и постарался обойти фигуры.

— Он не курит, — сказала одна фигура другой.

И в тот момент, когда Дуглас пытался обойти ее, она дернула англичанина за рукав, и тот, ожидая подобного действия, резко вырвал рукав.

Косой — а это был приказчик — охнул и крикнул негромко своему другу:

— Он меня бьет!

— Бьет?

Ванька Молчун страшно озлился и без лишних

разговоров замахнулся. Если бы Дуглас не был готов к такому обороту дел, он наверняка уложил бы его таким ударом.

Но Дуглас успел пригнуться, удар пришелся по плечу, но и такой пошатнул англичанина.

Дуглас отпрыгнул и сказал:

— Я буду звать... — но забыл, как по-русски слово «помощь».

Косой кинулся на него.

Дуглас выхватил свисточек, что висел у него на шее, и короткий негромкий свист разорвал тишину.

— Он еще свистит! — прорычал Молчун, и ему удалось достать англичанина. Тот упал на колени, но от следующего удара Косого увернулся.

Молотя кулаками, нападающие сами себя сердили, и злость их стала искренней.

Костя, который наблюдал за дракой из-за угла сарая, даже испугался, не пришибут ли они Дугласа, — это в его расчеты не входило. Но вмешаться он не мог. Самого пришибут. Такие люди — вахлаки.

Дуглас был ловок, быстр и увертлив, так что лишь пятый удар достигал цели. Да и сам он ловко давал сдачи — удары у него были совсем другие, не размашистые, а боксерские, короткие и прямые. Одним он даже свалил Молчуна. Тот поднялся, шатаясь, и несколько секунд приходил в себя, пока Косой с англичанином катались, сцепившись, по грязи. Опомнившись, Молчун кинулся на них сверху, начал тянуть Дугласа за волосы, хотел оторвать голову.

Костя готов был уже кинуться на помощь Дугласу. Не потому, что пожалел его, — об этом думать было некогда, но представил вдруг, что сделает с ним отец, если англичанина убьют. Да и Вероника не простит.

И тут, почти не слышные за вздохами, пыхтением и краткими приглушенными воплями, послышались легкие шаги — к драке кто-то бежал.

Костя испугался, нырнул за сарай, потому что тот человек, маленького роста и худенький, пробежал рядом с ним.

И потому он не увидел, как тот человек остановился на мгновение, чтобы разобраться, что происхо-

дит, а затем нагнулся и начал наносить короткие рубящие удары. Один удар — и откатился, хрипя, Косой. Второй удар — и валяется недвижно Молчун.

Человек, в котором Костя узнал, к своему изумлению, маленького китайского слугу Дугласа, вызванного, видно, свистком, помог своему господину подняться, и они тихо и быстро заговорили по-английски, глядя на распростертые тела Косого и Молчуна.

Потом пошли прочь. Дуглас хромал и опирался на плечо Лю.

Когда они поровнялись с сараем, Лю сказал медленно и понятно для Кости:

— Организатор этого нападения, ваша милость, скрывается здесь.

Костя присел за углом.

Но было поздно.

Он поднял голову. Дуглас и китаец стояли прямо над ним, и даже в полумраке было видно, как они улыбаются.

И тут же они исчезли. Ушли.

А Костя еще долго, минут пять, сидел на корточках, переживая унижение и не зная, что делать. Его вернули к действительности стоны товарищей, что пришли в себя.

Костя подошел к ним.

Ничего ему не оставалось, как укорять их за плохую работу.

— Что же вы? — сказал он. — Как же вам доверять можно? Двое на одного и не смогли, а?

— Сам бы смог? За сараем корчился, — сказал Косой.

Нравы в Сибири простые, там и подчиненный человек может высказать господину горькую правду.

Молчун только отхаркнулся и побрел прочь.

А Косой добавил:

— Папаша будут недовольны.

— Но ты ему не скажешь?

— Дурак, — сказал Косой. — Я не скажу — он сам скажет. Он же нас узнает. Тебе что, ты — сынок. А мне жить.

И пошел к Ефрему Колоколову каяться.

Дуглас жаловаться не стал. Принял ванну, китаец потер ему спину, сделал массаж. А Колоколов подождал его в гостиной и, когда тот вышел в длинном халате, с трубкой в зубах, гладкий и вроде бы не поврежденный, если не считать припудренного синяка под глазом, сказал:

— Произошло недоразумение. Больше такое не повторится.

Дуглас понял, о чем говорит миллионер. Он сдержанно кивнул.

Тогда Ефрем Ионыч понял, что Костю надо отправлять в другую сторону. Подальше от англичанки и ее спутника.

Ночью Дуглас пытался открыть дверь в комнату Вероники, скребся, но в доме Колоколовых на всех дверях есть внутренние засовы. И Вероника закрыла дверь на засов. Дуглас звал ее, шептал, прижав губы к щели, потом раздались шаркающие шаги, на лестнице зашевелились тени — кто-то шел со свечой. Дуглас на цыпочках кинулся к своей двери. Не сразу нашел ее и вынужден был отвечать на русский вопрос Ефрема Ионыча:

— Кто там шляется?

— Это я. Разыскиваю туалет.

— Горшок под кроватью, — строго сказал Колоколов, который догадался, что разыскивал англичанин, а этого в своем доме не желал.

* * *

На следующий день Мюллер был у Филимонова, они обсуждали, как лучше добраться до болида. Потом вместе пошли за советом и помощью к Колоколову. Колоколов заставил ждать — он наблюдал за погрузкой паузков, что были привязаны у мостков.

Колоколов велел Мюллеру с Филимоновым ждать в конторе, но было жарко, безветренно, они предпочли посидеть на лунной колоде. Мюллер, глядя в жухлую траву, увидел тонкую серебряную серьгу с изумрудиком и подумал, что серьга принадлежит кому-то из горожанок, что камешек в ней не настоящий, и не стал

подбирать. Так он и не узнал, что серьгу с утра искала мисс Смит.

Солнце пекло — был один из последних теплых дней в году. Дальний берег Лены едва угадывался, до него было верст пять. Там начинались сырые, поросшие хилыми лиственницами низины. Мюллер хорошо изучил карту, он как бы летел подобно птице над местностью. Ниже к реке подходили справа горы — хребет, к которому надо будет пробираться. Мюллер утром имел разговор с исправником, просил отпустить с ним Андриюшу, но исправник заупрямился, тупо утверждал, что ссыльный убежит в Америку, а ему, исправнику, будут перед пенсией неприятности. Мюллер полагал, что исправник рассчитывает на взятку, но у экспедиции было много бумаг и рекомендательных писем, а денег мало. Андриюша был готов работать бесплатно — только бы вновь прикоснуться к науке.

Колоколов, поднимаясь от пристани, позвал их в контору. Он был вежлив, расположен к профессору, даже выказал интерес к геологии и пригласил Мюллера вечером к себе посмотреть коллекцию минералов, собранную людьми, просил порекомендовать в Петербурге хорошего специалиста, чтобы поискал руды на Урулгане. Мюллер нашелся, сказал, что Андриюша Нехорошев — лучший его ученик. Нет, сказал Колоколов, Андриюша хлипкий, ему не вытянуть, нужен крепкий мужик, чтобы его слушались и боялись. Без страха здесь ничего не сделать. Тогда Мюллер попросил Колоколова походатайствовать за Андриюшу — он ему будет нужен в поисках метеорита.

Колоколов согласился. Легко, как отмахнулся от комара, — пускай профессор не беспокоится, Андриюша с ним пойдет. И он пошлет туда же своего сына и наследника. Ему полезно побывать в тайге с учеными людьми.

Даже Филимонов удивился: Колоколов не любил отпускать сына. И если отпускал, то только по торговым делам.

— А сам я в Булун поеду, — сказал Колоколов. — В этом году ярмарка будет там большая. Без меня не обойдуться.

Филимонов смотрел на миллионщика — и не

Буксир «Иона»

верил. Какие бы дела ни были в Булуне, они для Колоколова невелики. Торговля с тунгусами да якутами — малая толика его дел. Ни Филимонов, ни профессор не связали этого намерения короля тайги с приездом Вероники Смит. И не поняли, что желание отправить сына за Урулган связано с тем же.

Колоколов сказал, что сам подберет, что нужно для экспедиции, лошадей и провизию — все должно быть основательно. А за это профессор будет в тайге поглядывать по сторонам: если какие выходы руды или еще что из геологических находок, он рассчитывает, что профессор не забудет об интересах Колоколова. На том и порешили — профессор был только рад угодить любезному господину негоцианту.

В тот же день, еще до обеда, Колоколов сам пошел к исправнику, хотя мог бы позвать его к себе в контору. Пил чай, спрашивал, как здоровье супруги, как дети в Иркутске. Потом сказал, что ему нужны двое из ссыльных. Андрей Нехорошев полезен петербургскому профессору. А Ниночка Черникова позарез нужна для англичан. Без нее они как немые.

— Но ведь этот лошак английский, он же по-нашему бормочет, — возразил с тоской исправник. Он понял, что ничего от Колоколова за ссыльных не получишь. И это было грустно. Исправник сердился на профессора — наверняка нажаловался. Да что поделаешь?

А как прочие встретили это решение Колоколова? Ниночка даже обрадовалась. Она на все была готова, только бы не оставлять вдвоем Костика и развратную европейку, типичную представительницу господствующего буржуазного сословия. Пускай Костик пойдет в тайгу с профессором, пускай там комары выпьют из него лишнюю кровь.

Дуглас также был рад — еще не хватало, чтобы Вероника увлеклась всерьез этим русским медведем.

О Веронике ничего сказать было нельзя: ее мысли трудно поддаются разгадке, да чаще она и сама не знала, что ей лучше, а что хуже. Ей был свойствен фатализм, хотя она пыталась, плывя по воле случая, дожидаться благоприятного стечения обстоятельств. В первую очередь она искала отца. Или хотя бы его

могилу. Все остальное приложится. Костя в ее мыслях занимал куда меньше места, чем его отец.

Плохо было Косте.

Он даже полез в спор с отцом, чем утвердил его в правильности своего решения и сделал то решение незыблемым. Костя в отчаянии готов был уже признаться отцу, что влюбился в английскую мисс, но в последний момент испугался. И смирился.

А отец пожалел его — всегда надо давать жертве надежду, пускай пустую.

— Если придется английского капитана по берегу моря искать, я тебя вызову.

И с этой надеждой Костя пошел к профессору, уже официально, как член маленькой экспедиции. Колоколов-старший, хоть и готов был поспособствовать развитию отечественной науки, своего терять не терпел. Поэтому за лошадей, шитик, место на барже, за продукты и даже за комариные сетки — за все взял с Мюллера, полагая, что делает правильно, так как у Мюллера деньги государственные. Правда, сына придал вроде бы бесплатно.

Сначала проводили «Св. Сергия Радонежского». На следующее утро он загудел, запыхтел, отвалил от пристани и, борясь с течением, поплыл вверх по реке. Ему еще надо вернуться в Новопятницк до ледостава, привезти грузы, забрать пушнину и золото с приисков и, если все будет хорошо, профессора Мюллера с камешками, отколупнутыми от болида, и мисс Смит с ее спутником, а может, и с капитаном Смитом, если его удастся отыскать и спасти.

Костя весь день избегал Ниночку. А Ниночка делала вид, что не хочет видеть Костю, и страшно страдала. Ее страдания были очевидны для Семена Нatanовича и удручали его необыкновенно.

— Все к лучшему, — уверял его отец Пантелеймон. — Твоя дочь забудет о неверном Косте, и это лучше для всех. Будем надеяться, что детское увлечение минет, как послепопуденный сон.

— Да-да, — рассеянно согласился Черников, но он-то знал, что дочь страшного в прошлом террориста и нигилиста сделана из особого теста. Она из тех, кто

роет подкопы под железнодорожные пути, чтобы безжалостно взорвать самого императора.

При этом Семен Натанович приводил в порядок одежду для Ниночки — ночи будут холодными, особенно в Булуне. Он призвал на помощь все свое портновское искусство и, не разгибаясь, шил, чтобы его дочь даже у полюса была одета не хуже, чем одеваются дамы в Варшаве. При условии, если те дамы соберутся на Северный полюс.

Всю ночь Ниночка простояла у окна своей комнаты. Рядом сопели во сне братишки. Она смотрела в окно, и ей казалось, что Костя, который одумался и раскаялся, придет к окну, стукнет в него дрожащими пальцами и попросит прощения за все муки, которые он ей доставил. Она тихо плакала, чтобы не разбудить братьев или отца, что спал в соседней комнате. Но Мария Павловна, конечно, не спала и все слышала, каждый вздох дочки она слышала. Но лежала тихо, затаившись, словно толстенькая мышка.

А Костя не спал, но он не пошел к дому Черниковых, а сидел на лунной колоде. И тоже надеялся. Представлял себе, как Вероника выскользает из отцовского дома и спешит на берег. О Ниночке он совсем не думал.

Вероника спокойно спала, потому что она была натурой, склонной к фатализму. Она закрыла дверь на засов и спала.

Дуглас не спал. Он неоднократно выглядывал в коридор.

Но безуспешно, потому что перед дверью Вероники горела свеча и стоял стул. А на стуле клевал носом, но не спал приказчик и телохранитель Колоколова Ахметка.

Сам Колоколов спал. Он верил в бдительность Ахметки.

* * *

Утром загудел буксир «Иона», названный так в память отца Ефрема Колоколова. Буксир был мощный, приземистый, во всем схожий с покойником. Буксир торопил пассажиров и грузчиков. Правда, основные

грузы были уложены на паузки — плоскодонные широкие баржи с низкими бортами еще со вчерашнего дня. Но немало оставалось. По сходням носились грузчики. Колоколов приехал в автомобиле, сидел, откинувшись, на сиденье, грыз морковку и зорким глазом обзиревал погрузку.

Иностранных гостей он привез на авто, и они теперь сидели рядышком на берегу. Ветер прижимал недлинную юбку Вероники к ногам, обрисовывая стройную фигуру и обнажая тонкие щиколотки, затянутые высокими шнурованными ботинками, — она была готова к трудному путешествию к Северному полюсу.

Колоколов поглядывал на англичанку и радовался своей мудрости — разделить всех противников, как волка, козу и капусту, по разным лодкам. И не терял никого из виду.

Вот пришли к паузку ученые. Профессор Мюллер — животик вперед, котелок на бровях, словно вышел на Невский проспект. Но толщина и мирность облика обманчивы — Колоколов уже догадался, что профессор обладает характером: видно стало, когда они торговались из-за паузка и лошадей. За ним длинный, сутулый, очкастый Андрюша Нехорошев. На нем старая студенческая тужурка, даже полупогончики не срезал, может, надеется, что вернется к своим наукам, может быть, по рассеянности. Парня этого надо будет оставить в Новопятнишке. Женить и оставить. Только жену подобрать попроще, решительную, чтобы сопли ему вытирала, а голова у парня хорошая. Пригодится. Костя все не появляется — переживает разлуку. Жалко, что Бог сыном не побаловал, но ничего, годы есть, пообломаем. За учеными шли добровольцы из ссыльных. Семен Черников тащил большой ящик — какие-то приборы. Надо будет их купить, когда профессор домой соберется. Даже отец Пантелеймон — а уж ему не к лицу — тоже какую-то профессорскую суму тянет. Вроде бы с виду солидный человек и голос, как у дьякона, а вот сблизился со ссыльными, не видит, что это властям не нравится. Не иначе как на него уже пишут — а где найдешь сюда попа? Это все от гордыни и суетности. Надо будет потом с Пантелеймоном

поговорить, внушить ему, что его ученые затеи — от лукавого. Чем хочешь прославиться, слабый человек? Ссылным это положено — науками заниматься, книги читать, спорить про политику и жить надеждами. Пускай занимаются. Сколько жил Колоколов на свете, всегда здесь были ссылные. И есть. И будут. Нельзя России без ссылных. В других странах есть лошади, паровозы, горы и вокзалы. Обязательно. А в России ссылные. Обязательно. Кончатся ссылные — рухнет государство. И промышленник улыбнулся собственным мыслям.

А вот и Ниночка Черникова. Вот плутовка! Огонь! Но огонь опасный. Если что — сама спорит и тебя сожжет. Пока тепло от близкого пламени — приятно. А когда займешься — поздно будет, тушить некому. А сама мрачнее тучи, чернота под глазами темнее волос — ревнует. Господи, нашла кого! А впрочем, Костя тоже добыча не последняя, только не сам по себе, а отцовскими трудами.

Вот спешит к паузку, разгружает телегу с добром китаец Лю. Говорят, это он раскидал чалдонов. А не догадаешься — наверное, знает китайские штучки. Слышал Колоколов от золотоискателей, что есть среди китайцев знатоки ихней тайной борьбы — голову могут человеку двумя пальцами своротить. Смотри-ка, Дуглас-то не промах, знал, кого себе в слуги брать!

Ох ты! Даже грузчики остановились. Глазеют — прикрикнуть бы на них, но Колоколов все понимает, людские слабости ему как на ладони видны. Он и сам глазеет на эту черномазую. Ну и баба! Что грудь, что сзади — камень, не ущипнешь. Волосы — впору целую перину набить. А зубов, наверное, на троих хватит. И все хохочет, заливается. Несет на плече сундук с англичанкиными тряпками да туфлями — наверное, не всякому грузчику по плечу, а она даже не сгибается. Увидела Андрюшу Нехорошева, залепетала что-то, будто забыла о ноше. А он зарделся, очки снял, протирает их и снова на длинный нос надел — смешно. Если бы не черная да наша — ей-Богу, заставил бы студента жениться. А так нельзя — не иначе как она мусульманской или иудейской веры. Надо будет у Кости спросить — он знает.

Подошел шкипер с буксира. Недовольный, но вида не показывает. И понятно: кому нужно, чтобы большой хозяин у тебя на борту шел? Да какие-то гости. Когда у тебя всего-то кубрик для матросов и кочегаров да две каюты, своя и механика.

— Значит, так, — сказал ему Колоколов строго, словно недовольный. Чтобы шкиперу и в голову не пришло возражать. — Значит, свою каюту отдашь мне. Вторая койка — англичанину. Поставили койку?

Шкипер кивнул.

Пьет много, подумал Колоколов. Надо будет другого выписать, да трудно с людьми. А этот рано или поздно посадит на мель. Или еще хуже — найдет каменную щеку... Колоколов поморщился — воображение нарисовало ему такую картинку.

— Во второй — англичанка и черниковская дочка.

— Знаю.

— Кубрик ваш — размещайтесь, как можете. И еще Ахметке место найдите.

— Невозможно, Ефрем Ионыч.

— Возможно. А ихние слуги на корме палатку поставят.

— Не положено.

— Как я сказал, так и положено. На первой барже профессор. Лошадей туда загонят.

— Тесно будет.

— Знаю. Не на бал едем. Иди, чтобы к обеду отчалили.

— Не от меня зависит.

— А спрошу с тебя.

И Колоколов стал смотреть, как китаец ставит на корме буксира палатку — палатка, видать, шелковая, желтая, как цыпленок.

* * *

Отвалили после обеда, в четвертом часу. Колоколов не сердился, знал, что так и будет.

Он вышел на нос буксира, смотрел на бескрайнюю Лену и радовался. Хорошо, думал он, что отправился в Булун. И не потому, что для дела, а радовался, что

снова почувствовал себя моложе, даже похолодело в груди от неизвестности. Где наша не пропадала!

Потом прошел на корму. Там на складных стульях сидели англичане. За их спинами стояла палатка желтого цвета. Между ними — складной столик, на нем чай, китаец подает.

— Добро пожаловать, — сказал Дуглас. Выучил, правильно сказал.

— Не откажусь, — согласился Колоколов.

Он присел на третий складной стульчик, который сразу принесла Пегги. Стульчики были легкие, простые. Колоколов, прежде чем сесть, покрутил стульчик в руках, сложил, разложил, запомнил, как делается. Не потому, что нужен такой стульчик таежному человеку, но когда знаешь, что пригодится, а что нет?

Сел он так, чтобы видеть ближайшую баржу. Там был Костя. Ему бы книжку читать или у профессора ума набираться. А он бродит по барже, перебирается через тюки и ящики, словно дикий зверь в тайге. Переживает. Вот увидел, как они втроем чай гоняют, даже кулаком по борту стукнул. Стучи, сынок, стучи. Воспитывай характер.

Пегги сбегала в каюту, позвала Ниночку. Для нее тоже стул нашелся. И чашка из голубого фаянса. Чай был душистый, но крепости мало. Ниночка сразу увидела Костю и стала смотреть в его сторону. Колоколов велел ей переводить, рассказывал о местной жизни, а она переводила кое-как, невнимательно.

— Нина Семеновна, — сказал тогда Колоколов, — ты не думай, что я тебе позволю даром хлеб есть. Если ты с нами ехать согласилась, чтобы денег заработать, отцу помочь, то работай, толмачь. А если на Костю глазеть будешь, ни пользы тебе, ни денег.

Ниночка вскочила со стульчика, чуть за борт не упала. Колоколов молчал.

Ниночка спохватилась, овладела собой, вернулась.

— Пожалуйста, — спросил по-русски Дуглас, делая вид, что не заметил ничего. — Как далеко есть место метеорита от река?

— Недалеко, — ответил Колоколов. — Дня три верхом однако. Если дождей не будет. Может, четыре.

— Это очень интересно.

— Что ж там интересного? — удивился Колоколов.

Дуглас продолжал по-английски:

— Небесные тела такого размера не попадались в недавней истории человека. Не исключено, что это целая планета, что сорвалась со своей орбиты и столкнулась с Землей. Есть такая точка зрения некоторых астрономов.

— Да хоть две планеты. Мне без разницы.

— На той планете могли сохраниться следы инопланетной жизни.

— Видел я как-то метеорит. В Иркутске, в музее, — возразил Колоколов. — Черное железо. И камень. Не бывает в них ничего.

А сам подумал: хорошо, что я велел Мюллеру Костю взять. Свой глаз там нужен. Мало ли что!

— Я мечтал бы увидеть собственными глазами это небесное тело.

— Хочешь — иди, смотри, — сказал Колоколов равнодушно. — Нам с Мюллером не по пути.

— К сожалению, не могу. Я связан словом с Вероникой.

— Ну раз связан, тогда и говорить нечего. Спасибо за чай.

Вероника в разговоре не участвовала, только переводила взгляд ясных серых глаз с одного на другого и подольше останавливала его на Ефреме Ионыче — ее все больше привлекал этот широкий, уверенный в себе, сильный мужчина. Настоящий конкистадор, золотоискатель. Ей привелось недавно прочесть книгу американского писателя Джека Лондона, который столь романтически писал о золотоискателях на Аляске. Колоколов был из этих людей. А она? Там у Джека Лондона были такие, как она, — стройные, сильные, решительные женщины.

Хороше, что мистер Ефрем едет с ними. Так спокойнее. Он знает всех, все его уважают и даже боятся. Если кто-то и может помочь — только мистер Ефрем.

Ночью к берегу приставать не стали. Фарватер широкий. Колоколов смотрел, чтобы шкипер не выпил лишнего. Потом пошел в каюту. Лег на койку. Дугласа не было. Видно, прохладился на палубе со своей Вероникой. Ничего, время терпит.

А сон не шел. Навалились заботы — приходится все в голове держать, всякую мелочь, никому нельзя довериться. Приказчика в Булуне сменить надо — ворует, песец в том году плохой был, какая-то болезнь напала. Слышал, что шайка у Вилуйска объявилась, надо бы охрану у рудника увеличить. А Дуглас все не шел. Давно спать пора. Ведь не у барышень сидит так долго. А может, сидит? Мало ли что! Вдруг за борт упал? Колоколов улыбнулся такой мысли, но все же поднялся, накинул тулуп — на палубе холодно, — вышел. Вторая каюта напротив. Постоял, прислушался. Тихо.

Вышел на палубу.

Синь вокруг, ночь настоящая, звезды. Из высокой трубы вырываются красные искры и летят низко над палубой.

На самой корме видны два человека. Согнулись, чтобы не видно, отмахиваются от искр, долетающих из трубы. Шепчутся. Колоколов сразу узнал, что это Дуглас и его слуга.

В этом разговоре была неправильность. Слуга с хозяином не шепчутся без особой на то надобности ночью, тайком от людей. Им и днем шептаться не положено. Два вывода сразу сделал Ефрем Ионыч. Первый — англичанину есть что скрывать и что замышлять. Второй — отношения между слугой и господином совсем не такие, как кажутся днем, да непосвященному взгляду. Куда ближе. Колоколову хотелось подобраться поближе, послушать. Но заметят, да и не поймешь, о чем говорят. Колоколов еще немного поглядел на иностранцев и пошел спать.

Дуглас вернулся только через полчаса. Колоколов сделал вид, что спит. А скоро и в самом деле заснул.

Второй день прошел тоже без приключений.

Один раз пристали к берегу — покидали дрова со второй баржи на буксир.

Костя перешел на буксир, обедал с отцом, ходил кругами вокруг Вероники. Колоколов велел подтянуть шитик, что плыл за буксиром на канате, и отправил сына обратно на баржу. Чтобы разговаривал с Мюллером, ума набирался. А сам снова пошел пить чай к англичанам.

На этот раз внимательно присматривался к китайцу. Но ничего не заметил. Тихий, кланяется. Чай готовит добрый.

После чая велел Ниночке переводить разговор с Вероникой.

Ниночка чуть успокоилась. Хотя и поглядывала на паузок, как там Костя, но уже не так нервничала — это Ефрем Ионыч заметил. И хорошо. Колоколов стал расспрашивать англичанку про ее жизнь с отцом, как они в Африку ездили и в Индии жили. Англичанка отвечала с готовностью, улыбалась.

Они смело глядели друг на друга — Колоколов и Вероника, словно уже знали что-то недоступное другим.

Непонятно было Колоколову: чувствует ли это Дуглас или занят своими рассеянными мыслями. Но китаец заметил — Ефрем Ионыч перехватил его внимательный черный взгляд.

— Дуглас сказал, — заметила Вероника, — что вы предложили ему присоединиться к профессору Мюллеру, чтобы обследовать упавший метеорит?

— Если ему хочется, я не возражаю, — сказал Колоколов.

А глазами показал: даже мечтаю об этом, чтобы убрать его подальше.

— Я тоже не возражаю, — сказала Вероника, — но Дуглас считает своим долгом сопровождать меня. Это так благородно с его стороны.

— Если что, мы о вас позаботимся, — сказал Колоколов. — Не хуже, чем господин Робертсон. Он

наших мест не знает, а нам все ходы и выходы известны.

— Но, может быть, на обратном пути мы заедем поглядеть на этот камень?

— От Лены до того камня дикой тайгой идти несколько дней, — возразил Колоколов. — И то верхами. Тут нужно быть к тайге привычным. Иначе не дойдешь.

— Нет, — сказал Дуглас. — Я дал слово мисс Смит и сдержу его.

— Ну и держи, — вздохнул Колоколов.

И опять перехватил взгляд китайца. Словно тот хотел вмешаться, но сдержался.

К вечеру задул ветер, он гулял по морю Лены, поднимал волну, баржи болтались за кормой. Потом пошел дождь. Он шел зарядами, будто плескало небо. Ночью ветер утих, дождь полил ровно, мирно. Берега скрылись за водяной завесой. Колоколов поставил Ахметку следить, чтобы шкипер не прикладывался к бутылке. Дуглас сидел в каюте — всю задымил своей вонючей трубкой. Проходя между каютами, Колоколов услышал, как девушки разговаривают в каюте — значит, примирились. Вероника говорила оживленно, подолгу, Ниночка отвечала коротко.

Если бы Колоколов знал английский язык, он наверняка бы улыбнулся: за прикрытием мирных слов девушки вели разведку, вежливые, но настороженные.

— Как я вам сочувствую! — говорила Вероника. — Здесь, наверное, страшные холода. А правда ли, что несколько месяцев вообще не поднимается солнце?

— Несколько месяцев — это севернее, — сказала Ниночка. — Конечно, мы располагаемся за Полярным кругом, но настоящая ночь длится лишь несколько недель.

Мисс Смит ахнула:

— Вы должны быть очень отважной девушкой, если решились на такой подвиг! Это из-за отца? Вы похоронили себя в этой глуши, чтобы не оставлять родителей?

— Нет, мой отец проходил по другому делу, — сказала Ниночка.

— Простите, я вас не поняла. Вы хотите сказать, что и вы, и ваш отец преступники?

— Отец — террорист. Он совершил покушение на императора.

— Не может быть! Я его видела на пристани. Это тот седой бородатый мужчина...

— Он самый. Это было давно. Можете не опасаться. Здесь все достойные люди — государственные преступники. Как в Австралии.

— И господин Колоколов?

— Колоколов — местный житель.

— Но его сын говорит по-английски, и он утверждает, что учился в Оксфорде.

— Да? — Ниночка выразила голосом удивление, словно не слышала этого никогда в жизни. Вероника уловила фальшь в ее восклицании, но не показала виду.

— Как жестока судьба, которая забрасывает вас, русских, в эту дикую пустыню!

— Это не судьба, — возразила Ниночка. — Это царское правительство, скопище тиранов и угнетателей, достойных смерти. И они падут!

Ниночка распустила свои вороные волосы и причесывала их перед сном, глядя в настольное зеркальце.

— Вы не боитесь таких слов?

— Почему я должна бояться? Куда меня засылать дальше? — спросила Ниночка невнятно, потому что губами зажимала заколки.

— Засылать?

— Я тоже политическая преступница, — сказала Ниночка.

— Такая молодая?

— Правительство не смотрит на такие мелочи, — горько усмехнулась Ниночка.

— Вы убили кого-то? — прошептала Вероника.

— Еще нет, — сказала Ниночка с некоторым сожалением. — Но если партия социалистов-революционеров прикажет мне убить тирана ради освобождения народа, я готова пожертвовать собственной жизнью.

— Я полагаю, — Вероника неловко улыбнулась, будто разговаривала с прирученным типром, — что вы

уже пожертвовали. Раз живете здесь. Это большая жертва.

— Я не отчаиваюсь, — сказала Ниночка. — Пройдет от силы пять лет, и власть императора рухнет. Россия станет свободной.

— Разумеется, — согласилась покорно Вероника, содрогаясь, что ей приходится делить каюту с убежденной террористкой. К счастью, подумала она, мечтания Нины далеки от реальности. Вероника уже проехала почти всю Россию и убедилась, насколько тверда и всеобъемлюща власть государственной машины и как покорен и послушен ей русский народ.

Девушки замолчали. Керосиновая лампочка стояла на столе между их койками, отбрасывая на стены громадные нелепые тени. Я даже не успею закричать, думала Вероника. У нее, наверное, есть кинжал. А вдруг Ниночка ревнует ее к мистеру Колоколову-младшему?

Ниночка почувствовала, что англичанка се боится. Сначала ей стало даже приятно — пускай боится, не будет засматриваться на Костика. А потом Ниночке стало неловко — наверное, она думает, что я вытащу нож и начну ее резать. Что бы такое сказать, чтобы успокоить эту иностранную дурочку?

— Вам приходилось видеть в Лондоне пьесы господина Шоу? — спросила она. И Вероника не сразу поняла, потому что ждала любого иного вопроса. А услышав и осознав, что скрывается за этим вопросом, она с глубоким облегчением поняла, что останется жива. Дикий палач не спрашивает жертву о пьесе Бернарда Шоу.

Разговор покатился по цивилизованному руслу, обжитому и правильному, как голландский канал. Они говорили о последних книгах, причем Вероника выразила сожаление, что не догадалась, какие образованные люди живут в Новопятнице, и потому не захватила с собой новых романов, вызвавших интерес в Лондоне. Потом Вероника стала рассказывать о своей жизни, об одиночестве и разорении, о том, как встретила Дугласа Робертсона, который показался ей настоящим джентльменом — это было сказано в прошедшем времени.

— Что вас привлекло в нем? — спросила Ниночка.

— Он знал, что я разорена, но не покинул меня.
— Но он имел за то награду? — спросила Ниночка не без умысла.

А Вероника решила, что Ниночке известно о событии на пароходе, и почти гневно ответила:

— Я берегу свою честь. У бедной девушки нет ничего болсс. Потерять ее для меня было бы трагедией.

— Вы не любите его, — сказала Ниночка с тревогой.

— И никогда не любила.

— И ищите другого? Богаче?

— Об этом я буду думать, когда найду отца, — ответила Вероника. Но этим ответом она Ниночку не утешила. Ведь если отца не найдут...

Ниночка вскоре уснула, успокаивая себя тем, что Костя уходит в тайгу.

Вероника еще долго не спала. Лампа была потушена, в каюте темно, стучит машина, и кажется, что Ниночка неслышно поднимается с ножом в руке. Господи, зачем ты заставил моего отца потерпеть крушение возле берегов страны, населенной террористками?

* * *

Утром пошли ближе к правому берегу. Искали, где впадает в Лену Власья речка. Там раньше жил рыбак по имени Влас. От него осталась избушка. Оттуда по речке идти к Урулгану, невысокие округлые вершины которого видны в хорошую погоду.

Избушку чуть не пропустили — она скрывалась за дождем. Буксир ткнулся носом в песок у впадения речки в Лену, баржи подтащили к берегу. Кони боялись воды, но потом, когда первый из них, гнедой жеребец, вышел на твердь, он, видно, что-то сказал остальным — те послушно пошли за ним. Матросы вытащили на песок ящики и мешки экспедиции. Скрипели мостки, мелко стучал по палубе дождь, люди переговаривались негромко, словно неловко было пугать тишину. Избушка Власа стояла чуть выше, рядом с ней согнутая ветром лиственница. Комаров было мало — дождь и холод разогнали.

Колоколов подошел к избушке, отодвинул деревянный брус, которым словно засовом была перекрыта дверь, заглянул внутрь. Там было почти темно — свет падал сквозь два маленьких окошка. Человеческого запаха не осталось. Но пахло мышами. На отполированной столешнице стояла пустая бутылка, в углу висела рваная сеть, из-под лавки торчал носок рваного сапога. На тарелке высохшие окурки. Кто-то, видно, здесь останавливался — рыбаки или промышленники. Да не убрали за собой. И соли не оставили. Народ портится, подумал Колоколов, совсем плохой народ стал.

Он попрощался за руку с профессором, сына обнял, похлопал по спине.

— Смотри, — велел он. — Ничего не упускай. Профессор человек ученый, может, найдете чего нужное для хозяйства.

— На обратном пути...

— Не брошу вас, не брошу, — сказал Колоколов. — Возьмем вас и камень небесный погрузим.

Ивану Молчуну и Андрюше Нехорошеву тоже руки пожал, приказал трудиться на благо.

В тот же день экспедиция профессора Мюллера отправилась вверх по Власьей речке. Сначала была тропа — там ходили промышленники, но затем тропа стала пропадать, и продвижение вперед замедлилось. Дождь лил занудно и беспрестанно.

Первым ехал Иван Молчун — он знал эти места, сам бывал за Урулганом. Он вел груженную тюками лошадь. Затем трясся в седле кругленький профессор, замыкали Андрюша Нехорошев и Костик Колоколов. Они тоже вели на поводу выючных лошадей.

Если дорога позволяла, разговаривали. Андрюша все хотел узнать о жизни в университете, об общих знакомых. Но знакомые Андрюши, большей частью молодые люди, профессора не интересовали и были ему неизвестны. К тому же профессору были куда интереснее обнажения, что встречались на пути, камни, что торчали из воды в быстрой мелкой речке, — ему трудно было отвлечься и даже непонятно, зачем говорить о скучном Петербурге, когда вокруг столько интересного.

Отчаявшись, Андриюша прекратил расспросы. Костя тоже оказался неинтересным собеседником. Он все еще мысленно пребывал рядом с англичанкой и на вопрос Андриюши, что он полагает об исходе балканской войны, ответил, что у мисс Смит удивительная походка — словно летящая. Этого Андриюша не заметил. Ему показалось, что у англичанки слишком большие ноги.

На привал остановились у невысокого обрыва, может, раньше, чем хотел того Иван Молчун, но профессор Мюллер пополз по обрыву, словно муха, забыл обо всем, так что все равно ждать. Андриюша с Иваном соорудили костер, а Костя пошел к скале смотреть на обнажения. Интересы в них не было, но отец велел от профессора не отходить, и Костя не без основания полагал, что Иван поставлен доносить о Косте. Отец всегда так: одному велит следить за кем-то, а второму следить за первым.

Так что привал затянулся, и Иван сказал профессору:

— Если так будем идти, за неделю до поваленного леса не доберемся.

— Молодой человек, — строго ответил профессор, — я первый геолог, который идет этим путем. И еще неизвестно, что важнее для человечества — находка метеорита или то, что откроется моим глазам в пути.

— Ну как знаете, — сказал Иван Молчун. — Нам бы до снега вернуться.

И больше ничего не говорил до вечера.

Андриюша устал — он редко ездил верхом — и к вечеру сбил себе внутреннюю сторону бедер. Почти до крови. Но стеснялся кому-нибудь об этом сказать, чтобы не осудили. Он был из слабых физически, но крепких духом людей. Из таких чаще всего получают мученики или гении.

Ночевать остановились на вершине плоской скалы. Там было кострище, рядом большое обтесанное бревно — здесь не раз останавливались те, кто шел вверх по речке. Правда, зола была старой, размытой — давно здесь никто не проходил.

Ночью волновались, храпели кони. Иван Молчун

поднимался к ним, а утром сказал, что неподалеку бродил медведь. Но медведи сейчас сытые, нестрашные.

* * *

Тот первый день, что экспедиция поднималась к отрогам Урулгана, на буксире тоже прошел мирно.

Уже налачился быт, люди как-то притесались друг к другу, буксир, освобожденный от части груза, быстрее шлепал лопастями по воде. Не зная языка, китаец и Пегги каким-то загадочным образом обучили колоколовского приказчика Ахметку карточной игре. Они сидели на корме, ругались, смеялись, потом к ним пришел шкипер, тоже играл. Выиграл китаец. Но немного, никто не обиделся. Ахметка все приставал к Пегги, спрашивал:

— Замуж за меня пойдешь?

Она не понимала и отвечала по-английски, что она крещеная сенегалка и не может сблизиться с явным магометанином.

Колоколов поднялся на мостик, стоял за рулевым, смотрел вперед. Лена была как сама жизнь — как будто бесконечна, но если ты умен, то знаешь: еще несколько дней, и она вольется в океан, растворится, пропадет. Все одна видимость...

Колоколов обернулся, громко позвал Ниночку. Девушка поднялась к нему.

— Красота! — сказал Колоколов.

— Я больше люблю город, — сказала Ниночка. — В такой пустыне можно умереть от тоски.

— Замуж тебе пора, — сказал Ефрем Ионович. — Заботы будут, дети, а то все небось читаешь?

— Читаю! — с вызовом ответила Ниночка.

— Запрещенное достаешь?

— Откуда?

— Знаю. Привозят. Ничего, выйдешь замуж, успокоишься. Это в тебе кровь иудейская играет. От вас все беспокойство в империи. Недовольны вы своей жизнью.

— Во мне половина крови якутская.

— То-то и получается. Ну ничего, выйдешь замуж — успокоишься.

— За кого прикажете?

— А Костю ты из головы выбрось, — ответил на невысказанный вопрос Колоколов.

— Не вмешивайтесь в мою жизнь, — отрезала жестко Ниночка.

Колоколов смотрел на ее профиль из-под низко завязанного платка, любовался его четкостью — не здесь бы ей жить, а то как птичка в клетке.

— У меня к тебе просьба будет, — сказал Колоколов. — По службе.

— Я вам не служу.

— Ты, Нина Семеновна, не огрызайся. Деньги получаешь за труд — значит, служишь. А я у тебя плохого не попрошу... Англичане эти для нас люди чужие, не очень я им верю.

— Вы хотите сказать, что их цель — не поиски капитана Смита? — удивилась Ниночка.

— Капитан Смит есть. И полагаю, что дочка его — настоящая. А вот этот красавец английский и особенно слуга его...

— Вы тоже заметили, какой странный этот китаец? — спросила Ниночка.

— А ты заметила?

— Мне иногда кажется, что он вовсе не слуга.

— Так. Молодец, Нина Семеновна. Одинаково мы с тобой думаем. Так что не в службу, а в дружбу: если они будут с китайцем укрываться, шептаться, обсуждать — ты не отворачивайся. Я тебя не неволю. Не захочешь мне передавать — не передавай. А если подумаешь, что дело важное, я тебя всегда жду. А сыщика из тебя или доносчика какого я делать не намерен, не бойся. Знаю, как вы, бунтовщики, доносчиков не терпите. Хуже, чем нас, миллионеров.

И Колоколов засмеялся.

На мостик поднялась Вероника. Она куталась в прорезиненный плащ — таких в Сибири еще и не видали, — на голове капюшон.

— Я вам не помешала? — спросила она.

— Постой, у нас секретов нет, — сказал Колоколов.

— Скажите, мистер Колоколов, — спросила Вероника, — а в лесу опасно?

Колоколов дождался, пока Ниночка переведет, потом ответил с улыбкой:

— Ничего с Костей не случится. Там тунгусы кочуют, становище у них. Одна молодая тунгуска есть: Костя с ней еще тем летом баловался. Утешится.

Хоть некоторые слова перевести было трудно, Ниночка постаралась перевести точнее, чтобы донести смысл слов до англичанки. Хотя знала, что никакой тунгуски тем летом не было.

* * *

Ночью на руле стоял Гайкин. Рулевой он был хороший, немолодой, всю жизнь водил суда по Лене.

Да и путь неопасный — Лена шире десяти верст, течет ровно, берега низкие. Да и темноты еще полной нет, так что трудно чему плохому с кораблем произойти.

Но произошло.

Все уже отошли ко сну. На корабле тишь. Только дождик стучит да пытит машина. На мостике — махоньком — умещается штурвал и труба вниз в машину, чтобы машинисту кричать, да стол, на котором карты лежат. Не было бы Колоколова на борту, не стал бы шкипер карт брать, но Колоколов велел, чтобы все как на настоящем корабле. И сам каждый день смотрел, где плывем, как плывем, сколько осталось.

Карта была шкиперская, ценная. На ней вся Лена от Якутска расписана — и фарватер, и мели, и притоки, и каждая избушка на берегу, а то и отдельное дерево. Чудо-карта на сгибах протерлась.

В час ночи или около того рулевой, что клевал носом, напелал, чтобы не заснуть, увидел, что рядом с ним в боковой двери появился китаец.

Рулевой был рад живой душе.

— Не спится? — спросил он.

— Не спится, — ответил китаец по-русски, но рулевой, человек необразованный, не удивился. Он, как и любой простой человек, полагал, что, когда

иностранцы не понимают русского языка, они притворяются. Как же по-русски не понимать?

— Скоро дожди кончатся, — сказал рулевой, — похолодает. Заморозки пойдут.

— Очень печально, — сказал китаец.

Он был маленький, безобидный и, видно, в самом деле расстроился, что заморозки начнутся.

— У твоих господ, наверное, и одежды доброй нет, — сказал рулевой.

— Совсем нет, — сказал китаец.

— Зря вы в Булун едете, — сказал рулевой. — Нет там ничего.

— Зря едем, — согласился китаец.

Помолчали. Потом китаец спросил:

— Пить хочешь немного?

— Чего пить?

— Водка есть.

— Нет, на руле нельзя. Вот отстою вахту, тогда выпью.

Китаец вытащил из-за пазухи плоскую стеклянную флягу, поболтал в ней звонкой жидкостью.

— Холодно, — сказал он. — Скучно.

— Ну, ладно, — согласился рулевой. — Только немножко.

— Совсем немножко, — сказал китаец.

Он отвинтил крышку. Она была сделана как небольшой стаканчик — английская работа.

Рулевой взял стаканчик. Сказал:

— Только учти, если кому скажешь, что я на руле пил, откажусь, а тебя задушю и в воду сброшу. Понял?

— Спасибо, — сказал китаец. — Еще налить?

— Последнюю, — сказал рулевой.

Он выпил вторую, потом китаец бутылку завинтил и сказал:

— Я домой пойду. Спать буду.

— Спокойной ночи, — сказал рулевой. — Спасибо тебе. Я в Булуне тебе добром отплачу.

Китаец ушел. Было тихо. От водки рулевому стало теплее. Приятнее. Рулевой подумал: как бы минутку соснуть? Одну минутку. Он прилег головой и плечами на штурвал — неудобно. А все его члены постепенно охватывало сладким дурманом. И сил не было проти-

виться. Так что рулевой сел на пол, прислонился к ножке стола и заснул.

И тут же — может, через минуту, словно ждал рядом, — на мостике появился китаец Лю, огляделся, взял со стола карту, сложил ее, спрятал за пазуху и незаметно ушел. Будто его и не было.

А буксир «Иона», лишенный управления, стал понемногу сворачивать к берегу. Только некому это было заметить: шкипер, который по долгу службы мог бы проверить, спал. Колоколов тоже спал. Доверился людям. А про остальных и говорить нечего.

Скорость у буксира была немалая — вниз по течению шел, так что врезался он в берег на полном ходу.

Китаец Лю, когда свой злодейский план исполнял, предполагал, что дойдет буксир до берега, ткнется в него — осадка небольшая — и остановится. Рулевой признается, что заснул — с кем не бывает? А потом буксир сойдет с мели и дальше поплывет.

Но произошло другое.

Буксир на полном ходу вошел в берег. Только берег в том месте был не гладкий, из него исходила каменная гряда, на которую наталкивались бревна, что оторвало от плотов или угнало с лесопилки. Бревна торчали концами, как иглы сжа. Вот на эту гряду и вынесло «Иону», и бревна принялись корезить борт да ломать колеса.

Все, кто спал, вскочили, думали, что конец пришел. Кто в чем есть выскочили на палубу с криками. Машина остановилась не сразу, колеса еще вертелись, шкипер с пьяных глаз выполз на палубу и свалился за борт. Вокруг синь — непонятно, откуда бревна, что за камни...

Рулевой проснулся, голова трещала. Соображал он плохо, стал спросонья штурвал крутить, чуть не выломал.

Порядок навел Колоколов.

Накричал на людей, послал фонари зажигать, смотреть, что случилось.

Но только с рассветом удалось осознать размеры беды.

Буксир разве что не утонул.

Мисс Вероника Смит

Корпус, железный, толстый, погнулся, разошелся в одном месте, стал пропускать воду. Три лопасти правого колеса — к чертям собачьим. Одно бревно, что торчком стояло, ударило в надстройку, вышибло иллюминатор в каюте Колоколова, чуть Дугласа не убило, вторым бревном с палубы сбросило несколько ящиков — они вниз поплыли. Лодку спустили, да нашли не все — как найдешь под дождем, в полутьме, на таком просторе?

С рулевого что возьмешь — рыдал, божился, что и не спал вовсе, бес попутал. Правда, про китайца сказать испугался, понимал, что Колоколов убьет, узнавши, что у штурвала пил. С китайца взятки гладки.

Буксир приткнули к берегу. Колоколов с протрезвившим шкипером — синяк под глазом, то ли Колоколов под горячую руку врезал, то ли при крушении досталось — все облазили, обстучали, закрылись в каюте, стали соображать: можно ли починить буксир или придется бросить его здесь, а это страшный убыток.

Остальные мучались несказанно — дождь стих, потеплело, и комарье, словно увидело сигнал, бросилось на пароход. Закроешься в каюте — душно, воздуха нет, вылез на палубу — жрут.

Для Колоколова это была проблема: если возвращаться в Новоялтыцк против течения — дня три, даже при хорошей машине, а на поврежденном корабле, да еще с баржами, и того больше. А там и ярмарка в Булуне кончится, тунгусы и якуты разъедутся — убыток велик. Колоколов решил привести «Иону» в божеский вид, хоть как-нибудь, только бы до Булуна добраться. Оттуда в крайнем случае можно на селивановском буксире вернуться, он туда раньше ушел. Хоть и конкурент Селиванов, все же свои люди, не бросит у Ледовитого океана. А там Колоколов придет из города мастеровых, чтобы успеть до ледостава вернуть буксир.

Весь день Колоколов людей гонял, сам поесть забыл. Днище проверяли, машину налаживали, разошедшиеся швы, как могли, паклей забивали, новые лопасти из досок выпиливали — только бы дошлепать.

На одной из барж тоже образовалась пробоина,

воды набралось на аршин. Пришлось груз сушить — хорошо еще, что дождь кончился.

Но внешне Колоколов казался спокойным. Его сила в том, что в трудные моменты умеет не показывать людям своего смятения. Вероника любовалась бороатым мужиком, что умел приказывать и все слушались беспрекословно.

К вечеру все утомились.

Горел большой костер, дым светлый до самого неба, искры, как от паровой трубы. Китаец по приказу Дугласа не пожалел — вынес целую банку хорошего чая. Заварили славный чай — на всех, такой крепкий, что англичане его кипятком разводили.

То ли от крепкого чая, то ли от близости Колоколова Вероника слышала, как бьется ее сердце, часто и громко.

Колоколов пил жадно, не боялся обжечься.

— Не горячо? — спросила Вероника.

— Чего она говорит? — спросил Колоколов у Ниночки. И сам же ответил: — Нет, не обожгусь, у меня глотка луженая.

И засмеялся.

— Правильно я понял? — спросил он у Ниночки.

Та кивнула.

— Скажи им, чтобы не переживали, — велел Колоколов. — Завтра с утра отчаливаем. Если Господь не оставит, будем в Булуне вовремя.

Дуглас ответил:

— Мы не сомневались в вашей энергии, господин Колоколов.

— И правильно сделали.

Колоколов смотрел на Веронику. В полутьме, подсвеченные костровым пламенем, его глаза казались черными ямами, в которых горел красный огонь.

Гайкин протянул руку к чайнику, попросил Ниночку долить.

Колоколов заметил, резким движением выбил кружку из руки рулевого, кружка звякнула, покатилась в сторону.

— Еще смеешь чай распивать? — спросил Ефрем Ионыч негромко, но со страшной угрозой. — Не дай Бог тебе живым до Новопятницка добраться.

Вскоре все разошлись. У костра осталась Вероника. Она велела Пегги принести ей шаль.

— Я еще посижу, — сказала Вероника, — костер такой красивый.

Пегги ушла вслед за остальными.

Вероника знала, что Колоколов не спит, он куда-то ушел по берегу.

С буксира и барж доносились голоса. Усталые люди устраивались спать. Тонко звенели комары.

Вероника поднялась и пошла по берегу, по гальке, прочь от корабля.

Было громко от хруста камешков под башмаками. Ветер был сырой и холодный. Вероника прошла уже далеко, обернулась — огоньки буксира были звездочками, а костер — красным пятнышком. Надо возвращаться, наверное, разминулась с Колоколовым.

Но Колоколов ждал ее.

— Я здесь, — сказал он негромко, чтобы не испугать.

— Хорошо, что вы здесь, — ответила по-английски Вероника.

Дальше они разговаривали каждый на своем языке, но не чувствовали от этого неудобства. Не столь важны были слова.

— Устал я за сегодня. Что за день такой неудачный!

— Я полагаю, — сказала Вероника, — если бы не это несчастье, у нас с вами не было бы возможности встретиться без свидетелей.

— Не боишься меня?

— Наверное, никому не придет в голову, что я, как девочка, побежала искать вас по берегу.

Колоколов подошел к девушке ближе, посмотрел ей в глаза. Она не отвела взгляда.

— А я как тебя увидел, — сказал Колоколов и чуть ухмыльнулся, — сразу понял, что будешь ты, голубушка, моей.

— Нет, мне не холодно. — Веронике показалось, что ее спросили об этом.

— Ты небось к мягким постелям привыкла?

— В вас есть удивительная сила. Я не могу ей противостоять.

Колоколов протянул руку, и Вероника вложила в

нее свою ладошку. Рука как бы утонула послушно в руке Колоколова.

Он повел ее вверх от воды, где начиналась трава.

У Ефрема было странное ощущение, что это все уже было, но давно, в детстве, с одной тунгуской, в тайге, и тоже не надо было языка или объяснений. Ничего не надо было.

Колоколов потянул Веронику за руку, и мисс Смит послушно уселась рядом с ним на влажную редкую траву.

— Только не думай, — сказал Колоколов, — я на тебе не женюсь. Нельзя это. Ты и религии другой.

Вероника незаметно провела пальцами за своей спиной — нет ли там камней. Но трава была без камней. Только сучок. Сучок она отбросила в сторону. Сучок упал, было слышно. Колоколов резко повернул голову в ту сторону.

— Не бойся, — сказал он. — Это мышь пробежала.

— Я думаю, что никого раньше не любила, — сказала Вероника.

— Цыганки были, — сказал Колоколов. — Тунгуска была, а чтобы англичанка — это даже удивительно. И в такой день, правда?

— Вы сильный человек, — сказала Вероника. — Но вам нет дела до других. И меня вы бросите, как наиграетесь.

Колоколов нажал на плечо, положил ее рядом с собой на землю. Вероника почувствовала сквозь платье влажность земли и подумала, что наверняка схватит насморк.

Колоколов принялся целовать ее, и Вероника стала отклонять голову, повторяя:

— Не надо, не надо...

Но поцелуи становились все более настойчивыми.

— Вы так уверены в себе, — прошептала Вероника.

Комар очень больно укусил ее под глазом, но руки были заняты. Вероника стала вертеть головой, чтобы потереться глазом о щеку Ефрема.

Но тут же другой комар злобно ужалил ее в лоб. Вероника стала освобождать руки, оказавшиеся на спине Ефрема Ионьча, и так спешила, что застонала, и Колоколов принял этот стон за выражение крайней

страсти. Вероника же с ужасом думала о том, что Колоколов намерен обнажить ее ноги, а комары только и ждут этого момента. Колоколов бормотал русские нежные, непонятные слова. А Веронике стало жалко, что она будет сейчас вынуждена его горько разочаровать, потому что комариные укусы уже изгнали желанье любви из ее искованного тела.

Упершись руками в плечи Колоколова и оттолкнув в отчаянии от себя его тяжелое жилистое тело, Вероника, царапая спину о камешки, выбралась из-под Ефрема Ионыча, но не убежала с криками, чего он испугался, а принялась с наслаждением расчесывать бедра.

— Простите, — сказала она. — Не примите это за оскорбление. Мое чувство к вам неизменно, но эти укусы выше моих сил.

Колоколов мрачно поднялся, привел себя в порядок и сказал:

— Не желаете — не неволим.

Вероника улыбнулась ему, оправляя юбку, и ногом показала, куда ее кусают комары, пришибла одного на щеке и, взяв пальчиками, протянула Колоколову.

— Это же тигры, — сказала она, продолжая улыбаться.

И тогда Колоколов понял, захохотал и сказал:

— Меня они тоже достали.

И осторожно прихлопнул еще одного кровопийцу у нее на щеке.

Они оба стали смеяться.

— Никому не расскажешь, — говорил Колоколов, — как я с англичанкой из-за комаров амур нарушил.

Он на нее уже не обижался. И что странно — с этого момента их отношения стали секретными, доверительными, словно то, что не случилось, на самом деле произошло.

— Ничего, — сказал Колоколов, когда они подошли к костру. — У нас еще все будет, правда?

— Мне приятно, что вы отнеслись к этому, как джентльмен, — сказала Вероника. — Иной мужчина на вашем месте постарался бы меня возненавидеть.

— Все-таки разница в воспитании, — ответил на это Колоколов. — Русская баба комаров бы перетерпела.

— Я тоже надеюсь, что мы с вами останемся друзьями, — ответила Вероника.

В проходе между каютами Колоколов знаком велел Веронике ждать, заглянул к себе, взял со столика у койки тунгусскую смесь от комаров. Вонючую, но полезную. Вынес ожидающей Веронике, показал рукой, что смазывает тело.

— Вы так добры, — прошептала в ответ Вероника. — Но если вы надеетесь, что я, употребив это средство, вернусь на берег, вы ошибаетесь.

— Спокойной ночи, — сказал Колоколов.

Ниночка не спала.

— Моя ночная прогулка чуть не кончилась трагически, — сообщила Вероника, быстро сбрасывая с себя одежду и протягивая пузырек Ниночке. — Моя милая, — попросила она, — будьте любезны, потрите меня этой мазью. Иначе я погибну от зуда.

Ниночка послушно начала растирать тело Вероники.

— Я слишком далеко зашла, не заметила, — сказала Вероника. — Но потом мне показалось, что кто-то за мной следит. И я побежала обратно.

— Вы падали и ушиблись, — сказала Ниночка.

— Почему вы решили?

— Ваша спина вся в царапинах.

— Да, я упала, — быстро согласилась Вероника.

* * *

С утра матросы под руководством совершенно трезвого и мрачного шкипера прилаживали новые лопасти к поломанному колесу. Механик пробовал машину — не сдвинулся ли с места от удара котел. Тучи неслись над самой водой, сизые, вот-вот пойдет дождь. Колоколов велел грузить так и не просушенные товары обратно на баржу. У Вероники болела голова и начался насморк. С ней в каюте была Пегги. Вероника держала ноги в тазу с горячей водой.

— Господин Робертсон не верит, что вы гуляли по берегу одна, — сказала Пегги хозяйке.

— Если бы не отец, я бы повернула обратно, — сказала мисс Смит.

Пегги губкой мыла госпоже ноги. От комариных укусов остались красные пятна.

Мистер Робертсон помогал матросам ставить лопасти, у него были умелые руки. На Колоколова поглядывал странно. А вдруг она ему все рассказала? Орбел Колоколов. У него и пистолет может быть. Все же невеста. Колоколов поглядел, где Ахметка. Ахметка был неподалеку. Он стоял у воды, приложив ладонь ребром к глазам, смотрел вдаль.

— Ты чего там увидел? — спросил Колоколов.

У Ахметки глаза, как у коршуна, — за две версты муху видят.

— Лодка плывет снизу, — сказал Ахмет.

Скоро лодку стало видно всем. Небольшой квадратный парус помогал ей идти против течения. Один человек греб, второй сидел на корме.

— Тунгусы? — спросил Колоколов.

Ахметка прищурился.

— На корме тунгус сидит, — сказал он. — А гребет казак.

Лодка подплывала долго, может, полчаса. Но уж было не до работы.

Она еще не дошла саженой ста до берега, как Колоколов забрался на нос буксира, сложил ладони трубой и крикнул:

— Откуда вы?

— Из Булуна, — ответил казак. — Здравствуй, Ефрем Ионыч.

— Куда?

— В Новопятницк, — ответил казак. — Человека везем.

Колоколову уже виден был человек на дне лодки. Он был закутан, один нос наружу.

— Что за человек? Раненый, что ли?

— Нет. Больной.

— Ваш, что ли? Казак?

— Нет. Чужой человек, — сказал казак. — Его тунгусы в устье Лены подобрали. Не наш человек. С

океана. Больной шибко. Урядник велел: вези в Ново-пятницк, а то помрет у нас. Фелшара нету, никто не знает, что за болезнь. Только он все равно не жилец.

Лодка ударилась о борт буксира.

Колоколов смотрел сверху на лицо незнакомца. Было оно одутловатым, обросшим рыжей нечесаной бородой и очень бледным, в синь. Рванный синий воротник обрамлял тонкую шею.

— Отец! — раздался крик. — Отец, что с тобой? Ты живой?

Рядом с Колоколовым была Вероника. Она рвалась к человеку в лодке. Пегги успела подхватить госпожу, а то бы та, верное дело, прыгнула в лодку.

Вероника билась, тянула руки.

— Поднимай его, — приказал Колоколов.

Рыдающая Вероника была еще милей его сердцу, чем вчера.

— Ты не плачь, — сказал он как мог ласково, положив ей руку на плечо, но Вероника этого не заметила. — Это же такое счастье — не искамши, нашла. Видно, Бог тебя отличает. А если бы мы крушению не потерпели, то наверняка бы ночью с лодкой разминулись.

* * *

Капитан Смит пришел в себя. Но ненадолго. Видно, сознание его было затуманенным, он даже не удивился, что видит дочь, может, решил, что это ему мерещится, потому что стал вдруг спрашивать, как дела дома, как себя чувствует его покойная жена. Женщины хлопотали над ним, согрели воды, вымыли его, может, впервые за много недель. Пегги притащила шкатулку с лекарствами, а Колоколов расспрашивал казака.

Капитан Смит вышел к устью Лены с западной стороны дельты. Там и остановился. В палатке. А кроме него в палатке были еще двое. Последние из тех, кто дошел до суши. Однако цинга и истощение вскоре лишили капитана его спутников. И, оставшись в одиночестве, Смит побрел вперед, вдоль берега, но

дошел лишь до первого ручья, свалился в него и потерял сознание.

Тунгусы, что ехали на ярмарку в Булун, по счастью, увидели его и довели живым. Правда, в сознание он почти не приходил. В Булуне ясно стало, что незнакомец скоро помрет, а урядник этого не хотел. Одно дело — свой. Но незнакомец бредил по-иностранному, и с ним были бумаги, написанные на непонятном языке.

Чтобы не оставлять на своей душе греха, урядник приказал погрузить полумертвого иностранца в лодку и везти к Новопятницку.

Вероника за встречей с отцом, столь невероятной и неожиданной, забыла о Колоколове. Она провела более часа у изголовья капитана Смита, а когда вышла на палубу, ее было трудно узнать: глаза ввалились, волосы спутаны — можно подумать, что она не англичанка, а простая русская баба.

На палубе Колоколов разговаривал с казаком, который привез Смита, выяснял, как дела в Булуне. Увидев Веронику, он сразу оставил казака и поспешил к девушке с искренним выражением сочувствия.

Дуглас стоял в стороне — как-то получилось, что теперь он не был нужен и незаменим. Он был искренне задет невниманием Вероники, ведь сам в мыслях своих он представлял себя героем, который спасет во льдах погибающего капитана Смита и будет вознагражден искренней любовью.

Ниночка вышла вслед за Вероникой на палубу. Она была потрясена соприкосновением человеческих судеб. Как же могло случиться, что, словно в авантюрном романе Луи Буссенара, лодка с капитаном Смитом встретила с буксиром, на котором находились приехавшие с другой половины Земли его спасители!

— Отцу нужен доктор, — сказала Вероника Колоколову. — Его состояние такое тяжелое, что моих медицинских знаний не хватит, чтобы его спасти.

Ниночка все это перевела и от себя добавила, что согласна с Вероникой.

— Дело такое, — сказал Колоколов Ниночке. — Ты не переводи пока. Капитан помрет. Точно знаю. Можешь поверить, я разных людей навидался.

Ниночка кивнула. За свой короткий век на Лене она тоже немало видела. И как люди умирают, и как убивают их.

— Но если оставим его здесь или повезем в Булун, будет на нас грех. Проклянет нас его дочка.

— Что он говорит? — спросила Вероника.

— Он размышляет вслух о лучшем пути в этой ситуации, — ответила Ниночка.

— Даже если бы я хотел, буксиру обратно не вернуться. В таком виде ему супротив течения, дай Бог, две недели колупаться.

Колоколов немного лукавил, и Ниночка это понимала. Не повернет он вверх по реке — дела его в Булуне куда важнее капитана и даже его дочери. Может быть, он с ней ночью и насладился и питает к ней чувства, но чувства эти отступят перед делом. Иначе бы не стать Колоколову миллионером, знатным промышленником и почетным гражданином Новопятницка.

— Так что ничего иного не остается, как отправиться твоей мадемуазель Веронике вверх по реке на лодках. Я вторую дам и матросов, чтобы гребли. Ты ей все объясни и скажи, что это самый быстрый способ ее отцу помочь. А там уж все в руках Божьих.

Пока Ниночка переводила, Колоколов смотрел на Веронику. Та рассеянно кивала, потом переспросила, видно, не сразу поняла, почему Колоколов не поворачивает корабль обратно. Ниночка показала ей на разобранное колесо парохода. Напомнила о состоянии «Ионы».

Вероника все сомневалась — обернулась к Колоколову, глаза блестели от слез, щеки ввалились. Но тут на помощь пришел Дуглас.

Он сказал целую речь. Ворковал — они, англичане, в отличие от наших не говорят, а словно воркуют.

Вероника возражала. Ниночка сказала Колоколову:

— Мистер Робертсон с вами согласен. Он тоже считает, что на лодках больше шансов спасти капитана.

— Еще бы, — вырвалось в сердцах у Колоколова.

Ведь если быть честным, то встреча с капитаном Смитом была ему не с руки. Будь все, как прежде,

доплыли бы до Булуна с Вероникой. Еще день-другой, она бы смирилась — все же он не последний мужик. А может, лучше так? На что тебе, Ефрем, на старости лет такие приключения? На дуэль, что ли, с англичанином выходить? Это хорошо для мистера Робертсона не кончится. Он как кот на чужом дворе — или убегай, или растерзают. Видно, мистер Робертсон это учуял. Помрет капитан Смит, не помрет — какая разница! Главное, чтобы Вероника в руках осталась.

Колоколов позвал шкипера и приказал готовить лодку для англичан. Тот было стал возражать: лодка одна, а буксир в плохом виде, если что случится, без лодки не обойтись. Но Колоколов был непреклонен. Он согласен был идти на риск. Потом приказал не скупиться, положить в лодку припасов, чтобы с лихвой хватило до Новопятницка.

Все спешили: Колоколов — плыть дальше, Вероника — вернуться в Новопятницк. Как отрезало вдруг все, что было вчера, словно началась новая жизнь.

Колоколов сказал Ниночке:

— Я, конечно, тебя неволить не могу...

— Без меня им трудно, — сказала Ниночка. — Да и в вашем Булуне мне делать нечего. Чем скорей вернусь домой, тем лучше.

— Ты за ними присматривай, — сказал Колоколов.

— Вы опять?

— Все не так просто.

— Просто, — ответила Ниночка. — Миром правят деньги. И в этом главная несправедливость. Вы как представитель класса угнетателей не можете понять этой несправедливости.

— Не всегда я был угнетателем, — сказал Колоколов серьезно. — Ты же знаешь, в тайгу ходил, зверя бил, золотишко искал — все было.

— Это история. И я не имею вас в виду. Я имею в виду весь несправедливый строй.

— Строй, может, и несправедливый. Но он для сильных. Это я тебе когда-нибудь объясню. С тобой он, конечно, несправедливый.

— Вам легко уходить от разговора, — рассердилась Ниночка. — Если бы я была русской, что бы вы мне тогда сказали?

— То же сказал бы. Дело не в вере, не в нации. Дело в силе.

— Силу можно победить.

— Когда власть возьмешь, что со мной сделаешь?

— Мы отнимем у вас несправедливо нажитое состояние. А вы... вы можете работать, если захотите. Только сам, своими руками.

— А я чьими же? — удивился Колоколов. — Да я сегодня больше всех перетаскал, хотя всю эту команду купить могу.

— Вам надо читать, — сказала Ниночка. — Вам нужно заняться образованием. То, что вы темный, вас не оправдывает.

Колоколов хотел обозлиться на девчонку, а потом засмеялся, махнул рукой.

— Твой Костик образованный, а что толку?

Так и сказал — «твой». Но в шутку.

Сначала отплыли лодки вверх по течению. К счастью, ветер дул снизу, помогал, можно было поставить паруса.

На первой лодке поместились три девушки и большой капитан. Гребли казак с тунгусом Илюшей. Колоколов им хорошо заплатил, чтобы старались. Во второй плыли Дуглас с китайцем, а гребли два матроса.

Колоколов стоял на берегу. Ждал, обернется ли Вероника.

Та обернулась. Но позже, чем ему хотелось. Словно вспомнила не сразу, как не о самом важном. Подняла руку.

— Увидимся в Новопятнишке, — сказал Колоколов. — Через две недели.

Но сам не очень верил. Думал, что капитан помрет, а англичанка вряд ли будет его ждать — с первой оказией отплывет в Якутск. А если догнать — не узнает.

— Ну, мать вашу, пошевеливайтесь! — закричал он на матросов. Те даже удивились: Колоколов редко позволял себе сквернословить.

* * *

За второй день все устали дальше некуда.

Приходилось то и дело спешиваться, вести лошадей

на поводу. Тропа прервалась. Иван Молчун каким-то особым чутьем находил дорогу в буреломе и на проплешинах топи. Андрюша, у которого не было опыта таежных походов, да и телом был не силен, совсем скис, опух от укусов комарья, готов был плакать, но не жаловался. Костя в первую же ночь предложил вернуться. Не пробиться, сказал он, за Урулган. Надо с той стороны идти, от Вилкойска, там тропа есть. Мюллер выслушал его равнодушно и сказал, что легких путей в тайге не бывает. Как на лекции — словно и не выходил из своего кабинета. Первым забрался в палатку и заснул.

На второй день после обеда снова вышли к речке и, к удивлению, натолкнулись на людей. Людей было трое — корейцы золото мыли. Таких партий в тайге — десятки. Припас колоколовский, и добычу ему сдавать. Колоколов лучше других хозяев, не обманывает, следит, чтобы люди были довольны. Так говорили корейцы, но неизвестно, правду или нет, потому что они знали Костю в лицо. А уж Ивана Молчуна — точно. С ними и заночевали вторую ночь.

Корейцы эти места знали. И сказали неожиданное: оказывается, экспедиция идет неправильно. Если завтра они перевалят через хребет, то никакого небесного камня там не найдут.

Сами корейцы камня не видели — зачем им туда ходить? Но тунгусы им объяснили, что упал камень в распадке между двумя горами, куда южнее долины Власей речки. Там он и лес повалил.

— А что тунгусы говорили о самом камне? — настаивал Мюллер. — Они же видели?

— Не видели они камня, — сказал старший кореец, который сносно говорил по-русски. — Нет там камень. Болото. Если он упал, в болоте утонул.

— Может, они не там смотрели?

— Моя не знает, — сказал кореец. — Моя туда не ходил.

Костя лег спать недовольный — ему не хотелось переться в горы. Андрюше было неловко идти спать, когда корейцы с профессором не ложатся, разговаривают. Ноги и промежность болели жутко, спина ныла, сейчас бы умереть — вот сладко-то. Увидела бы сейчас

Андрюша Нехорошев

мама своего сына-студента, тихоню, чистюлю! Лучше бы не видела, даже во сне — у мамы слабое сердце. Андрюша сидел у костра, что горел перед шалашом золотоискателей, мерный разговор убаюкивал его, он клевал носом.

Говорил старый кореец. Молчун переспрашивал, если не понимал. Долину корейцы знали хорошо — исходили всю, но к вершинам не поднимались. А экспедиции завтра придется. Мюллер, несмотря на трудный путь, доволен. Путь к камню оказался вдвое короче, чем он предполагал. И если бы они вышли от реки верст на пять-шесть южнее, то до места, где поваленный лес, день ходу.

Андрюша незаметно заснул сидя, свалив голову на грудь.

Молчун подхватил его, поволок к палатке, а Андрюша спросонья рвался искать потерянные очки. Очки нес сзади профессор.

* * *

Ветер снизу дул постоянно, помогал плыть. Но все равно двигались вперед куда медленнее, чем спускались на буксире. Часа через четыре пристали к берегу. Капитан Смит пришел в себя только однажды, выпил глоток горячего чая, что вскипятили на костре, бормотал о льдах, о сжатии и о том, что какой-то Джонс должен прыгать на льдину, а то затянет в воду.

— Боюсь, что отца вам не спасти, — сказал Дуглас Веронике, когда они остались одни.

Он был любезен и предупредителен.

— Не говорите так, Дуглас, — попросила Вероника. — Я уверена, что Господь не оставит нас. Ведь мы столько всего перенесли.

— Я знаю и надеюсь, — сказал Дуглас. — Я не покину вас.

— Я вам благодарна. До конца жизни, — искренне сказала Вероника. Ей было страшно, потому что вместо отца, память о котором потускнела, в лодке лежал другой человек, старый, страшный и чужой. И теперь никого не было рядом, кроме Дугласа. И плохо, если он ее оставит.

— Я не хочу показаться нескромным, — сказал Дуглас, — но мы не знаем, что в сумке вашего отца. К счастью, ее не украли эти дикари.

— Мой отец жив.

— Не будьте наивной, послушайте меня! Если завещания нет, возникнут трудности с наследством. Еще не поздно его составить по форме, при свидетелях.

— Отец жив, жив, жив!

— Мистер Смит может скончаться в любой момент.

— Я не хочу думать об этом.

— Тогда подумайте обо мне. Я вложил в ваше путешествие все мои наличные деньги, я залез в долги...

— Дуглас, не заставляйте меня еще более разочаровываться в вас!

— Но есть выход. Надо открыть сумку капитана. Может быть, завещание лежит там. Тогда не будет оснований для беспокойства.

Не ответив, Вероника решительно отошла от Дугласа и забралась в лодку, к отцу. Она взяла кружку с остывшим чаем и старалась напоить его.

Дуглас вернулся к своей лодке.

Ниночка в это время отходила к кустам, а когда возвращалась к берегу, чуть ошиблась и вышла как раз к лодке, где тихо беседовали Дуглас и его слуга. Голоса их звучали так странно, что Ниночка замерла, не выходя из кустов.

Оттого, что она остановилась, ей волей-неволей пришлось подслушивать.

— Если вы этого не сделаете, — тихо говорил китаец, — я сделаю это сам. Сегодня ночью.

— Но почему не подождать до города? Капитан может выздороветь, и если он узнает...

— Он не должен выздороветь.

— Ну почему?

— Мы не знаем, что будет завтра. А что если сюда нагрянет отряд полицейских?

Случайное открытие ужаснуло Ниночку. Если они сейчас ее заметят, то не остановятся ни перед чем! Минуту назад Ниночка была убеждена, что знает

джентльмена неясной репутации и его исполнительного слугу.

И вдруг оказалось, что господином был китаец. Дуглас Робертсон ему подчиняется!

Но кому скажешь об этом? Веронике? Она не поверит. А поверила бы, ничего не смогла бы поделаться. Казаку? Тунгусу? И что тогда?

Китаец почувствовал неладное — как зверь, до которого донесся запах жертвы.

— Там кто-то есть, — сказал он, показывая на кусты. — Надо проверить.

Ниночка не стала ждать, пока китаец настигнет ее в кустах, а бросилась прочь, не разбирая дороги.

Шагов через сто она споткнулась о поваленное дерево и, упав в труху, замерла, прислушалась: близка ли погоня?

Погони не было. В тайге тихо.

Понятно, догадалась Ниночка. Они сейчас поспешат к лодкам, проверят, кого нет. И тогда догадаются.

Тогда Ниночка снова побежала к берегу. По крайней мере рядом с казаком ей будет спокойнее. Она скажет, что боится китайца, казак ее защитит.

Завидя реку, Ниночка прошла немного вверх по течению, чтобы выйти из леса с другой стороны лагеря.

На ее счастье, китаец и Дуглас еще не вернулись — значит, ищут ее в лесу. Лучше и не придумаешь.

Что же они замыслили? Что им нужно от капитана? Этого Ниночка не знала. Но решила пока ничего никому не говорить. Она подошла к казаку, что сидел на обкатанном водой пне и пришивал пуговицу.

— Михей Кузьмич, — сказала она, — а места здесь спокойные?

— У нас все места спокойные, — ответил казак философски. — Да во всех убивают.

— На нас не могут напасть?

— Добычи от нас мало. Если бы мы золотишко везли, тогда надо оберегаться. А так... вряд ли.

— А ночью все будут спать? — Ты не бойся, я чутко сплю, — сказал казак. — Чуть что, вскочу. И Илюша — человек таежный.

Тунгус вычерпывал воду из лодки и, услышав свое имя, поднял голову и широко улыбнулся.

— Не бойсь, — сказал он. — Лена как большая дорога. Закричишь — кто-то прибежал.

Ниночке сразу стало спокойнее, потому что эти люди были уверены в себе.

Из леса вышла служанка Вероники. Пегги несла в руке хилый букетик поздних цветов — мелкие, беленькие, они еще встречались на полянках.

И тут же, почти следом за ней, появились китаец с Дугласом.

Дуглас окликнул Пегги. Та остановилась.

Китаец стоял на шаг сзади Дугласа. Здесь они были на виду, и китаец сразу ушел в тень. Конечно, он тень, но тень, как у Андерсена, куда более реальная, чем ее хозяин, подумала Ниночка.

Дуглас говорил с Пегги тихо, неслышно. Но по тому, как он наступал на нее, как склонился, как она подняла руки с зажатыми цветочками, словно защищалась от неминуемого удара, как она трясла головой, отрицая, Ниночка поняла, что подозрения пали на нее.

И хоть Пегги приходилось несладко, Ниночка почувствовала несказанное облегчение. Теперь она вне подозрений, сможет следить за заговорщиками и защитить, если нужно, капитана Смита.

Пегги вырвала руку у Дугласа и побежала к лодке.

— Что случилось? Чего они от тебя хотели? — спросила Вероника.

— Они обвиняли меня в том, что я подслушивала их разговор. Что я шпионка. Но это неправда! Он грозился меня убить!

— Кто?

— Мистер Робертсон. Он всегда был так добр ко мне, а сегодня прямо меня возненавидел.

— Не переживай, перестань плакать. Я с ним поговорю.

Говорила ли Вероника с Дугласом или забыла, Ниночка так и не узнала.

Спать устроились рано. Палатка была только одна. Ее поставили на берегу для капитана Смита и Вероники, которая осталась с ним. Остальным пришлось

устраиваться в лодках. Только тунгус улегся у костра — сказал, что боится на воде спать.

Ниночке не спалось — вода часто била по днищу, порывами налетал ветер, и тогда борта лодки скрипели и ныли от его ударов. Было холодно, а проклятые комары все не унимались — их было немного, но злость их угроилась.

Сна не было, но заволакивала дрема. Ниночке казалось, что она плывет по большому холодному океану и волны норовят утопить утлую ладью... Потом она проснулась. Небо над головой было серым, по нему мчались облака, холодно было, страшно, даже тулуп, что дал в дорогу Колоколов, не согревал. На берегу скрипела галька — кто-то там ходил. Ниночка хотела окликнуть, но тут проснулась окончательно и осторожно чуть-чуть приподняла над бортом шитика голову.

Недалеко от лодки разговаривали Дуглас и Вероника. Они говорили тихо, ветер уносил слова. Вероника куталась в одеяло, в руке у нее было ведро — видно, пошла к реке, но Дуглас ее подстерег. Какое Ниночке дело до их разговоров и переживаний? Только она собиралась снова накрыться с головой и постараться уснуть, как увидела, что из палатки, где был Смит, выскользнула темная тень и метнулась к кустам. Китаец!

Ниночка хотела крикнуть, позвать на помощь.

Но сдержалась, прижала ладонь к губам. Она ничем не поможет, никого не спасет...

Видно, и Дуглас увидел, что китаец убежал из палатки.

Он громче, так что Ниночка слышала, сказал:

— Я не буду больше вас отвлекать... Простите, дорогая.

Вероника кивнула и медленно пошла к палатке. Дуглас остался стоять на берегу. Сверкнул огонек. Он раскуривал трубку. Тунгус приподнялся от тлеющего костра и спросил:

— Кто ходит?

— Это я, — ответил Дуглас. — Карашо.

Ветер налетел шквалом. Дуглас еле устоял на ногах. Он выругался и пошел к своей лодке.

Ниночка продолжала смотреть на палатку. Если китаец сделал что-то ужасное, сейчас она услышит крик Вероники.

Но в палатке было тихо.

Сон совсем ушел. Ниночка дрожала под тулупом, но не только от холода. Надо было что-то сделать. Натура деятельная, Ниночка не могла оставаться сторонним наблюдателем. Ей нужен был союзник.

Если рядом с Ниночкой были друзья, если она принадлежала к какой-то группе, союзу, компании — она была отчаянно храброй и предприимчивой. Но, оставшись одна, Ниночка терялась, робела, легко впадала в отчаяние. В белостокской эсеровской ячейке никто не мог соперничать с ней отвагой. Но если бы ее увидел сейчас кто-либо из старых друзей, он счел бы, что лицезреет лишь бледную тень прошлой Нины Черниковой, подпольная кличка которой — Оса.

Ниночка протянула руку и дотронулась до завернувшейся в тулуп Пегги, что мирно похрапывала рядом. Конечно, рискованно открыться ей, но Пегги была приятна Ниночке с первого же дня, и Ниночке хотелось рассчитывать на ее лояльность хозяйке.

Пегги не хотела просыпаться. Она отталкивала во сне руку Ниночки, что-то сказала на непонятном языке. Но, когда Ниночка произнесла шепотом ее имя, Пегги тут же открыла глаза и спросила:

— Да, мисс?

— Пегги, — шептала Ниночка, — мне нужно с тобой поговорить. Только ты должна поклясться, что сохранишь тайну.

— Что случилось?

— Ты любишь мистера Смита и Веронику?

— Они добрые. Я их люблю.

— А мистера Робертсона?

— Мистер Робертсон джентльмен, я не могу любить его или не любить.

— Скажи, о чем он говорил с тобой сегодня на берегу?

— Он был очень грубый. Он говорил, что я подслушиваю их разговоры с Лю. Он хотел меня побить.

— Пегги, они что-то замышляют против твоей госпожи.

— Я не понимаю вас, мисс Нина.

Ниночка постаралась передать Пегги содержание разговора между Дугласом и китайцем, хотя, пока говорила, все более понимала, что ничего особенного и не слышала — это только подозрения...

Пегги слушала внимательно, некоторые слова она не понимала и тогда переспрашивала.

— Только что я видела, как мистер Робертсон отвлекал Веронику, а этот китаец был в палатке.

— И мисс Смит не заметила?

— Она смотрела в сторону реки.

— А что он делал?

— Я не знаю.

— Может, он убил мистера Смита? — Глаза Пегги стали круглыми от страха — даже в полутьме это было видно.

Ниночка отрицательно покачала головой:

— Там тихо.

— Мне страшно, — призналась Пегги. — Это ваша страна, это ваши солдаты там спят, вы им скажете: убей китайца, и они убьют. А меня кто будет слушать?

— Но что я им скажу?

— Вы скажете, что он плохой, что он совсем не китаец.

— Не китаец?

— Он даже китайский язык не знает. У нас на Цейлоне есть китайцы, рядом с нами жил китаец, я от него научилась разным словам. А Лю слов не знает. Он не китаец.

— А кто же он?

— И он не слуга. Слуга другой. Слуга разные вещи должен уметь. А Лю старается, но не всегда. А когда он один — он совсем другой. Я говорила госпоже, что он другой, а она только смеялась. Ты говоришь, что он совсем не слуга, а мистер Робертсон его слуга, — я не знаю, Лю со мной совсем не говорит. Он только говорит, что я черная.

Они шептались, сдвинув головы и накрывшись тулупом. Было душно. Вода стучала в днище шитика, но Ниночка вдруг почувствовала подъем энергии: у

нее теперь был союзник, группа, организация. А в таком случае Нина — боевик, стоящий целой роты.

— А что теперь делать? — спросила Пегги. — Может быть, Лю задушил мистера Смита, а мисс Смит пришла и легла спать и не догадалась? Ой, Святая Дева, как страшно!

У Пегги даже зубы стучали от страха.

— Пойдем к Веронике?

— Пойдем. Она должна знать.

Осторожно, стараясь не качать лодку, они выбрались из-под тулугов и прыгнули на берег.

Луна мелькала в разрывах несущихся облаков. По реке бежали барашки. Ветер был ледяной, и под светом луны были видны белые мухи — первые снежинки осени.

Ниночка неосторожно прыгнула с носа лодки и попала ногой в воду. Вода была ледяная. Ниночка еле сдержала крик.

Они побежали, пригибаясь, к палатке. В башмаке у Нины хлюпало.

Пегги первой откинула полог и втиснулась в палатку. Она шепнула:

— Это я, мисс Смит.

— Что случилось? — отозвался сонный голос Вероники.

— Тише, — сказала Пегги и добавила: — Мисс Нина, входите.

В палатке было так тесно. Они уселись в рядок, заняв половину палатки. У ног лежал, вытянувшись, капитан Смит. Было почти совсем темно. Пегги горячо и быстро шептала Веронике на ухо. Смит пошевелился, застонал. Вероника протянула ему воды.

— Но если он был здесь, — сказала потом Вероника, — то ему нечего взять.

Она приподняла голову отца, чтобы ему было удобнее пить.

— А сумка, мисс Смит? — спросила Пегги. — Сумка капитана здесь?

Раздалось шуршание — Вероника копалась в ворохе одежды в дальней части палатки.

— Ой! — сказала она наконец. — А я испугалась,

вдруг в самом деле она пропала. Мне показалось, что я клала ее совсем в другое место.

Вероника достала плоскую кожаную сумку. Нажала на кнопку, но сумка не открылась.

— Заперта, — сказала она. — Вы зря беспокоились.

Она провела рукой по груди отца. Ключик был на месте, на кожаном ремешке.

— Идите, — сказала Вероника. — А то очень душно. Спите.

— Только не говорите ему, — взмолилась Ниночка. — Не говорите, что мы к вам приходили.

— Как знаете, — сказала Вероника, наклоняясь снова к отцу.

Ниночка с Пегги заснули, обнявшись, чтобы не замерзнуть.

* * *

Утром на траве был иней. Костер долго не разгорался. Казак ворчал на тунгуса, что он ничего не может сделать толком. Тот добродушно огрызнулся.

А недалеко, верстах в шестидесяти, на склоне Урулгана, в то же время проснулась экспедиция Мюллера. Там уж на траве был не иней — настоящий снег. И ручеек, что протекал рядом с лагерем, покрылся закраинами льда. Иван Молчун быстро разжег костер. Лошади жались к палатке — ночью по соседству ходили волки, и Молчун, который спал у костра, просыпался и кидал в ту сторону головешки.

* * *

Лодки отплыли часов в семь утра. Ветер стих, снова зарядил дождик, и гребцам приходилось туго.

Пегги, как и Ниночка, воспрянувшая духом, обретши подругу, рассказывала о своем доме, потом о доме капитана Смита. Ее английский был странным, птичьим, не все понятно — но разве это важно?

Оглянувшись, Нина посмотрела на вторую лодку.

Китаец сидел, прислонившись к мачте, и читал какие-то бумаги. Прочтя, передавал их Дугласу. И движения его были столь точны и уверенны, будто он

был помещиком, а Дуглас управляющим, что отчитывался за расходы.

Какие бумаги — конечно, не разглядишь.

Дуглас поднял голову, встретил взгляд Ниночки, улыбнулся, помахал ей рукой. Потом сказал что-то китайцу. Тот, оборачиваясь к первой лодке, прикрыл бумаги рукой — то ли от дождика, то ли от взгляда Ниночки.

— Вероника, — спросила Ниночка, — а что было в сумке вашего отца?

— Не знаю. А что?

— Я все думаю, — парус надулся от неожиданного порыва ветра, и Ниночка вытянула руку, защищаясь от него, — зачем китайцу было забираться в палатку?

— Это могло вам показаться.

— Нет, мне не показалось, — твердо сказала Ниночка, и Пегги, верная подруга, тут же подтвердила:

— Ей не показалось.

Мерно скрипели подкпochины, тунгус все время поглядывал на Ниночку. Он знал, что она своя, русская, а вот говорит на их языке — странно.

— Наверное, карты, дневник...

— Что еще? Вы не хотите сказать? Или не знаете?

— Я знаю. — Пегги выдала свою госпожу. — Там завещание капитана Смита.

— Зачем китайцу завещание отца? — спросила Вероника.

— Я не знаю. Я ничего не знаю. Но я не верю этим людям.

— А я хочу верить, — сказала Вероника, из чего нетрудно было сделать заключение, что она не верит тоже, но гонит от себя эту мысль.

Сумка лежала сверху, на сложенной палатке.

— Можно? — спросила Нина.

— Она заперта, — сказала Вероника.

— Я знаю.

Нина пощупала сумку. Кожа была толстая, свиная. Ниночка попыталась прощупать, что там внутри, — ничего не поймешь.

— Мне кажется, — сказала она, — что сумка пустая.

— Не может быть!

— Откройте и посмотрите, — предложила Ниночка.
— Без разрешения нельзя.
— Спросите разрешение, — сказала Ниночка, показав на лежащего у их ног капитана.

— Он же не слышит.

— Попробуйте. — В голосе Ниночки звучала такая спокойная настойчивость, что Вероника удивленно вскинула на нее усталые глаза: она ведь не знала, какой могла быть Нина Черникова на совещании подпольной группы боевиков.

— Отец... — сказала послушно Вероника. — Папа, ты меня слышишь?

Веки капитана дрогнули, будто он силился открыть глаза.

— Папа, можно я открою твою сумку? Я хочу убедиться, не трогал ли ее один человек.

— Да, — шевельнулись губы капитана. Потом они шевельнулись вновь, будто он хотел сказать что-то еще. Но не сказал.

Вероника оглянулась на заднюю лодку. Но оттуда никто не смотрел на них. Она поднесла сумку к груди капитана, осторожно расстегнула ворот, достала ключик и открыла сумку.

Она откинула клапан — из сумки выглянули какие-то бумаги.

Вероника вытащила их. Это были сложенные вчетверо якутские газеты за прошлый месяц.

Ниночка ничего не сказала. Пегги начала быстро спрашивать:

— Что это? Это газеты? Это русские газеты?

— Помолчи, — оборвала ее мисс Смит. Она медленно закрыла сумку и положила у изголовья отца.

— Все в порядке, — сказала она, и Ниночка поняла, что она надеется, что отец ее слышит. — Все на месте.

Тунгус смотрел на них с интересом, казак греб, глядя в воду, задумавшись. Они гребли галсами, чтобы поймать ветер, который мог им помочь. Если ветер хорошо подхватывал лодку, они сушили весла и отдыхали. Тогда казак, осторожно ступая, чтобы не раскачивать лодку и не беспокоить больного, проходил на корму и садился за руль. А когда ветер стихал или

сильно изменял направление, он возвращался к веслам.

Вот и сейчас казак прошел на корму. Лодка пошла быстрее. Ниночка заглянула за борт, вода кучерявилась вдоль борта.

— Мы не одни, — сказала Ниночка. — Я поговорю с Михеем Кузьмичом. Он казак, он военный. Он нам поможет. И матросы помогут.

Вероника смотрела на нее.

— Подождите, — сказала она. — Нельзя ничего показывать. Если Лю заподозрит...

— Он такой же китаец, как и я, — громко сказала Пегги.

И засмеялась. Она вообще была смешливой, но давно не было повода посмеяться от души. И она принялась смеяться.

— Я сейчас тебя ударю, — сказала Вероника. — Замолчи.

Пегги давилась от смеха.

— Это нервы, — сказала Ниночка.

— Как не вовремя!

— Почему? Пускай они думают, что нам смешно. Они будут спокойнее.

Как старый конспиратор, Ниночка одобрила решение Вероники дожидаться, пока они не причалят к берегу. Если поднять тревогу сейчас, китаец может выкинуть бумаги за борт.

— Они вооружены? — спросила Ниночка.

— У Дугласа есть пистолет, — сказала Вероника. — Он мне его показывал. А про этого... китайца, не знаю.

— Конечно, есть. У разбойников всегда есть пистолеты. Но у мистера военного есть ружье, — сказала Пегги.

— Я поговорю с казаком? — спросила Ниночка. — Я осторожно.

Вероника кивнула.

Ниночка прошла на корму и села рядом с казаком, который, не говоря ни слова, чуть подвинулся, чтобы Ниночке было место.

— Порулить хочешь? — спросил он. — Только нельзя тебе, девка. Ветер потеряешь.

— У меня к вам серьезный разговор, — сказала Ниночка.

— Валяй.

— Мы скоро к берегу будем приставать?

— Я так думаю, что к вечеру будем у Власьей заимки. Там и остановимся. А что, плох твой капитан?

— Сейчас дело не в нем. Хочу посоветоваться. Вы здесь главный.

— Я главный веслом махать, а так я даже и не знаю, кто главней — я или ты, если тебе Ефрем Ионыч этих англичан поручил.

— Этот капитан нес с собой документы, — сказала Ниночка. И медленно, внятно — боялась, что казак может чего не понять, — она рассказала ему о том, что случилось. И спросила потом: — Как вы думаете, что делать?

— Вот не думал, что в такой переплет попаду, — ухмыльнулся казак. — Думать будем. Сначала я с Илюшкой поговорю. Он мужик разумный, недаром всю тайгу обошел. Ты не спеши, не спеши.

Время тянулось страшно медленно, и казак словно тянул его еще более. Ниночка вернулась к Веронике, а казак еще час сидел у руля, напевал, словно ничего не случилось. Только когда ветер стих, он перешел к веслам и начал неспешно беседовать с тунгусом Илюшкой. Они мерно гребли — весла одинаково и дружно взлетали над водой — и перебрасывались словами, словно речь шла о погоде.

Ниночка порой оборачивалась назад, стараясь делать это незаметно, чтобы перехватить взгляды Дугласа или китайца. Но китаец сидел к ней спиной, согнувшись, и было непонятно, читает он или просто дремлет.

Ниночка достала из кармашка часы, три года назад подаренные самим Савинковым, очарованным ее молодым пылом. Половина второго.

Она вглядывалась вперед — не покажется ли обрывчик, за которым устье Власьей речки. И хотелось, чтобы показался скорее, и хотелось оттянуть этот момент — обратного пути не будет.

Вдруг до Ниночки долетело восклицание — со второй лодки.

Служанка Пеги

Она оглянулась.

Китаец вскочил, размахивая толстой тетрадью в черной ледериновой обложке, звал Дугласа. Тот склонился к нему. Видно было, как Лю водит пальцем по странице, читает что-то вслух.

— Вы видели? — спросила Ниночка.

— Воры. Я их готова убить, — сказала Вероника.

— Теперь вы не сомневаетесь?

— Я дала себе слово, — сказала Вероника, — что, когда найду отца, возьму Дугласу все расходы, которые он понес за время путешествия, и дам ему достойное вознаграждение.

— Все, кроме руки и сердца? — спросила Ниночка. Не без доли иронии, которую никто не уловил.

— Теперь он не получит ни пенса!

Снова зарядил дождик, стало холоднее. Тунгус соорудил над головой капитана нечто вроде шалашика, чтобы брезент не касался лица.

Даль реки была затянута сеткой дождя.

Казак сказал, что скоро Власья сторожка. Ниночка, как ни напрягала зрение, ничего, кроме серой мглы, впереди не видела. Казалось, что лодка плывет в бесконечном сером водном пространстве, где мокрое небо сливается с рекой, не имеющей берегов.

Казак, что опять сидел на корме, достал из-за пояса широкий кинжал и стал править его о железную скобу, и девушки поглядывали на него с опаской — усатый, небритый, в низко надвинутой на глаза серой фуражке, он был похож на пирата.

Капитан Смит застонал. Он стонал тяжело, хрипел. Вероника откинула брезент. Пальцы капитана лихорадочно суетились на груди. Вероника покрыла их ладошками, но капитан вырывал их, словно искал что-то.

— Он ищет сумку, — сказала Пегги. Она взяла сумку и вложила ее в пальцы капитана. Тот ощупал ее. Немного успокоился. Потом начал говорить, невнятно, лихорадочно. Щеки его покраснелись. Вероника дотронулась губами до его лба и сказала:

— У отца жар.

— Кончается он, — сказал тунгус. — Моя знает.

— Помолчи! — огрызнулась Ниночка.

— Сообщите его превосходительству лорду Адмиралтейства, — говорил капитан. — Берег очень низок, там есть мели — на десять миль. Николсон был не прав, я же тебе говорил! Не ходи туда! Это не может быть естественным феноменом. Вы такое видели? Уйди! Уйди, тебе говорю...

— Надо пристать к берегу, — сказала Вероника. — Мы разобьем палатку и согреем воду. Прошу вас!

— Потерпи полчаса, — сказал казак. — Во Власьей стороже лучше будет. Все-таки крыша над головой.

Следующие полчаса были тяжелыми. Капитану становилось все хуже, ему то казалось, что он на мостике своего корабля, то на каком-то берегу, то он видел, что проваливается в трещину, — события последних месяцев смешались в его воспаленном сознании.

Ниночка с Пегги держали, растянув, брезент, а Вероника старалась унять его боль, то предлагая воды, то глядя его щеки, и не могла сдержать слез от своего бессилия перед лицом надвигающейся смерти.

Руки Ниночки совсем затекли, она промокла, болела спина, из носа лило. Казак спросил:

— Как пристанем, бумаги сразу отымать будем? — Ниночка даже не сразу сообразила, о чем он. И с ненужным раздражением ответила:

— Какие еще бумаги! Разве вы не видите?

— Я, конечно, вижу, — ответил казак и добавил: — Но мы люди служивые.

Ниночка бросила взгляд на заднюю лодку, но та почти скрылась за дождем, только темное пятно виднелось.

— Бери правей! — закричал тунгус.

— Вижу, — ответил казак. Тунгус взялся за весла.

Казак обернулся, крикнул на заднюю лодку, чтобы правили к берегу, оттуда донесся глухой голос, что слышат.

Совсем неожиданно; словно плыли навстречу, появились темный склон, лиственницы и избушка на берегу реки.

Лодки зашли в устье реки, закрипели днищами по песку.

Тунгус поднял весла, а казак выпрыгнул в воду,

заплескал сапогами, потянул нос лодки на берег. Тунгус выскочил за ним. Рядом, борт в борт, замерла вторая лодка.

— Эй! — крикнул казак. — Помогите человека нести.

Капитана Смита понесли в избушку на брезенте, он сопротивлялся, кричал что-то, рвался прыгнуть. Девушки удерживали его, Вероника все повторяла:

— Отец, отец, это я! Неужели ты меня не узнаешь? Но Смит ее не узнавал.

Китаец с Дугласом сошли с лодки последними, они не спешили к капитану, будто теперь они были лишь зрителями. Но в избушку вошли вместе со всеми.

Капитана уложили на широкую скамью, казак ловко и быстро разжег в печи огонь, дым заструился по избе, потом нашел все же путь вверх, в отверстие посреди крыши. Печка была простая, без трубы, сложенная из камней.

— Дикость, дикость, — печально произнес Дуглас, усаживаясь на свободную скамью. Он смахнул со скамьи паука. Китаец стоял поодаль, глядел на капитана, который продолжал бредить. Он внимательно слушал. Ниночка наблюдала за ним, но лицо китайца было равнодушным и каким-то покорным...

Тунгус притащил из лодки свой чайник — гнутый, луженый, с приваренным носиком, сыпал туда травки, какие-то порошки, приговаривал. Вероника спросила казака:

— Скоро вскипит вода?

Казак понял, сказал, что надо немного погодить. Смит впал в забытие.

Тунгус сказал:

— Пускай мой чай отведает.

Он сам снял закипевший котелок с огня, заварил в своем чайнике и улыбнулся Веронике:

— Пускай настоится.

— Что он говорит?

— Это лекарственный чай, — сказала Ниночка. — Не бойтесь.

— Я сомневаюсь, — сказала Вероника.

— Простые люди в лесу знают волшебные травы, —

сказала Пегги. — Если бы мы были у меня дома, я бы тоже нашла старую женщину, которая знает травы.

Казак насыпал в котелок крупы — стал готовить ужин. Пегги сходила к реке за водой, поставила на огонь свою английскую кастрюлю. В избушке было холодно, но очень душно, потому что набилось много народу.

Дуглас сказал:

— Надо выгнать лишних людей. Они привыкли жить на улице. Капитан Смит задохнется раньше времени.

Вероника беспомощно поглядела на Ниночку, но та поняла, что никогда не скажет людям таких слов: они весь день гребли под дождем.

Но казак Михей Кузьмич и без ее помощи догадался, о чем разговор.

— Вы, барышня, — сказал он, — не беспокойтесь. Мы в лодках поспим, мы привычные.

— Спасибо, — сказала Ниночка смущенно. Будто сама выгнала людей на улицу, под дождь.

Тунгус передал чайник Ниночке. Сказал:

— Маленькими глотками пей. Не спеши. Пока горячий. Силы будут.

Ниночка поставила чайник на стол — пускай чуть остынет. Пегги достала из дорожного ящика чашки и тарелки, китаец тоже принес саквояж и вынул оттуда обеденный прибор мистера Робертсона.

Матросы переглядывались, шептались. Казак снял с огня котелок с кашей, сказал:

— Пошли, братва, на свежий воздух. Там костер разведем, чаю попьем.

— Ты потом чайник нам отдай, — строго сказал тунгус. — Нам самим надо.

Вероника вдруг полезла в дорожный ящик, достала оттуда жестяную коробку с чаем. На коробке были изображены белый слон и пагода.

— Скажите ему, пускай возьмет, это хороший чай, — сказала она.

— Спасибо, — ответил тунгус, принимая коробку. — Наверное, хороший чай.

Пока Пегги готовила ужин, Ниночка оглянулась и спохватилась. Как же так? Еще часа два назад они

думали, как отнять у Дугласа и китайца бумаги Смита. Неужели все, кроме нее, об этом забыли? Вот сидят в избушке — Дуглас за столом, стучит ложкой о белую тарелку, Пегги возится у печки, кашляет, отмахивается от дыма. Китаец зашивает рубаху — то ли свою, то ли господскую. Вероника налила тунгусского целебного чая в фарфоровую чашку с видом моста через Темзу и дует на него, чтобы остыл. Может, и не исчезали бумаги, а зловещий образ китайца, словно сошедший со страниц романа Жаколио, — лишь плод Ниночкиного воображения? Мало ли какие бумаги мог читать Лю в лодке!..

Смит не мог пить из чашки, и потому Пегги с Вероникой поили его с ложечки. Нина почувствовала, что страшно голодна. От маленького котелка, который Лю поставил специально для Дугласа, вкусно пахло.

И тут Ниночка поняла, что о ней сейчас никто не вспомнит: Вероника и не думает о еде, Пегги перекусит что-нибудь, а ждать милости от Дугласа — нет, никогда!

Ниночка тихонько поднялась и вышла на берег.

Там уже горел костер. Вокруг сидели гребцы. Дождь перестал, от реки поднимался туман. Когда Ниночка подошла к костру и остановилась, протянув к нему замерзшие руки, тунгус сказал:

— Ты садись, кушай будем.

— Спасибо. — Ниночка уселась на обкатанное водой белое бревно.

Здесь было лучше, спокойнее, среди своих.

— Так что же, барышня, — сказал казак, — англичане между собой помирились или что?

— Не знаю, — проговорила Ниночка равнодушно. — Пускай сами разбираются.

— И то правильно, — сказал казак. — Наше дело маленькое.

Ниночке положили в миску каши. Каша была недосолена, пахла дымом. Было очень вкусно.

Тунгус стал петь — словно подвывал, никто не мешал ему.

Ниночка выпила крепкого чая и задремала, привалившись к плечу казака.

Потому она и пропустила те важные события, которые произошли в избушке.

А там вскоре после того, как Ниночка удалилась, пришел в себя капитан Смит. Впервые за два дня. То ли подействовал тунгусский чай, то ли отогрелся в избушке.

Он долго смотрел на дочь, что поила его с ложки, потом губы его шевельнулись, и он спросил:

— Вероника? Ты почему здесь? Мы на «Венчур»?

— Ты не на «Венчур», отец, — ответила Вероника, не в силах сдержать радости. — Вспомни, ты же ушел с корабля, ты дошел до земли. Ты в безопасности, среди друзей.

— Ты здесь, моя дочь, — прошептал отец. — Мне трудно поверить. Конечно же, я не на корабле, здесь тепло... Как трудно, когда всегда холодно! Ты знаешь, дочь моя, как там холодно? Мы согревались коптилками с моржовым жиром. Всегда темно, всегда холодно... Где я? Скажи, мне это снится?

— Отец!.. — Слеза Вероники упала на грудь капитана Смита. — Я нашла тебя! Мы в России, в Сибири, на берегу Лены, через два дня мы будем в городе, там есть врач, он тебе поможет.

— Это очень важно! — Капитан Смит заговорил быстро, словно боялся, что не успеет все сказать. — Мы открыли большую землю, это громадная земля, я назвал ее землей покойного короля Эдуарда. Тут, в сумке, все мои записи, все расчеты... Я сделал все как положено — мы шли вдоль нее к северу от Таймыра. Там есть небольшой остров — это твой остров, девочка, остров Вероники... в сумке. И очень важно...

Вероника и Пегги смотрели на капитана. Никто из них не заметил, как китаец открыл висевший на груди медальон в форме дракона, высыпал в чашку с тунгусским чаем щепотку белого порошка.

Но это заметил Дуглас. Он сделал шаг к китайцу.

— Нет, — сказал он шепотом. — Только не это!

— Он должен замолчать... — прошептал в ответ китаец, отводя дрожащую руку Дугласа Робертсона.

— Возьмите, мисс, — сказал он, протягивая чашку Веронике. — Вашему отцу надо подкрепиться.

— Спасибо.

Вероника поднесла чашку к губам отца, но тот отстранил чашку.

— Спасибо, не надо, — сказал он. — Что бы со мной ни случилось, ты должна знать... я так счастлив, что ты встретила меня.

— К вашим услугам, сэр. — Над Смитом возникла чуть склоненная фигура Дугласа. — Будучи другом и женихом вашей дочери, я счел своим долгом сопровождать ее в этом дальнем путешествии.

— Долой, долой! — отмахнулся от него Смит. — Некогда. Я вас не знаю. Вероника, скажи, чтобы он ушел, мне так важно сказать тебе сейчас...

— Мистер Робертсон, — сказала Вероника, — оставьте нас, пожалуйста.

— Давайте я помогу вам, — сказал китаец, беря чашку из руки Вероники. — Вашему отцу надо отдыхать, надо пить чай. Я могу, я ему дам чай.

— Вероника, я же просил! — закричал отец тонким голосом. — Пускай все они уйдут. Я должен тебе передать... Все передать. И объяснить.

— Отец, может, тебе лучше отдохнуть? — спросила Вероника.

— Я сказал. Только скорее!

— Идите, идите. — Пегги стала подталкивать к двери Дугласа и китайца, но те как зачарованные не двигались с места. В руке у китайца была чашка.

— Ему надо выпить. Это лекарство, — настаивал китаец. Он передал чашку Пегги.

— Простите, — сказала Вероника. — Я должна выполнить волю отца, мистер Робертсон. Прошу вас выйти, или я вынуждена буду позвать русского солдата.

— Вероника! — воскликнул Дуглас, пожалуй, громче, чем следовало в этих обстоятельствах. — Неужели ты мне не доверяешь?

Смит откинул голову на подушку, он дышал мелко и часто, лоб его покрылся капельками пота.

— Дай чашку, — сказала Вероника.

Пегги протянула чашку, капитан отпил, поморщился...

Дуглас и китаец все еще стояли в дверях.

— Пегги, позови казака! — приказала Вероника.

Дуглас сказал:

— Идем, мы подождем снаружи.
— Достань мою сумку, — сказал Смит. — Ключ от нее у меня на груди.

— Нет! — воскликнула Вероника.

Она обернулась к Дугласу и произнесла в отчаянии:

— Дуглас!

И тот ринулся к двери.

Китаец выскочил еще раньше.

— Мне плохо! Как мне плохо... — простонал капитан Смит. Но этих его слов китаец и мистер Робертсон не слышали. Они уже были на берегу Власей речки.

Ниночка, которая мирно дремала на плече у казака, проснулась оттого, что потеряла равновесие, ударилась локтем о камень... Казак вскочил.

От избушки к лесу бежали Дуглас и китаец.

Ниночка поднялась и смотрела вслед беглецам, понимая, что их бегство — плохой знак, но не зная, что надо делать.

Дуглас обернулся и громко сказал:

— Не беспокойтесь, мы сейчас вернемся. Важное дело!

— Что? Что он сказал? — спросил казак, оборачиваясь к Ниночке.

Но ответить она не успела — из избушки выбежала Пегги.

— Мисс Нина! — закричала она. — Мисс Нина, скорее!

Нина вместо того, чтобы бежать за китайцем и Дугласом, бросилась к избе.

Когда она вбежала, капитан Смит был в агонии. Судороги сотрясали его изможденное тело. Вероника пыталась как-то успокоить его, но он ничего не понимал. Поток бессвязных слов рвался из его посиневших губ, но вскоре оборвался, и капитан лишь стонал и вскрикивал от приступов боли.

Веронике удалось разжать его губы и влить в них еще немного чаю, но чай потек по подбородку.

Капитан вытянулся, попытался поднять руку. Рука бессильно упала. Он был мертв.

Когда Вероника закрыла ему глаза, ее первые

слова, будь они переведены, сильно бы изумили казака и матросов. Она сказала:

— Как хорошо, что он не успел увидеть, что сумка пуста!

И Ниночка с ней согласилась.

* * *

Капитана хоронили следующим утром.

Сначала Вероника возражала. Она хотела везти тело отца на родину.

— Рехнулась, — сказал Михей Кузьмич.

Матросы вырыли яму за избой. Там уже были две могилы. Огороженные слегами холмики. Говорили, что там лежат жена и дочка Власия, что жил когда-то в избушке. Цветов Пегги не нашла, принесла из лесу охапку пихтовых ветвей, и ими покрыли могильный холмик.

Вероника весь день сидела возле могилы отца, она отказывалась есть и пить. Только один раз очнулась, когда казак принес столбик с прибитой к нему доской. На доске было написано по-русски: «Капитан Смит почил в бозе 18 сентября 1913 года».

— Что такое? — спросила Вероника. — Что он делает?

— Это надгробная надпись, — сказала Ниночка. Ей было стыдно, что у нее такой аппетит, она только что вместе с матросами съела целую миску макарон с солониной. — Она написана по-русски.

— Да, конечно, — сказала Вероника. — Я потом закажу памятник. Мраморный памятник. Правильно?

— Конечно, закажете. Может, вы чего-нибудь поедите?

— По-моему, это грешно, — сказала Вероника.

Ниночка ушла на берег.

Туман, что был таким густым на рассвете, плыл по реке белыми ключьями. Ниночку одолела страшная тоска. Все соединилось в ней — и смерть капитана, и бесконечность серой воды, и запах нежилой избушки, и низкие тучи. Но еще главнее — страшная отдаленность этой избушки не только от настоящего челове-

ческого мира, но даже от ненавистного Новопятницка, дикой окраины дикой страны.

В той тоске не было ненависти, была безысходность и недоброе чувство к Веронике, которая, отряхнув со своих крылышек горе, отправится к себе в чистенькую Англию, в свой белый домик, окруженный подстриженными газонами, и домик этот будет не тюрьмой, как дом Черниковых на Лене, а лишь центром, из которого люди ездят в Ниццу или Мадрид и куда возвращаются, загоревшие, веселые, разгружают индийские или итальянские сувениры, чтобы планировать новое путешествие или прогулку на яхте. Впрочем, Ниночке не нужны яхты, она предпочла бы войти в полутемную гулкую пустоту библиотеки Лондонского музея...

— Барышня, — сказал казак, незаметно подойдя к Ниночке, — этих-то, что сбежали, ждать будем или без них поплывем?

— Не знаю, — сказала Ниночка, возвращенная из Лондонской библиотеки на берег Лены ранее, чем успела подобрать там себе книгу по вкусу. — Я теперь ничего не знаю.

— А то нам здесь расслаживаться нету резона, — сказал казак. — Если вы до Новопятницка поплывете, мы вас отвезем — чего не отвезти. А может, в Булун вернемся? Там Ефрем Ионыч вас встретит, потом на пароходе обратно привезет. Вы уж решайте, а у нас тоже, простите, дела есть.

— Я поговорю с Вероникой, — сказала Ниночка.

— А если этих не дожидаться, сгинут они в тайге, ей-Богу, сгинут, — сказал казак. — Они тайги не знают — или с голоду подохнут, либо медведь задерет.

— Медведь не задерет, — сказала Ниночка, которая как-никак сама была таежным жителем, — медведи сейчас сытые.

— Какой сытый, а какой и не так, — ухмыльнулся казак. — По-христиански, конечно, надо бы за ними сходить — вернуть.

— Они плохие люди, — сказала Ниночка.

— Тебе ли, барышня, судить?

— И мне тоже, — твердо сказала Ниночка. — Судят люди.

— Не мала судить?

— Я судила, — сказала Ниночка. И сказала правду, потому что тут же вспомнила, как они сидели всю ночь в доме Сташинских в Белостоке и спорили, убивать ли варшавского полицмейстера.

Казак постоял рядом, помолчал.

— И куда они побегли? — сказал он потом. — Там мест населенных нету. И тунгусы там не ходят — место плохое. Там весной еще камень упал с неба — бояться тунгусы. Слыхала?

— Конечно. — И тут же мысли Ниночки приобрели иное направление. — Конечно же, туда отправилась экспедиция. Профессор Мюллер, Костя Колоколов и еще двое. Они этот камень ищут.

— Чудеса! — сказал казак. — И на что он им сдался?

Ниночка не ответила. Вдруг все, что происходило, предстало перед ней в новом свете. В тайге Костик. В тайге страшный китаец.

Тоска уступила место тревоге. Ниночка поняла — она хочет увидеть Костика, она боится за Костика. Костик в тайге, он такой беспомощный...

Вечером Вероника согласилась выпить чаю и съесть галету. Она оторвалась от могилы — и хорошо, еще час, и всю кровь из нее высосали бы комары, даже лицо распухло.

Пегги намазала лицо Вероники прованским маслом, лицо блесло.

Сейчас Вероника была совсем не так хороша, как в день, когда сошла на пристань в Новопятницке. Но кому до этого дело?

Вероника совсем ослабла. Она пошла в избу, Пегги уложила ее на скамью, ту самую, где умирал ее отец, и накрыла пледом.

— Попробуйте поспать, мисс, — уговаривала Пегги госпожу. — Вы не спите уже двое суток.

— Не хочется, — тупо отвечала Вероника и отвернулась.

Ниночка села на скамью в ногах у Вероники. Надо было поговорить. Вроде бы Вероника уже пришла в себя настолько, что могла рассуждать. Ниночка спро-

Корейцы-золотоискатели

сила ее, когда можно отплывать. Вероника спросила, не вернулся ли Дуглас.

— Казак говорит, что они погибли в лесу, — сказала Ниночка.

— Они это заслужили, — сказала Вероника. — Но мы не можем этого допустить.

— Разумеется, все же живые люди, — согласилась Пегги, сложив полные руки на высокой груди. — Наш христианский долг взять их с собой.

— Если они сами этого захотят, — сказала Ниночка. — В чем я сомневаюсь.

— Мы должны их найти, — произнесла Вероника, глядя в потолок.

— Мы ничего никому не должны, — сказала Ниночка. — Я не согласна с христианскими догмами.

— Дело не в догмах, — возразила Вероника. — У них все бумаги отца. Я обязана привезти их в Лондон. Отец просил меня... Отец сделал какое-то большое открытие. Он открыл землю короля Эдуарда. Мой отец должен получить ту честь, которую заслуживает.

— Вы приедете в Лондон и расскажете обо всем.

— Глупо, — возразила Вероника. — Мне никто не поверит.

Она приподнялась на локте и посмотрела в упор на Ниночку.

— Мне никто не поверит! — сказала она громче. — Мне даже не поверят, что я нашла отца. У меня нет доказательств!

— Но в Новопятнице вам напишут документ, — сказала Ниночка. — Официальную бумагу о том, как погиб ваш отец. И все ее подпишут. Вы же были не одни.

— У меня нет ни строчки, написанной отцом.

— Завещание они украли, — сказала Пегги. — Завещание! Как моя госпожа докажет, что мистер Смит умер и она его наследница?

— Неужели документы...

— Документы, документы! — воскликнула Вероника. — Русские документы из дикого русского местечка! Мне скажут, что я заставила вас написать их и заплатила вам. Может, даже своим телом!

— Но могила вашего отца?

— Могила? Кто найдет ее через год? Никто даже не знает, как называется это место! Его нет ни на одной карте!

— Что же вы предлагаете? — спросила Ниночка раздраженно. Ей был неприятен тон Вероники и презрение, прозвучавшее в ее голосе.

— Я найду их, — сказала Вероника. — Я пойду в лес, найду Дугласа и отниму у него бумаги.

— А он отдаст? — спросила Ниночка.

— У вас есть здесь солдат. Он пойдет с ружьем. Он их застрелит.

— О госпожа, русский солдат не будет стрелять ради вас, — сказала Пегги.

— Тогда я пойду одна. Я догоню Дугласа. Я скажу ему, что согласна стать его женой. Я буду его рабой... Он же этого хочет?

— Я не знаю, чего хочет мистер Робертсон, — сказала Ниночка, — но не исключено, что он хочет вовсе не вас.

— Но что? Что?

— Допустите, что с самого начала он поехал сюда не ради вас, — холодно сказала Ниночка. — Обстоятельства заставляют подозревать такую возможность.

— Нет. Он меня любит!

— Любящий человек не ворует документы и завещание у любимой женщины, — сказала Ниночка и знала, что она права.

И Вероника тоже знала это.

Наверное, с минуту в избушке было тихо. Потом Вероника негромко сказала:

— Мы поплывем вниз. К тому месту, где находится мистер Колоколов. Мистер Колоколов мне не откажет.

Ниночка не ответила. За нее ответила Пегги:

— За эти дни мистер Робертсон и его китаец или погибнут, или уйдут... далеко.

— Уйдите, — сказала Вероника. — Я вас не хочу видеть. Я никого не хочу видеть! У меня только что умер отец, а вы со мной говорите о мелких суетных вещах.

Ниночка сразу поднялась. Ей и самой больше не хотелось разговаривать с этой англичанкой, которая сама не знает, чего хочет. То ли доказать всему миру,

что ее отец — великий путешественник, то ли отнять завещание у Дугласа, то ли... Черт их всех разберет, подумала Ниночка, выходя наружу. Она тоже сутки не спала. Но спать в избушке с Вероникой не стала. Она устроилась в лодке, между казаком и тунгусом. Так было тепло.

* * *

Поросшие лиственницей, с выступающими зубьями скал, пологие мохнатые спины урулганских вершин в том месте разошлись, чтобы разместить обширную тоскливую топь. Туда корейцы-золотоискатели направили экспедицию Мюллера, и вскоре Мюллер убедился, что сведения, сообщенные ими, правильны.

Шли они по невысокой гряде, предпочитая пробираться сквозь чащобу, чем хлюпать по топи, и Молчун первым заметил неладное. Он придержал лошадь и показал нагайкой вправо — между деревьев виднелась широкая полоса поваленного леса.

Трудно описать, на что это похоже, — никто еще из путешественников подобного не видел. Может, на бесконечное поле карточных домиков, сваленных движением пальца.

— Будто богатырь дунул, — сказал Андрюша.

— Это ураган был, — спорил Костя.

— Не исключено, — согласился Мюллер, приставляя к глазам бинокль. — Но ураган валит деревья кое-как. Ветер непостоянен, да и вряд ли можно увидеть, чтобы ураган свалил все без исключения лиственницы полосой в версту. Видите, какая ровная полоса?

— Значит, вы допускаете, что это метеорит? — спросил Андрюша. — Но какой же он должен быть?

— Да, я почти уверен, что это метеорит, — сказал профессор. — Только сила воздушной волны, поднятой громадным падающим телом, могла вызвать такой эффект.

— Чего же мы медлим? — Костя забыл о своей тоске и постоянном желании скорее вычеркнуть из жизни эти две недели, чтоб снова увидеть Веронику.

— Туда пойдем? — спросил Молчун.

— Туда.

— Правее возьмем, чтобы в топи не завязнуть.

Переночевали на невысоком холме, в самом начале полосы сваленного леса. Ночью опять приморозило, сыпал мелкий снежок. Хотя и устали — весь день спешили, вязли в топи, измучились, перепачкались, не единожды промокли, — но спать не ложились долго, сидели у костра. Мюллер рассказывал о знаменитых метеоритах, о суевериях, которые связаны у человечества с этими небесными телами. Молчун добавил от себя, какие слухи в этих местах ходили: будто наступил конец света, что это антихрист на своей золотой колеснице пролетел. А тунгусы в эти места не ходят, боятся.

Андрюша отошел от костра, долго стоял на склоне холма, глядел вперед. Перед ним открывалась невероятной ширины дорога, проложенная космической силой, осознать которую человеческому разуму невозможно, даже если ты видел результаты ее деятельности.

Там, вдали, в нескольких верстах отсюда, они увидят погрузившийся в топкую землю черный, обугленный небесный камень. Сколько миллионов километров он промчался по черной пустоте космического пространства, чтобы в конце концов найти успокоение на краю света! Беспощадной рукой рока он уничтожил тысячи и тысячи деревьев, убил множество зверей и птиц, а может, и случайного охотника, не вовремя забредшего в эти края. А зачем? Чтобы стать камнем среди камней? Так и человеческая судьба, судьба Наполеона, пронесшегося ослепительным метеором по человеческой истории, оказалась бессмысленной, как судьба метеорита. Ненужно и жестоко уничтожив множество людей, он стал лишь прахом среди камней острова Св. Елены.

— Размышляете? — спросил профессор Мюллер, подходя к Андрюше.

— Да, я думал, — сказал Андрюша.

— Вид, наводящий на размышления, — сказал профессор. Его голова доставала Андрюше до плеча, и профессору приходилось закидывать голову, чтобы заглянуть собеседнику в глаза. — Я полагаю, что

удачное завершение нашей экспедиции может благоприятно сказаться на вашей судьбе. Я буду ходатайствовать перед губернатором о досрочном вашем освобождении.

— Спасибо, профессор, вы очень любезны.

— Пустое! Это мой долг, долг учителя. Вы пропадаете здесь, когда могли бы сиять на небосклоне петербургской науки. Минута неосторожности — и годы раскаяния. Я тоже был молод...

Профессор не закончил фразы, и можно было дополнить ее как заглагорассудится. Допустить, что он был в декабристах... Нет, остановил себя Андрияша, декабристы были раньше. Может быть, профессор ходил в народ? Вряд ли. Для него наука всегда оставалась на первом месте.

Андрияша так и не догадался, что, говоря о неосторожных поступках молодости, профессор имеет в виду свою подпись под ходатайством студентов об усилении борьбы с тараканами в библиотеке. За такое проявление свободомыслия студенты были вызваны пред очи ректора и получили строжайший выговор.

— Каким бы вы пожелали увидеть метеорит? — спросил профессор, вглядываясь вдаль, словно мог увидеть его с холма.

— Не знаю, — сказал Андрияша.

— А я мечтаю, — сказал профессор, — увидеть на нем отпечатки растений или полипов, подобно тем, что бывают на земных породах, что свидетельствовало бы о множественности обитаемых миров.

Если профессор не забудет — это означает, что можно будет вернуться в Петербург на два года раньше срока, думал Андрияша. И снова поступить учиться. Какое счастье!

Путешествие по поваленному лесу заняло весь день.

А прошли всего верст десять.

Падая, деревья переплетались ветвями и вывороченными корнями. Отыскать путь в этом буреломе, не поломав ног лошадям, было почти невыносимо. Шли пешком, ведя лошадей на поводу. Рад этому был только Андрияша, который все равно не смог бы дальше ехать верхом.

Порой деревья становились реже, а то и вовсе пропадали. Но это не облегчало путь — значит, шел участок топи, на котором не только лиственница, но и осина расти не могла.

Даже упрямый профессор устал настолько, что, когда уже к вечеру впереди показалась синяя стена леса, что означало конец поваленной дороги, он не припустился вперед, а устало прислонился к упавшему стволу и спросил Молчуна:

— Может, переночуем здесь?

— Как скажете, — сказал Молчун. — Тогда я лошадей буду развьючивать?

— Нет, погодите, — взял себя в руки профессор. — Осталось всего две-три версты.

Но тут взбунтовался Костя и сказал, что останется здесь.

Андрюша слушал спор равнодушно, все перед ним было в тумане, в глазах пошатывался лес, пошатывалось небо...

* * *

Ночь провели в низине. Даже костра не разжигали.

А до места падения метеорита добрались к полудню следующего дня.

По полосе упавших деревьев можно было точно определить место, где рухнул болид. Полоса заканчивалась гигантским, версты в три диаметром, цирком, где деревья лежали верхушками наружу. Видно, при ударе о землю метеорит вызвал такое сотрясение воздуха, что деревья словно кинулись в разные стороны. Но, будучи прикреплены к земле корнями, вынуждены были упасть. Такой картина открылась бы с птичьего полета, но для наблюдателя, стоявшего на земле, картина была куда менее очевидной.

Никакой возвышенности на пути не встретилось, и неоткуда было обозреть общий вид места падения. Поэтому путь к этой точке занял куда больше времени, нежели предполагалось, и вышли они не к самому метеориту, а в полуверсте от него.

Отчаявшись сразу отыскать метеорит, путешественники остановились на свободной от стволов полянке,

там они оставили лошадей и груз. Там же остался и Молчун, который должен был разжечь костер и поставить чай. Остальные двинулись дальше, стараясь не терять друг друга из виду.

Наконец они нашли наиболее вероятное место падения. Там недавно бушевал пожар, который не распространился дальше только потому, что падение метеорита произошло весной, когда еще лежал снег и деревья были мокрые.

— Как жаль, что мы не умеем летать! — сказал Костя, присаживаясь на камень, торчавший из жухлого мха.

С утра он был, как и все, охвачен надеждой вот-вот увидеть небесное диво, но за часы поисков утомился и потерял к метеориту интерес.

— Воздушный шар нам бы не помешал, — согласился Андрюша, останавливаясь рядом и пользуясь возможностью перевести дух.

— Скоро ваше предсказание сбудется, — откликнулся профессор, который продолжал идти впереди. — Следующий метеорит мы будем искать с помощью аэропланов. Я вам должен сказать, что в Европе и в Петербурге наблюдается буквальное умопомрачение от этих аэропланов. Некоторые оптимисты берутся предсказывать, что со временем аэропланы достигнут больших скоростей.

— Каких?

— До двухсот верст в час, — откликнулся профессор. Он ушел далеко и, видно, хитрец, рассчитывал, что, заинтересованные его рассказом, молодые люди последуют за ним.

— Нет, с цепелинами им соперничать не удастся, — сказал Костик, который видел в Кельне полет цепелина и сам чуть было не полетел на нем. К счастью, не решился, а на следующий день прочел в газетах, что цепелин сгорел над Триром.

Когда они наконец догнали профессора, тот стоял на краю понижения в почве, заваленного обгоревшими древесными стволами. Он сделал шаг вперед, под ногами заурчало — профессор провалился по пояс в замаскированную стволами яму с водой, и пришлось

его оттуда вытаскивать. Костик предложил профессору вернуться к лошадям и там обсушиться.

— Потом, — отмахнулся профессор. — Мы стоим на пороге важнейшего события в нашей с вами жизни, господа.

И он смело двинулся дальше.

Еще несколько минут пробивались они сквозь пожарище и стали похожи на негритянское войско или самых обычных чертей.

Но в конце концов их упорство было вознаграждено.

Впереди показался невысокий широкий вал земли, перемешанной с черными стволами деревьев. И когда они, подобно муравьям, преодолевающим дорожную колею, перевалили через вал, то увидели впереди погрузившийся в землю и закрытый от постороннего взора обломками деревьев серый, а местами почти черный, с металлическим отблеском метеорит. Если не знаешь, что искать, можно пройти в трех шагах — еще один камень, еще одна скала.

Добраться до метеорита оказалось непросто, потому что, ударившись о землю, он выбил в ней глубокую воронку, разметав во все стороны землю, воду и деревья. Воронка вскоре заполнилась грязной болотной жижей, перемешанной с кусками дерева. Над поверхностью топи остался лишь самый верх метеорита, схожий со спиной большой черепахи, почти погрузившейся в болото.

Радостно поспешивший к метеориту, Андрюша чуть было не поплатился за свою неосмотрительность жизнью. Он не сообразил, что под ряской глубина, и рухнул в топь с головой, лишь круги пошли по воде.

Но Костик не потерял присутствия духа. В руке у него оказался длинный сук, и, когда голова обалдевшего от неожиданности и наглотившегося холодной воды Андрюши показалась над поверхностью, перед самым его носом уже покачивался конец сука. Только ухватись — и ты спасен.

Андрюша ничего не соображал и сука не увидел, несмотря на то, что Костик кричал ему:

— Хватай! Ты чего! Держи!

К счастью, его руки, бившие по воде, сами натолк-

нулись на сук и бессознательно ухватились за него. Через минуту промокший до нитки, оглушенный, чудом не потерявший очки, что болтались на одном ухе, Андрияша был извлечен из воронки.

Пока Андрияша выжимал одежду, а потом отчаянно плясал, чтобы согреться — костра в болоте не разведешь, — остальные обсуждали, как пробраться к камню. Им удалось подтащить туда длинный ствол, который, как ненадежный мостик, тянулся от края воронки к ее центру, и профессор Мюллер, рискуя последовать примеру Андрияши, дошел, подобно канатоходцу, до макушки метеорита. В изнеможении он упал животом на покатую поверхность, затем сел, встал, топнул ногой и крикнул остальным, как капитан Гаттерас, жюль-верновский герой, добравшийся до полюса:

— Победа! Виктория!

— Отколупните, Федор Францевич! — закричал ему Андрияша. — Хоть маленький кусочек.

Мюллер опустил на корточки и принялся стучать геологическим на длинной ручке молотком. Звук ударов — гулкий, звонкий — далеко разносился по тайге.

— Не получается! — сказал он наконец. — Это металл.

— Слышно, что металл, — откликнулся мрачно Костя, который предпочел бы, чтобы метеорита и не было. Теперь придется здесь сидеть, пока его не изучишь. Впрочем, он был несправедлив к профессору и судьбе, потому что в ином случае ближайшую неделю они провели бы, блуждая по болотам, ведь профессор Мюллер — настоящий геолог, то есть человек, обладающий крайним упрямством.

Мюллер молотил по верхушке метеорита, потом поглядел на молоток и сообщил товарищам, что маячили на валу, среди обгоревших сучьев:

— На молотке вмятины!

— А на метеорите? — спросил Андрияша.

— На метеорите вмятин нет! — ответил Мюллер гордо, словно сам отлил такой неподатливый метеорит.

— Так что? — спросил Костик. — Обратно пошли?

Так и не одолев метеорита, профессор совершил

обратное путешествие через воронку. Он был страшно испуган комарами, но весел и полон радужных надежд.

— Коллеги, — сообщил он, — впервые в истории человечества нами обнаружен полностью металлический метеорит уникального размера. Наши имена будут вписаны золотыми буквами в историю науки. И ваше имя, господин Костя, также.

Последние слова относились к Костику, который ответил:

— Обойдемся.

Мюллер, который решил, что Костик чрезмерно скромнен, сказал:

— Не скромничайте.

Костик не скромничал. Он упрямылся, хотя в иной ситуации был бы счастлив.

Когда возвращались к поляне, где были намерены провести ночь, Мюллер с Андрюшей рассуждали о том, как бы им расколоть этот сказочный метеорит. Ни пороха, ни динамита у них не было. За ними, если иного пути не найдется, придется возвращаться в Новопятницк, то есть переносить экспедицию на будущий год.

— Думайте, думайте, — обернулся Мюллер к молодым людям. — История глядит на вас.

— А может, отвести воду? — спросил Андрюша.

— Куда ее отведешь? — возразил Костя. — Вокруг низина.

— А что? Мы прокопаем канал, — сказал Мюллер. — Пускай он будет длинный, но узкий. И спустим воду в речку.

Костя только пожал плечами — до ближайшей речки было больше версты.

— Прокопаем вал, — сказал Мюллер. — В воронке вода выше, чем в болоте.

В лагере, пока Костя с Андрюшей разбивали палатку, Мюллер соображал, чем можно прокопать канал. Лопата у них была одна, короткая, саперная, привезенная Молчуном с японской войны. Был топор — тоже пригодится. Еще Молчун нарубил и заострил несколько толстых кольев.

И в ожидании завтрашних открытий они рано отошли ко сну.

Ниночка проснулась оттого, что стало холодно. И казак, и тунгус уже встали, и хоть они оставили ей два тулупа, все равно без человеческого тепла стало зябко.

Ниночка постаралась снова заснуть, сунула нос под тулуп, но не помогло. Тулуп был покрыт инеем, борта лодки побелели. С берега тянуло дымом костра.

Ниночка вылезла из лодки. Лодка закачалась, заплескалась вода.

С берега было видно, что Вероника стоит на маленьком кладбище над могилой отца. Рядом — верная Пегги с чашкой в руке, вероятно, уговаривает ее согреться.

Со смертью капитана Смита и бегством Дугласа что-то оборвалось в отношениях Нины и иностранок. Словно рассказали всю историю, а теперь можно по домам. Пегги увидела, что Ниночка поднялась. Она замахала издали — показывая на чашку, звала пить чай. Но Ниночка лишь отрицательно покачала головой и пошла к костру, к своим мужчинам. И те приняли ее как должно — она тоже была для них своя, а англичанки — чужими. Что они есть, что нет.

Вероника ушла в избу.

— Будем собираться? — спросил казак.

— Конечно, будем собираться, — сказала Ниночка. Потом спросила: — А далеко до того места, где упал метеорит?

Она и не ожидала, что кто-то ответит. Но тунгус сразу сказал:

— За Урулган ходить не надо — туда вон идти надо, за ту горку. Он там упал. В болото. Деревья повалил. Много деревьев повалил. Злой человек, однако.

Ниночка посмотрела на серую, в дымке, горную цепь. Там Костик.

— Туда не дойти, однако, — угадал ее взгляд тунгус. — Лошадка нужно. Плохой место.

Один из матросов привстал.

— Люди, — сказал он. — Идут сюда.

— Правда твоя, — сказал тунгус. — Два люди идут.

— Это они возвращаются, — сказал казак и, протянув руку, поднял с земли ружье, с которым никогда не расставался.

— Другая люди, — сказал тунгус, продолжая прихлебывать из кружки чай.

Казак поднялся, пошел к Власьей речке.

Сверху спускались два человека.

Одеты они были скудно, на спинах несли большие мешки.

Когда подошли ближе, Ниночка поняла, что это — корейцы. Она видела в Новопятницке корейцев-золотоискателей, рабов великой колоколовской империи.

— Золотишко ищут, — сказал казак. Он тоже их узнал.

Корейцы спешили вниз. Но при виде лагеря остановились. Будто испугались. Так и стояли.

Из избушки выглянула Пегги — тоже, видно, решила, что возвращается Дуглас.

— Чего стоишь, Хван? — спросил тунгус. — Или не знаешь меня?

Он сказал негромко, но слова его донеслись до корейцев.

И они, настороженные, сгорбившиеся под гнетом мешков, как-то сразу распрямились, пошли быстро, почти побежали к тунгусу. Не доходя нескольких шагов до костра, остановились.

— Кто это тебя? — спросил казак, глядя на старого корейца, у которого была окровавлена щека и темное пятно подпирало заплывший, вовсе не видный глаз.

— Плохие люди, — сказал кореец.

Больше он ничего не сказал. Положил на землю мешок. Второй последовал его примеру.

— Садитесь к костру, — сказал казак. — Чай пить будем.

Корейцы подошли близко, присели, протягивали руки за кружками, которые им давал тунгус Илюшка. Они смущенно улыбались и все кивали, благодарили.

— Как добыча? — спросил казак.

— Плохая добыча, — ответил старый кореец с подбитым глазом.

Снова помолчали. Тунгус долил чаю.

— Кушать будете? — спросил казак.

Он был здесь главный. Все с этим были согласны. Ниночка тоже.

— Мы сытые, — сказал старый кореец. Второй кивнул, соглашаясь.

— Плохие люди, говоришь? — спросил наконец казак. Этот вопрос давно вертелся у Ниночки на языке.

— Вчера вечер приходили, — сказал старый кореец.

— Что делали? — спросил казак.

— Велел вести к камню.

— К какому камню?

— Камню, который небо падал. — Кореец показал на небо.

— Ясно, — сказал казак и посмотрел на Ниночку.

Ниночка кивнула — поняла.

— Чего от вас хотели?

— Они говорили: веди тайга, показывай камень. Мы не хотел. Они ружье вынимал, Ким уводили.

Казак кивнул. Снова все замолчали.

— Один белый был, — сказала тогда, не выдержав, Ниночка. — А второй китаец, да?

Кореец с удивлением обернулся к Ниночке, но отвечать не стал, а посмотрел на казака, как бы спрашивая, надо ли говорить с этой девочкой?

— Говори, — сказал казак.

— Один большой, белый, — сказал кореец. — Второй не китаец, нет.

— А кто? — спросила Ниночка.

— Второй ниппон. Мой знает. Мой китаец знает. Мой ниппон знает.

— Японец? — удивилась Ниночка.

— Что он сказал? — Пегги стояла за ее спиной.

— Мистер Робертсон и его слуга были там, выше по реке, — перевела Ниночка. — Они заставили одного из золотоискателей вести их к метеориту. Они говорят, что Лю не китаец.

— Я же говорила вам, мисс, что он не китаец, — обрадовалась Пегги. — Я китайцев хорошо знаю. Они совсем другие.

— Они говорят, что японец.

— Таких людей я не знаю, — сказала Пегги.

— Мы знаем. Мы с ними воевали, — сказала Ниночка.

— Вы их победили?

— Это было позорное поражение царского самодержавия! — Ниночка постаралась выразить эту сложную фразу по-английски, но не смогла и не стала переводить, потому что поняла: все остальные молчат, ждут, пока она кончит разговаривать на чужом языке.

— Я ей перевела, — сказала Ниночка казаку, чувствуя, что нарушила течение важной беседы.

— Понимаю, — сказал казак. — Ей тоже не все равно.

— И что дальше делать будете? — спросил тунгус у корейцев.

— Лодку ждать будем, — сказал старый кореец. — Ким ждать будем.

Чаепитие продолжалось. Ниночка поднялась, отошла от костра. Пегги за ней.

— Зачем они пошли к метеориту? — спросила Пегги.

— Я не знаю, — сказала Ниночка. — Может, в дневнике капитана Смита было что-то сказано о метеорите?

— Я скажу мисс Смит об этом.

— Конечно, скажите.

Пегги побежала в избушку. Старый кореец глядел ей вслед.

— Совсем черт, — сказал он. — Откуда такой?

— Веселая, однако, — сказал тунгус. Ему Пегги нравилась.

Ниночка представила себе, как Дуглас с Лю бредут по тайге. Лю держит пистолет, угрожая корейцу. Сейчас они придут к метеориту, там Костик. Костик оборачивается на хруст ветвей, но поздно! Предательская пуля настигает его...

— Чего кричишь? — спросил казак. — Глаза открытые, а спишь.

— Я иду в тайгу, — сказала Ниночка. — И не пытайтесь меня удержать.

— Смешно говоришь, — ответил казак. — И далеко собралась?

— Я должна найти экспедицию. Им грозит опасность.

— В Новопятницке все господину исправнику скажешь. Или господину Филимонову. Они людей снарядят — поймают этих бандюг.

— А если они за это время всех убьют? И корейца тоже? — Ниночка смотрела при этом на старого корейца.

— Ой, плохо, — сказал кореец, но никакого желания спешить в тайгу на выручку своего товарища не изъявил.

— Их надо было на берегу взять, — упорствовал казак. — Пока они не подозревали. А теперь они ждут погони.

— Но в экспедиции ничего не знают.

— А с чего ты взяла, что они убивать будут?

— Вы ничего не понимаете! — горячилась Ниночка, которая не могла изгнать из сознания образ падающего под пулями Костика. — Вам совершенно все равно! Я расскажу Ефрему Ионычу. Он будет сердиться.

— Ты меня Колоколовым не путай. Я ему не подвластный. Я вольный русский казак.

Кузьмич обиделся, даже борода растопырилась.

— Я все равно уйду! — сказала Ниночка.

— Твоя воля, барышня, — ответил казак. — Только далеко не уйдешь.

— Пускай я погибну. — Ниночка была готова к жертвам. Она уже вышла на улицу Варшавы с бомбой в руке — держитесь, сатрапы! Единственным сатрапом на сто верст кругом был казак Кузьмич. Но и он не подозревал, какую бурю поднял в маленьком горячем сердце Ниночки.

Она побежала к избе, там был ее мешок, который она вчера принесла с лодки. Мужчины глядели ей вслед, как на блаженную.

Ниночка ворвалась в избушку. И прямо к скамье — схватила свой мешок, высыпала его содержимое на пол, чтобы понять, что нужно брать в тайгу.

Вероника сидела за столом. Когда Ниночка вбежала, она разговаривала с Пегги.

— Пегги мне обо всем рассказала, — услышала

Ниночка голос Вероники. — Дуглас узнал что-то о метеорите.

— Там люди, — сказала Ниночка. — Там Костик. Вы его знаете. И профессор Мюллер. А ваши друзья вооружены.

— Вы хотите идти туда, в лес? — спросила Вероника.

— Да.

— Но это опасно. Русский солдат пойдет с вами?

— Никто не пойдет.

— Но вы не найдете нужное место. Дуглас имеет проводника. А вы?

— Я поговорю с корейцами, — сказала Нина. — У отца есть немного денег. Он меня любит. Он мне даст. Я заплачу.

— Очень хорошо, — сказала Вероника. — Я иду с вами.

— Что?! — Это была самая большая неожиданность.

— У меня нет другого выхода, — сказала Вероника. — Все бумаги отца, вся его слава, его репутация, его честь — в руках у негодяев.

Ниночка вдруг увидела Веронику. Она ее не замечала за последние сутки. То есть видела, замечала, но не вглядывалась. За столом, вытянув перед собой тонкие сильные руки, сидела молодая женщина с бледным изможденным лицом. Густые пепельные волосы туго зачесаны назад и собраны на затылке в тяжелый узел. Серые большие глаза смотрят спокойно и даже равнодушно. И говорит Вероника обо всем так, словно собралась в соседний магазин за хлебом. И, впрочем, не столь важно, в магазин за хлебом или в непроходимую тайгу, главное, что она решила и ее решения никому не поколебать.

— Наше завещание у них, — сказала практичная Пегги. — Мистер Дуглас скажет госпоже: у меня завещание, у меня бумаги, я буду делать что хочу, а вы, мисс Смит, выходите за меня замуж или отдайте мне деньги.

— Это не столь важно, — решительно сказала Вероника.

Но Ниночка понимала, что это тоже важно. И не столько потому, что Вероника не могла возвращаться

такой же нищей, как уехала, а потому, что она должна была восстановить свою справедливость и состояние было частью этой справедливости.

— Но в тайге очень трудно, — сказала Ниночка. — Я сама в тайге ходила. Правда, с мужчинами. А вы никогда там не были.

— Когда-то надо начинать, — сказала Вероника без улыбки. — Я была с отцом в Африке, в бассейне Конго. И думаю, что все леса одинаково неприятны.

— Начнутся ночные морозы.

— Значит, не будет комаров. И давайте, дорогая Нина, прекратим этот пустой спор. Я уверяю вас, что, не будь вашего решения отправиться в лес, я бы сделала это одна. Пегги может подтвердить.

— Да, мисс Смит сказала мне об этом до вашего прихода, — подтвердила Пегги. — И я иду с ней.

— Еще этого не хватало! — воскликнула Ниночка. — Это вам не Африка!

Пегги победоносно улыбнулась.

Ниночка отбросила свой мешок в сторону и пошла наружу. Она понимала, что не отговорит упрямых иностранок. А раз так, то ей придется стать самой разумной в этой компании. И договориться с казаком.

Вслед ей донеслись слова Вероники:

— Если вы будете договариваться, имейте в виду, у меня хватит денег, чтобы щедро заплатить русским солдатам.

Ниночка вернулась к костру. Ее ждали. Встретили взглядами. Но ни о чем не спросили. Ниночка тоже молчала, не зная, как лучше начать разговор. Наконец первым нарушил молчание Михей Кузьмич.

— Передумала, барышня? — спросил казак.

— Нет, — сказала Ниночка. — Только я иду не одна. Англичанки идут тоже.

— Час от часу не легче, — сказал казак. — Что же я господину Колоколову скажу, когда вы сгинете?

— Послушайте, Кузьмич, — сказала Ниночка. — У моего отца, вы его знаете, есть немного денег. Если вы пойдете со мной, в Новопятницке отец заплатит вам, сколько нужно.

— Так, — удивился казак. — Значит, я за бесплатно позволю тебе в тайге сгинуть, а если заплатишь из

отцовских денежек, то живи. Так, что ли, получается? Да я тебя свяжу, паскуду, в избе запру. Никуда не пойдешь!

Матросы засмеялись, тунгус тоже засмеялся. Корейцы не все поняли, но улыбнулись.

— Я не шучу, — сказала Нина. — И Богом клянусь, что это не прихоть. В тайге, куда они пошли, — экспедиция. Там люди ничего не подозревают. А Дуглас и китаец готовы на все. Я даже не знаю, почему. Но вы-то знаете, какие они люди. Если они могли ограбить умирающего, если они могли избить корейцев и заставить одного из них быть проводником, значит, для них игра стоит свеч.

— Это так, — согласился казак.

— Мы не только должны идти туда, чтобы предупредить наших людей, но должны идти сразу, немедленно, может, даже обогнать Дугласа и китайца. Конечно, если мы втроем пойдем туда, это смешно, мы ничем не поможем. Но хоть предупредим...

— Чего уж вы предупредите... — вздохнул казак.

Опять замолчали.

— Если вы не хотите брать денег у меня, — сказала Ниночка, — то Вероника готова платить. У нее осталось немного денег. Кстати, Дуглас украл у капитана Смита и завещание, по которому он отказывает все свои деньги дочери.

— Много денег, да? — спросил тунгус.

— Не знаю. Наверное, много.

Тунгус сощурился и затянулся из длинной тонкой трубочки.

— Мы дороги не знаем, — сказал казак. — Все равно опоздаем.

— Дорогу я знаю, однако, — сказал тунгус.

— И ты пойдешь, Илюшка?

— Зачем не пойти? Дорогу знаю. Дорога недалекая. Послезавтра будем. Только идти шибко надо.

Из Ниночки словно выпустили воздух — она была готова отчаянно спорить и сражаться с мужчинами. А оказалось, сражаться и не надо. Казак сказал, что матросы и корейцы останутся у лодок. Если кто из начальства или казаков проплывет мимо, позовут на помощь.

Когда Ниночка вернулась в избу, чтобы собираться в поход, Пегги спросила негромко, видно, не хотела, чтобы мисс Смит слышала:

— А студент Андрюша там?

— Там. Ты же знаешь.

— Он хороший, — сказала Пегги. — Только несильный. Если мистер Робертсон убивать будет, жалко.

— Всех жалко, — сказала Ниночка. Странно, подумала она, я никому не сознаюсь, что спешу в тайгу из-за Костики. А Пегги может сказать об Андрее. И к стыду своему, Ниночка поняла, что, хоть и встречалась не раз с Андрюшей Нехорошевым, его помнила плохо. Нечто худое, нескладное, в очках. К тому же из другой партии — из эсдеков.

Собирались недолго. Через два часа вышли. Как только казак проверил, как уложены у женщин заплечные мешки, взята ли еда, ладно ли сидят башмаки — в тайге шутить с этим нельзя.

Тунгус повел в сторону от реки, по тропке из тех, что известны только тунгусам — хозяевам тайги.

* * *

С утра они копали траншею в валу. Это только на словах было просто. На самом деле широкий оплывший вал был набит сломанными деревьями, как компотная гуща ягодами. Только к полудню — уже и время остановилось, и сил не осталось, и радость открытия пропала — вода вяло потекла из воронки. Молчун продолжал упрямо и методично копать, молодые люди вяло тыкали кольями в гниль и грязь, расшатывая и раздвигая стволы и сучья, а Мюллер неловко, но без усталости тюкал топором, стараясь помочь остальным.

А вода текла сначала тонким ручейком, затем, найдя дорогу, потекла шустрее.

Далеко не сразу кто-то догадался обернуться, и они, к изумлению, увидели — и поняли мгновенно, что метеорит, открытый ими, вовсе не метеорит, а создание человеческих рук.

Это была верхняя половина шара, хоть и покрытого

грязью и прилепившимися к нему сучьями, — все равно правильная, точная, немыслимая в природе.

Обернувшись, они так и остались стоять в изумлении, а потом все сразу начали говорить, переспрашивая друг у друга, действительно ли остальные видят то же, что и ты, может быть, подшутили усталые глаза?

Наконец, прерывая суматошные возгласы, Мюллер сказал твердо:

— Неоднократно я возвращался к разговору о множественности обитаемых миров, однако мои коллеги старались поднять меня на смех. Я открою вам тайну, мои друзья: как только я услышал о падении урулганского метеорита, мои надежды увидеть подтверждение моим взглядам получили новый толчок. Изучение мною сообщений газет и очевидцев о манере падения этого предмета убедило меня в том, что, вернее всего, мы имеем дело с управляемым кораблем иноземного происхождения. Однако я не говорил вам об этом, потому что насмешки коллег перенести куда легче, нежели насмешки моих спутников по этому путешествию.

— Там, внутри... — начал Андрюша и осекся.

Тут и Костю проняло. Он продолжил мысль Андрюши:

— Если это корабль со звезд, то внутри него были некие инопланетные существа.

— Почему были? — воскликнул Андрюша.

— Потому что в ином случае они бы вышли на поверхность, — сказал Мюллер. — Надеюсь, что их гибель в момент крушения, — а чем иным, как крушением, мы можем объяснить падение этого тела в ленской тайге, — была мгновенной.

Молчун между тем подошел к краю воронки и стал подтаскивать обнажившийся под водой ствол, чтобы сподручнее подобраться к металлическому шару, что лежал на поломанных стволах, как птичье яйцо в гнезде.

Потом обернулся, подождал паузы в речи профессора и спросил:

— А как же она летала? Железяка эта?

— Для меня это такая же загадка, как для вас, молодой человек, — сказал Мюллер.

— Я читал, — вспомнил Костя. — У английского писателя Уэллса. У него они на Луну летали в подобном аппарате.

— Возможно, принцип движения этого тела был реактивным. Это вам что-нибудь говорит? — спросил профессор у Молчуна.

— Нет, — сказал тот.

Он поднатужился, ствол сдвинулся и лег рядом с первым. Теперь до метеорита можно было дойти, не рискуя свалиться в воронку. Молчун первым пошел к шару, который, судя по обнажившейся его части, должен был в диаметре превышать десять саженей, и деловито постучал по нему кулаком.

Звук был глухой. Если внутри шара и была пустота, то оболочка была толстой — кулаком не простучишь.

Тем временем к Молчуну присоединились остальные.

— Не надо стучать, — остановил Ивана профессор.

— А чего?

— Все равно не откроют, — ухмыльнулся Костик. — Мертвяки не открывают.

Молчун стучать перестал, перекрестился. Стоял, ждал, что придумает профессор.

А профессор ничего не придумал. Пауза затягивалась. Тогда Андрюша спросил:

— А может, все же еще постучать?

— Чепуха какая-то, — сказал Костик.

— Знаю, что чепуха.

— Надо осмотреть его со всех сторон, — сказал наконец Мюллер, перепрыгивая на соседний ствол, чтобы увидеть шар справа.

Костик с Андрюшей постарались пробраться налево, а Молчун остался, где стоял, потому что происходящее настолько превышало возможности его ограниченного разума, что инстинкт самосохранения подсказал ему единственный выход: ничего не делать.

Он стоял и думал: врет, наверное, профессор. Мало ли какие камни бывают! И может, он не с неба свалился, а всегда здесь лежал. Наверху что? Звезды. Господь Бог и ангелы. Им незачем в железных шарах летать. Сейчас бы вернуться к палатке, достать из

профессорского мешка флягу с коньяком. А почему бы нет?

Рассуждая так, Молчун скреб толстым грязным ногтем по железному камню. Грязь облетала. Под ней был тусклый, очень гладкий серый металл. По нему тянулась тонкая, как нитка, округлая полоска. Молчун скреб по полоске — любопытно было, куда она ведет. Но она вела под воду. Тогда Молчун плюнул и пошел прочь, пока, обойдя камень, не вернулись другие.

Костик, выходя из-за полушария, увидел его и спросил:

— Ты куда?

— По нужде, — ответил Молчун и пошел дальше, не оглядываясь.

Он перевалил через земляную насыпь и поспешил к лагерю. Там сразу полез в рюкзак к профессору, достал оттуда флягу и приложил к губам. Коньяк был горячий, славный, только слишком быстро влился в глотку. Жалко. Но все равно приятно. Молчун потряс флягой, еще несколько капель упало в рот. Молчун аккуратно завернул крышку и спрятал флягу на место. Пускай что хочешь думает, но не сознаемся, сказал он себе и успокоился. Так он никогда и не догадался, что очередное великое открытие — открытие входа в космический аппарат принадлежало ему, беглому каторжнику.

А Костик, который первым вернулся к исходной точке, сразу увидел тонкую полоску, очищенную Молчуном.

— Глядите! — воскликнул он. А впрочем, восклицать и не было нужды, потому что Андрюша с профессором уже были рядом и тоже увидели тонкий, будто проведенный иголкой круг.

Сразу стало ясно, что если и удастся проникнуть в космический корабль, то надо еще более спустить воду из воронки, хотя бы на сажень. Принялись звать Молчуна, но тот не откликался. Тогда лопату взял Костик, Андрюша помогал ему топором, а профессор ворочал стволы колом. Углубить отводную канаву было трудно — чем глубже копали, тем шире становился вал и плотнее набит деревом. Часа два прошло, прежде

чем канаву углубили настолько, что вода опустилась ниже возможного люка.

Вернулись к шару и стали думать, каким образом этот люк открыть. Андрюша не удержался и снова постучал. И, конечно же, без всякого результата.

Они тщательно расчистили и даже протерли рукавами весь люк и металл вокруг него в надежде увидеть какую-нибудь зацепку или замочную скважину. И ничего, конечно, не нашли.

— Давайте рассуждать логически, — сказал Мюллер, отмахиваясь от озверевших вконец комаров. — Разумеется, любая дверь открывается в первую очередь изнутри. Но если ты уходишь из дома или дома никого нет, а тебе надо обезопасить его от возможного похитителя, ты ее запираешь. А если мы так делаем на Земле, то и они, в небесных далях, должны делать то же самое.

— А если «сезам»? — спросил не без ехидства Костик.

— Какой сезам? — Профессор забыл о восточной сказке.

— В переносном смысле, конечно, — сказал Андрюша.

— А! Звуковой сигнал! — понял профессор. — Не исключено. Но давайте надеяться на нечто более обычное, потому что их слова «сезам» нам никогда не узнать.

Костик достал свой ножик и пытался всунуть его острие в нитяную щель. Безрезультатно. Они нажимали на разные места люка, и также ничего не выходило.

— Нет, — сказал наконец Мюллер. — Способ должен быть прост, и в то же время он должен исключать случайности.

— А если так? — спросил Андрюша и нажал обеими руками на люк, совершая при этом круговое движение, словно отвинчивая его.

Костик улыбнулся. Зрелище было нелепое.

Когда у Андрюши не получилось движение в одну сторону, он, нисколько не смущаясь, стал поворачивать люк в другую сторону. И когда люк довольно легко двинулся и стал вывинчиваться, это было так необыкновенно, что Мюллер с Костином замерли и

затаили дыхание, будто боялись спугнуть корабль или помешать Андриюше.

Вывинтившись на три оборота, люк остановился — дальше не шел. Андриюша стал толкать его в разные места, и люк утопился правой стороной, повернулся вокруг вертикальной оси и замер.

Перед ними было темное отверстие, из которого исходил странный, легкий и чуть дурмящий запах, словно аромат экзотического цветка.

— Эй, — негромко произнес Андриюша, — там есть кто?

Внутри было полное молчание.

Никто не решался сделать следующего шага.

Вдруг Костик спросил, совсем не по делу:

— А как ты догадался этот круг вертеть?

— Не знаю, — сказал Андриюша. — Что-то меня натолкнуло.

— Ты думал об этом?

— Ни о чем я не думал.

— Молодые люди, — сказал Мюллер, — вы отвлекаетесь на частности.

— Мы ждем, когда вы, профессор, заглянете внутрь своего метеорита, — сказал Костик. — Там уже на стол накрыли.

— У меня создается ощущение, что вы не осознаете всего значения того, что происходит, — обиженно сказал профессор. — Мы с вами встретились с могущественной иноземной цивилизацией, преодолевшей немислимые расстояния, чтобы достичь нашей планеты.

— Или ухлопать ее, — сказал начитанный Костик, который вспомнил выразительные картинки, виденные им в журнале «Мир приключений», иллюстрировавшие повесть любимого им писателя Герберта Уэллса «Борьба миров».

— Я полагаю, — возразил профессор, — что цивилизация, которая постигла межзвездные сообщения, не может быть злобной.

— Почему? — спросил Костик.

— По той простой причине...

Но причины профессор не нашел и еще более рассердился.

Могила капитана Смита

— Я пошел, — сказал он, не двигаясь с места. — Нас ждут.

— Нас ждут мертвые тела, — сказал Костик.

Профессор не понимал, что за внешней грубостью и даже развязностью Костик скрывает страх, владевший им. Черное отверстие люка в космический аппарат представлялось входом в преисподнюю. Но так как Косте казалось, что спутники никоим образом не разделяют его страха, то и самому показывать его было нельзя.

— Я пойду, профессор? — тихо спросил Андрюша, поправляя грязными пальцами очки. — Я хуже вас, мне сподручнее.

— Идите, Андрюша, — с облегчением сказал профессор. — И говорите нам оттуда обо всем, что увидите.

— Я увижу, — сказал Андрюша, словно находясь в каком-то трансе. — Я увижу нечто подобное гробу.

— Андрей! — остановил его Мюллер. — Идите, не надо фантазировать. Если вы боитесь, я пойду первым.

— Нет, я не боюсь. Мне ничто не угрожает, — ответил Андрюша, взялся пальцами за края люка и, подпрыгнув, перенес ноги через нижний край люка. Потом он выпрямился, и голова его исчезла из виду.

И тут же внутри аппарата зажегся свет, так что торс Андрюши стал черным силуэтом.

— Осторожнее, Андрюша! — воскликнул профессор, отступая от люка. — Возвращайтесь.

— Ничего страшного. — Андрюша наклонился, чтобы выглянуть из люка. — Аппарат устроен таким образом, что появление человека включает приборы, которые обеспечивают его светом, теплом и прочими жизненными функциями.

— Ты сам говоришь? — вдруг спросил Костик.

— А кто же за меня?

— Ты говоришь как-то не так. Будто тебе внушают эти мысли.

— Костя, вы отвлекаете Андрюшу, — сказал Мюллер.

— Я опасаюсь, — сказал Костик, — не проникла

ли в мозг Андрюши чужая сила, таящаяся в этом аппарате.

— Это чистая мистика, — сказал профессор. — Но если вам страшно, то вы можете вернуться в лагерь.

— Мне страшно. Но не за себя, — сказал Костик. — Мне страшно за все человечество.

— Почему? Нам ничто не угрожает. Мы ученые. И подвижны гуманными побуждениями.

— Что ваш гуманизм по сравнению с тем, о чем мы не можем иметь представления?

— Гуманизм одинаково свойствен всем разумным существам. Он рожден христианством.

— А когда конкистадоры убивали ацтеков, — сказал Костик, — они тоже были гуманными?

— Это были нецивилизованные люди.

— Когда я иду по лесу, — сказал Костик, — и наступаю на муравейник, я не знаю, сколько муравьев я задавил. И не интересуюсь этим. Не потому, что я гуманный или негуманный, а потому, что я не замечаю всякую пакость под ногами.

— Это не аргумент! — вскипел профессор. — Потому что муравьи не относятся к человеческому роду.

— А они? — Костик показал на отверстие люка, где скрылся Андрюша. — Они относятся к человеческому роду?

— Подождите, — остановил его профессор. — А где Андрюша?

— Боюсь, что он их пленник, — мрачно произнес Костик.

Только тут профессор увидел, что Костик сжимает в руке топор, которым они расчищали водослив.

— Андрюша! — позвал профессор, заглядывая в люк.

Там внутри было светло. Но свет был ровным и никаким, ниоткуда. И не было видно никаких предметов или дверей, как положено. Впрочем, остановил себя профессор, почему положено?

— Андрюша! — повторил он.

Никакого ответа.

Профессор обернулся, потому что услышал, как сзади плеснула вода.

— Вы куда, Костя? — спросил он.

— Мне надоело быть пищей для комаров, — ответил тот, поднимаясь на вал, присаживаясь на поваленное дерево и доставая портсигар. — Здесь ветер. Приятнее.

— Но Андрюша не отзывается!

— Я вижу, — согласился Костик.

— Может быть, пойти за ним?

— Я бы не советовал, профессор, — сказал младший Колоколов, — потому что вы сгинете так же, как ваш студент.

— Но что дает вам основания так думать?

— Ничего. И я предлагаю вернуться к реке и сообщить в Якутск, чтобы вызвали войска. Желательно с артиллерией.

Профессор отмахнулся. Он решил, что Костик говорит от своего имени, но живое воображение Костика напомнило ему, что все это он уже читал в романе Герберта Уэллса. Потому ему хотелось бежать куда глаза глядят. Но он остался, ибо для бегства нужен толчок. А такого толчка не было. А без толчка человеку убежать стыдно. Перед собой стыдно. Костик лишь оглянулся и глазами нашел за валом неглубокую относительно сухую яму, в которой можно будет в случае чего укрыться.

— Андрюша! — снова позвал профессор.

Ответа не последовало.

— Костик, — сообщил поникшим голосом профессор, — я пошел внутрь. Если я не вернусь, нашему примеру не следуйте. Как можно скорей уходите отсюда.

— Не бойтесь, — сказал Костик. — Обязательно уйду. Но и вам лазить не советую.

— Надо, — сказал профессор. — Я как начальник экспедиции отвечаю за ее сотрудников.

И профессор, зажмурившись от тошнотного страха, чего Костик, конечно, не ощутил, переступил через край люка и оказался внутри метеорита.

Ничего не случилось. Вокруг царили спокойствие и тишина, которая может показаться громче пушечного выстрела. Не было звука шагов, потому что пол не был твердым. Впрочем, он не был и мягким, а

чуть пружинил. Свойство рассеянного света заключалось в том, что невозможно было определить ни форму, ни размеры помещения, в котором стоял профессор. В нем не было двери, за исключением открытого люка, и непонятно было, куда идти. А тишина стояла такая окончательная, что профессор потерял дар речи и не смог заставить себя снова позвать Андриюшу.

Его вывели из затруднительного положения следы Андриюши — грязные мокрые следы, что тот оставил на упругом белом полу. Они каким-то загадочным образом постепенно впитывались в пол, растворяясь в нем, но все же их еще можно было разглядеть, и профессор с облегчением оттого, что взгляд может хоть за что-нибудь зацепиться, пошел вперед, выставив руку, так как казалось, что стена может оказаться рядом.

Но стены не было, а было как бы перемещение окружающей преграды — профессор все время оставался в центре пространства. Но когда он обернулся и поглядел назад, то люка и тайги за ним не увидел. Но уже не испугался, так как находился по ту сторону страха.

Профессор почувствовал, что пол под ногами стал понижаться, но это не было склоном или лестницей — это было ощущением спуска.

И тогда он увидел Андриюшу.

Сначала он увидел Андриюшу, а только затем понял, что попал в центральное помещение межзвездного аппарата, куда более реальное и понятное, чем то беспространство, которое он миновал за последние минуты.

Андриюша стоял посреди круглого белого помещения, к стене которого был приделан широкий наклонный пюпитр. Его поверхность была не гладкой, а украшенной рядами кнопок и окошек. Некоторые окошки были темными, в других горел зеленый свет, однако стекла были непрозрачны, по ним лишь пробегали тени и искорки. Посреди комнаты возвышался продолговатый саркофаг — иного объяснения этому крупному предмету профессор дать не смог. Представьте себе стеклянное либо металлическое — понять

нельзя — будто бы прозрачное, но на самом деле совершенно непрозрачное пирожное — эклер длиной в три сажени, правильно облитое глазурью, но покоящееся не на тарелке, а повисшее в воздухе. Были в том помещении и другие предметы, но Мюллер не увидел их, а обратил взгляд к Андриюше, который был задумчив, но не испуган. Он спокойно обернулся к вошедшему профессору и сказал:

— Я знал, что вы не оставите меня. Спасибо, Федор Францевич.

— Что это? — спросил Мюллер. А когда Андриюша промедлил с ответом, добавил: — Мы беспокоились, почему вы не отвечаете.

— Здесь... — сказал Андриюша, подходя к саркофагу и протягивая руку в направлении его, но не дотрагиваясь пальцами. — Здесь покоится обитатель этого корабля.

— А кто же его похоронил? — спросил профессор.

— Он не мертв, — ответил Андриюша. — Но мне трудно подыскать слова, чтобы объяснить вам его состояние.

Андриюша снял очки и стал протирать их рукавом. Из этого ничего не вышло, так как рукав был влажным и грязным. И тут профессор, приглядевшись к Андриюше и увидев, насколько тот жалок и измучен, насколько грязен и промок, представил себе, как мало сам отличается от студента. И то, что не видно в тайге, в этой стерильной белоснежной комнате стало не только очевидным, но и постыдным.

— Этот человек, — продолжал Андриюша, — находится в состоянии глубокого сна, подобного тому, в какой могут ввергать себя индийские йоги. Тело его охлаждено, а пульс почти не слышен. В таком состоянии он может пребывать многие годы без вреда для здоровья.

— Что вы говорите! — воскликнул профессор Мюллер, глядя на Андриюшу, который говорил медленно и тихо, словно находился в глубоком трансе. — Неужели фантастичность окружения столь воздействовала на вашу психику?

— Я говорю о том, что есть.

— Вы полагаете, что тело иноземного авиатора находится внутри этого «эклера»?

— Да, он там. И он жив.

— Но вы не можете знать об этом.

— Я знаю.

— Как?

— Я не могу объяснить, Федор Францевич, честное слово, — это знание входит в меня... — Андрей постучал себя согнутым пальцем по виску, чем никак не убедил профессора.

— Я противник любой мистики, — сказал тот. — Любое явление имеет физическое объяснение.

— Здесь нет никакой мистики, — сказал Андриюша. — А где Костик?

— Он отошел в сторону.

— Он не захотел сюда идти?

— Ни в коем случае.

Профессор провел пальцем по поверхности саркофага. Саркофаг был холодным, ледяным.

— Но если обитатель этого аппарата жив и не пострадал, значит, он может отсюда выйти?

— Только с нашей помощью, — сказал Андриюша.

Он вздохнул и проговорил другим тоном, виновато:

— Простите, Федор Францевич, но я за секунду до ответа не знаю его. Меня самого это пугает.

— У вас возникает какое-то чувство? — заинтересовался профессор. В нем проснулся исследователь. — Или это слуховая подсказка?

— Не знаю, честное слово, не знаю.

— Но ощущаете ли вы какое-либо чувство опасности? Может быть, ловушки, угрозы?

— Я ничего не ощущаю, я ничего не знаю.

— А как тогда вы можете помочь этому неизвестному существу?

— Я для этого... должен подойти к пульту управления.

— Как вы сказали?

— Вот этот люпитр именуется пультом управления анабиозной камерой.

— Простите меня великодушно, Андриюша. Приходилось ли вам ранее сталкиваться со словом «анабиоз»?

— Смутно вспоминаю... Не связано ли это с зимней спячкой жаб?

— Хорошо. Оставим этот предмет. Вы убеждены, что нам это ничем не грозит?

— Убежден.

— Но вдруг это ловушка?

— Ловушка какого рода? — удивился Андрюша. — Вы хотите сказать, что этот корабль сознательно потерпел крушение, чтобы привлечь нас в этот дикий край? Не проще ли тогда было опуститься незаметно, без шума и грохота, и завоевать Землю?

— Что мы знаем об образе мыслей столь чуждых для нас существ? — возразил Мюллер. — Мне пришлось как-то услышать сравнение: представьте себе человека, который идет по лесу и наступает на муравейник. Заметит ли он, что раздавил нас с вами?

— Что же вы предлагаете, профессор? Уйти?

— А он похож на человека?

— Я не знаю.

— Надо посмотреть. Возможно, здесь находятся какие-либо документы, возможно, фотографии его близких.

— Это что-либо изменит?

— Но вдруг там находится тигр? Или еще хуже — паук?

— Если Вселенная населена разумными пауками, — сказал Андрюша, напяливая на длинный нос очки, — то, значит, нам нужно готовить себя к тому, что придется с ними общаться. Кстати, а что если мы им тоже неприятны?

— Мы? — Эта мысль сбила с толку профессора. Он никогда еще не пытался увидеть себя с точки зрения разумного паука.

Он поглядел на Андрюшу иным, чем прежде, взглядом. Андрюша, который, по мнению профессора, не отличался живым и быстрым умом, проявлял завидную рассудительность, и неясно было — то ли это упущение профессора, не замечавшего этого в Андрюше ранее, то ли следствие внутреннего голоса, руководившего Андрюшей.

— Мы можем теперь приступить к пробуждению

астронавта, — сказал Андрияша. — Вы не возражаете, Федор Францевич?

— Ну что вы, разумеется, приступайте, — сказал профессор. — Смогу ли я при этом находиться?

— Разумеется, почему бы нет?

— Несмотря на разумные опасения, — сказал профессор, — мне как ученому необходимо наблюдать как само появление иноземца, так и ваше, Андрияша, поведение, ибо вы, очевидно, контролируетесь загадочной внешней силой.

— Наверное, — согласился без радости Андрияша. — Начиная с того момента, как догадался повернуть люк. А как вы думаете, почему эта сила действует только на меня?

Так как Мюллер не ответил, Андрияша пошел к пюпитру, который он загадочно называл пультом управления, и остановился перед ним в замешательстве.

— Не знаю, что делать, — сказал он.

— А ты закрой глаза, — посоветовал профессор, — сосредоточься, а потом расслабься.

Профессор вытащил записную книжку, надеясь, что ему удастся записать то, чего еще не наблюдали глаза человека.

Андрияша закрыл глаза, сосредоточился, потом открыл их снова и сказал:

— Ничего не снизошло.

— Подождем, — сказал профессор.

Он спрятал записную книжку в карман плаща, а сам пошел вдоль округлых белых стен, изучая их и стараясь отыскать проход в следующее помещение.

Тут его путешествие было прервано неприятным скрипящим звуком.

Он вздрогнул, резко обернулся и увидел, что Андрияша склонился над пультом и нажимает на нем кнопки.

— Андрияша! — предупреждающе крикнул профессор. — Осторожнее! Вы же все ломаете!

— Погодите, — огрызнулся Андрияша и продолжал свое дело. Только тогда профессор догадался, что Андрияша действует по указаниям внутреннего голоса.

— Не спешите, — предупредил профессор. — Не ошибитесь. Прислушайтесь внимательно.

Он подошел ближе, чтобы помочь Андриюше, если возникнет надобность, и все прислушивался к себе — не возникнет ли внутренний голос в нем, что было бы справедливо и правильно, потому что жизненный и научный опыт профессора мог пригодиться иноземцу более, чем незначительный опыт Андриюши.

Неприятный звук сменился другим, не менее неприятным — скорее схожим с продолжительным визгом.

Профессор был убежден, что Андриюша все делает неверно, и боролся с желанием вмешаться и остановить юного помощника, но что-то приковало его ноги к упругому полу. Может быть, страх, а может, и высшая сила — профессору так и не суждено было разобраться в этом. Да и некогда разбираться, потому что освещение в круглой комнате стало меняться — тускнеть и в то же время становиться все более тревожным. Остро и сильно запахло озоном, словно в комнате взорвалась шаровая молния, по белым бесплотным стенам пробежала дрожь, связанная с изменениями в их цвете. Странная дрожь господствовала и в воздухе. Воздух багровел, будто наполнялся кровью, и тут с легким шорохом крышка саркофага начала сдвигаться, не падая при том на пол, а оставаясь подвешенной в воздухе. Она полностью отошла вперед, отрезав таким образом профессора от Андриюши, который, не оборачиваясь, внимательно следил за огоньками и значками, возникавшими в овальных окошечках на пульте. А профессор обратил свой взор к открывшейся внутри саркофага картине. Там, полностью погруженный в некую полупрозрачную жидкость, лежал подвешенный, словно в насыщенном соляном растворе, молодой человек замечательного гармоничного сложения с чистым правильным лицом... И, что смутило профессора и заставило его на мгновение отвести взор, совершенно обнаженный. Человек спал или был мертв.

— Андриюша! — воскликнул профессор, но и на этот раз Андриюша не оглянулся.

Тихо и настойчиво, словно метроном, начался стук, исходивший откуда-то сверху. В окошечках на пульте побежали зигзагообразные линии. Жидкость, наполнявшая саркофаг, начала опускаться, выливаясь вниз, профессор даже бросил взгляд туда, но не заметил никакой трубы.

Еще минута — и молодой иноземный астронавт уже лежал на дне саркофага. Медленно поехал вслед за металлической крышкой прозрачный внутренний колпак саркофага. Профессор увидел, что грудь человека вздрогнула, приподнялась и опустилась вновь.

— Андрюша, он дышит, — счел нужным сообщить студенту Мюллер, так и не отыскав записной книжки.

— Знаю, — откликнулся Андрюша.

Человек лежал перед Мюллером. Спокойно лежал. Мокрый человек. Ничем не прикрытый.

Он ровно дышал. Потом дыхание стало чуть быстрее, человек нахмурился, пожевал губами, что сразу сделало его обыкновенным и совершенно не страшным, а потом открыл глаза.

— Все, — сказал Андрюша. — Я страшно устал.

Он уселся на упругий пол у пульта и прислонился спиной к его основанию.

Человек в саркофаге легким движением поднял руки, схватился за края саркофага и сел. Сев, он стал осматривать комнату и людей в ней. Затем, не говоря ни слова, он протянул руку, взял со дна саркофага нечто круглое, черное, похожее на фасолину, и вставил себе в ухо. Прикрыл глаза, словно прислушиваясь. Затем вновь открыл их и уставился на Мюллера.

— Мюллеру стало неловко — взгляд был слишком настойчивым, неземным.

Губы человека шевельнулись.

— Спасибо, — сказал он.

Лицо его оставалось неподвижным и гладким.

— Я благодарен вам за помощь.

Слова произнесены были правильно, но как-то автоматически, как произносит их учитель русского языка перед иноязычной аудиторией.

— Здравствуйте! — Профессор Мюллер понял, что наступило его время и молодой астронавт ждет его рассказа. — Мы были движимы гуманными соображениями, желая оказать вам помощь. Вы потерпели крушение на планете Земля. Это вам что-нибудь говорит?

О да! — ответил с чувством незнакомец. — Мое путешествие чуть было не завершилось трагически. Как благодарен я вам, жители планеты...

— Земля, — подсказал Андрюша.

— Жители планеты Земля за то, что вы сделали для меня.

Говоря так, молодой человек вышел из саркофага, подошел к попиртру, провел рукой над ним, и на туманной, загибающейся, как внутренность шара, стене возникло цветное изображение окружающей метеорит тайги — версты и версты поваленных деревьев, обгорелые стволы, болота, скалы и горы за ними. Словно у метеорита появился глаз, который видел все вокруг. Вот направление его взгляда изменилось, и он, пронзив, как лучом, завалы деревьев, увидел — и все увидели — лагерь экспедиции: жалкую палатку, тлеющий костер, кучку лошадей и посреди этой унылой картины — мрачный, насупившийся, руки в карманах штанов, усталый Иван Молчун.

Наблюдатели не могли знать, что он только что выпил флягу профессорского коньяка и весьма разозлен, потому что нет хуже положения, чем у человека, который начал пить, но не имеет возможности это продолжить.

— Каким образом вам удалось отыскать меня? — спросил астронавт. — Я не вижу воздушного корабля, с помощью которого вы могли бы преодолеть бесконечные леса и горы, которые окружают место моего неудачного приземления.

Тем временем наблюдавший за тайгой «глаз» как бы поднялся в немыслимые дали, выше, нежели мог бы подняться орел, и оттуда, с высоты, они увидели бесконечное море тайги и гор и даже широкую гладь Лены.

— Мы шли пешком, — ответил Мюллер. — А частично на лошадях.

— Как так — на лошадях? Я этого не понимаю.

— У нас есть способ, — сказал Андрюша. — Если путь далек и труден, мы взбираемся на домашних животных, именуемых лошадьми, которых вы видели у нашей палатки, и они везут нас.

Астронавт кивнул и, опустив свой «глаз» ниже, приблизил его к лошадям.

— Как это немыслимо трудно! — сказал он.

— У нас есть воздушные корабли и автомобили, — сказал Мюллер. — Не следует недооценивать нашей цивилизации. Я убежден, что каждый инопланетный агрессор, намеревающийся покорить и поработить нашу планету, столкнется с решительным отпором.

— Разумеется, разумеется, — сразу согласился астронавт. — Он сразу столкнется. А простите, зачем ему поработать вашу планету?

Мюллер пожал плечами.

— Это теоретический вариант контакта между жителями разных планет, — сказал он. — Но, как я понимаю, вы прибыли к нам с развитой и гуманной планеты. И мы рады вам.

Астронавт был смущен.

— Разумеется, — сказал он. — В великом галактическом содружестве, частью которого является и моя родная планета, иного образа жизни не бывает. Разумеется, мне приходилось читать исторические труды о войнах и раздорах. Я даже видел орудия убийства в археологическом музее. Но я не думал, что попаду на планету, где это не отдаленное воспоминание, не давний сон, а реальность.

— Но лучшие люди, — сказал Андрюша, — лучшие люди нашей планеты полностью разделяют вашу точку зрения и стремятся к прекращению войн и вражды, к уничтожению эксплуатации человека человеком. Это наши идеалы.

— Если вы позволите, — сказал пришелец, — я бы желал продолжить этот полезный и поучительный для меня разговор через некоторое время. Я хотел бы осмыслить услышанное, обозреть жизнь на вашей Земле. И немного отдохнуть — я еще так слаб после долгого анабиоза.

— Разумеется, — согласился Мюллер. — Мы придем к вам позже.

Вдруг астронавт поднял руку, будто желал остановить профессора, чтобы вместе прислушаться к чему-то происходившему неподалеку.

— Там злость, — сказал он, опуская руку и показывая перед собой. — Там смерть.

— Где? — не понял Мюллер. — Вы имеете в виду нашу Землю?

— Близко, сто шагов.

Он сделал шаг вперед, но тут профессор не выдержал.

— Простите, — сказал он. — На улице очень холодно. И идет дождь. Вы наверняка простудитесь. Вы должны одеться.

Разумеется, профессора не столько беспокоило здоровье астронавта, сколько собственный ужас перед видом обнаженного тела. Мысль о том, что тот намерен нагишом бегать по тайге, была невыносима.

— Вы правы, — согласился астронавт, но не остановился, а как бы вошел в стену.

Остальные послушно последовали за ним.

Стены не были стенами — это были занавесы тумана, что лишь щекотали, когда проходишь сквозь, и смыкались сзади.

И когда они прошли первую стену, астронавта не было.

Мюллер остановился и тут же услышал:

— Идите.

И в следующее мгновение они оказались у люка. Астронавт уже был снаружи, он легко стоял на бревне. Он был одет в облегающий серебристый костюм, украшенный голубыми квадратиками, разбросанными по нему без смысла, но красиво.

Он быстро пошел в сторону лагеря. Остальные, не возражая, поспешили следом.

* * *

Иван Молчун, пошуровав в мешках Мюллера и молодых людей, больше ничего спиртного не нашел и, так как все еще оставался в неприятном положении

человека, начавшего пить, решил поспать. Но сон не шел, а было глубокое раздражение. Из сорока с небольшим лет, прожитых на Божьем свете, Молчун около двадцати провел по тюрьмам и каторгам, не потому что был особо склонен к злодейству, а так получилось. С первой же тюрьмы дорога его была определена и друзья известны. Он был клейменный, поротый, битый плетьюми — нерчинскую каторгу знал, сахалинскую видел. Для него вся Россия была большой каторгой — там был центр мира, а между каторгами существовали как бы хлевы, там стояли коровы и ждали, пока волк их зарежет.

Лет шесть назад бежал Молчун с каторги — надоело. Решил, что больше не вернется. Пристал к золотоискателям, таился, потом попал на глаза к колоколовскому приказчику, тот его определил к хозяйскому дому. Вроде бы как телохранителем. В помощь Ахметке.

С тех пор служил. Колоколова уважал. Документы ему выправили новые. Выпивал, правда. Нечасто, но если начнет — удержу нет.

Вот и сейчас — самое время начать.

Уйти, что ли? Да куда уйдешь? И оттого Молчун сердился.

Он вышел к лошадям, посмотрел, нет ли язв, не сбиты ли ноги. Спокойнее не стало. Сколько еще в тайге сидеть?

Молчун со злости подобрал с земли тяжелый обгорелый сук и кинул его в кусты.

Сук с треском влетел в перепутанность горелых ветвей и сучьев, оттуда послышался крик. Молчун даже замер от неприятного предчувствия: если профессор с той стороны идет, да ему по макушке угодило — что тогда? Придется снова бежать, в тайге скитаться...

И пока Молчун в удручении глядел перед собой, из чащи вышли три человека.

Впереди шел кореец, из золотоискателей. Его Молчун знал, днями встретили у Власей речки. Второй был высокий англичанин, который приехал в Новопятницк с девкой. А третий шел — злобы не хватает — косоглазый, который с ним таким подлым образом разделался в Новопятницке.

— Ты чего кидаешь? — спросил кореец испуганно. — Зачем убить хочешь?

— А кто знал, что вы здесь шляетесь? — взревел Молчун. — Чего вас сюда несет?

И тут он увидел в руке китайского слуги небольшой черный пистолет.

Молчуну бы испугаться, сообразить, что не зря эти иностранцы, которым в Булуне надо быть, в тайгу забрались. Но полупьяная нерастраченная злость, память об унижении, которому его, первого силача в городе, подвергли в Новопятницке, настолько овладели им, что он заревел словно медведь и двинулся к пришельцам.

— А ну, брось! — крикнул он китайцу. — Брось, тебе говорю!

Высокий англичанин что-то заквакал по-своему, кореец кинулся в сторону, попал между корней в лужу — только грязь столбом!

Китаец улыбнулся, холодно так, спокойно оскалил зубы. Поднял пистолет, и Молчун понял: сейчас выстрелит. Ему бы остановиться, смириться. Но смириться он не мог и продолжал идти на китайца, сжав кулаки и глядя на него в упор почти белыми яростными глазами.

И тогда китаец выстрелил. Раз выстрелил, потом еще и еще, потому что Молчуна убить трудно — его на всех каторгах убивали, да не убили, а пистолетик маленький, вроде детский.

Он упал только после четвертого выстрела.

Но еще не был мертвый, только неподвижный и немой, потому что ему перешибло хребет.

— Ну зачем вы это сделали, маркиз? — сказал по-английски мистер Робертсон. А китаец Лю, не пряча пистолета, ответил на том же языке:

— Вы предпочли бы, чтобы он меня задушил? Разве вы не видите, что я только защищался?

— Я помню этого человека, — сказал Дуглас. — Он напал на меня в том городке.

— Он маньяк. Бандит.

— Это, к сожалению, не оправдание, маркиз, — сказал Дуглас.

— У меня не было выхода.

— Сейчас появятся профессор и другие русские. Что мы им скажем?

— Мы скажем правду, — ответил маркиз. — Мы скажем, что вы, защищаясь, убили этого бандита.

— Но я не убивал его! Вы хотите, чтобы я попал в тюрьму в этой стране?

— Вас никто не обвинит. Слугу же...

— Но наш проводник! Он все видел.

— Тогда он тоже должен умереть.

— Маркиз! Остановитесь. Вы погубите и себя, и меня.

— Я не верю в бессмертие души, — сказал маркиз.

Молчун вздрогнул, из его полуоткрытого рта вырвался стон. Маркиз был скор. Его рука не дрожала. Раздался сухой выстрел.

Но вместо того, чтобы замереть, Молчун начал подниматься. Боль, одолевавшая его, была столь велика, что ему казалось — вырваться из нее можно, лишь взлетев. И он хотел взлететь и был близок к тому... Он не видел своего убийцу, но в последнее мгновение жизни его взору предстал ангел, который вышел из горелой чаши. Был он светел ликом и скорбен, а люди, что стояли рядом с ним, — профессор, Костя Колоколов и Андриюша казались малыми детьми, робкими, испуганными, но преисполненными жалости к нему — к Молчуну. И Молчун был благодарен Господу, что прислал за ним ангела, и боль отпустила его, и пришла смерть...

Но пришла она не от лицемерия ангела, а от того, что китаец, которого Дуглас называл маркизом, продолжал всаживать в его битое, искалеченное тело пулю за пулей — пока не кончилась обойма. И только тогда он оторвал взгляд от дергающегося в агонии тела и увидел людей, которые стояли в двадцати саженях от него.

В тот момент маркиз не способен был думать. Он был охвачен страхом, который заставлял уничтожить источник страха. Он поднял пистолет, навел на пришедших и продолжал нажимать на курок, хотя пустой пистолет молчал...

От поднятого пистолета люди шарахнулись было в сторону.

Но тут же все прекратилось. Как будто сгнуло наваждение.

Маркиз начал отступать от трупа. Костик побежал к Молчуну, но дотронуться до него не посмел. Дуглас спохватился первым и почти закричал:

— Мой слуга защищал меня! Мой слуга защищал меня!

Кричал он на странной смеси русских и английских слов. Нужно было убедить сейчас, немедленно — и даже не самого профессора и не мальчишек, что были с ним, а того непонятого человека, которого Молчун в предсмертной надежде принял за ангела.

А тот человек только что был и вдруг начал тускнеть — словно растворялся в воздухе. Но не растворился весь, а как бы потерял реальность и перестал присутствовать при этой сцене.

— Что здесь произошло? — Профессор Мюллер смог найти тот официальный, холодный тон, что подслушал когда-то у ректора, производившего дознание о крамольном студенческом воззвании.

— Этот человек напал на нас. Совершенно без предупреждения. Мой слуга, защищая меня, выстрелил — в последний момент. Он уже занес надо мной палку... — Дуглас говорил быстро, настойчиво.

— Мы видели иное, — сказал Мюллер. — Мы видели, что ваш слуга стоял над поверженным человеком и стрелял в него, хотя никакой нужды в этом не было.

— Но вы же не знаете, как все началось. Вы не знаете! Кому вы верите — мне или этому жалкому корейцу?

— Какому корейцу? — не понял Мюллер.

— Он в него стрелял раз сто, — сказал Костик.

— Он это сделал от страха.

— Подождите, — сказал Мюллер, — давайте слушаем его самого.

— Я стрелял от страха, — сказал китаец, оскалившись. — Я защищал мистера Робертсона. Это совершенно очевидно.

Мюллер насторожился — китайский слуга слишком хорошо и правильно говорил по-английски.

— Не знаю, — сказал Мюллер. — Я никогда еще не сталкивался с убийством.

— Его надо повесить, — сказал Костик. — По закону тайги.

— Конечно, мы обязаны его арестовать...

Они стояли, разделенные лежащим на земле телом. Дуглас и его слуга — по одну сторону, экспедиция Мюллера — по другую.

И в тот момент мертвый, начавший холодеть, задравший к небу нечесаную сивую бороду Молчун был важнее инопланетных астронавтов.

— Но где мы его будем держать? — спросил Андрияша.

— Мы его свяжем, — сказал Костик. — Свяжем, и пускай лежит. Потом, когда будем в Новопятнице, скажем уряднику, где его оставили, пускай за ним людей посылают.

— Это верная смерть, — сказал Мюллер.

— А почему он должен жить? — спросил Костик. — Он убил. И его надо убить. Закон тайги.

— Мы не имеем права брать на себя миссию правосудия, — сказал Мюллер. — Мы не в Америке. Это будет суд Линча.

— Если всякой мрази ходить безнаказанно, тайга бы давно стала пустыней.

— Я могу дать честное слово джентльмена, — послышался голос Дугласа, — что он никуда не убежит. И по возвращении к цивилизации предстанет перед законным судом.

— Может, это выход? — с облегчением спросил Мюллер. — И в самом деле, господин Робертсон дает слово джентльмена.

— Я сомневаюсь, что он джентльмен, — сказал Костик.

— И прекратим эту тяжелую сцену, господа, — сказал Дуглас, не поняв слов Костика. — Наш христианский долг — похоронить этого несчастного. Да, именно так. И, наверное, все мы заинтересованы в том, чтобы забыть, по крайней мере на время, этот прискорбный инцидент.

— Сначала пускай твой ходя отдаст пистолет, —

сказал Костик. — Иначе вообще разговора с вами не будет.

— Я предпочел бы оставить его себе, — ответил на приличном русском языке китайский слуга. — Он мне может пригодиться. Я не люблю быть незащищенным.

И тогда Андрюша спокойно подошел к китайцу и протянул руку:

— Отдайте оружие, прошу вас.

— Только подойди еще на шаг! — крикнул китаец.

— Почему же нет? — Андрюша спокойно шел к китайцу, и тот стал отступать назад, оступился, пошатнулся, привалился спиной к стволу, но пистолета не выпустил.

Дуглас полез в карман.

— Мистер Робертсон, — увидел его жест Мюллер, — надеюсь, вы не бандит?

Рука Дугласа осталась в кармане.

Понимая, что отступать некуда, китаец высоко вскрикнул и нажал на курок — Андрюша был всего в шаге от него.

— Пистолет пуст, — сказал Андрюша. — Я же видел, как вы расстреливали мертвого Молчуна.

Он быстро, по-кошачьи протянул тонкую руку и рванул пистолет. Китаец выпустил его. Он был растерян. Он был зол на себя.

— Дуглас! — приказал он.

Но Дуглас не вынимал руки из кармана.

— Знаете, маркиз, — сказал он, — я и в самом деле не бандит. Если я помогу вам и убью этого милого молодого человека, нам придется убивать всех остальных. А когда мы убьем всех, вы убьете меня. Потому что вам не нужны свидетели.

Андрюша спрятал пистолет в карман. Костик стоял рядом, приподняв топор, но не приближаясь, потому что помнил, какой быстротой и коварством обладает слуга Робертсона.

— А теперь, — сказал Андрюша, — скажите, где у вас патроны?

— Патроны? — Маркиз широко и невинно улыбнулся.

Движение его было коротким — он выхватил из

кармана две обоймы и сильно метнул их в наполненную водой яму.

— Отлично, — сказал Андрияша. — Вы подсказали мне решение.

И пистолет последовал за патронами.

— Мистер Дуглас, — Андрияша обратился к Робертсону, — я полагаю, что для вашей и нашей безопасности следует так же поступить и с вашим пистолетом.

— Возможно, — сказал Дуглас, — но я умею только стрелять, а маркиз Минамото может убить человека голыми руками. Без пистолета я буду игрушкой в его руках.

— По-моему, вы уже игрушка, — сказал Андрияша.

— Брось пистолет! — грозно сказал Костик.

— Вот видите, — сказал японский маркиз Минамото. — Наступила ваша очередь.

— Впрочем, я подчиняюсь большинству, — сказал Дуглас и выбросил свой пистолет вслед за пистолетом японца. И все смотрели, как он летит, и каждый желал, чтобы он упал в неглубоком месте, и каждый думал, что, может быть, удастся его вытащить. Пистолет гулко булькнул, уходя в тину.

Потом похоронили Молчуна. Дуглас предложил кинуть его тело в глубокую воронку, но Андрияша воспротивился, и Костик поддержал его. Они вырыли неглубокую яму, в которую сразу налилась вода и вычерпывать ее было бесполезно. Копали Костик с Андрияшей не потому, что остальные отказались. Этим они как бы старались загладить вину перед Молчуном, которого давно знали, не любили, но все-таки это был свой человек, знакомый, пожалуй, ближе даже, чем профессор Мюллер. Мир как бы разделился на отринутых от него и бальной, заглянувших сюда мимоходом, свободных покинуть его в любой момент. И потому чужих.

Костик обернул голову Молчуна куском брезента, будто сохраняя от воды. Потом Андрияша прочел над ним молитву, прося Бога, чтобы принял душу грешника. Он же не знал, что Молчун умер в мире с Богом, увидев ангела. Когда стали заваливать могилу кусками

грязи, Мюллер пришел на помощь. Дуглас и маркиз оставались в стороне.

Мюллер отошел от могилы и приблизился к Дугласу и японцу. Теперь, когда Молчун исчез в земле, вернулась будничность.

— Что вас привело сюда? — спросил он. — Вы должны были плыть к Булуну. Ничего не случилось?

Костик услышал этот вопрос и подошел ближе. Для него Молчун тоже перестал существовать, а Вероника возникла, будто стояла рядом.

— Произошло многое, — сказал Дуглас. И, повернувшись к маркизу, добавил: — Правда, произошло многое?

— Буксир потерпел крушение, — сказал слуга. — Он налетел на камни.

— Кто-нибудь пострадал?

— Мы не знаем, — сказал слуга. — Это случилось у дальнего берега, а мы были вдвоем на барже, ее оторвало и вынесло к этому берегу.

Дуглас покорно кивал, подтверждая рассказ японца.

— Мы кричали, звали на помощь — нас не слышали, — сказал бывший слуга. — Тогда мы пошли искать вас, мы опасались оставаться одни в лесу.

— И как же вы нас нашли? — спросил недоверчиво Мюллер.

— Нас провел к вам кореец, золотоискатель. Мы встретили его у берега.

— Надеюсь, что мы не найдем еще один труп? — спросил Мюллер.

— Нет, не найдете. Он убежал. — Слуга закрыл глаза.

— Из всех путей, — сказал профессор Мюллер, — вы выбрали самый странный. Идти в глубь тайги, тогда как любой нормальный человек остался бы на берегу и ждал бы, когда проплывет какое-нибудь судно.

— Мой друг, — сказал Дуглас, кивая на маркиза, которого перестал называть слугой, — очень интересовался упавшим метеоритом. У нас оказалось свободное время, мы решили присоединиться к вам. Любознательность — вполне понятное чувство.

— А что с Вероникой? — спросил Костик. Он не

спрашивал о том раньше, зная наверное, что Дуглас отговорится неведением. Но не задать вопроса не смог.

— Мы не знаем, — вздохнул Дуглас. — Был туман. Но буксир сел на камни в мелком месте.

— Чепуха, чепуха! — сказал Андрюша, подкидывая в костер полешки, еще вчера нарубленные Молчуном. — Я не верю этим господам. Когда произошло крушение?

— Два дня назад, — ответил Дуглас, подумав.

— Так я и думал, — отмахнулся от него Андрюша. — За это время буксир ушел верст на двести.

— Вы можете нам не верить... — сказал Дуглас. — Но должен признаться, что мы ужасно замерзли.

Костиком овладело беспокойство за Веронику. Утешала надежда, что бандиты попросту удрали с ночной стоянки. И все же успокоить себя не удавалось. Будь на месте Костика другой человек, более настойчивый и решительный, он бы поспешил к реке, на поиски дамы сердца. Но Колоколов боялся отцовского гнева, боялся рассердить Мюллера. Мысленно он давно ушел с этого болота, мысленно он был уже у реки и благодарная Вероника уже бросилась в его объятия. Но он знал, что это ложь. Что он не летит, а стоит посреди болота.

— Чай? — Мюллер пожевал губами. — Ну что ж, можно выпить чаю.

Он ранее других пережил шок убийства и вернулся во власть эйфории, охватившей его после встречи с инопланетянином. Но возвращение в корабль осложнялось тем, что к экспедиции присоединились чужие люди, притом при драматических обстоятельствах. Как быть с ними? Возможно ли скрыть астронавта от их недоброго взгляда? Астронавт открыт Мюллером, астронавт до определенной степени собственность Мюллера. Заголовки английских газет, возвещающие о том, что мистером Робертсоном отыскан в сибирской тайге пришелец со звезд, разумеется, не упомянут какого-то русского профессора. Европа восславит Робертсона...

Андрюша, ощущавший постоянную, хоть и слабо уловимую связь с астронавтом и даже знавший его имя — Рон, хотя тот имени своего и не сообщал,

находился в подавленном состоянии, которое передалось ему от астронавта. Тот знал о смерти Молчуна, видел, как это произошло, и впал в ужас от нравов планеты, на которой потерпел крушение. Благородная миссия его — принести людям этой планеты счастье и мир — получила неожиданный тягостный удар. Астронавт был растерян. Андрюша был подавлен его растерянностью.

— Чай так чай, — сказал профессор. Он уселся на сваленный ствол и подумал: как глупо, что мы вырыли эту могилу так близко. Ее все время видно.

Согласие чаевничать подразумевало перемирие.

Маркиз Минамото достал из вещевого мешка чайник, жестяную банку с чаем и принялся колдовать над костром, стараясь быть незаметным, но его быстрый черный взгляд порой вылетал стрелой и колот прочих. И эти уколы чувствовались физически.

Некоторое время на поляне царило молчание. Его нарушил Дуглас. Он огляделся, будто надеясь увидеть искомое рядом, не нашел ничего, кроме горелых стволов и топи, и спросил:

— А каковы ваши успехи, профессор?

— Что вы имеете в виду? — Профессор ждал этого вопроса.

— Нашли ли вы ваш метеорит? Судя по всему, он упал именно здесь.

— Как вам сказать? — Профессор обернулся к Андрюше, будто просил поддержки, и Андрюша понял, что профессор сейчас попытается неумело солгать.

— Скажите правду, профессор. — Дуглас улыбнулся, показав все свои тридцать два белых зуба.

— Метеорит найден, — сказал Андрюша раньше, чем профессор принял решение. — Он в ста саженях отсюда.

И Андрюша увидел, как замерли руки слуги. Интересно, подумал Андрюша, почему Дуглас назвал его маркизом? Я никогда не слышал, что у китайцев есть маркизы. А если есть, зачем им наниматься в услужение к английским журналистам?

— Тогда покажите мне, где он, — сказал Дуглас. — Пока чай будет готов, я смогу удовлетворить свое любопытство.

— Туда сейчас нельзя, — сказал профессор.

— Там таится тигр? — усмехнулся Дуглас.

— Нет, нельзя, нельзя!

— Дорогой коллега, — сказал Дуглас, — вы, как я понимаю, опасаетесь конкуренции. Уверяю вас, я вам не конкурент. К тому времени, как мои телеграммы достигнут Лондона, вы уже сообщите о находке в Петербург. Я же со своей стороны клянусь вам, что первым возведу миру ваше имя — имя открывателя метеорита.

— Нет, дело не в том, — сказал профессор. — Проблема иная, но я не вправе открыть вам секрет.

Слуга насыпал чаю в закипевший чайник, снял его с огня, поставил на угли, чтобы доходил. Он спросил тихо, очень вежливо:

— Простите, пожалуйста, а это метеорит?

— Что же это еще может быть? — сказал профессор, чувствуя, как у него холодеет в груди.

— Погоди, погоди, — сказал Костик. — А с чего ты решил, что это не метеорит?

— У меня есть сведения, что это не метеорит.

— А что?

— А это космический аппарат, прилетевший на Землю, — сказал слуга, глядя в упор на Костика черными вишенками глаз.

Была короткая пауза, потому что профессор мечтал, чтобы англичанин со слугой провалились под землю, а Костик никак не мог построить фразы, которая бы раздробила на кусочки наглых иностранцев.

— Да, это космический аппарат, — сказал Андрюша. — И в нем нами найден астронавт.

— Мертвый? — спросил Дуглас.

— Он спал. Спал особым сном. Он проснулся, и мы говорили с ним.

— Вы убеждены, что он прилетел с другой планеты? — спросил Дуглас. Дуглас знал, что метеорит — искусственное тело. Об этом он узнал из дневника капитана Смита. Тот наблюдал его падение и видел, как «метеорит» менял курс.

— Он так сказал, — ответил Андрюша.

— И он похож на человека? — спросил Дуглас.

— Он человек.

Андрюша бросил взгляд на слугу. Тот выпрямился, забыл о чае. Рука его лежала на бедре, как бы искала отсутствующий пистолет.

— Он человек, — повторил Андрюша. — И обладает способностями, весьма превышающими наши.

— Он вооружен? — спросил Дуглас.

— Только не думайте, что сможете снова начать войну, — сказал Костик.

— Ничего подобного и не было в моих мыслях, — сказал Дуглас. — Но как журналиста эта новость меня поразила и обрадовала. Я счастлив — это сенсация века!

Господи, подумал Костик, все они уже забыли о Ване Молчуне. Навсегда забыли. А стоит ли этот метеорит и его обитатель смерти одного человека, пускай забубенного, нехорошего, но Божьей души? И Костику показалось, что внутри его прозвучал голос пришельца: «Я согласен с тобой, человек. И мне так же горько, как тебе».

— Подождите, господа, подождите! — Мюллер попытался взять инициативу в свои руки. — Астронавт, находящийся в метеорите, просил нас не приходить к нему без его разрешения. Он устал, он должен прийти в себя.

— Почему мы должны подчиняться его приказаниям? — спросил Дуглас.

Костик, который до того сам бы мог сказать такое, тут же озлился и громко ответил:

— Потому что, к счастью, этот астронавт может стереть вас в порошок.

— Я об этом не знаю.

— Попробуйте раз в жизни задуматься! — ответил Костик. — Если он смог преодолеть межзвездное пространство, значит, его цивилизация на много столетий опередила нашу. Впрочем, идите, и, если погибнете, я буду рад.

— Господа, не надо спорить. Костик совершенно прав, — сказал Мюллер. — Но сомневаюсь, что наш гость намерен пользоваться своим могуществом. Насколько я понял, он представитель благородной и гуманной цивилизации.

— Какие доказательства? — спросил Дуглас. — Его заверения?

— Профессор прав, — сказал Андрияша.

— Волей судьбы, — сказал профессор, шагая по поляне, заложив руки за спину, как делал, когда читал лекции в университете, — здесь собрались различные люди. Я не намерен сейчас никого судить, но это не меняет дела... — Мюллер дошел до могильного холмика, чуть не споткнулся об него. Замер с приподнятой ногой, смутился, повернулся и пошел обратно, к костру. — Представьте себе, что этот господин лишь первый из космических странников, или культуртрегеров, как я позволю себе его именовать. От его представления о нас зависит весьма многое. Да, многое!

Мюллер встретился взглядом со слугой Дугласа и отвел глаза. Он потерял мысль и, прежде чем нашел ее снова, стоял с минуту у костра, жевал губами и сердился на себя.

— Мы должны показаться достойными первой встречи. Пускай мы еще находимся в детстве по сравнению с этим астронавтом. Пусть мы дики и отсталы. Но именно сегодня мы несем ответственность за все человечество. От того, какими мы будем, от того, как он нас поймет и как мы его поймем, зависит, может быть, судьба всей Земли. Мы должны открыть свои души навстречу будущему!

— Слушайте, слушайте! — воскликнул Дуглас и захлопал в ладоши, что показалось Костику совершенно неуместным.

— Он сейчас призовет нас...

— Он нас зовет, — сказал Андрияша. — Я слышу.

И тут остальные также услышали произнесенный призыв, приглашение прийти в корабль пришельца.

— Да, — ответил вслух Мюллер. — Мы идем. Мы готовы.

Костик обернулся к слуге.

— Он пускай остается.

— Почему? — спросил слуга.

— Потому что вы под арестом. Вы убийца. Я не могу идти на встречу с представителем внеземной цивилизации в компании с убийцей.

— Костя прав, — сказал Мюллер. — Разумеется, присутствие вашего слуги, мистер Робертсон, совершенно не желательно.

— Что желательно, решаю я, — сказал японец.

— Голубчик, ты сейчас без пистолета, — заметил Костик, приближаясь к слуге. — И я тебя жалеть не буду.

— Остановитесь! — воскликнул Дуглас. — Господин маркиз владеет приемами борьбы каратэ, о которой вы уже знаете.

— Пускай идут все, — произнес голос. — Пускай идут все. Я хочу увидеть и понять всю правду.

Японец чуть улыбнулся Косте, раздвинув губы. Глаза его оставались холодными.

И они пошли гуськом к кораблю.

* * *

Серое полушарие возвышалось черепашьям панцирем над замерзшей серой водой, из которой криво торчали обгорелые бревна.

Мюллер первым прошел по бревнам к кораблю и смело углубился в его белое безмолвие.

Двери, словно отверстия в тумане, открывались перед ним, стены чуть клубились, словно легкий пар.

В центральном помещении, где раньше стоял саркофаг и где астронавт Рон ожидал их, все изменилось, приобретя твердость, осязаемость и предметность.

Сам саркофаг исчез, лишь контур в полу указывал на место, куда он опустился. Пюпитр светился елочными разноцветными огоньками. Именно там стоял пришелец, на этот раз облаченный в серебристые свободные одежды. Напротив него вдоль округлой стены стояло пять низких сиреневых кресел — прием был рассчитан на всех.

— Прошу вас, — сказал астронавт, не раскрывая рта, что было несколько неприятно, но к этому быстро привыкаешь.

Гости расселись в креслах.

Астронавт разглядывал гостей. Те — астронавта.

Мюллеру показалось, что он несколько изменился.

Стал как бы суше, старше, может, жестче, потерял неподвижную гладкость лица.

— Да, — сказал астронавт, глядя на профессора. — Мое тело может несколько изменяться, подчиняясь моей воле. Раздумья накладывают отпечаток на мой внешний вид.

— Простите, — сказал профессор. — Я не хотел вмешиваться...

— И не следует, — сказал Дуглас с улыбкой, которую считал очаровательной. Но это было дело вкуса. — Каждый должен оставить себе небольшие тайны.

— Тайны? Нужны ли они? Возможны ли? Уже сейчас я знаю о вас больше, чем вы того желаете, — сказал астронавт печально. И в этой печали было нечто, заставившее Дугласа согнать с лица улыбку.

— Я хотел бы представить вам тех, кто пришел сюда, — сказал профессор Мюллер, вспоминая о своей роли хозяина.

— Не надо, — ответил пришелец. — Я всех знаю. Я наблюдал за вами, когда вы были там... — Пришелец показал рукой на стену, и на ней снова вспыхнул большой экран, как в синемамографе, но цветной и даже объемный. На нем видна была поляна и на краю ее — холмик над могилой Молчуна. — Я слышал все, что вы говорили.

— Это незтично, — сказал Костик, которому было стыдно за себя и остальное человечество.

— Этично, — ответил астронавт уверенно. — Я нахожусь здесь в беспомощном положении. Я даже не знаю, смогу ли улететь отсюда. Вы мне чужды и непонятны. Вы закрытые.

— У вас там... — спросил Костик, которому пришелец нравился теперь больше, чем раньше, — нет тайн?

— Зачем они человеку?

— Человек хочет тайн, — вдруг сказал японец. В последние минуты его положение, взгляд и даже посадка головы столь разительно изменились, что трудно было угадать в нем покорную тень, следовавшую за Дугласом. — В мозгу его есть ниша, приспособленная для чувства тайны.

— Вы убеждены? — заинтересованно спросил пришелец.

— Все религии, — сказал слуга, — строят свое могущество на простой тайне — тайне смерти. Это главная тайна мироздания.

— Тайн много, — неожиданно поддержал маркиза Мюллер. — Тайна бесконечности Вселенной и ее начала, тайна рождения...

— Разумеется, — согласился астронавт таким голо-сом, что всем расхотелось далее обсуждать тайны.

Мюллер поморгал и, так как остальные молчали, промолвил:

— Позвольте сказать несколько слов от имени собравшихся здесь жителей Земли.

— Говорите.

— Несмотря на то что встреча наша была не запланирована и произошла до определенной степени случайно, мы счастливы приветствовать здесь от имени человечества первого гостя с неба. Добро пожаловать!

— Спасибо. — Астронавт чуть склонил голову, слушая Мюллера. За его спиной звякнуло — словно пюпитр вызвал его. Не оборачиваясь, астронавт нажал на одну из кнопок, звук пропал, но по потолку комнаты пронеслась светящаяся полоса.

— Мы надеемся, что те прискорбные моменты, которые вам пришлось пережить, — от вашего крушения до гибели Ивана Молчуна, — не отвратят ваш взор от нашей планеты. Люди в принципе хорошие. Все они — Божьи создания и как таковые слабы, заблуждаются, грешат, но стремятся к добру. В каждом вы можете отыскать добро. Я убежден в этом.

— Слушайте... — начал было Дуглас, но под обжигающим взглядом своего слуги смешался и замолчал.

— Это Константин Колоколов. Он житель этих мест, учился в Оксфорде, сейчас помогает своему отцу.

— Пожалуй, столь подробные представления мне неинтересны, — сказал астронавт. — Вряд ли мне удастся познакомиться с его отцом.

— Андрей Нехорошев, — сказал Мюллер, показав на студента. — Он здесь находится не по своей воле.

Он сослан в Новопятницк за участие в студенческих волнениях.

— Вы задаете мне загадки, — сказал астронавт. — Смысл слов, будто бы понятных, до меня не доходит. Он наказан за то, что волновался. Так?

— Государственный строй и порядки нашего общества, — постарался объяснить астронавту Андрияша, — не всех устраивают. Я принадлежал к тем людям, которые хотели его изменить, чтобы сделать справедливым. Я и мои товарищи по университету говорили об этом вслух. И за это меня послали в отдаленные от городов места.

— Значит ли это, что вы прервали свое обучение? — спросил астронавт.

— Разумеется.

— Но государству это невыгодно.

— Почему?

— Государству нужны специалисты. Государство учит молодых людей для того, чтобы они делали нужные открытия и изготавливали нужные вещи. Зачем же государству наказывать себя, лишаясь специалиста?

— Потому что государство боится, что мы изменим его и построим другое.

— Еще более странно, — сказал астронавт. — Как государство может бояться?

— Боятся люди, которые стоят во главе его.

— Я верю в силу и окончательное торжество прогресса, — вмешался профессор. — Я верю в то, что вы принесете к нам на Землю плоды вашей цивилизации и человек станет богаче, могущественнее, разумнее. И сам мало-помалу достигнет состояния цивилизованного существа.

— Хотелось бы верить... — сказал Костя. — Но пароход был создан Фултоном для того, чтобы перевозить грузы. Ныне же линейные дредноуты, способные одним залпом уничтожить город, встречаются чаще, чем пароходы. Я видел в Петербурге соревнования аэропланов. Пилоты ставили рекорды высоты. А что будет завтра? Можете ли представить себе ужасное зрелище: аэроплан, вооруженный пулеметом «максим», который сможет поливать пулями мирные города? Или цеппелин, который сбросит бомбу на Лондон?

— Цеппелины перевозят почту и пассажиров, — сказал Дуглас наставительно.

— Сегодня — да. Завтра — не знаю.

— Мой юный друг, — сказал профессор, — вы рисуете слишком мрачную картину. Вы начитались романов фантазера Жюль Верна. Аэроплан никогда не сможет стать орудием убийства.

— Я стараюсь глядеть в будущее. Дайте нам ваш корабль, который может летать быстрее любой птицы, дайте его ему, — Костя показал на маркиза, — и он тут же поставит на нем пушку.

— Костя, ты не имеешь оснований! — сказал Мюллер.

— Мой собственный дорогой отец, — отмахнулся от него Костик, — с помощью такого корабля задавит своих конкурентов.

— Туда им и дорога, — сказал Андрюша.

— Вот ты уже и забыл о милосердии. А моя подружка Ниночка начинит его бомбами, чтобы разорвать на куски всех российских губернаторов. Нет, я не верю в прогресс. Я убежден, что и через полвека люди будут убивать друг друга.

— Господа, ваш спор беспредметен, — сказал астронавт. — Вы строите в воображении будущее, не представляя, каким действительно оно может стать, ибо прогресс, как учит нас галактическая история, не поддается воображению. Вам не с чем сравнивать. Я же могу поставить диагноз, так как Земля не уникальна. Приземлившись столь неудачно и не зная в тот момент ничего о вашей планете, я был введен в заблуждение поведением тех первых людей, которые проникли в мой корабль. Когда они помогали мне выйти из анабиоза, я заглянул к ним в сердца, — астронавт чуть склонил голову в сторону Мюллера и Андрюши, — и решил, что Земля куда более развита, куда более гуманна, нежели оказалось на самом деле. Я решил было, что она находится на пороге вступления в галактическое братство. Но последующие события разуверили меня. Буквально сразу мне пришлось стать свидетелем того, как люди убивают друг друга. — Астронавт склонил голову в сторону японца. — Я ощутил вашу злобу и страх. Тогда же,

ишь в корабль, я включил системы наблюдения и смог обозреть жизнь вашей планеты. На основании этого мой корабль, обладающий мыслительным устройством, которому еще нет названия в ваших языках, сделал прискорбные выводы о будущем вашей цивилизации.

Астронавт замолчал, словно собираясь с мыслями, как доктор, который должен сообщить пациенту роковой диагноз. В помещении воцарилась гробовая тишина.

— Ваши рассуждения, — на этот раз последовал поклон в сторону Костика, — хоть и продиктованные лишь чувством противоречия, несколько ближе к истине, нежели надежды уважаемого профессора Мюллера. Вы правы, достижения науки и техники будут направлены на истребление людей.

— Это каждому ясно, — сказал Костик.

— Надеюсь, что это преувеличение, — возразил профессор.

— Мне самому было страшно, — продолжал астронавт, — заглянуть с помощью моей мыслительной машины в будущее Земли. А оно высчитывается, элементарно высчитывается...

Астронавт замолчал, и никто не посмел нарушить паузу.

— Уже через год, — произнес он, — или чуть более ваша планета окажется ввергнута в мировую войну.

— Это невозможно! — воскликнул профессор.

— Это вероятно, — сказал маркиз. — Мы планируем свою политику в расчете на близкий мировой конфликт. И это одна из причин, заставившая меня оказаться здесь.

— Маркиз Минамото прав, — подтвердил астронавт.

— Как? Маркиз Минамото? — удивился профессор.

Слуга мистера Робертсона встал, вытянулся как на параде и произнес:

— Полковник разведывательного управления японской императорской армии Сюдзо Минамото — к вашим услугам.

Он склонил голову.

— Значит, ты не только убийца, но и шпион, — сказал Костик. — Виселица по тебе плачет.

— Костик, Костик, — профессор Мюллер положил руку на колено Колоколова. — Сейчас не место и не время.

— Я выполняю свой долг, — заявил полковник, опускаясь в кресло.

Астронавт терпеливо ждал.

— Я продолжу? — сказал он, когда вернулась тишина. — Мой рассказ не займет много времени. Я многого не знаю сам и не могу рассчитывать на то, что вы поймете мой рассказ. Но я убежден в том, что мировая война на вашей планете продлится несколько лет, унесет миллионы жизней, разорит Европу, опустошит ее города. Вы говорили, — он обернулся к Костику, — о самолетах, аэропланах, на которых будут установлены пулеметы. Нет, не только пулеметы, но и пушки. А бомбы... бомбы станут проклятием следующей войны. На полях сражений будут использованы бронированные наземные машины, подобные морским крейсерам и вооруженные пушками, отравляющие газы будут губить целые армии...

— Отравляющие газы запрещены Гаагской конвенцией, — возразил Мюллер.

— Кто будет слушаться этой конвенции, — удивился астронавт, — когда речь пойдет о победе?

— Вы убеждены в этом? — спросил Андриуша, хотя знал, что астронавт говорит чистую правду.

— Так же, как убежден в том, что мировая война будет не последней. Что наступивший двадцатый век принесет и другие войны, по сравнению с которыми первая мировая война покажется чудом гуманизма...

— А дальше? — спросил Дуглас. Он представлял уже себе сенсационный материал в «Дейли мейл» — «Прогноз человека со звезд: мировая война на пороге!»

— Люди овладевают тайной атомного распада.

— Вы имеете в виду опыты супругов Кюри с радием? — спросил Мюллер.

— Я имею в виду естественное продолжение этих и других опытов, — сказал астронавт. — Я имею в виду атомные бомбы, каждая из которых может стереть с лица Земли такой город, как Лондон.

— Невероятно! — Глаза Дугласа горели.

— Ужасно! — сказал астронавт.

Он обвел слушателей печальным взором и добавил:

— Я не надеюсь на ваше осознание того, что вы услышали. Будущее не подвластно воображению. Но, повторяю, оно ужасно. И мне известны случаи в истории Галактики, когда планеты, шедшие по такому пути, погибали без следа.

— Я вам не верю, — сказал Костик. — И не знаю, почему вы нам рассказали эту сказку.

— Верите, — отозвался астронавт. — Я знаю, что вы поверили мне, может, более, чем другие. И лишь ваше всегдашнее стремление спрятаться от жизни, от страха перед ней заставляет вас спорить.

Костик отвел глаза.

— Но неужели человечество не найдет в себе разума, чтобы выжить? — спросил Мюллер. — Неужели силы зла непобедимы?

— Я не могу ответить на этот вопрос, — сказал астронавт. — Моя мыслительная машина показывает лишь тенденции, общее направление развития, наиболее вероятные перспективы. Но вероятность велика...

— Когда это может случиться? — спросил маркиз Минамото.

— Мировая война?

— О мировой войне я уже знаю. Я имею в виду атомное оружие.

— Его разработка займет примерно тридцать лет, — ответил астронавт.

— Надеюсь, — сказал маркиз, — что оно будет разработано именно в моей стране и поразит наших врагов. Да, так и будет!

— Как все это глупо! — сказал Андрюша. — Разве можно так спокойно рассуждать о смерти!

— Я профессиональный военный, — ответил маркиз. — Мой долг — защищать мою страну. Если бы у нас не было современной армии, Япония была бы давно покорена или стала, подобно Китаю, игрушкой европейских держав.

— Территория вашего государства невелика, — сказал астронавт. — Оружие массового уничтожения для вас наиболее опасно.

— Значит, мы должны создать его первыми, — сказал маркиз.

— А может, не надо создавать? — сказал Костик. — Может, хватит? Я видел, как вы обращаетесь с пистолетом.

— Есть ли выход? — спросил профессор Мюллер.

— Я один ничем не смогу помочь Земле, — сказал астронавт.

— Может быть, лучше, если вы поедете с нами? — сказал Андрюша.

— Разумеется, — поддержал его Дуглас. — Вы выступите в разных городах, вы расскажете всему миру о том, что знаете.

— А что дальше? — спросил Костик. — Нашего друга объявят самозванцем и в лучшем случае упрячут в сумасшедший дом.

— Но мы можем подтвердить, — возразил Дуглас.

— Вам никто не поверит, — сказал маркиз Минамото. — Я бы первым приказал изолировать эту сомнительную личность.

— Но вы почините свой корабль, — сказал Андрюша. — Вы подниметесь на нем и облетите все столицы мира...

— Нет, — ответил астронавт. — Мой корабль не приспособлен для полетов в атмосфере. К тому же я плохо себя чувствую, я болен, я подозреваю, что микроорганизмы вашей планеты, неизвестные нашей медицине, не позволят мне оставаться здесь. Выход один.

— Да, — согласился профессор Мюллер. — Выход один. Вам нужно как можно скорее вернуться домой.

— И через год, — сказал астронавт, — я вернусь сюда. Но не один. Со мной прилетят сотни спасательных кораблей. Судьба вашей цивилизации безразлична Галактике. Мы спасем вас.

— Многие не захотят, чтобы их спасали, — сказал Костик.

— Я согласен с вами, — сказал астронавт. — Пьяница тоже сопротивляется врачу, потому что не верит в свою скорую гибель. Но мы умеем убеждать. В Галактике уже есть несколько планет, спасенных от гибели. Благодеяствуя в гармонии с природой, их

население лишь с улыбкой вспоминает о временах своего трудного детства.

— Через год? — переспросил Дуглас.

— Примерно через год.

— Тогда не тратьте времени, — сказал Андрияша. — Мы не будем вам мешать.

* * *

Дуглас Робертсон уселся у костра и, рассеянно отмахиваясь от комаров, энергично исписывал страницу за страницей большой записной книжки.

— Чай будет? — спросил он, не поднимая головы.

Не получив ответа, Дуглас поглядел через костер, где сидел на корточках в полном безделье, не обращая внимания на комаров и холодный ветерок, его слуга. Встретился с ним взглядом. Сказал:

— Ах да, совсем забыл. Как забавно!

— Ничего забавного, — ответил маркиз. — Вы могли бы и сами позаботиться о чае.

— Сюэзо, — сказал Дуглас, поднимая автоматический карандаш и тыча им в костровый дым, — очевидно, вы понимаете, что наши отношения отныне потеряли смысл.

— Нет, не понимаю, — ответил японец, глядя на Дугласа сквозь прищуренные то ли в дремоте, то ли от дыма глаза.

— Я выполнил свои обязательства, доставил вас живым и здоровым в эти края. Не я открыл ваше инкогнито. Вы сами сочли нужным это сделать. И если положение вашего нанимателя меня устраивало, то положение помощника японского военного шпиона меня никак не устраивает. Разве не понятно?

— Непонятно.

— Какой вы непонятливый! Отныне я сам по себе, вы сами по себе. Я не желаю вам зла, но добра, разумеется, тоже.

— Дуглас, вы нищий подонок. Вам нельзя возвращаться в Англию. Все до последней тряпки на вас куплено за мои деньги.

— Я вам отдам все, когда женюсь на Веронике.

— Сомневаюсь, что она захочет это сделать.

— А почему нет? Завтра я — самый знаменитый журналист в мире. Я открыл инопланетного пришельца в недрах Сибири. Это сенсация века. И не мешайте мне работать — я боюсь пропустить хоть слово.

— Вы пожалеете, Дуглас.

— Не угрожайте, вы у меня в руках. Но я могу вас помиловать и свидетельствовать перед местными властями, что вы в самом деле защищали меня, когда убили несчастного русского.

— Ах, как вы пожалеете, Дуглас! — вздохнул полковник Минамото и прикрыл глаза.

* * *

Костик с Андрюшей рубили и ломали сухие сучья для костра.

— Когда он намерен улететь? — спросил Костик.

— Как только он починит свой корабль, — ответил Андрюша.

— Он тебе об этом поведал?

— Иногда я слышу его мысли.

— Почему именно ты?

— Я не знаю.

— Тоньше устроен, что ли?

— Может быть, Костя. В любом случае я в этом не виноват.

Они никогда не были близки и в Новопятнице только раскланивались, встречаясь на улице или у отца Пантелеймона.

Костя отломал от поваленного ствола сухой сук. Тот треснул — с него посыпались хлопья уже подсохшего пепла.

— А как ты думаешь, — спросил Костя, — Рон может из своего корабля увидеть Лену?

— Он может далеко видеть, но не знаю точно, насколько. Ты беспокоишься о Ниночке?

— Что? — Костик совсем забыл о том, что она тоже на Лене.

По его тону Андрюша понял, как глубоко ошибся.

— Прости, — сказал он. — Я не вмешиваюсь в твою внутреннюю жизнь.

— Еще чего не хватало, — сказал Костик.

Он первым поволок охапку сучьев к костру.

Там застал лишь иностранцев — они сидели по разные стороны костра. Дуглас записывал, японец дремал. Мюллер был в палатке, он устал и заснул — от его молодецкого храпа стенки палатки раздувались и опадали вновь.

Костик свалил у костра сучья и пошел прочь. Никто на него не смотрел. Незамеченным он дошел до корабля пришельца и остановился перед открытым люком.

— Простите, — сказал он. — Можно войти?

Никто не откликнулся. Костя вошел внутрь.

Через минуту он был в центральном помещении, и зрелище, представшее его взору, было неожиданным и сказочным.

Тело пришельца, поддерживаемое неведомыми силами, покоилось горизонтально в воздухе, глаза были закрыты, руки по швам.

— Вы живы? — спросил Костя, так как не придумал лучшего вопроса.

Пришелец мгновенно открыл глаза и принял вертикальное положение.

— Я отдыхал, — ответил он. — И мне жаль, что вы меня побеспокоили.

— Я на минутку, — сказал Костик.

— Придите через час, — сказал Рон. — У меня болит голова, и я не могу сейчас разговаривать.

— Не знаю, смогу ли я через час, — сказал Костя. — Другие увидят. А у меня конфиденциальное дело.

Пришелец поморщился.

— Я хочу, чтобы вы посмотрели на Лену. Мне кажется, что Дуглас и японец врут. Я беспокоюсь о судьбе женщин, что остались на реке.

Пришелец молча подошел к пюпитру и нажал на кнопки.

Движения пришельца были замедленны и даже неуверенны.

Зажегся знакомый экран. Был ранний вечер, и солнце пробивалось сквозь облака, не отбрасывая теней, но придавая предметам некоторый объем и разноцветность.

Они смотрели на тайгу сверху, с птичьего полета. Затем они пронеслись над полосой поваленного леса, и через три минуты однообразного путешествия глаз корабля оказался над берегом Лены, в том месте, где на берегу речки стояла Власья сторожка.

Возле сторожки горел костер. Там сидели двое мужчин. На берег были выгашены две лодки.

Открылась дверь избушки, вышел еще один мужчина, но сверху не разберешь, кто.

— Кто они? — спросил Костя.

— Я не знаю.

— Тогда опуститесь пониже, — велел Костя. — Я многих знаю в этих местах.

Пришелец поиграл пальцами по кнопкам. Изображение увеличилось.

— Так, — сказал Костя. — Этого я знаю. Он матрос на буксире. Как же его... Впрочем, неважно.

— Вы удовлетворены? — спросил нетерпеливо пришелец.

— Спасибо. Я встревожен, — сказал Костя.

— Понимаю, — сказал пришелец, глядя вслед Косте, который поспешил к выходу. — Человек глядит в море, но видит лишь каплю.

Рон постарался снова принять горизонтальное положение, чтобы заснуть. Но сон не шел.

* * *

Костя вернулся в лагерь. Вечерело. Андрюша расхаживал по полянке. Остальные набились в палатку — от комаров. Оттуда доносились нестройные звуки затанувшегося спора.

— Я пойду в лес, — сказал Костя. — Может, подстрелю кого-нибудь.

— Рону это не понравится. Он не понимает, как можно убивать.

— Плевал я на твоего Рона, — сказал Костя.

Его легкий бельгийский карабин лежал под отвесом палатки, завернутый в клеенку. Там же лежало ружье Андрюши.

Он проверил, полон ли магазин, сказал Андрюше:

— Ты бы свое спрятал. Как бы японец его не стянул.

— Правильно, — сказал Андрюша. — Ты прав.

Он направился к палатке.

— Только далеко не ходи, — сказал он Костику вслед. — Рон может нас позвать.

— Позовет — бегите к нему. Я приду, когда сочту нужным.

Костя быстрыми шагами направился в чашу.

Он не стал объяснять Андрюше и прочим, что пойдет обратно к Лене. Он должен найти Веронику. Может быть, он и не решился бы на это. Но разговор в корабле о судьбе Земли толкнул его к действиям. Он бы сам не смог объяснить, почему. Но объяснение было. Он не хотел верить астронавту, но поверил ему. И осознал, насколько микроскопично его существование на Земле, мчащейся к губительным переменам. И тогда страх перед отцом, желание пройти стороной по жизни, которая установлена навечно, лишались смысла. И отец, и его владения — тоже песчинки... И что же тогда имеет смысл?

Костя оседлал свою лошадь, взял и лошадь Молчуна, закинул карабин за спину, но садиться в седло пока не стал — по такому бурелому лучше идти пешком. Он шел быстро и тянул лошадей за собой, те переступали медленно, осторожничали.

Версты через три, когда кончился пал, Костя сел в седло и погнал лошадей. Вторая еле успевала, порой веревка натягивалась, и Костя материл лошадь и грозил ей, что оставит ее в тайге, пускай волки жрут. Лошадь, словно понимая, шла быстрее.

Когда он вышел в верховье ручья, уже начало темнеть, надо бы остановиться, да и лошади устали, но Костя, подгоняемый беспокойством, решил ехать, пока не станет совсем темно.

В полутьме деревья смыкались, приближались, двигали сучьями, пугали. Костя запел, чтобы разогнать зловещую тишину.

А когда замолчал — забыл куплет, ему показалось, что неподалеку хрустнула ветка. Он поборол желание хлестнуть лошадь, поспешить прочь.

— Эй, кто тут есть? — крикнул он, поворачивая

коня в ту сторону и свободной рукой стаскивая с плеча карабин.

Снова хруст, будто кто-то убежал.

— Стой! Стрелять буду! — крикнул Костя, увидев среди ветвей темную тень, и сразу осмелел, понял, что тот, другой, тоже боится.

Человек присел.

— Не стреляй! — крикнул он. — Мой хороший, мой кореец.

— Ты что здесь делаешь? — удивился Костя. — Иди сюда, не бойся.

Кореец был изможден, напуган.

Он ближе не подходил, глядел из-за лиственницы.

— Чего один ходишь по тайге? — спросил Костя.

— Шибко плохой человек, — сказал кореец. — Моя убивать хочет.

— Это ты иностранцев вел? Которые Молчуна убили?

— Моя, моя, — сказал кореец, словно обрадовался. — Я не убивала. Я убежала.

— Знаю. А ты меня знаешь?

— Как не знаю? Знаю. Хозяин малый.

— На лошади ездить умеешь?

— Мало-мало умею.

— Тогда садись.

— Куда поехали?

— К Лене. Покажешь прямую дорогу. К Власьею займке. Людей ишу.

— Бабу ищешь? — спросил кореец.

— Ты что-то знаешь?

— Моя ходил. Казак стрелял. Моя не ходил.

— Да объясни ты!

— Много баба здесь спать будет.

Кореец показал вниз по ручью.

Оказалось, он всего час назад увидел, как остановились на ночь три девушки и казак с тунгусом, хотел было к ним подойти, но казак услышал шум и стал стрелять. Кореец убежал.

Так что когда Костя подъезжал к палатке девушек, он издали закричал:

— Эй, Кузьмич, мать твою перетак! Не стреляй, Костя Колоколов едет, слышь?

Первой бросилась к Косте, обезумев от счастья, Ниночка. И Косте хватило разума, а может, не хватило смелости бежать к Веронике, что сидела у костра. Он позволил Ниночке прижаться к груди черной лохматой головкой, от которой пахло костром и смолой. Ниночка рыдала, как гимназистка.

— Ты живой! — причитала она, и Косте было неловко, что его будто оплакивают. Жалко глупую Нинку. Над ее головой он смотрел на Веронику, будто хотел взглядом высказать: я ради тебя шел, я тебя искал, я за тебя переживал.

Но Вероника не поняла или не захотела понять.

Зато Михей Кузьмич обрадовался:

— Я уж и не чаял их на себе дотянуть! Ну, дети, прямо дело, дети.

— Чайку попей, барин, — сказал тунгус Илюшка. Он тоже радовался.

И Косте показалось — такое славное чувство, — что вернулся домой. И нет никаких идиотских астронавтов, японских маркизов и прочей нечисти. Только как все объяснить Веронике?

Объяснить и не удалось. Разговор был общий — никто не уходил, никто не хотел оставить его вдвоем с Вероникой, всем было интересно узнать про метеорит, но сначала, и еще интереснее, рассказать самим, какими драматическими событиями сопровождалась кончина капитана Смита. И почему иностранки в погоне за дневниками капитана, а Ниночка — и не скрывала она этого — в страхе за судьбу своего ненаглядного Костика полезли в тайгу. Хорошо еще, что Кузьмич с Илюшкой с ними были.

Но когда подошла очередь Костика рассказывать, начались охи и ахи. Больше всех волновалась Ниночка.

— Вы не понимаете! — перебивала она Костика. — Завтра начинается новая эра! Смогут ли эксплуататоры и грабители народов удерживать в своих когтях человечество, которое поймет, что его высокие идеалы воплощены в жизнь на многих разумных планетах?

— Боюсь, что смогут, — сказала Вероника.

Тунгус и Кузьмич английского разговора не пони-

мали. Что нужно, они уже узнали у Костика и теперь спокойно улеглись спать у костра, как бы передавая этим господскому сыну командование над своим войском.

— Да, допускаю, что процесс этот будет идти не сразу и в борьбе. Но борьба лишь закаляет. И я надеюсь дожить до того момента, когда последний капиталист стинет с лица земли.

— Это буду я, — сказал Костик вроде бы в шутку, а на самом деле лишь сейчас осознав, что в восторженных словах Ниночки есть правда. Он не спрашивал Рона о том, какие у них отношения на далеких звездах, но по глупому виду этого астронавта можно допустить...

И Костик добавил:

— Если они, не дай Бог, и в самом деле победят, то нам суждена растительная жизнь.

— Растительная? Почему? — Ниночка была не согласна. — Именно в свободном от эксплуатации и каторжного труда обществе расцветут все способности людей. Все будут равны от рождения.

— Так не бывает, — сказала Вероника, и Костик с нежностью посмотрел на англичанку, потому что уже полностью разделял ее точку зрения. — И, может быть, лучше, чтобы не было.

— Ясно, — сказала Ниночка сердито. — Вы, Вероника, все еще надеетесь раздобыть завешание и стать богатой. А зачем?

— Чтобы стать богатой, — вежливо ответила Вероника. — И ни от кого не зависеть.

— Но бедный зависит на земле от богатых только потому, что есть богатые. Когда их не будет, когда все будут равны, только ваши способности, только ваша душа будут критерием успеха. Правда, Костик?

Костик пожал плечами и выразительно посмотрел на Веронику, как бы приглашая ее присоединиться к молчаливому осуждению Ниночкиной наивности. Но Вероника не поняла значения его взгляда. Она смотрела на костер. Снежинки, редкие и пышные, медленно падали с неба, долетали до встречного тока горячего воздуха и мгновенно исчезали.

— Пора спать, — сказала Вероника, — а то я сейчас засну у костра.

Она пошла в палатку, а пышногрудая веселая Пегги, что робела при своей госпоже, спросила Костика:

— А он страшный?

— Нет, он сам не страшный. Но боюсь, что будущее, которое он сулит на Земле, может оказаться страшным. Мы к этому не готовы.

— Мы не готовы к справедливости? — спросила Ниночка. — Тогда мы недостойны того, чтобы называться людьми.

— Терминологический спор, — сказал Костик. — Иди спать.

— Подожди, я так взволнована, — сказала Ниночка, прижимаясь к его плечу. Но Костик осторожно отодвинул ее и поднялся.

— Завтра рано вставать, — сказал он.

— А как Андриюша? — спросила Пегги. — Он здоров?

— Он совершенно здоров, — сказал Костик. — И, по-моему, сильно подружился с астронавтом.

Костя спал у костра, вместе с казаком и тунгусом. Кореец просидел всю ночь, подкладывая в костер сучья, а на рассвете ушел вниз по ручью. Ночью Костя проснулся от злости на Ниночку. Если бы она не поперлась в тайгу, он был бы один с Вероникой. Тогда бы все могло сложиться иначе. Ничего, утешил он себя, главное, что Вероника жива и он ее нашел.

* * *

Вероника и Ниночка ехали верхами, остальные шли пешком. Ниночка умчалась вперед — ее несло как на крыльях и лишь незнание дороги заставляло ее иногда останавливаться и ждать, пока Костик ее догонит. Она сразу начинала говорить, она совершенно не ощущала холодного к ней отношения Кости. Радость, потому что она его спасла, — а Ниночка была убеждена, что она нашла и спасла Костика, — смешивалась с радостью по поводу скорого падения царского самодержавия.

Костик дождался, что Ниночка уехала вперед, а сам подошел к Веронике и пошел рядом с ней, придерживаясь за стремя. Тонкая в щиколотке, сильная нога мисс Смит, затянутая в высокий зашнурованный ботинок, начищенный служанкой, хотя, казалось бы, нужды в этом в тайге не было, была совсем рядом. От этой странной близости Костик взволновался. Вероника посмотрела на него сверху, чуть приподняв брови.

Костик сказал:

— Я готов умереть, но достать завещание вашего отца, мисс Смит.

Вероника нагнулась и протянула руку. Она дотронулась прохладными пальцами до его щеки и сказала:

— Я вам бесконечно благодарна.

* * *

Рон проснулся ранним утром. Обычно он мог не спать несколько суток подряд и даже не любил спать, потому что сон отвлекал его от более важных дел. Человеку жизнь дается лишь однажды, любил он повторять мудрые слова, и она коротка. За двести лет жизни надо успеть сделать столько, чтобы, умирая, можно было сказать: я прожил четыреста лет!

Вечером он, преодолевая недомогание, усиленно работал. Повреждения корабля были столь велики, что компьютер не смог найти того оптимального варианта приведения его в порядок, который Рон вычислил сам. Из минимизатора — аппарата, способного уменьшать размеры предметов, не изменяя их массы, он извлек набор анализаторов и запрограммировал вторую вспомогательную систему на воссоздание, к сожалению, также поврежденного при посадке дубликатора — пожалуй, наиболее сложного прибора во всей Вселенной, который не положено иметь на кораблях индивидуального исследовательского типа. К счастью, порядок — не обязательное свойство высокоразвитых цивилизаций, и это даже поощряется, ибо иной путь ведет к энтропии.

У Рона был жар. Он сбросил температуру тела до нормы, но осталась слабость. И пока началась работа

по расплавлению поврежденных частей корпуса для приведения их в должную форму, Рон с помощью компьютера, правда, куда медленнее, чем надеялся, привел дубликатор в рабочее состояние.

Усилием воли он поднял его из вспомогательного отсека и не мог отказать себе в наслаждении полубо-ваться этим замечательным изобретением человеческого ума, ставшим возможным лишь после объединения усилий нескольких планет. Именно создание дублика-тора и стало самым очевидным плодом галактического содружества.

Дубликатор был невелик — его можно было удер-жать на ладони. Рон нажал на выпуклость в нижней части его яйцеобразного корпуса, и спереди развер-нулся широкий, почти метровый, раструб поглотителя. Легкая вибрация сказала Рону, что прибор готов к работе.

Теперь надо было выйти наружу — под мокрый снег, ветер, к этим неприятным многочисленным запахам земного леса.

Обоняние Рона заранее было возмущено этим выходом. Оно было и без того травмировано густыми противными и многочисленными запахами людей, что, конечно, свидетельствовало о низкой ступени их социального развития. Человека космического отли-чает отсутствие любого запаха, могущего травмиро-вать окружающих. Но ничего не поделаешь — надо идти.

Рон взглянул на экран внешнего наблюдения.

В лагере людей все еще спали. Лишь лошади переминались за палаткой, понуро и покорно слушая, как шепчет снег на ветвях обугленных лиственниц. Рон подумал, что катастрофа, происшедшая с ним, — очевидное экологическое преступление и на любой цивилизованной планете он, безусловно, подвергся бы строжайшему наказанию за тот ущерб, который паде-ние его корабля нанесло лесу. Но на Земле никто еще не думает об этом.

Ничего страшного, улыбнулся мысленно Рон. Зато теперь, когда мы поможем этой планете достичь вершин цивилизации, они ужаснутся, во что превра-

щают свои леса. Так что мое преступление обернется для планеты невиданным благом.

Чуть взбодрившись от этой мысли, Рон вышел из корабля.

Снег в самом деле был мокрым. Рон включил силовое поле вокруг себя, но сразу стало жарко. Да, со мной творится что-то очень неправильное, подумал Рон. Он обошел корабль, стараясь не касаться ногами мокрых бревен и не дотрагиваться до воды, и нашел, что искал. Невидная непосвященному взгляду, на корпусе корабля была круглая заплатка, чуть более светлая, чем остальной корпус. Проведя указательным пальцем над «заплаткой», он заставил отойти в сторону крышку внешнего датчика индикатора направления и заглянул в образовавшееся отверстие. Вот он, сломанный датчик: розовый хрусталик, распавшийся на части при ударе.

Рон собрал вместе части датчика и вложил их в раструб. Великая Галактика, шептал он, помоги мне, не оставь в беде!

Раздался легкий щелчок. Ему сопутствовала вспышка — энергия, трансформированная прибором, вызвала смещение воздушной массы.

Рон выкинул в воду уже ненужный оригинал. В руке у него был новый, целый и готовый к употреблению датчик.

Рон, облегченно вздохнув, вставил его в паз и закрыл крышку.

Главное — дубликатор работал. Теперь можно быть уверенным, что он восстановит корабль и вскоре улетит отсюда.

Рон почувствовал чье-то постороннее присутствие. Он обернулся — на краю воронки стоял маркиз Минамото и внимательно наблюдал за пришельцем.

— Вы занимаетесь исследованиями? — спросил он.

Рон понимал, что не имеет морального права на дискриминацию: если ты пришел миссионером добра к дикарям, то не должен делить их на грязных и менее грязных. Поднимая из грязи социум, нельзя заранее искать в нем неравенство, раз именно с неравенством ты намерен покончить.

— Я хочу восстановить двигательные способности моего аппарата, — ответил пришелец.

— И для этого у вас есть специальные приборы? — спросил маркиз.

— Разумеется. Каждому аппарату соответствуют приборы для управления им и приведения его в порядок.

— Я завидую нашим потомкам, — сказал Минамото, — которые смогут использовать эти приборы так, как сегодня они используют чашки и лопаты.

— Возможно, это случится еще при вашей жизни, — ответил Рон, отворачиваясь, ибо человеческий запах преодолевал водную преграду и травмировал обоняние. — Ведь ваша жизнь увеличится втрое.

— Что же за прибор в ваших руках, уважаемый гость? — спросил маркиз.

— Название его можно условно перевести как дубликатор, — сказал пришелец. — Он призван дублировать предметы, то есть изготавливать их точные копии.

— Как? Он может это делать без вашего участия? — Маркиз отличался быстрым умом.

— Да, — ответил Рон. Желание поделиться с человеком великими достижениями родной цивилизации оказалось выше отвращения к физиологическим отправлениям человеческого тела. Рон быстро пересек водную преграду, не замочив при этом подошв, и приблизился к японскому шпиону.

— Глядите, — сказал он, наклонившись и подбирая с земли обломок ветки.

Он включил дубликатор и поднес ветку к широкому раструбу прибора. Послышалось жужжание, в выемке воздух озарился вспышкой света, дубликатор чуть дрогнул в руке астронавта, и тут же в продолговатой выемке сверху возник точно такой же сучок.

Маркиз был поражен, и даже его обычная выдержка ему изменила.

— Этого быть не может! — воскликнул он. — Это волшебство.

— Да, это волшебство, — подтвердил профессор

Мюллер, который подошел к беседующим, к неудовольствию японского шпиона. — Какое счастье, что мы смогли вас спасти!

Рон отвел рукой прибор в сторону, и тот завис в воздухе. Он взял оба сучка и протянул их японцу, чтобы тот мог сравнить их.

— А что еще может ваш прибор? — спросил профессор.

Он был еще сонный, лицо мятое. Как проснулся, он, не помывшись и не справив нужду, поспешил к кораблю Рона, потому что его вдруг одолело сомнение, существует ли тот в самом деле?

— Он может дублировать любой предмет.

— А из чего?

— Может быть, вам приходилось слышать, — сказал Рон, стараясь перевести сложные понятия на язык, понятный людям, — о том, что все на свете состоит из мельчайших элементарных частиц.

— Из атомов! — ответил профессор. — Разумеется, это принятая концепция строения вещества.

— Атомы одних элементов, — сказал Рон, — могут изменяться, ибо в основе своей элементарные частицы как бы выстроены из одних и тех же кирпичиков. При необходимых обстоятельствах из атомов кислорода можно выстроить атомы золота.

— Это из воздуха? — японский маркиз показал на сучки, что лежали рядом на его ладони.

— Разумеется, — сказал Рон, обрадованный тем, что его собеседники способны понять объяснение.

И он пошел обратно к кораблю, потому что не хотел терять время на пустые разговоры, к чему, как выяснилось, люди этой планеты весьма склонны.

— Господин Рон! — догнал его неуверенный призыв профессора.

— Я надеюсь, — ответил пришелец, не оглядываясь, — что, когда на вашу планету прибудут первые же корабли галактического центра, вы увидите куда более интересные и впечатляющие приборы и устройства. Но чем раньше я почию свой корабль и улечу, тем скорее вы достигнете счастья.

И пришелец пропал, словно прошел сквозь оболочку своего корабля.

Маркиз Сюдзо Минамото

Ему было гадко, очень гадко. Он вновь включил лечебный комплекс, разумеется, маленький и немошный, какой еще может быть на индивидуальном корабле? Разве что способный вырезать аппендицит или ампутировать руку. Но с болезнью Рона он справиться не мог, утверждая, что не обладает нужной информацией.

Повиснув в воздухе и чувствуя, как диагност, схожий с многоногим жучком, ползает по его телу, Рон глядел на экран, следил за тем, что происходит в лагере экспедиции. Вот возвращаются японцы и профессор. Каждый несет по сучку. Они оживленно беседуют. Навстречу им из палатки вылезает заспанный Андрюша. И первый взгляд — на могилу Молчуна. За ночь могильный холм еще более оплыл и почти сровнялся с окружающим болотом. Андрюша достает лопатку и начинает подваливать к холмику землю и мох. Рон понимал его чувства и разделял их. Живые всегда должны помнить о тех, кого уже нет. Андрюша был ближе других и понятней Рону, недаром между ними сразу же возникла внутренняя связь. Когда Земля будет в борьбе и страданиях приобщаться к галактическому содружеству, вся надежда на таких людей, как Андрюша.

И тут внимание Рона привлекли новые действующие лица земной драмы, свидетелем которой и даже участником стал пришелец.

Из-за бурелома показалась лошадь, которую вел под уздцы коренастый, средних лет бородатый мужчина в ладном полушубке, синих штанах с желтой полосой по шву и грязных сапогах. На лошади сидела молодая девушка, черноволосая, худенькая, с живым нервным лицом, большими чуть выпяченными губами и яркими черными глазами. Девушка крутила головой, словно искала что-то потерянное. Затем появилась еще одна лошадь, которой также управляла женщина — совсем иного склада. Эта особь была крупнее размером, ее светлые волосы были спрятаны под платком. Она ехала спокойнее, но руки нервно теребили повод — эта женщина чего-то боялась.

Далее шли три человека. Пешком. Один из них

был Рону знаком — его звали Костя, он был слаб характером, склонен к необдуманным решениям и являл собой психологический тип человека, задавленного авторитетом вышестоящего в социуме индивидуума. Рон предположил, что это проблема семейного характера.

Затем рядом шли, оживленно беседуя жестами, два существа незнакомого ранее типа. Черноволосая, закутанная в какие-то немыслимые тряпки молодая полнотрудая смуглая женщина и человек с широким, плоским, улыбчивым лицом, одетый удобно и тепло.

Рону потребовалось не меньше минуты и концентрация внутреннего слуха, чтобы разобраться как в причинах появления этих людей здесь, так и в их отношениях между собой. Хотя кое-что еще оставалось неясным. Рон решил не покидать пока корабль, а наблюдать за тем, что произойдет в лагере, со стороны, тем более что работа автоматов по починке корабля требовала его постоянного присутствия на борту.

И наблюдение дало ему много интересных сведений о нравах и обычаях обитателей Земли.

* * *

Первым увидел Веронику маркиз Минамото.

Он ничем не выдал своего волнения, лишь дублированный сучок выпал из его пальцев, и японец быстро наклонился, разыскивая драгоценную веточку. Мюллер, который еще не увидел приехавших, так как был поглощен проблемой дубликации, опустил на корточках рядом с японцем и тоже стал шарить руками во мху, повторяя:

— Ну что же вы, голубчик, вам ничего нельзя доверить.

Ниночка между тем прыгнула на землю и не заметила, что Костик подставил руку Веронике, чтобы та могла сойти с лошади.

— Где он? — спросила Ниночка громко. Она капризно надула губы, будто была обижена на тех, кто скрывает от нее космический аппарат.

А Вероника смотрела в упор на Дугласа. Он как раз в этот момент вылез из палатки в халате, несмотря

на студеную погоду, держа в одной руке зубную щетку, а в другой — махровое полотенце.

Вероника медленно пошла к нему. Костик поспешил за девушкой.

Дуглас так и не распрямился. Он стоял, наполовину высунувшись из палатки и приоткрыв рот. Его обычно безукоризненный пробор был нарушен ночными кошмарами, и потому обнаружилась ранняя длинная лысина.

И хоть Вероника молчала, ее движение к палатке было настолько значительным и неотвратимым, что все остальные замерли, глядя, как поднимается ее тонкая рука с зажатой в ней нагайкой.

Нагайку Вероника выпросила у Кузьмича заранее, и тот, ничего не подозревая, отдал ее англичанке.

Нагайка засвистела, как прижатая рукой оса. Свист оборвался.

На щеке мистера Робертсона протянулась, вздуваясь, красная полоса. Дуглас старался прикрыться от ударов полотенцем, но почему-то ему не пришло в голову спрятаться в палатке. Удары приходились по его руке, плечам, даже лысину пересек красный след.

Трудно было сказать, сколько это продолжалось. Может быть, минуту, может, меньше. Неподвижно глядел на экзекуцию маркиз Минамото, даже не стараясь подняться и прийти на помощь своему бывшему господину.

Первым опомнился Михей Кузьмич.

Он сделал два шага, обхватил Веронику сзади и сказал:

— Барышня, не женское это дело.

Андрюша, подбежавший следом, вынул из руки девушки нагайку. Вероника и не сопротивлялась.

И только когда Вероника была обезврежена, Дуглас уполз в палатку — исчез. Так же бессловесно.

— Молодец, Верочка! — сказала Нина. — Его счастье, что ты успела первой. Я бы воспользовалась ружьем.

— Господа, господа! — Мюллер даже забыл о потерянном сучке. — Ну почему такое самоуправство? Немедленно расскажите мне, что произошло? Что побудило вас, мисс Смит, к таким резким действиям?

— Пускай она расскажет, — сказала Вероника, указав на Ниночку. — Она все знает. А я должна сделать еще одно дело.

Но японского маркиза и след простыл.

* * *

Ниночка, как ей ни хотелось скорее побежать к космическому аппарату и посмотреть на астронавта, все же пересилила себя — долг прежде всего. Она подробно рассказала о том, как пропали бумаги капитана Смита и как потом сбежали от них Дуглас и его слуга.

Порой она обращалась к палатке Дугласа, закрытой пологом, понимая, что он отлично слышит каждое слово.

— Господи! — сказал, когда рассказ закончился, профессор Мюллер. — Представляете, что он о нас думает?

Профессор имел в виду пришельца, и все его поняли.

— Вряд ли это что-то изменит, — сказал Андрюша. — Он к этому готов.

Пегги смотрела на Андрюшу умиленно. Он был такой хилый, некормленный, что ей хотелось носить его на руках и согревать на своей высокой груди. Такого чувства у нее никогда еще не возникало по отношению к англосаксам, и она осмелилась на него, хотя бы в мыслях, оттого, что ей неоднократно приходилось слышать как от мисс Смит, так и от мистера Робертсона и даже китайца Лю, который вовсе не китаец, что русские — это дикие варвары. Но она сама тоже относилась к варварской породе людей, так что нежно думать об Андрюше ей было можно.

— В конце концов, господа! — воскликнул приободрившийся Костик. — Все эти гадости — дело рук японского шпиона. И его пособника. Почему мы должны отвечать за этих морально нечистоплотных людей?

— Разумеется, разумеется, — устало согласился Мюллер, который совсем иначе представлял себе эту

экспедицию еще два дня назад. Это была уже не экспедиция, а Ноев ковчег, и трудно было понять, сколько же здесь нечистых.

— А вы, господин Робертсон, — обратился Костик к закрытому пологу палатки, — будьте любезны немедленно возвратить владелице принадлежащие ей бумаги отца и его завешание.

— Какие бумаги? — донесся после довольно долгой паузы голос из палатки.

— Он ничего не знает! — с сарказмом сказал Костик, обращаясь к аудитории. — Тогда выходите, мистер, и вы испытаете силу моих кулаков. Сейчас с вами не будет вашего прислужника. Выходите, если вы не последний трус.

— Господин Колоколов, — послышался из палатки слабый голос Дугласа, — клянусь вам, что не имею никакого представления о том, где находятся бумаги моей невесты.

— Невесты! — фыркнул Костик. — Вы недостойны целовать пыль у ее ног.

— Мистер Костя совершенно прав, — сказала Пегги.

В руке у нее был кусок копченой курицы, положенный между двух ломтиков черствого хлеба. Она протянула его Андрюше и сказала по-русски:

— Добро пошаловат.

— Спасибо. — Андрюша рассеянно взял сэндвич, не заметив голодного укоризненного взгляда профессора Мюллера.

— Этот вопрос решать не вам, — ответил Дуглас.

— Правильно! Этот вопрос мисс Смит уже решила. Надеюсь, следы ее решения надолго останутся на вашем лице.

— Трусливый насильник! — сказала Вероника.

Она не подумала, что эта фраза может оказать такой эффект на ее поклонника. Костя сразу сник, и ненависть его к Дугласу приняла иную форму — форму рокового молчания.

— Господа, — полог палатки чуть приоткрылся, но наружу Дуглас вылезти не решился, — не будем устраивать самосуд. Если вы позволите, я сам все вам

расскажу. Ничего не утаивая. И вы тогда решите — прав я или виноват.

— Костя, — спросил профессор Мюллер, — вы можете держать себя в руках?

— Да, — ответила за него Вероника.

— Мы дадим ему слово, — сказала Ниночка. — Но и сами вынесем приговор.

Исповедь свою мистер Дуглас Робертсон произнес, чуть высунув из палатки исполосованное лицо.

Слушали его внимательно. Как на поляне, так и в космическом аппарате. Рон записывал на специальную видовую пленку все явления земного мира, коим был свидетелем, не без основания полагая, что его кадры станут на родине сенсацией.

— Да, я разорен, — говорил Дуглас. — Но разорен давно и привычно. И в общих интересах — моих и моих кредиторов — представлять дело таким образом, словно я все же обладаю некими неизвестными источниками доходов. Однако я должен дать слово джентльмена, что в тот день, когда я увидел мисс Смит, выступающую на эстраде, я менее всего думал о том, что она богатая наследница. Да и как я мог подумать об этом, видя девушку, вынужденную ради куска хлеба выступать перед скопищем недостойных мещан — простите, мисс Смит! Мое искреннее увлечение Вероникой — ему суждено будет уйти в могилу вместе со мной — не было связано с путешествием в Сибирь. Да и откуда мне было достать денег на такое путешествие? Правда, идя навстречу горячим просьбам мисс Смит, я обращался в редакции некоторых крупных газет, надеясь, что они пошлют меня корреспондентом, но сумма, необходимая для путешествия, и отсутствие у меня репутации крупного журналиста обратились против меня... Простите, там не осталось чашки чаю?

Дуглас вылез из палатки почти по пояс.

Андрюша сделал было шаг к костру, чтобы налить чаю англичанину, но натолкнулся на столь гневный взгляд Костика, что остановился.

— Простите, я и не ожидал великодушия, — сказал Дуглас. — Тогда я продолжу. Итак, я беспомощен, Вероника нервничает, так как надеялась на мою помощь.

— И согласилась терпеть ваше общество, надеясь, что вы мне поможете, — сказала Вероника.

— Я догадывался, — вздохнул Дуглас. — Но что я мог поделаться? И вот тогда маркиз Минамото предложил мне нужную сумму...

— Вы его знали раньше? — спросил Андрюша.

— В некотором роде... Он был моим слугой еще со времени моего путешествия в Маньчжурию...

— Значит, вы его давнишний сообщник! — сказал Костик. — Вероника, мистер Робертсон — давнишний японский шпион!

— Это ложь! — обиделся Дуглас. — Раньше я об этом не подозревал. Учтите, что я джентльмен!

— Нет, он не джентльмен, — сообщила Пегги Андрюше.

Дуглас совсем осмелел, поднялся, подошел к костру и налил себе из чайника чаю. Ну и рож, подумал Костик без сочувствия и даже с некоторым удовлетворением, глядя на руины недавно еще совершенного лица и идеальной прически.

— Мы с Вероникой должны быть ему благодарны, — сказал Дуглас. — Без его помощи нам бы сюда не добраться.

Вероника подняла руку, и Дуглас закрылся ладонью.

— Да, — сказал Костик. — Чего-чего, а японских шпионов в наших краях еще не было.

— Я могу не продолжать, — сказал Дуглас.

— Продолжайте, — приказала Вероника.

— Господин Минамото крайне интересовался результатами экспедиций по северо-восточному проходу, ибо генеральный штаб его страны не имел достаточных сведений об этой перспективной, но удаленной области Российской империи, — сказал Дуглас. — В этом он мне признался. Он сказал, что война будущего окажется совсем иной, нежели прежние войны. Она примет всемирный характер, и морские пути сообщения в ней приобретут особый смысл.

— Странно, — сказал профессор Мюллер, — северный путь настолько далеко отстоит...

— Не отвлекайте мистера Робертсона, — сказала

Ниночка, которой не терпелось увидеть астронавта, а рассказ Дугласа все оттягивал этот момент.

— Разумеется, его интересовали и документы капитана Смита, — послушно продолжил Дуглас, кончиками пальцев осторожно трогая щеку — видно, щипало. — Когда оказалось, что капитан Смит нашелся и, возможно, открыл какую-то большую землю к северу от Таймыра, он украл документы капитана.

— Вы ему в этом помогли, — сказала Ниночка.

— Это беспощадный человек. Он не остановится ни перед чем ради достижения своих целей. А меня в первую очередь беспокоила судьба мисс Смит. Лучше отдать этому негодю все, чем рисковать жизнью Вероники. Неужели я не прав?

Голос Дугласа оборвался.

Он жадно глотал теплый чай.

— Что же привело вас сюда, в глубь тайги? — спросил Мюллер.

— Самые невероятные вопросы могут быть объяснены просто, — улыбнулся Дуглас, подливая в чашку из чайника. — Читая записки капитана Смита, маркиз натолкнулся в них на рассказ о падении метеорита, которое капитан наблюдал, когда его корабль был затерт льдами у берега новооткрытой земли. Там говорилось, что метеорит вместо того, чтобы падать, как и положено небесному камню, совершал над землей различные движения, будто старался замедлить падение и избежать падения в океан. Эти эволюции метеорита привели капитана к убеждению, что он является рукотворным телом, скорее всего небесным кораблем. Когда маркиз прочел эти строки, он решил любой ценой добраться до метеорита и увидеть его собственными глазами. Не знаю, зачем ему понадобился этот небесный камень...

— А теперь? — спросил Костя.

— А теперь я понимаю, что маркиз был куда предусмотрительнее меня. Я же последовал за ним, не желая оставлять в его руках документы Вероники. Я ждал момента, чтобы вернуть их. Потому мне особенно обидно было подвергнуться вашему нападению. Но, право же, на вас я уже не сержусь.

— Простите, я вам не верю, — ответила Вероника холодно.

— А где же бумаги? Где бумаги мистера и моей госпожи? — спросила Пегги.

— Они у Минамото, — ответил Дуглас. — Он их спрятал еще прошлой ночью. И я не знаю, где.

Вероника окинула Дугласа презрительным взглядом и отвернулась. Ниночка подошла к ней и обняла за плечи.

— Мы его найдем, не беспокойтесь, — сказала она. — В тайге не спрятаться. Она большая, но просматривается насквозь.

— Нина права, — сказал Андрияша. — Человеку в тайге не потеряться. До Виллойска через хребты ему не пробиться. А по Лене он далеко не уйдет.

— А я полагаю, — сказал профессор, — что он и без того не уйдет. Есть приманка, которая его подманивает, как нектар пчелу, — это астронавт по имени Рон.

— Вы правы, — раздался голос, который все услышали. Это был голос астронавта. — Он далеко не ушел. Он скрывается в лесу неподалеку от вас.

— Скажите, где? — крикнул в ответ Костик. — Я его найду!

— Это опасно, — ответил астронавт. — К тому же я знаю, что вновь прибывшие люди хотят увидеть меня. Я готов с ними встретиться.

* * *

Удивительно, но в корабле оказалось на этот раз больше кресел для гостей — для каждого по креслу. Пришли все, за исключением Кузьмича с тунгусом и убежавшего маркиза. Сама комната стала больше.

Астронавт плохо выглядел. Он осунулся, пожелтел, руки его чуть дрожали, на лбу выступили капельки пота.

— Как продвигается починка вашего летательного аппарата? — спросил профессор Мюллер.

— Благодарю вас, — ответил Рон. — Она близится к завершению.

Ниночка вертелась в кресле. Она ощупывала мате-

риал, из которого была сделана его обшивка. Ей жутко хотелось расковырять его пальчиком и поглядеть, не перья ли внутри, а если перья, то какие — какие птицы, прекрасные и ширококрылые, живут на той планете? Она вытягивала шею, чтобы увидеть, как перемигиваются огонечки на пюпитре, она хотела подбежать к стене, к светящемуся экрану, направленному на лагерь экспедиции, и узнать, теплый он или холодный.

Потом Ниночка обращала свой взгляд к пришельцу, и он казался ей удивительно красивым и романтическим. Ей представлялось в нем сходство с поэтом Надсоном, а то и с поэтом Блоком, фотография которого висела у нее над кроватью в Новопятницке. Движения астронавта, несколько вялые и замедленные от дурного самочувствия, казались ей особо изящными и совершенными. В общем, он приближался к Ниночкиному мужскому идеалу.

— Когда же вы намерены отбыть от нас? — спросил Мюллер.

— Мне хотелось бы улететь завтра, — сказал Рон. — Я плохо себя чувствую и боюсь, что дальнейшее пребывание здесь может угрожать моей жизни.

— Не может быть! — воскликнула Ниночка. — Что с вами случилось?

— Только сегодня после серии анализов мой диагностический аппарат пришел к окончательному выводу, что местные микробы, не представляющие для вас опасности, оказываются крайне вредными для меня.

— У меня есть аптечка, — сказала Вероника. — Может быть, в ней отыщется нужное для вас средство?

— Влияние ваших лекарств на мой организм непредсказуемо, — ответил Рон. — Так что для меня единственный выход — как можно скорее вернуться к себе в состоянии анабиоза и проснуться вновь уже у себя дома.

Астронавт почувствовал приступ тошноты — ему пришлось достать из стены пилюлю и проглотить ее. Запахи, которые принесли с собой люди, набившиеся в отсек управления, были невыносимы. Рону казалось, что он вот-вот потеряет сознание. Но он не мог

оскорбить этих людей, потому что понимал, что ничем нельзя выказать отвращения к дикарям.

— В таком состоянии лететь опасно, — высказал вслух сомнения профессор Мюллер. — Мы, конечно, желаем вам благополучного возвращения...

— Ах, нет! — ответил с легким раздражением астронавт. — Вы, профессор, сейчас печетесь о своей земной славе. Позвольте мне восстановить ход ваших мыслей. Вы полагаете себя моим открывателем. Разумеется, рассуждаете вы, на моем веку уже не будет столь великого открытия, как открытие иноземной цивилизации. Но, когда я улечу, не останется ничего. Даже фотографии. Ничего, кроме показаний ваших спутников. И неизбежно ваши слова будут поставлены под сомнение коллегами. Вы даже рискуете оказаться объектом насмешек.

— Нет! — воскликнул профессор. — Так я не думаю. В конце концов, у меня есть свидетели!

— Свидетели? — вмешался Костик. — Ссылный студент? Сынок местного промышленника? Бывшая террористка? Или эти англичане, которым и дела нет до вашей славы? Вы будете в Петербурге один, Федор Францевич. Даже кусочка метеорита не нашли!

— Но... — Профессор тут осознал то, что до этого момента бродило лишь в глубинах его мозга. И понял, что его оппоненты правы. — Но господин Рон может оставить нам на память какие-то сувениры, предметы, назначение которых докажет...

— Что он оставит? — сказал Костик быстрее, чем пришелец успел возразить. — Пуговицу? Подтяжки? Кусок тумана? Кнопку?

— Ну не надо так упрощать, — сказал Мюллер. — Господин Рон может оставить нам какой-нибудь прибор, который мы обещаем сохранить до его возвращения.

— Прибор? — удивился Рон.

— К примеру, вы показывали нам действие прибора, именуемого вами дубликатором. Никто не сможет поставить под сомнение его иноземное происхождение.

— К сожалению, я не могу этого сделать, — сказал астронавт. — Без дубликатора мне никогда не вернуть-

ся домой. Конструкция моего двигателя такова, что именно дубликатор создает гранулы неведомого вам вещества, которое и движет мой корабль.

— Ну тогда какой-нибудь другой прибор, — сказал профессор.

— Но у меня на корабле нет ненужных приборов, — сказал Рон. Он оперся на пульт.

— Господа, господа, — сказал Андрюша, — не надо спорить. Нашему другу очень плохо. Я чувствую, как ему плохо.

— Вы вернетесь через год? — спросила Ниночка. — Мне важно это знать.

— Если не умру в пути, — серьезно ответил астронавт.

— Это ужасно! — сказала Ниночка.

Она поглядела на Веронику, ожидая встретить в ее глазах сочувствие, но Вероника на нее не смотрела. Она едва слушала весь этот спор. Ее воображению представлялся маркиз Минамото, который бежит по тайге, унося завещание и бумаги капитана. Несмотря на уверения астронавта, что японский шпион никуда не денется, она до конца ему не верила.

— Может, я сделаю мистеру массаж? — спросила Пегги. — Я знаю очень хороший массаж. Он всем помогает. И капитану Смиту помогал.

— Конечно, — слышались возгласы. — Пускай Пегги сделает вам массаж! В их стране все делают массаж.

— Вряд ли это мне поможет, — сказал Рон, но настойчивость людей была велика и они так искренне хотели его выздоровления, что он почел за лучшее согласиться.

— Тогда вы все уходите, — сказала Пегги, страшно гордая тем, что именно ее избрала судьба для столь важного дела.

— Вам не понадобится помощник? — спросил несколько осмелевший Дуглас.

— Нет, — отрезала Пегги, не скрывавшая теперь своей ненависти к бывшему жениху хозяйки. — Но Андрюша пускай останется. Он мне будет немного помогать.

— Идите, — сказал Рон, который был бы рад, если

бы ушли все. Но счел благоразумным не спорить. К тому же ему хотелось поговорить с Андрюшей без лишних свидетелей. Роном владело душевное смятение. Он понимал, что не может остаться здесь, да и не было никакого смысла оставаться — это бы погубило все надежды на спасение Земли. Но, если он не долетит, он обманет надежды человечества.

Когда гости выходили из корабля, Вероника задержалась.

— Господин астронавт, — сказала она, — меня привело сюда не пустое любопытство, как прочих. Вы знаете об этом.

— Он никуда не ушел, — сказал Рон.

Рон протянул руку к экрану на стене, и его взор как бы поднялся над землей. Вероника увидела маркиза Минамото, сидевшего в сплетении стволов в ста саженях от воронки с метеоритом и наблюдавшего за ним в небольшой театральный бинокль.

— Он не собирается уходить, — сказал Рон.

— Спасибо, — сказала Вероника и быстро покинула корабль.

— Раздевайтесь, — сказала Пегги. — И не стесняйтесь меня.

— Стесняйтесь? — повторил недоуменно пришелец.

Он повел плечами, и одежда упала с него на пол.

— Ложитесь.

— Как?

— Давайте составим два кресла, — предложила Пегги.

— Не надо, — ответил Рон и лег в воздухе на уровне груди Пегги.

— Хорошо, — сказала та, ничуть не удивившись, потому что в детстве насмотрелась схожих трюков, на которые щедры заезжие индийские факиры. — Только чуть пониже.

Пришелец как бы упал на вершок.

— Повернитесь на спину, — сказала Пегги. — Ах, какой вы бледный и тощий! Ну прямо как мой Андрюша.

Андрюша потупился. Оговорка Пегги не то чтобы ему не понравилась, но была неожиданна.

Пегги более ничего не сказала, а принялась осто-

рожно дотрагиваться до груди астронавта, затем ее пальцы поднялись выше и начали давить на плечи.

— Не больно? — спросила Пегги.

— Нет, — ответил астронавт. — Продолжайте.

Облегчения он не чувствовал, но и вреда от массажа быть не должно. Хотя вряд ли кто-либо в Галактике смог изгнать из человека враждебные вирусы, разминая его мышцы.

— Что это за дубликатор, о котором они говорили? — спросил Андрюша.

— Посмотрите, — сказал Рон и шевельнул пальцами. Овальный прибор с широким раструбом и длинной выемкой на верхней части показался из стены и подплыл к рукам Андрюши.

Андрюша взял его.

— Теперь положите в раструб предмет, который хотите скопировать, — сказал астронавт.

Андрюша покопался в карманах, нашел там гривенник. Послушно положил его на полочку внутри раструба, и тут же послышалось легкое жужжание. В углублении возникла вторая, точно такая же монета. А воздух в корабле как бы качнулся, и на секунду стало светлее.

— Она точно такая же?

— Разумеется, — сказал Рон.

Пальцы Пегги двигались все быстрее и энергичнее. Приятная слабость распространялась по всему телу.

— Очень интересно, — сказал Андрюша. — Куда положить?

— Отпустите его.

Андрюша разжал пальцы, дубликатор уплыл обратно к стене и скрылся в ней.

Оба гривенника беззвучно упали на упругий пол.

Андрюша подобрал их.

— Жаль, что не империял, — пошутил он.

— Вам нужны деньги? — спросил Рон.

— Когда как, — улыбнулся Андрюша. — Порой бывает туго.

— Если вы найдете у кого-нибудь займы монету, называемую вами империял, я рад буду помочь вам, — сказал Рон.

— Перевернитесь на грудь, — приказала Пегги.

Андрюша подумал: у кого может быть империял? Может быть, у Вероники? Или у Костики? Но как попросишь? Этим вызовешь недоумение, а то и зависть. И встреча с гостем из космоса превратится в шабаш фальшивомонетчиков.

— В чем-то вы правы, — сказал пришелец. — Человеку на ранней стадии развития свойственны собственнические чувства. Ну ничего, я вернусь, и мы завалим землю империялами. Так, чтобы они стали никому не нужны.

— Это была мечта гуманистов — выстилать золотом мостовые, чтобы освободить человечество от гнета денег.

— Но сама по себе эта мера не поможет, — сказал Рон. — Только создаст беспорядки.

— Я понимаю, — согласился Андрюша.

— В первую очередь надо будет изменить социальные отношения.

— Вам лучше, мистер? — спросила Пегги. А глядела на Андрюшу. И не выдержала: — Вам тоже надо сделать массаж, — сказала она. — Это чрезвычайно полезно.

— Но не сейчас? — спросил Андрюша.

Хоть Рону было нехорошо, он не удержался от улыбки. Разумным существам в разных концах Вселенной свойственно чувство юмора. И некоторые исследователи всерьез утверждают, что именно это качество и отличает человека от прочих Божьих созданий.

Поняв, что процедура массажа закончена, Рон попросил людей уйти. Ему следовало закончить ремонт, а это требует не столько физических усилий, сколько умственных. Как сказал пришелец Андрюше, большинство работ в галактическом центре производится механизмами, однако усилием воли и мысли люди научились не только управлять самими процессами промышленности, но и изменять форму и движение предметов.

Андрюша пропустил Пегги вперед, она остановилась в дверях корабельного помещения и посмотрела на Андрюшу призывно и нежно. А тот сразу отвел глаза, но не смог отвести своей руки — Пегги задержалась в проходе, и им пришлось выходить

одновременно, отчего их руки соприкоснулись, что ударило Андрюшу словно током.

А когда они оказались снаружи и он помогал Пегги перебраться через водную преграду, руки их сплелись уже надежно и вроде бы привычно и взгляды сплетались также, отчего они чуть не упали в воду и уж, конечно, не заметили маркиза Минамото, который следил за входом в корабль, ожидая момента, когда астронавт останется один.

* * *

А в это время Костик в сопровождении Кузьмича, с ружьем на изготовку, прочесывал бурелом в том месте, где должен был таиться японский маркиз. Но безуспешно. Казак уговаривал вернуться: не дурак же японец, чтобы на месте сидеть, комаров собой кормить. Хотя и были ночью заморозки, комар еще в спячку не ушел.

Но Костик упорствовал, проваливался в ямы, исцарапался весь — все ему казалось: близок японец, вот-вот попадется. Он это делал ради Вероники. А казаку объяснил, что ради порядка.

* * *

Японец вошел в корабль.

Вошел спокойно, он умел собой владеть.

Рону бы заметить его раньше, но даже такие всемогущие люди, как Рон, могут ошибаться. Астронавт так углубился в показания экранов и кнопок на своем пюпитре, что голос японца, стоявшего рядом, заставил его вздрогнуть.

— Господин, — сказал японец, — мне надо поговорить с вами.

— Зачем вы здесь? — спросил астронавт, внутри сжимаясь от понимания, насколько холоден и жесток ум вошедшего в корабль человека. Насколько серьезны его намерения.

— Если я правильно вас оцениваю, — сказал японец, — то вы уже догадались, зачем я здесь.

Продолжайте сидеть как сидели, я владею приемами тайной борьбы, и потому вы мне не ровня.

Рон хотел одеться. Нагота — а он и не подумал одеться после ухода Пегги с Андрюшей — стала его слабостью, так как непроницаемое поле, которое он мог создать вокруг себя, генерировалось лишь специальным костюмом, лежавшим на полу в двух шагах от Рона.

— Я могу вас сейчас убить, — сказал японец. — И никто меня не остановит. Следует признать, что, наблюдая за вашим кораблем, я рассматривал эту возможность. Но я не убийца и иду на крайние меры лишь в случае необходимости. Прошу вас, господин, не вызывать такую необходимость.

— Я не сопротивляюсь, — сказал Рон, — и готов выслушать вас.

— Меня менее всего интересует, — сказал Минамото, — прилетите вы или нет. Пожалуй, лучше, чтобы вы умерли. Восторженные крики людей, собравшихся здесь, о том, что вы и ваши друзья изменяют жизнь на Земле к лучшему, мне неприятны. И я вам не верю.

— Но это правда.

— Вы ничего у нас не измените. Вы принесете новое насилие, новые беды и новые смерти. Вы не нужны Земле. Мы разберемся без вас. Поэтому я советую вам: улетайте и не возвращайтесь больше.

— Дети не могут решать, что для них хорошо, а что плохо, — ответил астронавт. — Вы же — испорченный ребенок.

— Я старше вас, господин Рон, — сказал маркиз. — Потому что в отличие от вас я знаю, что мне нужно. И что нужно другим.

— Другим?

— Хотя бы моей стране.

— Что же?

— Мы — небольшое государство, окруженное врагами, — сказал Минамото. — Для того чтобы спасти то великое, что объединяет нас и дает возможность в течение тысячелетий выжить и одолеть стихии и врагов, мы должны быть сильнее всех. Несколько скалистых островков — вот наше убежище. Мы закопаны в нем, словно в тесной камере. А рядом лежат

пустые земли, не нужные их формальным хозяевам, но с которыми они ни за что не расстанутся. Одна из этих земель — здесь, это Сибирь. Мы придем сюда не сегодня, так через двадцать лет. Мы придем для того, чтобы земля эта разбогатела и стала плодородной, чтобы ее недра отдали трудолюбивым людям свои богатства. Благо моего народа в конечном счете это благо всего мира, потому что нет более талантливого, достойного народа, чем мой. Мы ничего ни у кого не намерены отнимать, но мы стремимся оплодотворить своим трудом чужие пустыни.

— Но что вам нужно от меня? — Рон никак не мог пробиться сквозь переплетение мыслей и настроений маркиза. Ему казалось, что с приходом его в корабль ворвался холодный и в то же время душный сквозняк, отнимающий дыхание и дурманящий голову.

— Дупликатор, — сказал маркиз. — Отдайте мне его — и можете улетать, куда захотите.

— Зачем?

— Вы решили, наверное, что я хочу делать таким образом золото?

— Да, я заподозрил вас в этом.

— Это путь для человека, но не для государства. Мне нужен дупликатор, чтобы мы могли сделать много таких дупликаторов, тысячи, сотни тысяч. Только тогда мы станем сильнее всех.

— Это невозможно, — ответил Рон. — Технология изготовления подобного прибора далеко превышает возможности вашей технологии.

— Тогда мы обойдемся одним.

— Опять же делать золото?

— Нет. Снимать копии с того, что сделали другие. Я не один. Подобных мне идеалистов, разведчиков, одержимых патриотической идеей, немало. И если мы сможем, проникнув в лаборатории и на секретные базы, заводы наших врагов и соперников, унести с собой у ничего не подозревающих хозяев образцы их продукции, копии их бумаг и расчетов — это великий шаг вперед.

Маркиз нахмурился.

— Впрочем, это лишь один из путей использования

дубликатора на благо отечества. Мы придумаем и другие.

— К сожалению, я должен отказать вам в вашей просьбе, — сказал, задыхаясь, Рон. — Без него я не смогу улететь.

— В этом тоже не будет трагедии для меня и моей страны, — сказал Минамото.

— Уходите.

— Ничего подобного.

Коротким резким движением маркиз захватил руку Рона и начал ее выворачивать.

— Вам, наверное, никогда не делали больно, — сказал он. — Вы очень гуманные — люди со звезд. Вы добрые. Я недобрый. Я думаю о чести и величии моей родины. О миллионах моих соотечественников, жизнь которых я смогу улучшить. Я, а не ваша постыдная и жалкая филантропия.

И тогда Рон закричал. Ему в самом деле никто никогда не причинял боли — это немыслимо в мире, где он обитал.

— Что вы делаете?

— Дубликатор!

— Я не могу... я умру.

— Вы все равно умрете.

* * *

Андрюша, сидевший у костра и уплетавший очередную сандвич, сооруженный Пегги, вдруг отбросил его в сторону и схватился за голову.

— Что? — закричал он. — Такая боль!

Мюллер вскинул голову от записной книжки:

— Вам плохо?

— Вам плохо? — Пегги старалась поддержать Андрюшу, которого скручивала судорога.

— Нет! — Андрюша вырвался из ее рук. — Скорее! Это Рон.

Андрюша побежал к кораблю, спотыкаясь о сучья, налетая на деревья.

Пегги бежала за ним. Мюллер поднялся, сделал несколько шагов вслед, но остановился, потому что не

был уверен, правильно ли поступает Андрюша, нарушая покой астронавта.

— Это японец, — сказала Вероника. Она тоже выбежала из палатки.

И кинулась следом за Андрюшей. Дуглас за ней.

— Осторожнее! — кричал он. — Ты не знаешь этого человека!

* * *

Маркиз полагал, что в корабле он в безопасности. Что никто не придет туда по собственной воле.

Он не получал никакой радости от того, что причинял боль этому чужому существу. Он предпочел бы, чтобы обошлось без пытки. Лишь высокая цель, которой он служил, заставляла маркиза, получившего образование в Сорбонне и читавшего Бодлера в подлиннике, выламывать пальцы пришельцу.

— Возьми... возьми, — прохрипел пришелец.

И дубликатор, покачиваясь в воздухе, возник у самого лица Минамото.

Тот отпустил Рона, чтобы подхватить падающий прибор.

Прибор был теплым.

— Вот и хорошо, — сказал маркиз.

Он смотрел на пришельца, который корчился у его ног, и с некоторой фаталистической грустью понимал, что сейчас он будет вынужден убить этого человека, который, отдав прибор, из источника благодетель превратился в нежелательного свидетеля.

Эти секунды размышлений чуть не погубили полковника императорской армии, потому что, истязаемый болью и отчаянием Рона, в корабль ворвался Андрюша.

— Мерзавец! — кричал он, налетев на Минамото и свалив его на пол. Тот, хоть и был втрое сильнее студента, выпустил дубликатор из рук. Прибор, не падая, отплыл в сторону и слился со стеной, потому что Рон не потерял сознания и способности понимать, что происходит.

И когда после секунды промедления Минамото собрался с силами и кинулся на Андрюшу, Рон, тоже

слабый и немощный, вцепился в ноги маркиза, и они втроем покатались по полу, сливаясь с мягкими креслами, которые тщетно пытались принять форму тел, что вторгались в их мягкие объятия.

Маркиз, несомненно, победил бы в этой схватке, если бы не англичане. Дуглас и Вероника оказались на поле боя через минуту. Быстро разобравшись в перепутанных телах, Дуглас, в молодости неплохой боксер, прицелившись, точно ударил японца в челюсть. Голова того дернулась и упала.

— Нокаут, — сказал Дуглас. — Можно не считать до десяти.

— Он хотел вас убить? — спросила Вероника прищельца, помогая тому подняться.

— Нет. Сначала он хотел меня ограбить. Не знаю, стал бы он меня убивать...

— Он бы убил вас, — сказал Дуглас. — Вы не представляете, что он за человек.

— Я представляю это лучше вас, — сказал Рон. — Потому что и слова, и мысли его были так близки, что перемещивались с моими. Он человек, одержимый высокой идеей. Идеей, опасной для других людей, но ценной для него. Он ее раб, и потому все, кто не владеет этой идеей и не разделяет ее, должны стать его рабами.

— Вам плохо? — спросила Вероника.

— Спасибо. Мне... — Прищелец захрипел и начал оседать на пол.

Как будто на сцене, где все происходит в нужный момент, в комнате возникла Пегги с чашкой горячего чая.

— Пейте, — сказала она, опускаясь на корточки рядом с прищельцем. — Это тунгус Илюшка сделал. Он хороший доктор.

Все смотрели на прищельца, и какие-то секунды маркиз оказался без присмотра.

Он приподнялся на руках и медленно полз к двери. Затем встал, сделал два или три неверных шага, и это движение заметил Андрюша, который сам сидел на полу, держась за ушибленную голову.

— Держите его! — крикнул Андрюша.

Но было поздно.

Японец выбежал из корабля.

Дуглас, побежавший было следом, остановился, не решившись преследовать японца в буреломе.

* * *

Напоив тунгусским спасительным чаем пришельца, которому вовсе не стало от этого лучше, Пегги занялась ушибами и травмами своего Андрюши. Ее повышенное к нему внимание вызвало у Вероники усмешку и некоторую, как ни странно, ревность. Хоть ей и дела не было до тщедушного студента, а тем более до амуров служанки, интересы которой в Лондоне не поднимались выше полисмена, что стоял на углу их улицы, в отношениях Андрюши и Пегги злило проклятое и недостижимое бескорыстие, к которому внутренне стремится каждая женщина и тем более, чем она красивее, желаннее и предпочтительнее, как объект обладания.

Прибежала Ниночка. Она опоздала, она ушла далеко, размышляя о том, каким завтра станет свободный мир. А когда вернулась к костру, то встретила там Мюллера и Дугласа, рассказавшего о злодейском нападении японца на инопланетянина. Ниночка возмутилась этим коварством и испугалась — от жизни Рона зависела судьба Земли.

Увидев совершенно обессилевшего, серого астронавта, Ниночка вдруг поняла, что нападение маркиза — последняя капля, переполнившая чашу терпения астронавта, соломинка, как говорят англичане, сломавшая спину верблюду.

Этот человек уже никогда не полетит к звездам и никогда не приведет с собой сверкающие корабли галактической справедливости.

Даже ее малого медицинского опыта было достаточно, чтобы понять: Рон умирает, как умирал только что капитан Смит, потому что у него нет сил более жить.

И потому, выйдя со всеми остальными из корабля, Ниночка отстала от них и остановилась в одиночестве. Голоса людей удалялись к лагерю, они оживленно

обсуждали события и путались каждого куста — нет ли за ним японца.

Когда голоса стихли, Ниночка повернулась и решительно вошла в корабль.

Стоило ей сделать два шага внутри него, как она натолкнулась на невидимую, теплую, чуть упругую непроницаемую стену.

Она не удивилась, потому что, отправляя людей в лагерь, Рон сказал, что он примет меры, чтобы никто не мог войти в корабль без его разрешения.

— Это я, — сказала Ниночка, уверенная, что астронавт ее слышит. — Мне нужно поговорить с вами. Это очень важно. Я не займу много вашего времени.

— Мне плохо, — ответил голос у нее в голове. — Может быть, завтра?

— Завтра может не быть, и вы это знаете лучше меня, — сказала Ниночка твердо.

Она знала, что не уйдет, пока астронавт не впустит ее. И он понял это. Стена пропала. Ниночка вошла в корабль.

Инопланетянин устроился на кресле. Он был одет — силовое поле окружало его, поскольку чисто физический страх боли и смерти не покидал его. И угрозу, исходившую от людей, он видел во всем — даже в глазах этой девушки, даже в мягких движениях рук Пегги.

— Говорите, — сказал он, когда Ниночка остановилась на пороге.

— Я много думала, — сказала она.

— Говорите. И короче. У меня на счету каждая минута.

— Именно об этом я и хотела говорить. Я буду откровенна. Я имею медицинское образование.

— Неоконченное, — сказал Рон. Он порой проявлял информированность, куда превышающую разумные возможности.

— Мне очень грустно говорить об этом, — продолжала Ниночка, глядя прямо в глаза пришельцу, — но я боюсь, что вам не удастся вернуться к себе.

— Вы думаете, я умру?

— Вы умрете очень скоро.

— Зачем вы мне это говорите?

— Потому что это трагедия для меня и для всей Земли. Потому что я возлагала на вас все свои надежды, но вы их не оправдали. Нет, не улыбайтесь. Вы лишь оружие в руках природы. А я обязана использовать его. Пока злобные силы реакции не сделали этого.

— Простите, — голос Рона был еле слышен, — под злобными силами вы имеете в виду маркиза Минамото?

— Разумеется. Вы понимаете, зачем ему нужен дубликатор? Для того, чтобы японские империалисты могли расширить свою империю. Вы знаете, как они захватили Корею, разгромили отсталый Китай, как они нанесли удар царскому самодержавию...

— Простите, но мне не приходилось еще читать об этом.

— Неважно. Можете мне поверить.

— Вы опасаетесь, что японец...

— Дело не в японце. Он не главная опасность. Главная опасность — царское самодержавие. Наша страна, я должна сказать вам, это тюрьма народов, это грандиозная машина угнетения, разрушить которую наша с вами задача. Я была уверена, что вы это сделаете, когда приведете с собой своих друзей. Теперь же я поняла — я не могу на это надеяться...

— Вам тоже нужен дубликатор? — спросил астронавт.

— Да, вы должны отдать его.

— И умереть здесь?

— Вы все равно умрете. Не здесь, так в пути. Лучше, как говорили древние, синица в руках, чем журавль в небе. Синица — это маленькая птичка...

— А журавль — большая.

— Правильно. Имея дубликатор, я смогу связаться с моими товарищами по подполью. И все начнется на новом уровне. Мы наладим производство патронов, мы будем делать золото, чтобы финансировать наши боевые организации, мы сможем делать подложные документы... И, будьте уверены, ваша жертва будет не напрасной. В освобожденной России вам будет поставлен монумент.

— Вот это лишнее, — сказал печально Рон. — И я не вижу большой разницы между вашими намере-

ниями и намерениями японца, который бил меня. Он хочет убивать людей ради своей идеи, вы — ради своей.

— Весь вопрос в том, кого убивать.

— Для меня это вопрос риторический, потому что я не имею возможности сравнивать. Я здесь слишком недолго. И, кроме того, меня смущает сам принцип разговора со мной. Собираясь убивать иных людей, вы намерены начать почему-то с меня, который не сделал вам ничего дурного.

— Если будет нужно, я пожертвую собой! — воскликнула Ниночка. Глаза ее сверкали, щеки покраснелись. — Ради народа.

— И все вы говорите о народе... Нет, для меня любое убийство недопустимо. В первую очередь убийство меня самого. Мне хотелось бы жить и вернуться домой.

— Если прогресс общества приведет в конце концов к такому массовому эгоизму, примером чего вы являетесь, — сказала Ниночка, — то не нужен мне такой прогресс.

Рон услышал легкий звоночек, донесшийся с пульта. Он с трудом приподнял тонкую руку, и от этого движения огоньки на пульте замелькали чаще и веселее.

— К счастью, ремонт корабля фактически закончен и я смогу улететь от вас.

— Испугались? — В глазах у Ниночки стояли слезы.

— Испугался, — кивнул Рон.

Ниночка резко отвернулась от него, сделала несколько шагов к двери. Рон молча смотрел ей вслед. Только не останавливаясь, молил он ее мысленно. Не надо останавливаться у двери и предпринимать еще одну атаку на меня.

Ниночка остановилась и обернулась.

— Я согласна, — сказала она. — Я согласна на участь худшую, чем смерть.

Она резким движением сбросила пальто, затем рванула за ворот строгой, черной с белым воротничком, блузки. Хрусталики-пуговицы покатились по полу. Замутненное сознание Рона никак не могло подсказать ему, что же намерена делать эта девушка.

— Я готова, — срывались с побледневших губ Ниночки отрывистые слова, — я ваша. Любая жертва ради народа...

Корсет никак не поддавался хрупким пальчикам Ниночки, шнуровка путалась, по щекам девушки катились крупные слезы. Но вот еще усилие — и взору астронавта предстала небольшая девичья грудь, а пальцы продолжали расшнуровывать это бесконечное женское одеяние...

— И вы что, каждый день так раздеваетесь и одеваетесь? — спросил заинтересованно пришелец. — Сколько же это занимает времени?

— Не знаю... Я никогда... Не все ли равно...

Теперь юбка. И тоже крючки — шестнадцать крючков...

— Но что вы намерены делать? — так и не догадавшись о цели столь сложного действия, спросил Рон.

— Я отдаюсь вам, — прошептала Ниночка. — Я ваша... Я люблю Костю, я никогда не переживу измены ему, но ради свободы...

— Вы желаете вступить со мной в сексуальные отношения? — сообразил наконец пришелец.

— Называйте, как хотите. Я знаю, что мужчины готовы на все ради этого...

— Но разве возможны подобные отношения без любовного чувства? — спросил пришелец.

— Я не знаю. — Ниночка шла к нему, опустив руки, но тут расстегнутая юбка, шурша, упала на пол, Ниночка хотела подхватить ее, запуталась в складках и села на пол.

— Значит, вы полагаете, что я, вступив с вами в сексуальные отношения, — размышлял вслух Рон, — соглашусь расстаться не только с дубликатором, но и с собственной жизнью? Мне приходилось читать о том, что трагическая любовь приводила к гибели партнеров либо партнера. Но сделать это без любви?

— Это ужасно, — согласилась Ниночка, не поднимаясь с пола.

— А вы не подумали о том, что я сейчас могу удовлетворить свои сексуальные потребности, но после этого не захочу жертвовать своей жизнью?

— Не может быть! — Ниночка в ужасе попыталась подняться, но наступила на край юбки. — Вы не посмеете! Это нечестно...

* * *

Вероника отошла к ручейку, вяло текущему по болоту, чтобы умыться. Ее окружала грязь, грязь, грязь... Вода в ручейке была ледяной и пахла лесной гнилью.

— Мисс Смит! — окликнул ее из-за дерева японец.

— А! — Вероника готова была закричать, но японец поднес палец к губам, и Вероника кричать не посмела.

— Мисс Смит, у меня к вам есть деловое предложение.

— Отдайте мне бумаги, а то я позову Костика и казака. Они вас убьют.

— Они меня убьют, и вы ничего не получите.

— А в каком случае получу?

Вероника была хладнокровной молодой женщиной и привыкла к самостоятельности. Ничего, кроме разочарования, мужчины, претендовавшие на то, чтобы оберегать ее, не приносили.

— Я передам вам все бумаги отца, ваше завещание — все. При одном условии: если вы возьмете у пришельца прибор под названием дупликатор.

— Тот, из-за которого вы старались убить невинного человека?

— Я могу сейчас убить вас раньше, чем вы позовете на помощь.

— А какие гарантии, что я получу бумаги?

— Мое слово самурая.

— Оно существует?

— У вас нет выхода.

— У меня есть выход. Я позову на помощь...

— Не успеете. Через час я буду ждать вас здесь же. Бумаги будут со мной.

Маркиз исчез.

— С кем вы разговаривали, мисс? — спросила Пегги, которая подошла к ручейку за водой.

— Тебе показалось, — отрезала Вероника.

Когда профессор Мюллер подходил к кораблю Рона, он еще толком не знал, что скажет. Он знал, чего хочет, но не знал, что скажет.

У входа в корабль он обернулся. Менее всего ему хотелось бы ставить под угрозу жизнь пришельца, зная, что здесь скрывается опасный убийца.

Потому он совсем не ожидал, что какая-то растрепанная, полуодетая фигура вылетит ему навстречу из корабля — волосы взлохмачены, блузка расстегнута, юбка тянется по земле, пальто в охапку...

— Мадемуазель Черникова? Это вы? — спросил профессор, но ответа не получил. Рыдая, девушка скрылась в буреломе.

Не может быть, сказал себе профессор, останавливаясь перед люком корабля. Неужели он напал на девушку и пытался ее обесчестить? А производит впечатление хорошо воспитанного молодого человека. Впрочем, что мы знаем о нравах на дальних планетах? Не исключено, что они проповедуют у себя свободную любовь и распушенность нравов. Как известно, поздняя Римская империя, с точки зрения цивилизации бывшая передовым государством Земли, тем не менее отличалась именно распушенностью нравов.

Рассуждая таким образом, Мюллер все не решался войти в корабль.

Но тут слабый голос Рона прозвучал у него в ушах.

— Вам что-то нужно, профессор?

— Нет, — смутился Мюллер. — Я так, проходил, хотел проверить, как вы себя чувствуете.

— Вам ничего не нужно от меня?

— Ни в коем случае, — искренне произнес профессор.

— Тогда заходите. Я как раз закончил ремонт корабля и могу позволить себе краткий отдых.

Астронавт лежал на диване, составленном из мягких кресел. Он еще более осунулся. И производил впечатление человека, находящегося на последнем издыхании.

— Простите, — сказал Мюллер, — я не хочу вмешиваться в вашу жизнь и не мне судить о ваших

нравах, но, входя к вам, я увидел мадемуазель Черникову в странном виде...

— Я не причастен к ее виду, — ответил печально пришелец. — Дело в том, что она предлагала мне свое тело в обмен на... дубликатор.

— Дубликатор? А он ей зачем?

— Для революционной борьбы, — сказал Рон.

— Но это же несерьезно, — сказал в сердцах профессор. — Что она, пули в нем будет отливать, что ли?

— Очевидно, и пули тоже.

— Надеюсь, вы ей не отдали этот прибор?

— Вы же знаете, что я не смогу без него улететь.

Я умру.

— И умрет надежда Земли? — спросил Мюллер.

— Хорошо, что хоть вы понимаете ситуацию, — сказал Рон. — Мне начинает казаться, что всем и дела нет ни до меня, ни до судьбы планеты.

— Человек слаб, — согласился Мюллер. — И сегодняшний день ему кажется куда более реальным, нежели отдаленное будущее. Если бы вы сказали, что вернетесь через месяц, люди бы согласились ждать. Но поверьте мне, старому человеку: как тяжело ждать и не быть уверенным!

— Вам тоже нужен дубликатор? — спросил Рон.

— Я ничего у вас не просил.

— Но будь ваша воля?

— Нет! Люди, пришедшие сюда с этой же целью ранее, скомпрометировали саму идею. Я согласен ждать. Даже если не дождусь.

— И что бы вы сделали с дубликатором?

— Я бы не стал его использовать в корыстных целях. О нет! Я скромный человек, и профессорского жалованья мне хватает на жизнь. Но мысль о том, что мне не поверят, что меня поднимут на смех, невыносима. Мне нужно доказательство вашего существования!

— Тогда подождите. Подождите год, дайте мне жить!

— Я ничего не прошу, — возмутился профессор. — Вы сами задали мне вопрос.

— Я понял: если бы я сейчас умер, вы бы

почувствовали большое облегчение. И не возражайте, профессор. Если вы заглянете в свою добрую маленькую душу, вы увидите, что я прав. Судьбы Земли для вас — это актовый зал университета, вы, стоящий там на кафедре, и гром аплодисментов. А затем через сколько-то лет славы — похороны по первому разряду.

— Вы слишком много о нас знаете, господин Рон, — рассерженно ответил профессор, который был категорически не согласен с пришельцем.

— Да, и с каждой секундой узнаю все более и все более сомневаюсь, достойна ли Земля нашей помощи. Или в ней есть некий генетический изъян, который погубит любую попытку вывести ее на путь гуманного прогресса.

— Я повторяю, что ничего не просил у вас! Не знаю, чем все кончится: вы умрете в пути, не вынеся путешествия...

— Возможно.

— Тогда лучше отдайте дубликатор мне. Он хотя бы останется достоянием науки и не попадет в руки дельцов или террористов.

— Еще один такой визит... еще один, и я сам отдам вам этот прибор! Я уже хочу умереть!

— Не мне вас судить, — сказал возмущенно Мюллер. — Вы жестокий эгоист, вот вы кто, сударь! Вы могли бы помочь реально земному прогрессу, но предпочли бегство!

Мюллер пошел прочь и на выходе столкнулся с Вероникой.

Та вошла спокойно, не торопясь, точно так, как положено заходить к занемогшему родственнику. Кажалось, что в руке у нее небольшой домашний пирог, испеченный специально к такому случаю.

— Простите, если я вам помешала, — сказала Вероника. — Но я на минутку. Мне хотелось справиться о здоровье мистера Рона.

— Сами справляйтесь, — буркнул Мюллер. Ему было все противно. Да, скорее противно, чем стыдно. Он был унижен излишней откровенностью, даже цинизмом этого инопланетянина, забывшего, что он обязан жизнью именно профессору Мюллеру.

Вероника проводила чуть насмешливым взглядом

надутого, как обиженный индюк, профессора и присела в кресло в ногах астронавта.

— Вы плохо выглядите, — сказала она.

— Я знаю об этом, — ответил Рон. — И должен вам сказать, что, если вы намерены предложить мне сексуальное общение, я заранее отказываюсь. Я вас не люблю. И я тяжело болен.

— Почему я должна предлагать вам такое... общение?

— Потому что вы пришли говорить со мной о судьбах Земли, о братстве гуманных галактик, а на самом деле вам нужен дубликатор, без которого мне не улечать.

— Как я понимаю, — сказала куда более опытная, чем Ниночка, Вероника, — кто-то вам предлагал уже свое тело, и безрезультатно. Так как Пегги вряд ли нуждается в дубликаторе, значит, это была русская анархистка. Наивная девочка — цыпленок. Таких мужчины не любят, потому что они спешат повиснуть у них на шее.

— Что же вы мне предложите за дубликатор? — спросил Рон.

— Рассказ, — ответила Вероника. — Рассказ о моем отце, о моей безнадежной жизни, о том, что без дубликатора мне никогда не увидеть отцовского дома, который без завещания займут дети его обнаглевшего жадного брата, о том, что я буду бедной и вынуждена буду пойти на панель, так как я никуда не годная певица.

— Как так — пойти на панель? — не понял Рон.

— Торговать своим телом, — пояснила Вероника.

— А что с ним будет делать покупатель? Или у вас еще есть случаи каннибализма?

— В переносном смысле — да.

— Я ненавижу вашу планету, — сказал Рон.

— И не намерены ей помогать?

— Ненависть не подразумевает отрицательных действий, — туманно ответил пришелец.

— Я обращаюсь к вашей жалости, — сказала Вероника. — Я молода, красива, я добрый нормальный человек. Я любила моего отца, хотя он не заслужил

этой любви. Я хочу получить от жизни лишь то, что мне положено получить.

— И ради этого вы готовы убить меня?

— Я буду счастлива, если вы останетесь живы. Но вы можете умереть в любой момент. И сделаете тогда меня несчастной. Я не говорю о судьбах Земли — их не изменишь. Только о моем скромном счастье.

Рон закрыл глаза.

Веронике показалось, что он умер.

— Рон, — позвала она, — господин инопланетянин! Очнитесь! Нет, этого не может быть...

— Считайте, что я уже мертв, — ответил Рон, не открывая глаз.

Вероника не выдержала. Она готова была кинуться на него с кулаками. Она кричала на прищельца, обвиняла его в жестокости, в коварстве... Но Рон спал. Или делал вид, что спит.

Не видя ничего вокруг от гнева, Вероника выбежала из туманного, слишком белого и слишком расплывчатого корабля. Все погибло. Все погибло из-за этого бездушного мерзавца!

Но внешне она оставалась спокойной.

Перебежав по бревну на сухое место, Вероника поняла, что должна взять себя в руки. Иначе... иначе все потеряно.

А сейчас? — задала она себе вопрос.

Сейчас, ответила она себе, остается один шанс.

Она направилась к лагерю. И через несколько шагов человек, которого она искала, вышел из-за груды поваленных стволов.

Костик нес под локтем ружье — он не оставил надежды отыскать японца.

— Костя, — позвала его Вероника, останавливаясь и поправляя пепельные волосы, — у вас есть для меня секунда времени?

— Разумеется, — обрадовался тот. — Хоть вся жизнь.

— Мне не нужна жизнь. Мне нужна помощь, — сказала Вероника. — Вы единственный человек, который может меня спасти.

Костик вошел в корабль, и ничто ему не помешало. Рон лежал без сознания, он не слышал Кости до тех пор, пока тот не подошел к нему совсем близко и не наклонился, стараясь понять, дышит пришелец или уже помер.

Рон открыл глаза. Костя казался частью тумана.

— Господин Рон, — сказал Костя, нависая над пришельцем. Ружье он продолжал держать в руке, — я пришел к вам за прибором. За дубликатором. Вы меня слышите?

Рон чуть заметно улыбнулся. Все это было слишком похоже на дурной сон.

— Я не буду вас пытаться или бить, — сказал Костя. — Хотя я думаю: лучше бы вы вообще сюда не прилетали.

— Почему?

— Потому что до вас мы жили как могли, хорошо ли, плохо ли, а теперь старой жизни нет. Неужели непонятно?

— Понятно.

— Если вы отдадите мне дубликатор, Вероника, от которой я без ума, наверное, согласится выйти за меня замуж.

— А если обманет?

— У меня есть шанс. Я его должен использовать...

— Я больше не могу... — сказал Рон. — Я даже не могу улететь... я потерял время... Поздно... все поздно... все потеряно...

Дубликатор нехотя отделился от стены и подплыл к Костику. Тот шарахнулся в сторону, подняв ружье, чуть не выстрелил.

Рон не слышал. Рон заснул... он угасал.

Костя отбросил ружье. Он схватил дубликатор и побежал к выходу. Он не знал, что придумает астронавт, когда придет в себя. Но он может и убить...

Прижимая аппарат к груди, он вышел из корабля.

Начало темнеть... Сумерки были исчерчены частыми снежинками, которые падали на землю и покрывали ее белым саваном. От этого провалы воды и черные стволы казались еще чернее.

Костя постарался засунуть сложенный дубликатор за пазуху, но тот не помещался. Выйдя на сухое место, Костик остановился. Он не знал, где отыщет Веронику, и не хотел, чтобы кто-то другой догадался, с какой добычей он покинул корабль. Надо спрятать...

Крючки на кожаных отстегивались с трудом, Костик спешил...

Дуглас ударил его по голове тяжелым суком, и Костя послушно и беззвучно улегся у его ног.

Дуглас и не ожидал такого везения. Он шел к кораблю пришельца, уверенный в неудаче, в провале своей миссии, потому что был неудачником с детства. Если кто-то крал яблоко в саду пастора, то пороли всегда хорошенького, но бедного Дугласа. Слишком много было соперников. Слишком много. И этот... пришелец, он не хочет умирать. Дуглас отлично понимал его, но все же пошел к кораблю, пошел, как бы выполняя тяжкий родственный долг.

Ему дубликатор был нужнее всех. В этом путешествии он потерял все — и покровительство японской разведки, ссудившей его деньгами, и руку Вероники, и деньги, взятые в долг, и, возможно, доброе имя... Дубликатор был богатством. И для Дугласа он имел конкретное и очень простое применение: бриллианты его двоюродного дяди, которые никогда не перейдут к нему по наследству, лежали в дядином имении, и раз в году, на день рождения бабушки, их вынимали и соседские сквайры приезжали посмотреть на чудеса Индии. Двух-трех карбункулов будет достаточно... а если мало, то можно будет повторить. И всегда найдется ювелир, который согласится распилить слишком известные, но все же не краденые камни.

Когда Дуглас увидел Костика, который стоял, полускрытый голыми ветвями, и пытался засунуть за пазуху дубликатор, голова его стала ясной, а движения четкими, как на боксерском ринге. Одно движение — и в руках тяжелый сук, второе — и Костя падает к его ногам.

Дуглас держал дубликатор в руках, любовался изяществом его линий и ощущал приятную тяжесть прибора. Несказанная радость охватила его: отныне он сможет целиком отдаться единственно любимому и

достойному делу — он закончит свою поэму о Нельсоне, написанную классическим гекзаметром, он подарит изящной словесности все оставшиеся годы жизни, он учредит пенсии для престарелых писателей и стипендии для нуждающихся молодых литераторов.

Этим благородным и вполне искренним мыслям вряд ли удалось бы воплотиться в жизнь, даже если бы мистер Робертсон сказочно разбогател, ибо на нем была роковая печать человека, у которого никогда не будет в кармане лишнего фартинга. Его мысли были жестоко прерваны.

Если бы не случайность — если бы не последний комар, проспавший снегопад и возжелавший перед зимней спячкой набить желудок человеческой кровью, если бы не ярость, с которой Дуглас раздавил этого комара, изменив при этом позу, нож, пущенный верной рукой маркиза Минамото, без сомнения, поразил бы Дугласа в сердце.

Неожиданное движение Дугласа спасло ему жизнь.

Нож вонзился ему в предплечье, и острая боль заставила выпустить дупликатор.

Тот выпал из рук, ударился о черный ствол, отлетел в сторону и, подняв небольшой фонтан брызг, скрылся в воронке.

— Что вы наделали? — закричал Дуглас маркизу, имея в виду пропажу прибора, а не собственную рану.

Японец уже бежал к тому месту, где дупликатор скрылся в черной, отороченной белым снегом воде.

Не обращая внимания на раненого Дугласа, японец принялся бегать по краю воронки, стараясь заглянуть внутрь, потом стал вытягивать из кучи сучьев длинную слегу, сломал ее, принялся за другую — он хотел выяснить, насколько здесь глубоко. Притом он непрерывно приговаривал что-то по-японски, из чего Дуглас заключил, что Минамото совершенно не в себе и напряжение последних часов нарушило его психическое равновесие.

Но большего Дуглас заметить не смог, потому что ему стало дурно. Не сама боль, хоть боль и была, заставила его потерять сознание — мистер Робертсон не переносил вида крови, а его собственная горячая кровь струилась по рукаву и штанине, стало мокро и

горячо ноге, а возле башмака быстро натекала красная лужа, растапливая тонкий слой снега.

И Дуглас, тихо застонав, рухнул на землю.

Вот эту картину и застала Вероника, которая разыскивала Костю.

Ее взору предстала страшная картина, которую при определенной доле воображения можно было бы называть «После боя». На прогалине возле озера-воронки лежали два неподвижных тела. Скорчился, прижав колени к животу, Костя Колоколов, а совсем недалеко от него в луже крови лежал, распростершись, Дуглас Робертсон.

Японца Вероника не заметила. Она как зачарованная смотрела на тела молодых людей, прикрыв ладонью рот и не смея закричать.

Кто убил их? Минамото? Где же он?

И тут она увидела японца. Не обращая на нее внимания, он стоял на краю воронки и часто опускал в воду длинный кривой шест, стараясь достать им до дна.

И тогда Вероника стала медленно, на цыпочках, отступать — только бы Минамото не увидел ее. И только когда деревья скрыли ее от японца, она побежала к лагерю.

* * *

Впереди пошли казак Кузьмич и тунгус Илюшка. У них были ружья.

Затем шли Андрюша и Ниночка.

Чуть в отдалении — Пегги, которая не хотела оставлять Андрюшу одного перед лицом страшной опасности. Она держала в руке столовый нож — иного оружия ей не досталось. Последним семенил Мюллер.

Вероника, несмотря на силу характера, лишилась чувств, как только рассказала в лагере о том, что видела.

К прогалине возле воронки подошли осторожно.

Казак выглянул из-за поваленных стволов. Поднял руку, предупреждая остальных, чтобы стояли на месте.

Впереди, в отдалении, возвышалось полушарие космического корабля, окруженное широкой полосой

черной воды. Ближе на белом снегу лежали тела Кости и Дугласа.

А у края воронки они увидели маркиза.

Маркиз был раздет, и его маленькое жилистое тело посинело от холода. Рядом была аккуратно сложена его одежда.

Маркиз опустил в воду шест и, держась за него, намеревался сам спуститься в воду.

— Эй, человек, руки вверх! — крикнул казак.

Слова казака громом прогремели над тайгой.

На японца они произвели неожиданное действие.

Он даже не обернулся, а со всего размаха прыгнул в воду.

Брызги воды разлетелись во все стороны, пятная снег и окатив оба беспамятных тела.

Холодная вода оказала резкое воздействие на молодых людей.

Застонал, схватившись за голову, Костик. Приподнялся, ахнул при виде крови и снова упал Дуглас.

Но остальные бросились к воде, не обращая внимания на Дугласа и Костика.

Вода в воронке покачивалась, как в стакане, куда кинули кусок рафинада.

Казак наставил дулю на воду и строго сказал:

— Вылезь, не балуй!

И как бы послушавшись его, вода расступилась — из нее выскочила голова маркиза с выпученными глазами, рот открылся, забирая воздух, и голова скрылась вновь.

— Ничего, — сказал Кузьмич, не опуская ружья, — он теперь далеко не уйдет.

Но в следующий раз голова показалась совсем в другом месте — у самого корабля.

— Стреляю! — крикнул казак, но не выстрелил.

— Он за корабль поплыл! — крикнул Андрюша, бросаясь перелезть через стволы, чтобы обогнуть воронку.

Остальные побежали за ним.

Вода по ту сторону была мертвенно спокойной.

— А может, он вылез? — утешила себя пустой надеждой Ниночка. — Он вылез, а мы не заметили.

— С ними это бывает, — согласился тунгус. — Нырять надо?

— Там ничего не отыщешь, — сказал казак. — Дно-то все бревнами и сучьями завалено. Упало — пропадет, однако.

Теперь можно было обратить внимание на раненых. К счастью, оба пострадали несильно. На голове у Костика вздулась большая шишка, а Дуглас был ранен в мякоть руки. Больно, неприятно, но опасности для жизни никакой.

Андрюша пошел в корабль. Мюллер за ним. Кто-то должен был сообщить пришельцу весть.

Как смертный приговор.

* * *

Астронавт встретил их стоя. Нашел в себе силы.

— Я все уже знаю, — сказал он. — Я наблюдал.

— Мы выражаем вам искреннее сочувствие, — сказал Мюллер.

— Верю, но завтра вы будете благодарить судьбу за то, что все так закончилось.

— Вы не правы, — сказал Андрюша.

— К сожалению, прав. И так как я мертвый человек, то мне нет смысла говорить неправду.

— Казак сказал, что дубликатор не отыскать.

— Отыскать можно, — сказал равнодушно пришелец. — Но нет смысла стараться. Я думаю, что вы приведете сюда рабочих, осушите воронку и возьмете дубликатор. Правда?

— Мне он был не нужен, — сказал Андрюша.

— Вы не правы, — возразил астронавт. — Так как у нас с вами наблюдается определенная близость, мне не представляет труда заглянуть в ваши мысли. Простите, Андрюша.

— В моих мыслях...

— Именно это примирило меня с собственной судьбой. Сегодня ночью я увидел ваш сон. Это был не сон — видение, вызванное вашими подсознательными желаниями...

— Я не хотел.

— Значит, вы помните эту смесь сна и ваших мечтаний?

— Да, — сказал Андрюша. — Мне снилось, что у меня есть дубликатор, что мы с Пегги...

— Пропустите этот момент.

— Что с помощью дубликатора я сделал себе новый паспорт — скопировал паспорт Кости. И мы имеем много денег, и мы уехали в Россию. Я учу детей в школе...

— Не надо рассказывать. Главное, чтобы вы вспомнили. Вы первый искренне полагали, что Земле нужно спасение. И что надо сделать так, чтобы я мог улететь и привести с собой помощь.

— Я и сейчас так думаю.

— И не уверены в этом... Вы были последним.

— Я никогда не настаивал на том, чтобы завладеть дубликатором, — сказал Мюллер.

Рон не ответил.

— Может быть, вас найдут, — сказал Андрюша. — Вас ищут...

— Вы не представляете себе размеров Вселенной, — сказал пришелец. — И ее неизведанности. Я еще одна песчинка, сгинувшая в ней без следа.

— Ваш прилет не прошел бесследно для Земли, — сказал Андрюша. — В наших сердцах останется понимание Галактики. Мы будем ждать новой встречи с существами высшего порядка, подобными вам, господин Рон. Теперь для нас звезды, видимые в небе, не мертвы и не абстрактны. Мы знаем, что на них — наши друзья.

— И если через десятилетие или полвека до нас долетит новый космический корабль, его встретит лучшая, чем сегодня, Земля. Мирная и гуманная. Я хочу в это верить, — сказал Мюллер.

Воцарилась тишина. Пришелец тяжело, прерывисто дышал. Андрюша подумал, что надо будет позвать Пегги, может, она напоит его чаем.

— Нам всем надо будет с вами проститься, — сказал Мюллер, борясь с желанием заплакать. — И выразить вам благодарность за все...

— За что?.. Уходите.

Они покорно вышли.

Почти стемнело, снова повалил снег. Он был мягкий, беззвучный, снежинки, достигнув воды, несколько мгновений, прежде чем растаять, белели на черной глади. Следы японца возле места, где он нырнул, засыпало снегом, и лишь шест, воткнутый им, указывал на могилу столь нужного всем прибора.

Костер горел ясно и сильно. Рои снежинок окружали его, как розовое зарево.

Сквозь стенку английской палатки желтым кругом проникал свет переносной лампы.

У костра были только Кузьмич и тунгус Илюша. Они мирно беседовали, как охотники на привале. Подняли головы, увидев, что подходят ученые, но Андрюша заметил, как рука казака легла на ложе карабина. Кузьмич не забывал, что где-то рядом бродит обезумевший маркиз.

— Не замерзли? — спросил Мюллер деланно бодрым голосом. — Молодцы!

Может, он ждал, что казак ответится: «Рады стараться», но для казака Мюллер не был настоящим начальником. У него здесь вообще начальников не было, даже молодой Колоколов не в счет.

Андрюша оглянулся — за завесой снега скрывался безмолвный космический корабль с умирающим астронавтом.

— Ты не замерз, Андрюша? — спросила Пегги, когда он залез в свою палатку. Кроме них, в палатке никого не было.

— А где все остальные? — спросил Андрюша.

— Они у мисс Смит. Они читают дневники капитана Смита.

— Она их нашла?

— Пакет был в одежде, которую оставил китайский японец. А ты покушай. — Пегги протянула Андрюше очередной сэндвич. Он был теплым от ее рук.

— Не хочется.

— Надо, обязательно надо, будешь здоровый, — сказала Пегги.

В палатке было тесно, до верха затылком можно достать. Пегги быстро дышала, в полутьме были видны только белки глаз и ровные зубы.

— Спасибо, — сказал Андрюша и вложил бутерброд в руку Пегги.

Пегги чуть склонилась и прижалась щекой к его щеке.

— Рон совсем умирает, — сказал Андрюша.

— Хочешь, я к нему пойду? Я ему снова массаж сделаю. Или слова скажу.

— Боюсь, что он этого уже не хочет. — Андрюша пытался услышать в себе голос или хотя бы присутствие пришельца. Но пришелец не отзывался. Он не был мертв — Андрюша знал, он почувствовал бы это.

Сопя и кашляя, в палатку залез Мюллер, долго приглядывался, потом спросил:

— Я не помешал?

— Разумеется, нет, Федор Францевич.

— Вас не интересует обсуждение дневника капитана Смита? — спросил он. — Там, говорят, очень интересные сведения.

— Нет, не интересует.

Пегги отодвинулась от Андрюши. Не дай Бог, если этот серьезный господин что-нибудь заметил! Он на-кажет Андрюшу.

— Там очень тесно, — сказал Мюллер. — Надеюсь, что я увижу эти документы потом. Они представляют большой интерес для науки.

* * *

А в другой палатке в самом деле было тесно.

Дуглас лежал, занимая чуть ли не треть свободного места, но не хотел, чтобы остальные переходили в другую палатку. Вероника листала страницы дневника, кое-что зачитывая вслух.

Никому это чтение сейчас не было интересно, даже Веронике. Но это было действие, занятие, которое оправдывало их пребывание в палатке, придавало смысл бессмысленному ожиданию.

— Я продолжу, — сказал Дуглас. — Вы устали.

— Не двигайтесь, — ответила Вероника. — Вам вредно.

Костик смотрел на Дугласа испепеляющим взглядом, но тот этого взгляда не чувствовал.

— Завешание, — спросил Дуглас, — завешание цело?

— Оно здесь. — Вероника показала себе на грудь. Все поняли, что завешание читать не будут.

Когда Вероника устала читать, стала читать Ниночка. Пошли записи о трагическом переходе по льду.

Дуглас закрыл глаза, у него начинался жар. Но он терпел. Возвращение дневника как бы позволило ему вновь приблизиться к Веронике. Страшный, злобный гений, который разлучил их, исчез... Но исчез ли?

Потом читал Костик. Ниночка перестала слушать. Она видела взгляды, которые Костик кидал на Веронику. Ничего, утешала она себя, борьба не закончена. Мы обойдемся без дубликатов. И без Колоколовых, любовь к которым не более как слабость революционного бойца.

Так думала Ниночка, но на самом деле ее классовая ненависть к отпрыску эксплуататорского рода никак не уменьшала ее любви к Костику. И это было ужасно.

Костик порой поднимал руку, трогал шишку на голове. Дотрагиваться было больно. Ниночка сбегала, принесла ему полотенце, смоченное холодной водой. Но Костик не стал его прикладывать к шишке, потому что ему казалось, что Вероника будет смеяться над ним. Он полагал, что завтра утопит Дугласа. Вот так, возьмет и утопит.

Никому не нужное чтение продолжалось, потому что все ждали, хотя не могли признаться себе, что ждут смерти пришельца.

* * *

Они сидели, набившись в палатку. Хоть стенки ее были матерчатыми прорезиненными, но, пропитанные каучуком, они плохо пропускали воздух, и было очень душно. И они все ненавидели друг друга. По-разному и за разное.

Дуглас ненавидел Веронику, потому что знал, что потерял ее.

Костик ненавидел Дугласа, потому что понял, как далека от него Вероника.

Ниночка ненавидела Костика, потому что любила его.

Но все оставались вместе и делали вид, что заинтересованно изучают дневник капитана Смита, до которого никому из них не было дела.

* * *

Компьютер выдал Рону последнюю информацию: возможная длительность его жизни при настоящих условиях — семь часов плюс-минус десять минут.

И все.

Порой он терял сознание, продолжая при этом ощущать, как движется время. И в его сознании отщелкивали секунды — слишком быстро.

Все, что происходило с ним, было невысказано, он не мог умереть здесь, на краю Вселенной. Бесследно.

Впрочем, нет. Профессор Мюллер со временем вытащит его корабль на сухое место, даже перевезет в музей и будет водить к нему экскурсии, а сам станет мирно стареть возле своего Великого открытия. Впрочем, успеет ли он вытащить корабль из болота? Ведь на Земле скоро начнется мировая война, а к концу ее никому не будет дела до инопланетных кораблей. А еще через несколько лет болото окончательно затянет в свою глубь металлический шар, и когда в конце двадцатых годов сюда доберется новая экспедиция, она так и не сможет разгадать тайны урулганского метеорита...

Все глубже погружался пришелец в бесконечный холодный сон. В котором не будет знания о судьбе тех людей, что ждут его смерти, думая о своих человеческих мелких делах, и которых в скорые годы разобьет, уничтожит судьба...

Вот и конец этой истории. Первый конец, пришедшийся всем.

* * *

Словно во сне кто-то подсказал выход.

Воспаленному умирающему мозгу решение показалось простым.

Надо встать и пойти к краю воронки, там, на дне ее, лежит дубликатор. Лежит и ждет. Надо только вынуть его из воды и стартовать.

Потом снова было затмение.

И жуткий, жгучий холод, мелкие, но болезненные ожоги снежинок по голой коже — наверное, он не оделся, когда покидал корабль?

Астронавт знал нужное место — там из воды торчал шест.

Он присел на корточки, стал вглядываться в воду, надеясь своими обостренными органами чувств ощутить присутствие прибора и точное место, где он лежит.

Но чувства отказывались подчиняться. Они лишь обманывали — они говорили, что снег обжигает, а вода горяча...

Астронавт присел на край воронки и опустил в воду ноги. Конечно же, вода горячая, но не настолько, чтобы свариться...

Он оттолкнулся от обрывчика и пошел вглубь.

Вода сразу сдавила, стараясь забраться в ноздри.

Когда-то, далеко отсюда, на той планете, куда не вернуться, Рон был хорошим пловцом. Его руки и ноги, лишённые управления, двигались инстинктивно — надо было достать до дна... Но там были лишь спутанные бревна.

Рон вынырнул.

Холод воды привел его в чувство. Как ни странно, он чувствовал себя лучше — к нему вернулось сознание, но вместе с ним и отчаяние, понимание того, что дубликатор ему никогда не найти.

* * *

Андрюша выбежал из палатки.

— Опять, да? — кричала вслед Пегги. — Он зовет тебя?

Она кричала так громко, что Ниночка выглянула из другой палатки и спросила вслед:

— Что случилось? Он умер?

Пегги не ответила — она уже скрылась в снегопаде.

Ниночка не думала, что побежит к кораблю, — ее

это уже не касалось. Но побежала. Сзади топали сапоги Костика.

Андрюша добежал до воронки и почти в полной темноте увидел на поверхности воды голову пришельца. Тот нырнул снова.

— Нельзя, вы же больны! — крикнул ему Андрюша, но, конечно же, Рон не услышал.

Андрюша стал быстро раздеваться, путался в башмаках, в штанах. Пегги повисла на нем — пыталась оттащить от черной воды.

Подбежала Ниночка, она не поняла, кто и с кем борется, и кинулась кому-то помогать...

Андрюша вырвался, так и не раздевшись толком, нырнул вслед за Роном. Тот как раз поднимался, чтобы вдохнуть воздуха, хотя уже и не чувствовал, что поднимается, — он неся по темному туннелю к далекой звездочке света вперед.

Андрюша даже не понял, холодная ли вода. Он тянул неподатливое, мягкое, упрямое тело астронавта и, когда понял, что теряет силы, почувствовал, как рядом в воду плюхнулось что-то тяжелое — Костик помог ему вытащить Рона на берег.

Мюллер стоял с фонарем — он оказался предусмотрительней прочих. Потом, когда Рон уже лежал на пальто Вероники, которая успела его расстелить, появился тунгус Илюшка с факелом — головней, обмотанной просаленной тряпкой.

Пришелец что-то бормотал.

Андрюша поднялся и снова шагнул к воронке.

— Нет! — завопила Пегги.

— Чего уж, — сказал Костик. — Поздно так просто стоять.

И пока Андрюша отчаянно, но безуспешно вырывался из цепких отчаянных рук Пегги, Костик, которого никто не удерживал, вновь ушел в черную ледяную воду. И тогда Ниночка поняла, что он погибнет, если она не придет ему на помощь...

Ниночку удержал Кузьмич. Казак крепко схватил ее на лету, потащил обратно от воды, страшно матерился, а Андрюше удалось извернуться и вырвать руку у Пегги. Он протянул ей мокрые очки, которые чудом не потерял под водой, и сказал строго:

— Береги. Я без них как без рук.

И пока Пегги растерянно брала очки, он уже был в воде.

Отчаянное, сумасшедшее желание найти этот проклятый дубликатор охватило всех, как припадок истерии. Мюллер бегал по берегу, размахивая фонарем, и что-то кричал ныряльщикам, даже Дуглас забыл о своей простреленной руке и начал сползать по откосу в воду, но задел руку, и боль привела его в чувство. Тут с берега метнулась в воду еще одна фигура — это была Пегги. Она должна была спасти Андриюшу. Но она понимала, что Андриюша не вылезет из ледяной воды, пока не найдет этого прибора. А раз так, она найдет его сама. Нырнуть она не смогла — вода была такой обжигающе холодной, что тело Пегги, не послушавшись ее, выпрыгнуло обратно на берег...

Вероника сорвала с себя теплую кофту и растянула над прищельцем, чтобы снег не падал ему на лицо.

— Потерпите, господин Рон, — уговаривала она его, — не умирайте. Они обязательно найдут.

— Есть! — прохрипел, вынырнув в четвертый или пятый раз, Костик. И нырнул снова.

Они столкнулись с Андриюшей под водой. Но оба уже знали, что отыскали — руками, в переплетении ветвей, сучьев и бревен, они трогали и ужасались этому — нечто мягкое и податливое...

Костик, задерживая из последних сил дыхание, стал обламывать сучья, что держали эту мягкую массу. Андриюша старался делать то же самое.

* * *

Вода раздалась, и медленно, как в тягучем кошмаре, из нее показалось белое, блестящее под светом факела и фонаря обнаженное тело. Рядом две головы — Андриюши и Костика.

Костик, ухватившись одной рукой за торчавший из воды ствол, перевернул тело.

Мертвые глаза маркиза Минамото были открыты.

Его скрюченные пальцы прижимали к груди дубликатор.

Казак и Дуглас вытащили тело японца на берег, положили рядом с пришельцем.

Тунгус и девушки помогли вылезти из воды ныряльщикам.

Пегги сразу накинула на Андрюшу свое пальто и потащила его к палатке, но он не давался. Ниночка говорила Костику:

— Ты прыгай, прыгай, миленький, только не простудись.

Костик услышал и начал подпрыгивать на месте.

Веронике вдруг захотелось засмеяться — смеяться было нельзя, она подавляла в себе приступы смеха. Руки, в которых она держала над головой пришельца кофту, дрожали.

Дуглас здоровой рукой вырвал из пальцев маркиза дубликатор.

— Мистер Робертсон, — сказал профессор Мюллер, — если вы полагаете...

— Не говорите глупостей, профессор, — сказал Дуглас. — Я отнесу его на корабль.

— Лучше я сам, — сказал Мюллер. — У вас болит рука.

Дуглас покорно передал профессору дубликатор, а тот Дугласу — фонарь. Дуглас пошел впереди к кораблю, освещая бревна, чтобы профессор не свалился в воду.

Труднее было нести астронавта. Бревна покачивались — от снега они были мокрыми и скользкими. Голову его поддерживала Вероника, под плечи подхватил Кузьмич. Андрюша и Костик держали его под бедра.

Они пронесли Рона в корабль и положили на сдвинутые кресла.

В корабле было тепло, но на Андрюшу напала дрожь, стучали зубы, тряслись руки.

Ниночка, не стесняясь, подолом юбки вытирала Костику руки, а он говорил ей, широко улыбаясь:

— Сейчас твой революционный студент концы отдаст, ей-Богу!

Пегги старалась привести Рона в чувство. Она

знала какие-то свои, цейлонские слова и движения рук.

— На вид пустяковый прибор, — сказал Дуглас. — Давайте скопируем что-нибудь на прощание.

— Может, он и не проснется, — сказал Мюллер.

— Ах, оставьте! — сказал Дуглас. — Они там страшно живучие.

Он был прав. Рон приоткрыл глаза, чуть-чуть, словно ему мешал свет.

— Господин Рон, — сказал Андрюша, — вы меня слышите? Скажите, как поднять этот саркофаг? Как запустить ваш корабль? Мы не знаем.

— Поздно...

— Мистер Рон, — сказал Дуглас, — мы нашли эту игрушку. Видите?

Он показал дубликатор Рону, но неясно было, понял ли тот, что хотел сказать Дуглас.

Андрюша почувствовал жжение в голове — словно мысли Рона пытались вгрызться в его мозг. Он не понимал слов, но он знал, что надо делать.

Неуверенно, прислушиваясь к дальнему неразличимому голосу, он подошел к пюпитру и начал нажимать на нем кнопки. Дубликатор вырвался из рук Дугласа, подлетел к стене и исчез в ней.

Средняя часть пола начала подниматься, стоявшим там пришлось расступиться. Длинный саркофаг поднялся на аршин от пола, его крышка съехала в сторону и осталась висеть в воздухе.

— Помогите мне, — сказал Андрюша.

Мужчины помогли перенести Рона в саркофаг. Тогда он открыл глаза шире.

— Я... — прошептал он.

Некоторым показалось, что он сказал: прилечу, другим — докажу.

— Надо уходить, — сказал Андрюша. — Он должен войти в состояние летаргического сна, прежде чем последние силы оставят его.

— А как же он будет управлять аппаратом? — спросила Ниночка.

— Аппарат будет сам собой управлять.

— Мы будем ждать вас, — сказал Мюллер, глядя, как надвигается на саркофаг матовая выпуклая крыш-

ка. Рон смотрел на него, потом перевел взгляд на Ниночку.

— Мы будем ждать вас, — повторила Ниночка.

То же сказали Вероника, Дуглас, даже тунгус Илюшка — как будто иные слова говорить в таких случаях не пристало.

Потом все вышли.

Пегги вышла предпоследней и остановилась, держась за край люка, ждала Андрюшу — она вдруг испугалась, что Андрюшу увезут на небо.

Потом вышел Андрюша, и крышка люка сама задвинулась.

Андрюша помог Пегги перейти по бревнам на берег, где лежал, глядя мертвыми глазами в черное облачное небо, маркиз Минамото. Там же стояли остальные. Вероника опиралась на здоровую руку Дугласа. Ниночка стояла рядом с Костиком, но не дотрагивалась до него.

Мюллер был ближе прочих к краю воронки. Он старался, хоть и с запозданием, определить размеры и точную форму космического аппарата. Вдруг он сказал Андрюше:

— В следующую экспедицию никогда не отправлюсь без фотографического аппарата.

Сначала вздрогнула вода, как бы утекая вниз и обнажая нижнюю часть корабля. Но это был обман зрения — на самом деле он начал подниматься.

Затем с хлопаящим, поцелуйным звуком вода отпустила его, и он начал бесшумно и мерно стремиться точно вверх. Он стал большим темным пятном, а затем еле различимой темной точкой на фоне ночных облаков. В том месте, куда он уходил, образовалось белое пятно. Оно вытягивалось, превращаясь в белую, словно из пара, дорожку. Никому из смотревших на это не доведется дожить до эры реактивных самолетов, и никто из них так и не узнает, что для Земли такие белые полосы станут обычны, как полеты голубей или дым паровоза.

Высоко сверкнула звездочка.

— Все, — сказал Андрюша. Первый и единственный из всех он почувствовал страшную, невосполнимую пустоту в душе.

Старший Колоколов встретил их у Власьей займки. Что-то грызло его — даже не доделал всех дел в Булуне, оставил за себя приказчиков, нанял за большие деньги быстроходный катер у золотопромышленника Аганбегяна и помчался обратно.

Ему первому обо всем и было рассказано.

И он первым вроде бы и поверил, но и не поверил до конца. Потому что даже если несколько достойных доверия людей рассказывают тебе о событии, которого быть не может, побеждает чаще всего твое собственное трезвое мнение. А профессору, прощаясь с ним в Новопятницке, он сказал:

— Я бы на вашем месте, Федор Францевич, поостерегся в Петербурге это рассказывать. Мы-то еще поверим, а там смеяться будут. Теперь, как мне Костик рассказывал, в моде фантастические истории про всяких марсиан. Охота вам портить себе репутацию?

А в первый вечер, у Власьей займки, Колоколов позвал Веронику поговорить. Они пошли вдвоем по берегу.

Вероника сказала Колоколову:

— Я буду с вами откровенна. Из всех мужчин на свете вы мне ближе всех. Несмотря на разницу в возрасте. И если бы не находка завещания, я бы осталась здесь вашей женой, наложницей — кем угодно. Я уже решила это перед тем, как увидела умирающего отца. Но теперь я состоятельная женщина. И намерена жить в той обстановке, которая мне приятна.

Колоколов не понял слов, но понял смысл речи.

— Я тебя осыплю золотом, — сказал он.

— Я сама, — рассудительно сказала Вероника, — могу осыпать вас казначейскими билетами лондонского казначейства. Да вы и не захотите, чтобы я умерла от тоски в этой дикой стране, где меня всегда будут преследовать ужасы, пережитые за последние дни.

Колоколов тоже понял смысл ответа.

Они поцеловались с Вероникой.

Колоколов решил подарить ей авто. Что и сделал

по возвращении в Новопятницк. И за свои деньги отправил его в Лондон.

Костик ждал Веронику у избы. Та не спрятала взгляда. Взгляд ее был доброжелателен, пуст и спокоен. И больше Костик ничего спрашивать не стал. Вероника вошла в избу. При виде ее Дуглас, у которого был жар — воспалилась рана, — попытался подняться.

— Не беспокойтесь, мой друг, — сказала Вероника. — Постарайтесь не умереть от гангрены. Мне нужен верный спутник во время моего долгого путешествия в Англию.

Дуглас облегченно откинулся на свернутую валиком медвежью шкуру.

На обратном пути Дуглас написал серию статей для «Дейли мейл». Из тех, что повествовали о путешествии по Лене и встрече с умирающим капитаном, получилась затем книга, ставшая бестселлером. Две главы этой книги, где говорилось о находке метеорита и последующих приключениях с астронавтом, редактор серьезной газеты печатать не стал. Поэтому Дуглас не включил их в свою книгу. Он сказочно и быстро разбогател. И так же сказочно и быстро растратил эти деньги. Тогда уже началась война, он ушел добровольцем в армию и погиб под Верденом в середине 1916 года.

Вероника рассталась с ним, как только они добрались до Лондона. Через два года она вышла замуж за Патрика Сайлса, второго баронета Уолсбери, который был старше ее на двадцать шесть лет. До самой своей смерти, последовавшей в 1943 году, она жила в Уолсберийском замке. У нее было двое детей. Она также опубликовала книгу «Приключения в Сибири. Девушка ищет отца». В ней она тепло отзывалась о Колоколове, который в 1920 году уехал в Харбин и погиб через шесть лет, убитый грабителями, которые так и не сумели вскрыть его сейф.

Как ни странно, раньше всех сгинул Костик Колоколов. Он жестоко простудился в ту ночь и заболел чахоткой. Притом он пил. У Костики были частые припадки безумия, и в такие моменты он признавал только Ниночку, которая безропотно и преданно ухаживала за ним. Во время одного такого припадка он

утопился в Лене. Это случилось за месяц до Февральской революции.

Вскоре Ниночка и Андрюша покинули Новопятницк.

Ниночка сразу окунулась в революционную работу, вступив в августе 1917 года в партию большевиков. На Южном фронте она служила в политотделе 2-й армии, а при отступлении в 1919 году попала в плен к махновцам, которые ее замучили. Андрюша стал трудиться на ниве народного просвещения. Они с Пегги жили сначала в Москве, а потом, когда после гражданской войны у кого-то возникли сомнения по поводу происхождения жены товарища Нехорошева, уехали в Поречье, где Андрюша несколько лет учительствовал в местной школе. После смерти Пегги он уехал из Поречья, и его следы теряются.

Профессор Мюллер, по здравому размышлению, в докладе о поисках урулганского метеорита не стал упоминать о его истинной природе. Астронавт Рон оказался провидцем — научные интересы Мюллера требовали, чтобы Рон умер, а корабль его остался на Земле в качестве вещественного доказательства.

На случай, если Рон вернется, Мюллер подробно описал все события на Урулгане и спрятал записи на квартире у двоюродного брата. После смерти Мюллера в 1936 году брат, опасаясь ареста, на всякий случай сжег все бумаги.

Долетел ли Рон до своей планеты или умер в пути, неизвестно.

Летят ли к нам корабли галактического центра, чтобы помочь Земле выйти из эпохи варварства и приобщиться к гуманным цивилизациям космоса, или там и не подозревают о нашем существовании, пока сказать нельзя.

СМЕРТЬ ЭТАЖОМ НИЖЕ

От автора

Этот роман был написан в 1988 году, а напечатан двумя годами позже, то есть как раз перед началом больших перемен в нашей стране. Но даже в те месяцы партия продолжала осуществлять контроль над страной и власть ее, хоть и пошатнувшаяся, была бесспорной.

Поэтому неудивительно, что мой герой в последний и решающий момент в стране, охваченной коррупцией и беспределом, надеется лишь на Политбюро. И стремится донести до его высокостоящих ушей весть о трагедии.

Разумеется, сегодня весь финал романа был бы выстроен иначе, в соответствии с системой ценностей, существующих в России. Мне хотелось переменить конец, чтобы он более соответствовал действительности. Но я не решился.

Я вспомнил о чудесном рассказе писательницы Теффи, созданном ею еще до революции. В том рассказе скромная и даже пуританского поведения гимназическая учительница покупает себе английский воротничок. Когда она примеряет его, обнаруживается, что к этому воротничку следует прикупить блузку. За блузкой наступает черед юбки, затем туфель и так далее. Если я не ошибаюсь, рассказ заканчивается фразой: «И потом она пошла на панель и была счастлива».

Вот этот рассказ и заставил меня остановить поднятую руку. И не трогать в романе ни слова. Он написан о действительности 1988 года, о последних годах

и даже месяцах господства коммунизма. Если я поменяю финал, то надо менять и некоторых героев или по крайней мере их поступки. Затем заставить героя думать и действовать иначе...

Итак, я приглашаю вас в совершенно конкретный 1988 год!

В тот год я приехал в Свердловск читать лекции «по линии» общества «Знание». Меня поселили в типовой пятиэтажной вокзальной гостинице. Окна выходили на вокзальную площадь. Воздух Свердловска нес примеси химических веществ и дыма. Я начал писать этот роман в той самой гостинице.

Часть первая ДО ПОЛУНОЧИ

Самолет приземлился на рассвете. Пассажиры переминались возле трапа, ежились после прерванного уютного сна. Снег был синим, небо синим, аэродромные огни желтыми. Потом вереницей все пошли к аэропорту. Синий снег обрывался у навеса, где многие остановились в ожидании багажа. Там было натоптано и грязно. Встречающих почти не было. Но Шубина встречали. Председатель городского общества «Знание», который представился Николайчиком Федором Семеновичем, сразу принялся упрекать Шубина в опоздании самолета. «На сорок минут!» — сказал он так, словно Шубин притормаживал самолет в воздухе. С ним была темноглазая молодая женщина в кепке и куртке из искусственной кожи. Она оказалась шофером, и звали ее Элей.

Серый «москвич» общества «Знание» стоял на пустынной синей площади. Дверь замерзла и не открывалась. Николайчик сказал, что сойдет по пути, в новом районе, где получил двухкомнатную квартиру. Там удачная роза ветров. Когда сели в промерзшую машину, Николайчик выгасил мятую бумажку и принялся, не заглядывая в нее, да и что он мог бы разглядеть в темноте, рассказывать, где и когда Шубину выступать. Особенно он подчеркивал, что устроил две публичные лекции.

— Мы вам, конечно, не сможем заплатить, как Хазанову, но народ у нас интересуется.

У Николайчика был профиль индейца майя, нарушенный сивыми обвислыми усами, каких индсийцы

мая не носили. Машина ехала по обледеленному шоссе между черных зубчатых еловых стен. Шубина потянуло в сон, и он приблизил щеку к окошку. Стекло не доставало до верха, и оттуда дуло. Ветер был нечист, словно близко была помойка.

— Это вы по телевизору на той неделе выступали? — спросила Эля. — Я вашу фамилию запомнила.

— Этот факт повысит посещаемость, — сказал Николайчик. — А то у нас теперь больше интересуются внутренними проблемами, экологией, реформой цен, вы сами понимаете.

Лес кончился, и за пустырем, по которому были разбросаны какие-то склады, начался длинный бетонный заводской забор. Трубы завода, как колонны разрушенного веками античного храма, курились разноцветными дымами.

За заводом пошел жилой район, пятиэтажный и тоскливый. Равномерно поставленные среди пятиэтажек девятиэтажные башни только подчеркивали тоску. На автобусной остановке томились темные фигуры.

— Я с вами прощаюсь, — сказал Николайчик. — В десять двадцать буду звонить вам в номер. Отдыхайте.

— Спасибо, что вы меня встретили.

— Это наш долг. Мы всех встречаем, — сказал Николайчик, открывая дверь со своей стороны. — Независимо от ранга и значения.

Шубин заподозрил, что его ранг и значение недостаточны.

— А мне когда за вами? — спросила Эля.

— Как всегда, — сказал Николайчик.

Они поехали дальше. Эля сказала:

— Как всегда — это еще ничего не значит.

Стандартные дома кончились. Машина ехала по длинной улице одноэтажных домов. Когда-то город был небольшим и эти дома описывали его каменный двухэтажный центр. На перекрестке долго стояли перед красным светом.

— А вы Сергиенко не знаете? — спросила Эля. — Он к нам в том месяце приезжал.

— А что он делает?

— Он химик, — сказала Эля. — Экологией зани-

мается. Столько вопросов было, вы не представляете, до часу ночи не отпускали. Силантьев потом нашего Николайчика вызывал, чтобы больше таких не приглашать.

— А чем он Силантьеву не угодил?

— У нас комитет, — сказала Эля. — За экологию. С биокормом борются и химзаводом. Они всюду выступают.

— Ясно, — сказал Шубин.

— Я хотела пойти на митинг, но Николайчик узнал и отказал. Ему тогда квартиру обещали, и он опасался, что в его коллективе будут диссиденты.

— У вас здесь строго.

— Гронский, Николаев и Силантьев — большая тройка, — сказала Эля. — Куда Силантьеву деваться? Городские деньги от комбината идут. Или от химзавода. Кто даст. Это и ежу понятно.

Они добрались до центра города. Некогда унылая, но логичная линия двухэтажных каменных домов, разбежавшихся затем площадью с собором и украшенным колоннами могучим присутственным зданием, была нарушена вклинившимися блочными башнями и стеклянной бездарностью нового универсама.

— В соборе склад? — спросил Шубин.

— Нет, что вы! Там кино, а скоро филармонии отдадут. Там такая акустика, вы не представляете.

Когда повернули на вокзальную площадь, где стояла гостиница «Советская», уже совсем рассвело и на площади былолюдно.

— Вы к нам летом приезжайте, у нас зелень, многим нравится, — сказала Эля.

Вокзальные площади редко бывают привлекательны, а ноябрьское замороженное утро, черные кости деревьев в привокзальном сквере, само здание вокзала, построенное, видно, после войны в попытке совместить идеалы классицизма и оптимизм эпохи, но давно не крашенное, панельные корпуса, ограждающие грязно-снежное пространство под прямым углом к длинному вокзальному фасаду и завершение площади — типовая гостиница в пять этажей — весь этот комплекс провинциальной обыденности привел Шубина в то состояние духа, которое вызывает раздражение, на-

правленное против самого себя. И что меня сюда принесло? Три сотни, которые я заработаю лекциями, или нежелание спорить с московским обществом «Знание», обещавшим в лице деловой Ниночки Георгиевны в благодарность за плановый визит сюда замечательную поездку весной по Прибалтике?

Эля сказала:

— Вы идите, я машину запру и догоню.

— У вас всегда так пахнет? — спросил Шубин.

— Мы привыкли. Большая химия.

Шубин поднялся по пяти скользким ступеням к стеклянным дверям и с непривычки ткнулся по очереди и безрезультатно в правую и среднюю, прежде чем левая дверь поддалась. В вестибюле, на стуле у двери, дремал старик с красной повязкой. Он не проснулся, когда Шубин прошел мимо. На деревянных скамейках дремали те, кому не досталось места в гостинице. Администратора не было, но пришла Эля, она не боялась разбудить всю гостиницу и принялась громко спрашивать:

— Эй, кто здесь живой? Принимайте гостя.

Кто-то проснулся на скамейке и сказал:

— Мест нет.

Администраторша вышла откуда-то сбоку. Она была так недовольна приходом Шубина, что даже не стала разговаривать. Помахала рукой над стойкой, и Эля сказала:

— У вас паспорт есть?

Шубин достал паспорт, и администраторша стала искать бронь. Шубину было неловко перед теми, кто проснулся на скамейках и недоброжелательно глядел ему в спину, но и страшно, что администраторша сейчас не найдет его брони и придется сидеть в этом холле, на краю скамейки, ожидая, пока Николайчик с началом рабочего дня восстановит справедливость и авторитет общества «Знание». Но бронь нашлась.

Пока Шубин заполнял анкету, гостиница начала просыпаться. Кто-то подошел к стойке, чтобы быть ближе к администраторше и напомнить о себе, худой офицерик с большой женой и двумя детьми спорил с дежурным у входа, который однообразно говорил:

— Мест нет, мест нет, мест нет.

По лестнице спускались три деловых кавказца в кожаных пальто и ондатровых шапках. Они перебрашивались быстрыми фразами, начиная каждую со слова «ара!».

Эля сказала:

— Ну вот и устроились. Я сегодня на вашу лекцию обязательно приду.

Только тут, в освещенном вестибюле, Шубин увидел, как она молода. Глаза карие, раскосые, губы очень розовые. Когда она говорила, видна была золотая коронка.

Эля протянула Шубину руку, пальцы у нее были длинные, ладонь сухая и гладкая, а тыльная ее сторона — шершавая, как у человека, которому приходится работать руками на холоде.

— Вы отдыхайте, — сказала она. — В десять он не позвонит. До двенадцати проспите. Да я ему машину раньше и не подам. Мне же тоже поспать надо. Я из-за вас не ложила.

Сказано это было без укора, и Шубин не почувствовал вины.

— Спасибо, — сказал он. — Значит, у меня пять часов.

— Как минимум, — улыбнулась Эля.

Потом вспомнила, подбежала к стойке и спросила:

— Горячая вода есть? Гость-то у нас из Москвы.

— Есть, есть, — сказала администраторша. — Мойтесь.

Шубин поднялся на третий этаж. Дежурная по этажу спала на диване, накрывшись пальто. Пришлось ее разбудить, потому что ключ был у нее. Дежурная сказала:

— Ничего, не извиняйтесь. Все равно вставать пора. Вы надолго?

— На три дня.

Номер был маленький. Шубину показалось, что он в нем уже жил. Действительно, он жил во многих точно таких же номерах других стандартных гостиниц.

Раздевшись и обозрев свой новый дом, Шубин вернулся к дежурной по этажу. Та уже не спала, разговаривала с горничной о печенке, которую завезли во второй магазин. Шубин сказал:

— Простите, но мне забыли дать мыло и туалетную бумагу.

— Вы что? — Дежурная была даже обижена. — У нас второй год этого нету.

— Но как можно? Даже в районных гостиницах...

— Не дают! Вы пишете, а то такие, как вы, ко мне с претензиями, а как уедут, забывают.

— Но, может, можно купить?

— Нету у меня.

— Хотите, я дам кусочек? — сказала горничная. — У меня один оставил в номере. Если не брезгуете...

— Спасибо.

Шубин пустил в ванной воду. Вода была теплой и сильно пахла сероводородом. Хотя, может, и не сероводородом, а чем-то схожим.

Вымывшись, Шубин лег спать, но проспал недолго. Проснулся вскоре от духоты, открыл фрамугу, и комната наполнилась шумом вокзальной площади. Стало холодно. Шубин укрылся с головой. Ему казалось, что он никогда не уснет, но он все же уснул и проснулся от того, что звонил телефон. Шубин вскочил, спросонья промахнулся мимо трубки, потом рванул телефон на себя, шнур был очень короткий, телефон рванулся из руки и упал на пол. Но не разъединился.

Сидя на корточках, Шубин поднес трубку к уху.

— Доброе утро, — слышался унылый голос Николайчика. — Как вы отдыхаете?

— Спасибо, — сказал Шубин. — Я спал.

— Можете продолжать, — сказал Николайчик. — В два за вами будет машина. Серый «москвич», вы его уже знаете. Водитель тот же.

— А у вас много машин?

— Одна, — серьезно ответил Николайчик.

— Значит, вы мне позвонили, чтобы сообщить, что я могу спать дальше?

— Я полагал, что вы ждете моего звонка согласно нашей утренней договоренности, — сказал Николайчик.

— Хорошо, спасибо, — сказал Шубин.

Он нырнул под теплое одеяло, но согреться уже не мог. И сон пропал. Он решил подниматься, погулять по городу. К тому же проголодался.

Вода была только холодная, но все равно воняла. Буфет в гостинице был закрыт, пришлось идти на вокзал и стоять там в длинной очереди к буфету. Рядом у игральных автоматов шумели подростки. Шубина преследовал запах — иной, чем у воды, но осязаемый, проникающий, гадкий, будто где-то рядом валялась дохлая мышь. Народу на вокзале было много, как и положено на вокзале, где люди проводят по нескольку суток. По радио дважды объявили о том, что желающие могут интересно провести время в видеосалоне, посмотрев французский детективный фильм «Полицейские и воры». Потом объявили, что поезд Свердловск — Пермь прибывает на первую платформу, и вокруг началось движение людей, вызванное этим объявлением.

Чтобы избавиться от неприятного запаха, Шубин вышел на перрон. У общих вагонов остановившегося поезда кипела толпа. Он обратил внимание, что все пассажиры, что лезли в вагоны, были с детьми. На перроне пахло еще противнее. Даже начало подташнивать. А может быть, из-за той холодной курицы, съеденной в буфете? Этого еще не хватало.

Шубин вернулся на площадь. В киосках кооператоров торговали наклейками на джинсы, трикотажными кофточками и бусами. Шубин решил купить себе каких-нибудь продуктов к обеду, взять у дежурной чаю и добиться таким образом независимости от общественного питания. Но купить удалось только хлеба и печенья. В гастрономе висела стыдливая надпись: «Колбаса любительская и масло бутербродное по предварительным заказам населения».

С каждой минутой город нравился Шубину все менее. И его не примирили с ним даже милые приземистые провинциальные особнячки, что сохранились ближе к центру, и городской парк с фонтаном, посреди которого стоял Нептун в трусах, но книжный магазин ему понравился. Там было тепло; вонь, пронизывающая весь город, нехотя отступала перед запахами типографской краски и книжной пыли. Магазин был невелик и протянулся в глубь старого дома. В дальнем его конце обнаружился даже небольшой букинистический прилавок, где на полках тесно стояли

многочисленные тома «Всемирной литературы», а на прилавке, корешками вверх, теснились книги относительно новые, но надоевшие владельцам и в основном малоинтересные. Одна полка была выделена для старых книг, и Шубин подошел к ней, допущенный милостиво худенькой курчавой девушкой в больших модных очках. Девушка спросила:

— Вас что-то конкретно интересует?

— Нет, конкретно меня ничего не интересует.

— Вы любите книги?

— Кто их не любит?

— У нас редко бывают интересные книги, — сказала девушка. — Но есть настоящие любители. Если вы к нам надолго, то я вам советую заглянуть в общество книголюбов.

— Я ненадолго. У вас плохо пахнет.

Шубин не имел в виду ничего дурного, но, сказав так, понял, что, наверное, обидел девушку.

— Я имею в виду — на улице, — добавил он поспешно.

— К этому нельзя привыкнуть, — сказала девушка. — Я вас понимаю. В «Социалистической индустрии» была статья о нас совсем недавно. Но потом у автора были неприятности. Наше начальство приняло меры.

— Такие длинные руки?

— Так в Москве министерство! Они все одним миром мазаны.

— Мне говорили, что у вас в городе создано экологическое общество?

— Мы хотим провести митинг, — сказала девушка. — Я сама ходила в горисполком. Не разрешили. Сказали, что меры принимаются.

Человек с черной бородой и длинными нечесаными волосами подошел совсем близко и высоким настырным голосом сказал:

— Ты бы, Наташечка, пригласила гостя погулять на речку.

— Борис! Я тебя не заметила.

— Меня трудно не заметить, — ответил длинноволосый. — Меня замечают чаще, чем бы мне этого хотелось.

Он громко засмеялся.

Борис был постоянно агрессивен. Даже когда молчал и, наверное, когда спал. Такие люди вызывают немедленную неприязнь у любого начальства, что не останавливает их от желания вступить с начальством в конфликты.

— Судя по тому, что вы зашли в книжный магазин, вы ленинградец, — продолжал Борис. — Человек вы уважаемый, бывавший за рубежом. Я бы сказал: старший научный сотрудник, химик, намерены что-то внедрять на нашем химзаводе. И потому, разделяя тревоги жителей города, останетесь при своем мнении и даже будете способствовать дальнейшему его отравлению, правда, оставаясь вне пределов воню. Что, молчите? Я угадал? Ну конечно же, я угадал! Я таких типов просекаю мигом.

Борис все смеялся, и Шубин почувствовал, как он ему неприятен — от жирных немывтых волос, плохо выбритого худого лица, висячего красного носа до рук, слабых, желтых, с обгрызенными ногтями.

— Нет, не угадали, — сказал Шубин и отвернулся к полке.

— Не хотите — не надо, — сказал Борис. — Мы не гордые.

— Боря, ты стараешься обидеть незнакомого тебе человека, — сказала, покраснев, Наташа.

— А я их всегда обижаю, — сказал Борис. — Между нами слишком много барьеров — классовых, социальных, национальных и даже банных. У нас мыла дешевого нет, а рублевая парфюмерия мне не по карману.

— Спасибо, — сказал Шубин Наташе и отошел от полок. В ином случае он бы поправил провидца, переселившего его с помощью никуда не годного дедуктивного метода в Ленинград и сделавшего химиком. Но поправлять Бориса значило оправдываться перед ним.

За его спиной что-то шептала Наташа, а Борис громко сказал вслед Шубину:

— Убийцы! Все они из одной своры...

Больше в городе смотреть было нечего. Поискать, что ли, музей?

Но ведь заранее известно, что будет в том музее.

Состав экспозиций утвержден в Министерстве культуры.

Обратно к гостинице Шубин пошел другой улицей — заблудиться было трудно, город распланировали в девятнадцатом веке по линейке. Стало теплее, и белый снег остался только во дворах. Крыши были мокрыми, тротуары и мостовые покрывала каша, которая брызгала из-под колес набитых народом автобусов. Над очередью, что стояла за грейпфрутами, висел приклеенный к стене неровно написанный лозунг: «Защитим чистый воздух!» Борьба за чистоту окружающей среды, отраженная в лозунге, висевшем слишком высоко, чтобы его не сорвали походя, вызвала в Шубине раздражение. Он вспомнил о Борисе и ощутил сочувствие к химзаводу.

Солнце блеснуло сквозь сизые облака, и сразу же его закрыла туча. Пошел холодный дождь. Очередь покорно мокла, накрывшись зонтиками. Шубину показалось, что дождь воняет, и он пожалел, что не взял зонтика.

Николайчик пришел в два. Он долго снимал пальто, складывал зонтик.

— Вы хорошо отдохнули? — спросил он.

— Спасибо.

— Я забыл провентилировать с вами вопрос питания, — сказал он. — На Луначарского есть приличная диетическая столовая. Но туда надо ходить до часу или после трех, потому что днем там много посетителей.

Он был очень тоскливым человеком, под стать погоде. Прошел в комнату, уселся за письменный стол, разложил на нем мятую бумажку, ту же, что пытался зачитывать утром в машине.

— Сейчас мы с вами направляемся на прием к товарищу Силантьеву. Будет чай.

— С колбасой по талонам? — спросил Шубин.

У него разболелась голова — не привык он к здешним миазмам.

— Ценю юмор столичного жителя, — сказал Николайчик. — Однако снабжение по талонам для нас, провинциалов, имеет свои преимущества, так как вводит социальную справедливость. Этим ликвидиру-

ваны очереди за дефицитом. Если же вы намерены шутить на эту тему у товарища Силантьева, я бы не советовал, потому что он не разделит вашего юмора. Снабжение нашего города представляет большие трудности, и товарищ Силантьев на своем посту сделал немало для улучшения быта наших граждан.

Произнеся такой монолог, Николайчик выдохнул с шумом воздух и уставился в окно. Шубину показалось, что его выключили.

Без стука вошла Эля. В той же кепке и кожаной куртке.

— Федор Семеныч, — обратилась она к Николайчику, — вам еще на «Французскую коммуну» надо успеть. Забыли, что ли?

— Да, — проснулся Николайчик. — И в самом деле забыл.

Он смущенно улыбнулся, и Шубин подумал, что он бывает обыкновенным и даже добрым. Николайчик долго одевался, почему-то стал открывать зонтик в крошечной прихожей, не смог пройти с ним в дверь и снова закрыл его.

Эля стояла посреди комнаты, оглядывая номер с любопытством, словно пришла к Шубину домой и хочет понять, как живет знаменитый корреспондент-международник.

— Вы машинку пишущую всегда с собой возите? — спросила она.

— Всегда.

— Чтобы, когда мысль придет, сразу ее схватить, да?

— Примерно.

Николайчик захлопнул за собой дверь и громко затопал по коридору.

— Мне пора, — сообщила Эля, не трогаясь с места.

— Скажите, Эля, он всегда такой или бывает другой?

— Он вполне приличный, — сказала Эля. — Только запутанный. Его из гороно выгнали, за прогрессивность. С тех пор он боится. Я думала, что когда он квартиры дождется, то перестанет бояться. А он уже привык.

Эля засмеялась.

Дверь открылась, Николайчик сунул голову внутрь.

Шляпа задела за край двери и упала. Николайчик присел на корточки и спросил:

— Мы не опоздаем, Эльвира?

— Я быстро поеду, — сказала девушка. — А мы о вас говорили.

— Я знаю. — Николайчик поднялся, напялил шляпу. — Я слышал.

Они ушли, но через минуту снова заглянула Эля.

— Я его отвезу и прямо за вами! Вы. пока одевайтесь.

Горисполком занимал солидный, с колоннами, трехэтажный дом, в котором, вероятно, когда-то была гимназия. Когда они шли по широкому коридору, Шубин заглянул в открытую дверь и увидел, что пространство за ней разгорожено фанерными стенками, которые не доставали до потолка. Из-за стенок стрекотали машинки и стоял гул голосов. По коридору слонялись посетители, некоторые стояли, прислонившись к стенкам, или сидели на подоконниках. Последняя дверь в коридоре была обита пластиком. Справа и слева от нее были черные застекленные таблички. Справа — «В.Г.СИЛАНТЬЕВ», слева — «В.Г. Мышечкина». Мышечкина была изображена куда более мелкими буквами.

В приемной, где по обе стороны высокого узкого окна стояли столы и за ними сидели две пожилые секретарши, Эля сдернула кепку.

— Привела, — сказала она.

— Пусть товарищ подождет, — сказала правая секретарша. — У Василия Григорьевича совещание.

— Вы сидите, — сказала Эля. — Я пойду Николайчика встречу. Он всегда здесь плутает. Сколько раз был, а плутает.

Шубин уселся на мягкий стул рядом с дверью в кабинет. Дверь была обита таким же пластиком, как и внешняя, и возле нее висела точно такая же табличка.

Секретарши на Шубина не смотрели. Из кабинета долетали обрывки фраз, разговор шел на повышенных тонах.

— У меня детей из города увозят, — басил

начальственный голос. — Завтра они по Свердловску понесут.

— Ты же знаешь, Василий Григорьевич, — отвечал другой голос, тоже начальственный, но повыше. — Все это бабы сплетни. Кирилл, подтверди.

— Опасность сильно преувеличена, Василий Григорьевич. Мы непрерывно проводим замеры. Зараженность не увеличивается.

Третий голос был совсем не начальственный. Тенор.

— Кирилл специалист. Ему за это деньги платят.

— Кто платит? Кто платит? — рычал Василий Григорьевич. — Ты знаешь, что они митинг назначили на завтра?

— А вот это надо пресекать, — сказал второй голос наставительно. — Ты же понимаешь, с какими это делается целями и кому это нужно?

Возникла пауза. Потом Василий Григорьевич сказал тоном ниже:

— Хоть вонь бы убрали. У меня сейчас из Москвы один будет...

— Откуда?

— Из Москвы.

— Я имею в виду — кто его прислал?

— Нет, не думай. По линии «Знания». Международник.

— Ну и что? Знаем мы этих международников.

— Вот я и говорю: нанюхается наших амбре, вернется, и в ЦК!

— Точно международник?

— Ну что ты заладил! Точно. Позавчера по телевизору выступал.

— Когда мне телевизор смотреть? Ты Кириенку предупредил?

— Милиция и без меня знает. Но я думаю... всегда лучше запретить, чем разгонять.

— Должны быть зачинщики. Надо обезглавить.

— А перестройка?

— Мы не шутить собрались.

— А я и не шучу. Мне еще тут работать. У тебя Москва есть — прикроет. А меня кто прикроет? Ты?

Была пауза. Потом невнятное бурчание отдалившихся от двери голосов. И снова, уже понятнее:

— Отправь их куда-нибудь. Это в наших общих интересах.

— Наши общие интересы — служение народу.

— Смотри как заговорил. Место бережешь?

— А мне еще до пенсии далеко. У тебя в списке Синявская... знакомая фамилия.

— Из пединститута.

— Давно на пенсию пора. А тот еврей, который на площади сидел, голодал? Помнишь, Кириенко его на пятнадцать суток?

— Борис Мелконян. Он в списке есть.

— Армянин?

— Может, и еврей.

Снова была пауза. Потом:

— Возьми свою цидулю. Не буду я связываться. Пускай митингуют.

— Ты свое место так не спасешь. Им только дай палец.

— Лучше бы об очистных побеспокоился. Вторую очередь пустил, а об очистных опять забыл.

— А что я могу? Я же пишу, звоню, а мне: давай план!

— Детей из города вывозят.

— Положение нормализуется. За ноябрь аварийных сбросов не было.

— Я могу утверждать, что принятые меры должны оказаться действенными, — произнес долго молчавший тенор.

— А у меня письмо доцента Бруни. Он меня предупреждает санитарной инспекции не верить, потому что вы в кармане у Гронского.

— Василий Григорьевич, ну кто этому Бруни верит?

В приемную быстро вошел Николайчик. В руке он мят мокрую шляпу.

— Вы здесь? Как хорошо! Меня задержали, — сказал он. — Вас еще не приняли?

Шубин не ответил. Ему жаль было, что Николайчик принес с собой шум, перекрывший голоса из кабинета.

— А что? Он занят? — Николайчик повесил шляпу

на вешалку, что стояла в углу приемной. И принялся стаскивать пальто. — У него кто-то есть?

— Гронский у него, с санинспекцией, — сказала секретарша недовольно. И Шубин понял, что она тоже слушала разговор из-за двери и ей тоже жаль, что Николайчик помешал.

— Тогда мы подождем, — сказал Николайчик, усаживаясь рядом с Шубиным. — Там проблемы важные.

Он чуть склонился к Шубину и понизил голос:

— В городе напряженная экологическая обстановка. Лично Василий Григорьевич в контакте с общественностью принимает энергичные меры. Я полагаю, что товарищ Гронский докладывает ситуацию на химзаводе. Подождем, хорошо? У нас еще есть время.

Секретарша громко хмыкнула, и Шубин понял, что этим она как бы обращается именно к нему, знающему истинное положение вещей и способному оценить лживость Николайчика. А вторая вдруг сказала:

— Могли бы, Федор Семенович, и внизу раздеться. Как все люди. У вас пальто все мокрое.

— Разумеется! — Николайчик вскочил, метнулся к вешалке, хотел было снять пальто, но замер. — Нет, — сказал он твердо. — В любую минуту нас пригласят. Я в следующий раз.

Дверь кабинета отворилась, и один за другим оттуда вышли три человека. Все трое были респектабельны, все в хороших импортных костюмах, белых сорочках и при галстуках. Подобных чиновников Шубин мог представить перенесенными в московский кабинет и ничем не нарушающими столичные церемонии. Первым вышел красавец, стройный, седовласый и розовощекий. Шубин наблюдал, как они прощаются, не обращая на него внимания. Значит, это и есть санинспекция. Мягкий, с брылями, улыбчивый будет директор химзавода Гронский, а налитой явным здоровьем, обладатель геометрически правильного пробора — Силантьев.

Силантьев, пожимая руку Гронскому, заканчивал фразу:

— У нас там воздух сказочный... тайга.

Тут он увидел поднявшегося Шубина и склонив-

шегося вперед Николайчика. Он чуть приподнял брови и кинул взгляд на большие настенные часы, словно счел приход визитеров преждевременным. Обращение к часам убедило Силантьева, что визитеры не поспешили, а он забыл о них за важными беседами, и, не выпуская руки Гронского, он шагнул к Шубину, подтягивая Гронского за собой.

— Простите, заговорились, — сказал он и властно вложил руку Гронского в ладонь Шубина. — Спасибо, что пришли, спасибо! К нам редко залетают птицы вашего полета.

Гронский крепко сжал руку Шубина и сразу отпустил, словно обжегся.

— Как же, — сказал он, — слышал. Вы позавчера по телевизору выступали?

— Вот именно, — обрадовался Силантьев и обратился к Гронскому: — Не останешься на лекцию? Товарищ Шубин согласился выступить перед аппаратом. Через полчаса.

— Ты же знаешь, — смущенно улыбнулся Гронский и стал похож на породистую собаку, — конец месяца. Я уж не помню, когда у меня выходной был.

— Ну хорошо, мы с тобой все обсудили, ты иди, трудись. Давай родине большую химию! А вы, товарищ Шубин, заходите в кабинет. Вера Осиповна, вы не будете так любезны угостить нас чайком? А то на улице мразь и холодина. Такой климат, что поделаешь? Рады бы перенести сюда сочинские пейзажи, но это дело отдаленного будущего. Заходите, и ты, Федор Семенович, заходи. Все в бегах и в заботах?

У безостановочного Силантьева был совсем другой голос, не тот, что звучал за дверью. На октаву выше, дробней, оживленней. Подталкивая Шубина в спину, он ввел его в кабинет, где стоял обязательный стол буквой «Т» для посетителей, а в стороне длинный, по десять стульев с каждой стороны, под зеленой скатертью — стол для заседаний. Над столом висел отрестушированный портрет М. С. Горбачева, а в шкафу, занимавшем всю стену, стояли тома собрания сочинений В. И. Ленина, а также размещались медали, скульптурки и выпелы.

Силантьев был демократичен, он усадил Шубина

за длинный стол, сам сел рядом, показал жестом Николайчику, где ему поместиться.

— Чай, — сказал он, — живительный напиток. Вы на западе и не знаете, как его пить надо.

В приоткрытую дверь было слышно, как звенит посудой Вера Осиповна.

— Пока еще индийский есть, — доверительно сообщил Силантьев. — Но с нового года закрываем распределитель, все товары ветеранам и в торговую сеть. Социальная справедливость. Если посетите нас в следующем году, буду угощать грузинским.

— Может, к тому времени индийского чая хватит на всех? — вставил Шубин.

— Любопытная мысль. А у вас там есть сведения? Надо расширять закупки. Наверное, вы обращали внимание, что нас, так сказать, командированных со стажем, всегда больше шокирует за рубежом не то, что у них шмотки на каждом шагу. Это привычно и нас не так уж касается. А вот продовольственное изобилие! Я недавно был в Кельне. Вы бывали в Кельне?

— Приходилось.

— Заглянул я там в чайный магазинчик, как раз напротив нашей гостиницы. По крайней мере сто сортов чаю, я не преувеличиваю. И дешево, черт их побери! Я, знаете, чуть ли не половину командировочных ухлопал — всем привез. Да что деньги беречь — все равно копейки дают.

Вера Осиповна принесла чай и печенье на тарелке.

— Спасибо, — сказал Силантьев. — Живем мы скромно. Если бы заглянули в наш обыкновенный магазин, увидели бы, что у нас даже масло по талонам. Стыдно, стыдно людям в глаза смотреть. Но пока у нас нет изобилия, мы компенсируем его справедливостью. Помните, Вера Осиповна, какой я в апреле чай привез из ФРГ?

— Замечательный чай, — вздохнула Вера Осиповна.

Силантьев обернулся к Николайчику, который грел пальцы о чашку.

— Надеюсь, ты разработал программу нашему гостю? Твой долг обеспечить максимальную аудиторию. Пусть люди встретятся, поговорят, послушают

очевидца. Мы обязаны вести пропаганду на самом высоком уровне.

Николайчик вытаскивал из верхнего кармана пиджака еще более измявшуюся бумажку и вознамерился ее зачитывать, но Силантьев отмахнулся:

— Верю, верю, знаю, пашешь, сил не жалеешь! Хорошие у нас местные кадры. Беречь надо, а мы не бережем. И платим недостаточно, и жилищная проблема находится в процессе решения.

— Василий Григорьевич, — сказал Николайчик, — вы обещали для нашего «москвича» резину выделить. Помните?

— Что? Какую резину?

— Когда академик приезжал. Мы здесь сидели.

— Ну и хитрец ты, Николайчик, ну и хитрец! Знаешь, когда подкатиться к начальству. Сделаем, завтра Нечкину позвони.

Чай был хороший, крепкий.

— Как устроились? — спросил Силантьев. — Гостиница у нас обычная, но чисто. Правда, чисто?

Шубин хотел было сказать о мыле и туалетной бумаге, но сдержался. Откуда Силантьеву взять эту проклятую туалетную бумагу?

— Чисто, — сказал Шубин. — Только вода у вас не очень...

— Что? Вода? Какая вода? — Силантьев будто выпустил на секунду из себя другого человека, с начальственным голосом, настороженного и готового к борьбе. И тут же спохватился, загнав внутрь. — У нас много проблем. Много. Вот Федор Семенович как старожил помнит, какая вода у нас была! А в речке — каждый камешек! На любую глубину. Я ведь сам местный, из Плутова, так мы мальчишками вот таких сомов вытаскивали... Прогресс. Губим мы природу, не жалеем. Любую газету откроешь — что видишь? Уничтожение природы. Вот сейчас был у меня Гронский, директор нашего химзавода. Детище второй пятилетки. Вроде бы он мой друг и соратник, а с другой стороны, у нас с ним происходят большие споры. На него министерство давит — план! Нужна стране химия? Отвечаю — нужна! Но не за счет здоровья людей. Моя позиция бесспорна.

— А позиция завода? — спросил Шубин.

— В целом конструктивная. Если будет у вас время, отвезем на очистные сооружения! В два с половиной миллиона обойдутся. Вернем воду нашей реке! Только не поддаваться панике и не прислушиваться к демагогам. Вы меня понимаете?

— Понимаю, — сказал Шубин.

— Мы от вас ничего не скрываем. Но и у меня к вам просьба, товарищ Шубин.

— Пожалуйста.

— У вас свежий взгляд. Объективный. Я вас по-товарищески прошу: если заметите или услышите что-нибудь интересное или, скажем, тревожное — пожалуйста ко мне! Я готов в любой момент дать разъяснения. Ночью разбудите — я ваш!

Силантьев поднялся.

— Пора идти, товарищи наши уже собрались, ждут с нетерпением человека, который здоровался с госпожой Тэтчер.

Силантьев первым шагнул по просторному коридору, как царь Петр вел сподвижников на строительство Петербурга. Ботинки у него были хорошо начищены. И подкованы. Уши прижаты, пробор уходил на затылок, и там волосы аккуратно и выверенно прикрывали начинающуюся лысинку.

На лестничной площадке курили две девицы. Они спрятали сигареты за спины. Силантьев сказал на ходу:

— Все в зал, все в зал!

Зал заседаний, некогда актовый зал гимназии, был полон. Двадцать рядов — быстро просчитал Шубин — по четырнадцать стульев. И все заняты. Девяносто процентов — женщины. Сколько же человек здесь трудится?

Некоторые начали подниматься, как перед уроком, другие принялись аплодировать. На сцене стояли три стула и микрофон. Силантьев энергичным жестом остановил аплодисменты и подошел к микрофону.

— Среди нас, — сказал он, — находится известный журналист-международник, корреспондент газеты «Известия» Юрий Сергеевич Шубин.

Последним словом он вызвал в зале аплодисменты, причем именно такой мощности, что их можно было остановить новым движением руки.

Подходя к микрофону, Шубин краем глаза увидел, как Силантьев усаживается на стул за его спиной, чтобы вместе с товарищами по работе прослушать увлекательный рассказ московского лектора, который не пожалел времени, оторвался от своих важных дел ради сотрудников городского аппарата.

Потом, уже в середине лекции, Шубин снова кинул взгляд назад, но там был лишь Николайчик — весь внимание. Стул Силантьева был пуст.

Слушали так себе, и чем дальше, тем громче становилось шуршание в зале. Шубин не был профессиональным лектором и на каком-то очередном повышении шума смешался, забыл, о чем надо говорить, и, совершенно очевидно, с силой провидца, заглянувшего в коллективную душу аудитории, понял, насколько безразличны аргентинские и бразильские проблемы и даже выборы президента в США для тех, кто сидел в зале, надеясь, что лектор уложится минут в сорок и можно будет уйти с работы пораньше. Но этот московский лектор — еще относительно молодой и внешне интересный, хоть и небольшого роста — все говорит и говорит и не соображает, да и как ему, сытому москвичу, сообразить, что еще надо бежать в прачечную, идти за ребенком в детский садик, а автобус набит и в магазине вечерняя очередь.

— А теперь я хотел бы, чтобы вы мне задали вопросы, — услышал Шубин собственный голос, что его удивило, потому что он настолько отвлекся, читая мысли слушательниц, что забыл о себе и не слышал конца лекции, видно, гладкого и ожидаемого, потому что никто в зале не заметил раздвоения лектора.

Последовала небольшая пауза, прежде чем Шубин мог позволить себе сказать:

— Раз вопросов сегодня нет, то я хотел бы поблагодарить вас за внимание...

И тут поднялся сурового вида ветеран с орденскими планками и начал прокашливаться. И по залу, мгновенно охваченному негодованием к человеку, остановившему благоприятное течение событий, прокатился свирепый гул, на что Николайчик, увидя, что наступил его час, вскочил и громко произнес:

— Товарищи! Лекция еще не закончена. Каждый получит возможность задать вопрос.

Словно и в самом деле шум возник от неумного желания чиновник засыпать Шубина вопросами.

— Нельзя ли уточнить и поподробнее, товарищ лектор, — прогудел ветеран, — взаимные позиции Англии и Аргентины касательно Фолклендских, или Мальвинских, островов.

Зал послушно примолк, а Шубин покорно и слишком подробно принялся объяснять людям, которым и во сне не приснятся Фолклендские острова, как они были аннексированы Великобританией.

Зал шурился, шептался и надеялся, что другого активиста не найдется. Но нашелся. Правда, в несколько ином облике.

Когда человек с планками начал прокашливаться, подготавливая новый вопрос, резко вскочила женщина из породы крикливых простоволосых любительниц правды-матки.

— Вы нам вместо Аргентины скажите, — выкрикнула она, — как в Москве обстановка с водой? Долго еще будем детей травить?

Зал сочувственно зашумел. Шубин не знал, что ответить, но ответил Николайчик.

— Я просил, — грозно сказал он, — задавать вопросы по сути дела, а не отвлекаться. И если вопросов по сути нет, то Юрий Сергеевич закончил лекцию.

В зале сразу стали вставать, потянулись к дверям, загалдели, и ни один человек не взглянул более на сцену.

Николайчик был огорчен.

— Не ожидал такого выпада в этих стенах. Но вы не расстраивайтесь. Вечером будет совсем иначе, люди за свои деньги придут.

— Я не сомневаюсь, — сказал Шубин.

Шубин попал в поток женщин, они расступались, одна сказала: «Спасибо, что приехали». Чья-то рука дотронулась до его пальцев. Шубин почувствовал, что ему передают сложенный лист бумаги. Хотел положить его в карман, но Николайчик заметил и спросил:

— Что это вам дали?

— Записку, — сказал Шубин.

— Можете отдать ее мне, — сказал Николайчик. — Вам она не нужна.

— Не беспокойтесь, — сказал Шубин. — Я собираю записки.

До вечерней лекции в ДК «Текстильщик» оставалось еще часа три. «Москвича» не было. Шубин сказал, что дойдет до гостиницы сам. Николайчик обрадовался — сказал, что жена ждет обедать, а его язве нужна диета. И они попрощались.

Возвратясь в гостиницу, Шубин попросил у горничной чаю, достал купленную утром булку и устроил себе скромный диетический обед. Потом вспомнил о записке и достал ее из кармана.

Там было написано:

«Как можно рассуждать о Мальвинских островах, когда у нас в городе такое тяжелое положение, некуда обратиться совершенно некуда. Скажите, чтобы к нам прислали корреспондента. Городу буквально угрожает опасность, она исходит от деятельности химзавода и биокомбината. В один прекрасный день они устроят у нас эпидемию, а пока они медленно убивают наших детей, но никто не обращает внимания».

Подписи не было.

Шубин оставил записку на столе. Городов, где плохой воздух и вонючая вода, немало. Все на свете относительно: ему, Шубину, хочется снова пожить в Швейцарии, а этим людям Москва кажется недостижимым раем.

Он подошел к окну. Темнело. По небу, озаренному розовым зимним закатом, тянулись горизонтальные полосы неестественного анилинового цвета.

В комнате было душно. Шубин, забыв о городских ароматах, приоткрыл окно. Потом захлопнул его.

Шубин решил вздремнуть.

Проснулся он от того, что в комнате стояла Эля.

— Что? — спросил Шубин, открывая глаза. — Пора?

— У вас лицо выразительное, — сказала Эля. — У меня брат художник, Гера, на кладбище работает, на плитах вырезает буквы и венки. Хотите, к нему поедem, он вас нарисует, лады?

Шубин рассмеялся. Он вскочил, стараясь сделать это легко и молодо. И сразу оказался рядом с Элей — номер был мал. Она подняла глаза и посмотрела на Шубина внимательно и серьезно. Руки сами притянули ее за плечи. Эля послушно сделала шаг вперед. Ее губы чуть разошлись, как бы ожидая поцелуя, и поцелуй получился долгим, как будто не первым, а тем десятым, сотым, от которого одно движение до близости. Рукам Шубина было неловко прижимать к себе скользкую кожу куртки.

Эля вдруг оттолкнула Шубина. И сказала, будто процитировала:

— Не время и не место.

Сам поцелуй не вызвал в ней удивления или сопротивления.

— Извини, — сказал Шубин.

— А чего извиняться. Я заводная. Если бы не кожан, вы бы почувствовали. Пошли, а то Федор Семеновича инфаркт хватит.

Она пошла к двери первой. Шубин натягивал «алюску» и смотрел на волосы Эли, очень густые, черные, прямые. Восточные волосы. А лицо русское.

— Волосы у тебя красивые, — сказал Шубин, выходя в коридор.

— Это раньше были красивые, — сказала Эля. — Я «химию» делала. А когда на машине стала работать, обрезала. И не жалко.

Дежурный с красной повязкой у двери поднялся, когда Шубин поравнялся с ним. Открыл дверь. Какое тупое, злое лицо, подумал Шубин.

— Он всегда так? — спросил Шубин.

— Ну что вы! Он в людях разбирается. Другого и не заметит.

— Или его предупредили?

— О чем предупредили?

— Что приехал ревизор, остановился в гостинице.

— Да какой вы ревизор?

— Вот и я говорю. А что, непохоже?

— Ревизоры разные бывают. Если вы ревизор, то секретный. Но вы даже не секретный.

— Почему?

— А потому что целоваться с шофершей не полезли

бы. Ревизоры свое место ценят. Если надо, им доставят какую следует. Без риска. С керамическими зубами.

Шубин улыбнулся.

Он сел рядом с Элей на переднее сиденье. Она долго заводила машину, мотор взрывался шумом и тут же замолкал.

— А еще ревизоры, даже секретные, не садятся рядом с водителем, — сказала она поучительно. — Люди на мелочах попадают.

— Как шпионы, — сказал Шубин.

Он смотрел на ее профиль, который ему очень нравился. Он был четкий и логичный.

— Не смотрите, — сказала Эля. — А то никогда не заведу.

Машина все же завелась и, разбрызгивая снежную жижу по асфальту, развернулась к центру.

— Расскажи мне про общество защиты природы.

— Про «зеленых»?

— Они себя так зовут?

— Нет, это их так зовут. У нас в городе сейчас обществ посоздавалось — не представляете... Я даже не все знаю и разницу не понимаю. Есть «Память», потом «Мемориал», эти хотят памятник жертвам сталинских репрессий ставить, потом «Отечество» и еще «Родина». Ну, конечно, «Зеленые», а в пединституте — политический клуб. Смешно, правда?

— Это везде происходит, — сказал Шубин.

— У вас это, может, и серьезно, а у нас их всерьез никто не принимает. Все равно власть не у них.

— А ты сама принадлежишь к какому-нибудь обществу?

— Вы с ума сошли! Мне работать надо. Митьку кормить.

— Кого?

— У меня сын есть, в садик ходит.

— Вот не думал...

— Мне уже двадцать пять, вы что думали? Девочка?

— А муж? — Шубину стало неловко — командировочный козел! Мужчина в сорок лет...

— Не беспокойтесь... — улыбнулась Эля. — Нет у меня мужа. В Томске мой муж строит новую семью.

Выгнали мы его с Митькой. Так что я женщина свободная, люблю кого хочу.

Эта бравада была Шубину неприятна.

— Мне бы от получки до получки прокрутиться, не до фарфоровых зубов. Я у Федора Семеновича как личный лакей — туда, сюда, подай, привези. На себя некогда пахать. Вот и крутимся на полторы сотни в месяц.

— А он помогает ребенку?

— Он бы себе помог.

«Москвич» резко затормозил у подъезда безликого желтокирпичного клуба. Машину занесло по грязи. Эля матюкнулась сквозь зубы. Может быть, нечаянно, а может, специально для Шубина.

— Идите, — сказала она. — Вас в дверях встретят.

Она осталась в машине и не смотрела на Шубина, будто была обижена.

Шубин поднялся по лестнице. Суетливая женщина в школьном платье с белым кружевным воротничком ждала его у вешалки.

— Вам не здесь раздеваться, — сказала она. — Вам, Юрий Сергеевич, в кабинет директора.

Сейчас скажет, подумал Шубин, что видела меня позавчера по телевизору.

Но обошлось. Они прошли через буфет, где стояла длинная очередь. Шубину было ясно, что этим людям никак не управиться до начала лекции. Они будут входить и стучать стульями во время нес.

В кабинете директора было натоплено, на столе стоял чай и домашние пирожки, которые, как выяснилось, испекла женщина в школьном платье. Николайчик уже восседал за столом и жевал бутерброд с ветчиной.

— Подкрепитесь, — сказал он наставительно.

— Уже надо идти.

— Подождут.

Шубин хотел было возразить, но тут понял, что страшно голоден и совершенно неизвестно, когда удастся поесть в следующий раз. Пригласили, водят по кабинетам, а чтобы покормить — это в голову не приходит.

Он уселся за стол и стал жевать бутерброд. В

кабинет заглядывали какие-то люди, будто узнали, что привезли редкое животное. Скорей бы домой. Вода в жидком чае противно пахла. Шубину показалось, что этот запах будет теперь преследовать его везде.

— Вода у нас, можно сказать, целебная, — сказал Николайчик. — Я смотрел сводку: по химическому составу она содержит многие полезные микроэлементы. Правда, приходится жертвовать вкусовыми данными.

— Лучше бы без микроэлементов, — сказал Шубин, и Николайчик послушно засмеялся.

Зал был почти полон, и это немного примирило Шубина с жизнью. Он сел за столик рядом с Николайчиком, который принялся по бумажке зачитывать краткую биографию гостя. Звучало солидно. Шубин хотел найти в зале Элю, но свет в зале был притушен, только первые ряды на свету. Если она пришла, она где-то у выхода. Нет, сказал себе Шубин, она сейчас пользуется возможностью подработать. Ловит клиентов на вокзале.

Шубин старался говорить интересно, ему надо было почувствовать зал. Важно почувствовать, что тебя слушают. Зал был благожелательный. Люди купили билеты, то есть сознательно отдали ему вечер, и Шубин честно хотел отработать полтинник, который каждый из них заплатил.

Слушали хорошо, потом были вопросы. Так как зал был велик, вопросы передавали в записках из ряда в ряд, а потом мальчик, сидевший в первом ряду, бежал к сцене, поднимался на цыпочки и клал их в картонную коробку, что стояла на краю сцены. Николайчик поднимался, шел к коробке, вытаскивал очередную партию записок, нес к столику и, прежде чем отдать Шубину, прочитывал их, раскладывая их на две стопки. Та, что поближе к Шубину, предназначалась для ответов, а та, что оставалась под рукой у Николайчика, предназначалась черт знает для чего.

Шубин отвечал, поглядывая на все растущую стопку под рукой Николайчика, и его подмывало вытащить записки у организатора. Ему было неприятно, что кто-то решает за него.

Когда Николайчик в очередной раз отошел, Шубин протянул руку к забракованным запискам и спросил в микрофон:

— А на эти отвечать можно?

В зале засмеялись. Потом раздались аплодисменты.

Николайчик вернулся к столу и сказал не в микрофон:

— Это все повторения. Те же вопросы. Я не хотел ваше время отнимать.

Шубин не поверил ему и потянул записки к себе. Николайчик сдался, но добавил при этом:

— Но есть такие, которые к вам не относятся.

— А вот это мы сейчас и посмотрим, — сказал Шубин в микрофон.

— Читайте, читайте! — кто-то крикнул из зала.

Шубинным владело сладкое мстительное чувство презрения сильного к провинциальному бюрократу, который посмел поднять руку на его свободу.

Он раскрыл верхнюю записку и прочел ее вслух:

— «Вы женаты?»

Зал после короткой паузы расхохотался. Даже Николайчик смеялся удовлетворенно. Шубин сказал:

— Это к делу не относится. — Ответ был неудачен, и зал продолжал смеяться.

Шубин достал другую записку:

— «Как решается проблема с нитратами в овощах в других странах?»

Шубин начал отвечать, и зал слушал зачарованно, так как это всех интересовало. Шубин поглядывал на Николайчика, который нервно зевал. Ему очень хотелось кончить эту лекцию, но Шубин в союзе с залом продолжал его злить.

Следующая записка:

— «Какие меры принимаются в Японии или Америке по отношению к заводам, травящим население? А то у нас химзавод и биокombинат травят нас, как мышей. А разве мы полевые вредители?»

— Это провокационный вопрос и не имеет отношения к международной обстановке, — сказал Николайчик, и зал зашумел.

— Ничего, — сказал Шубин. — Я отвечу. Как я понимаю, эта проблема остро стоит в вашем городе.

— Еще как! — крикнули из третьего ряда. Шубин поглядел в ту сторону и увидел сидевших рядом бородатого Бориса и очкастую Наташу из книжного магазина.

— Помимо государственных органов, которые обязаны следить за окружающей средой и которые независимы от местных властей, в европейских странах существуют сильные общественные организации, которые могут влиять на производителей. Губить природу предприятиям там стало экономически невыгодно. Слишком дорого это обходится.

— А у нас он платит из государственного кармана! — крикнул Борис, поднимаясь, словно в римском сенате, и указуя перстом на неизвестного Шубину человека в черном костюме, который сидел в первом ряду.

— Спокойно! — кричал в микрофон Николайчик. — Спокойно, товарищи! Мы не на базаре!

Человек в черном костюме поднялся и пошел к выходу.

Борис с Наташей из книжного магазина ждали Шубина у выхода. Шубин знал, что они будут его ждать. После ухода человека в черном костюме, оказавшегося «товарищем Николаевым», ввергнувшего Николайчика в глубокое прискорбие, вечер быстро закрутился, так как Николайчик пошел на предательский шаг, сразу выбивший почву из-под ног общественности. Он встал и громко напомнил собравшимся, что после лекции намечен британский кинофильм, а механик не может ждать до полуночи. Шубину бы обидеться, но стало смешно, и к тому же он уже понял, что Борис с Наташей будут его ждать. Еще несколько минут назад он и не помнил об их существовании, да и не трогали его их заботы. Не потому, что Шубин был особо бездушен. Он был равнодушен в меру, фаталистически полагая, что химзавод и дальше будет травить воздух, пока не прорвется этот город со своими бедами на телевидение или в центральную газету, тогда придет какая-нибудь комиссия и фильтры в конце концов поставят.

— Значит, так, — сказал Николайчик, когда они

вышли за кулисы. — В будущем нам с вами придется быть несколько осторожнее.

Он уже овладел собой и старался быть дипломатичным.

— Я не совсем понимаю, — сказал Шубин. — Мне кажется, что встреча прошла интересно.

— Юрий Сергеевич! — сказал Николайчик. — Вы приехали, вы уехали. Нам здесь оставаться. Обстановка напряженная, есть провокационные элементы, которые совершенно не думают о реальных интересах города. Легко быть крикуном. Сложнее — созидателем.

— Вы серьезно?

— Я не сторонник демагогии, — сказал Николайчик твердо. — И не нам с вами решать, как помочь моему родному городу. Есть более решительные силы. А этим силам ставят палки в колеса. Неужели вы думаете, что Василий Григорьевич не принимает близко к сердцу то, что происходит?

— Значит, митинга завтра не будет? — спросил Шубин.

Они зашли одеться в кабинет директора, где к ним кинулась женщина в школьном платье и принялась благодарить Шубина за замечательную лекцию. Она пошла их провожать, но Шубин и Николайчик быстро двинулись вперед, и женщина не посмела держаться рядом.

— Что вы знаете о митинге? — спросил Николайчик.

— Все о нем говорят.

— Вот это лишнее. Все не говорят. Вы получили эту информацию со стороны. И даже интересно, откуда.

— Так будет или не будет?

— Я не милиция, — сказал Николайчик. — Но хотите знать мое личное мнение?

— Я его знаю.

— Да?

— Вы бы на месте Силантьева обязательно запретили этот митинг, который не отвечает высоким интересам города и нашего социалистического государства в целом.

— Примерно так, — согласился Николайчик. — А вы со мной не согласны?

— Категорически.

— Интересно, это ваше личное мнение?

— Нет, — ответил Шубин. — Я его согласовал в Москве.

Николайчик проглотил слюну. За спиной тихо ахнула женщина в школьном платье. Они уже вышли в вестибюль. Шубин увидел открытую дверь в буфет. Там все так же стояла длинная очередь.

Николайчик резко обернулся к женщине в школьном платье.

— Простите, я забыл позвонить в клуб химзавода о завтрашнем выступлении. Где телефон?

— Я вас провожу.

— Юрий Сергеевич, — сказал Николайчик официальным голосом, — если вы согласитесь подождать три минуты, буквально три минуты, я вас завезу в гостиницу.

— Не беспокойтесь, звоните спокойно, — сказал Шубин. — Ведь не исключено, что завтра клуб химзавода закроется на ремонт.

— Как так?

— И моя лекция будет отменена по техническим причинам. Так бывает.

— Я бы этого не хотел.

— До свидания. Я пойду пешком.

Николайчик засуетился. Он разрывался между долгом отвезти Шубина домой и чувством долга, велевшим доложить кому следует о странной фразе московского журналиста.

Шубин пошел к двери, но Николайчик догнал его.

— Я хотел сегодня пригласить вас к себе, — сказал он, — но моя жена прихворнула. Если позволите, давайте перенесем нашу встречу на завтра. Жена мечтает с вами познакомиться.

— Разумеется, — сказал Шубин. — Я буду счастлив.

Борис и Наташа ждали его у выхода. С ними еще два человека.

— Мы хотели бы с вами поговорить, — сказала Наташа. — Вы извините, если вы устали.

— Одну минуту, — сказал Шубин.

Эля стояла возле машины. Шубин подошел к ней.

— Я пойду до гостиницы пешком, — сказал он.

— Я была в зале, — сказала Эля. — Вы интересно выступали. А где Федор Семенович?

— Я ему сказал, что у меня особое задание. Из Москвы.

— Он звонить побежал? — спросила Эля.

— Ты его хорошо знаешь?

— Как же не знать! Третий год с ним работаю. Только вы на него не сердитесь. Он от них зависит.

— Я ни на кого не сержусь. У тебя телефон дома есть?

— Нет. А зачем?

— Я думал позвонить тебе вечером. Попозже.

— Позже некуда. Девятый час.

— Ну тогда до завтра.

— Вы с ними гулять пойдете?

— До гостиницы.

— Тогда идите скорей. А то Федор Семенович сейчас выскочит, увидит вас в такой компании — испугается.

— За меня?

— За себя. Чего ему за вас пугаться? Вы сами за себя пугайтесь.

— Спасибо за предупреждение.

— Долго не гуляйте, — сказала Эля. — У нас беспокойно. На «химии» зэки расконвоированные работают. А у вас куртка импортная.

Шубин поспешил к четверем темным фигурам, стоявшим возле выхода.

— Пошли?

Борис был без шапки — его космы и не уместились бы под шапку. Два других человека представились ему. Один был пожилой, с бородкой клинышком. Такие бородки давно не в моде — они неизбежно вызывают представление о владельце как о человеке с оппортунистическими взглядами. В революционных фильмах владельцы таких бородок предают дело рабочего класса. Бородку звали Николаем Николаевичем Бруни. Второй, молодой, в ватнике и железнодорожной фуражке, буркнул что-то, протягивая Шубину жесткую ладонь. Шубин не разобрал имени.

Они спустились к пустому скверу.

— Мы хотим вам нашу реку показать, — сказала Наташа.

— Только давайте договоримся с самого начала, чтобы не было никаких неожиданностей, — сказал Шубин. — Я не агент Москвы, не тайный ревизор. Это все недоразумение.

— А мы и не думали, — сказал Борис. — Это те, кто боится, они легко верят всякой чепухе. Вы типичный благоустроенный международник. Наверно, «вольво» привезли?

— У меня «жигули», — сказал Шубин без обиды.

— Боря, не цепляйся к человеку, — сказала Наташа.

Начало подмораживать, было скользко. Они миновали сквер, уставленный мокрыми черными стволами. Две или три лампочки на столбах горели, остальные перегорели или были разбиты. По краю сквера вилась тропинка, от которой шел скат к неширокой речке. От нее плохо пахло.

За речкой тянулись темные склады. Дальше торчали усеянные светящимися квадратиками жилые башни, а за ними несколько труб, изрыгавших в беспокойное небо светлые клубы дыма.

— Это не вода, — сказал Бруни. — Это жидкость замедленного действия.

Вода в реке была черной, но странно отражала огни домов и завода на том берегу — они мерцали в воде, потому что по ее поверхности плыли обрывки желтоватого, почти прозрачного тумана.

— Это еще что такое? — спросила Наташа, и все ее сразу поняли.

— Я постараюсь прийти сюда завтра, — сказал Бруни, — чтобы разобраться.

— И пахнет иначе, — сказал Борис. — Еще гаже, чем всегда.

— Это у тебя нос слишком большой, — сказал парень в ватнике.

— В самом деле пахнет иначе, — подтвердил Шубин. — Я тут человек новый, еще не привык.

Запах был тревожным и удушающе мертвым. Даже

нельзя было сказать, насколько он неприятен, потому что ноздри отказывались пропускать его в легкие.

— Наша беда в том, — сказал Бруни, — что инспекция и химики отказываются изучать сбросы в сумме воздействия, во взаимной активности. Сброс может быть умеренно гадким сам по себе и убийственным в соединении с каким-то вполне нейтральным веществом.

— Пошли отсюда, — сказала Наташа и закашлялась.

Когда они вернулись в сквер и дышать стало легче, Шубин спросил:

— Но почему вы не пишете, не скандалите?

— Завтра будем снова скандалить. А нас разгонят, — сказал парень в ватнике. — Я уже отсидел пятнадцать суток.

— За что?

— Они узнали, что я у брата на свадьбе был. На обратном пути подстерегли. Пьянство и хулиганство.

— Я уверен, что наши письма и обращения доходят, — сказал Бруни. — Но потом, как у нас положено, их отправляют снова на круги своя — в обком, к нам в город, на завод. И получаем отработанные тексты. У нас выработалась замечательная система медленного нереагирования.

Они отвели Шубина в маленькое, жаркое, набитое народом кафе. В углу гремел телевизор, показывая видеофильм про Микки Мауса. Парень в ватнике сумел вытеснить с одного из столиков девчушек с дикими прическами. Наташа с Борисом принесли жидкий, но горячий кофе.

— Кофе приходится класть втрое больше, — сказал Бруни, — чтобы отбить у воды этот вкус.

— Я его убью, — сказал Борис.

— Кого?

— Главврача городской больницы. Он выступил со статьей, где доказал, что сочетание микроэлементов в нашей воде полезно для здоровья.

— Я уже слышал об этом, — сказал Шубин.

— От Николайчика? — спросила Наташа.

— Здесь все друг друга знают?

— Нет, далеко не все, но есть ряд известных фигур, — сказала Наташа. — Например, Боря.

И Шубин уловил в ее голосе нежность. Неужели можно испытывать нежность к этому чудовищу?

— Наш город численно разросся, — сказал Бруни. — В нем более ста пятидесяти тысяч человек. Но это в основном жители заводских районов — стандартных кварталов. Вы их видели, когда с аэродрома ехали. И шанхайчиков, где обитают бичи, бомжи и прочая подобная публика.

— А еще зона, — сказал Борис.

— К сожалению, на заводах мало интеллигенции, — сказал Бруни. — Большей частью это люди случайные. Они не укореняются здесь. Да и не хотят. Город невыгодный. Коэффициентов нет, климат паршивый, вонь, скучно, холодно. Стараются уехать.

— Нет, ты неправ, есть хорошие ребята. На биокOMBинате политический клуб организовали, — сказала Наташа.

Шубина начало клонить в сон. Тепло, душно, перед глазами прыгает Микки Маус. Обычные милые, несчастные люди, которые хотят что-то сделать, но сделать не могут. А завтра их разгонит милиция. И поделом, не вставай на пути сильных мира сего...

В самом деле Шубин так не думал. Он как бы проигрывал чужую, не свою роль, за неимением своей... Он уедет, а они останутся.

— А что, становится хуже? — спросил Шубин, потому что от него ждали вопроса.

— Разумеется. Все процессы такого рода необратимы. Если их не пресечь, они дадут лавинообразный эффект, — сказал Бруни.

— Николай Николаевич работает в пединституте, — сказала Наташа. — Он биолог.

— Вы читали про Черновцы? — спросил Бруни. — У нас тоже были случаи выпадения волос. Родители напуганы.

— И что же?

— Наши медики считают, что таких случаев нет. Все в пределах нормы.

— Еще кофе будете? — спросила Наташа.

— Нет, спасибо, — ответил Шубин. Он вспомнил,

что в чемодане у него початая банка бразильского кофе. Вернется — выпьет.

— Положение ухудшается, — сказал Бруни. У него была манера осторожно пощипывать себя за концы бородки, будто пробуя ее на крепость. — Первый фактор, — продолжал Бруни, — введение в строй третьей очереди на биокOMBинате. Они так спешили, что добились отсрочки ввода очистных сооружений до весны. А существующая система не справляется.

Бруни говорил ровно, тихо. Шубин подумал, что на его лекциях все спят. Особенно если это первая лекция, за окном еще полутемно, в аудитории уютно и тепло. И все спят.

— Второй и важнейший фактор — стоки комбината и стоки химзавода перемешиваются в бывшем озере...

— Именно в бывшем. Лет десять назад в нем еще купались, — сказала Наташа. — Знаете, как оно называется? Прозрачное. Честное слово, это как издевательство.

Бруни терпеливо дождался, пока Наташа замолчит, и продолжал:

— Вряд ли вам, как неспециалисту, что-либо даст перечисление тех компонентов, которые, вступая между собой в возможную реакцию, дают кумулятивный эффект. Достаточно знать химию в объеме вуза, чтобы понять, насколько это может быть опасно. Представьте себе...

Бруни начал пальцем рисовать на столе направление стоков к озеру и называть химические соединения, которые определенным образом реагируют друг с другом. А Шубин представил себе, что он сидит на той самой утренней лекции, а Бруни стоит где-то далеко, на трибуне, и голос его долетает издалека. Все тише, тише...

Только бы никто из них не догадался, что он засыпает. К счастью, все слушали Бруни и не глядели на Шубина.

— Это может случиться сегодня, завтра, через неделю. Но случится обязательно, — закончил лекцию Бруни.

— Но если вы считаете, что положение такое

опасное, — сказал Шубин, просыпаясь, — почему вы не послали телеграмму, письмо...

— Есть указание не выпускать порочащую информацию из города, — сказал Борис.

— Передайте письмо с проводником поезда.

— Письмо без убежденного человека — полдела.

— Так поезжайте в Москву.

— Нас никто слушать не будет.

— А кого будут?

— Вас, Юрий Сергеевич! — воскликнула Наташа.

— Но почему же?

— Вы известный журналист! У вас друзья в газетах, на телевидении! Вы обязаны нам помочь!

Шубину не хотелось спорить. В полутьме эти люди казались группой не совсем нормальных заговорщиков, которые обсуждают с приезжим эмиссаром взрыв городской думы. Чепуха какая-то...

— У вас получается, что городом правят изуверы, — сказал Шубин.

— Ни в коем случае, — возразила Наташа. — Они поставлены в такое положение обстоятельствами.

— Гронскому нужен план, — сказал парень в ватнике.

— Его в Москву зовут, главк дают в Москве. Ему надо уехать победителем, — добавил Борис.

Шубин кивнул. Возможно.

— У Силантьева шестидесятилетие, — сказала Наташа. — Он хочет получить орден.

— У других тоже всякие соображения, — сказал парень в ватнике. — Николаев с биокOMBината, которого Боря на вашей лекции обидел, хочет спокойно жить.

Правдоподобно, конечно, все это бывает — и ордена, и перевод в Москву. Но мои друзья склонны к преувеличениям, думал Шубин. У нас в стране нет пока общественных движений или даже клубов по интересам. Все немедленно приобретает элемент религиозной секты. Секта сыроедов, секта водопитов, секта любителей собирать малину. Вокруг меня очередная маленькая секта. Они объединены противостоянием «машине», по-своему отлаженной и сплоченной. Чем острее противостояние, тем слаще терзаться му-

ченичеством. Конечно же, это ранние христианские мученики! И если завтра их выкинут на съедение дружинникам, они пойдут на смерть с определенной гордостью.

— Не думайте, что мы преувеличиваем, — сказал Бруни.

— Я не думаю.

— По глазам видно, что думаете. Мы имеем дело не со злым умыслом, даже не с аппаратно-промышленным заговором, а с сетью побуждений, поступков и интересов, которые в сумме угрожают нашему городу.

— Притом они сейчас страшно нервничают, — сказала Наташа. — Завтра должен состояться наш митинг. Придут люди. Надо разгонять.

— И тут приезжаете вы, — добавил парень в ватнике.

— Я совершенно ни при чем, — сказал Шубин.

— Мало ли что? У всех перепутанных людей развито воображение, — сказал Бруни. — А вдруг до Москвы что-то дошло? А вдруг вы получили тайное задание проверить, как здесь пахнет воздух? Черт вас знает!

— Спасибо. Но они ошиблись.

— Мы тоже думаем, что они ошиблись, — согласился Бруни, дергая бородку за хвостик.

— С первого взгляда видно, что перед тобой благополучный международник с телевизора, — сказал Борис.

— Что вам далось мое благополучие?

— Бедных всегда раздражает богатство, — пояснил Борис. — Из-за этого было столько революций!

— А я думал, что не я ваш главный враг.

— А я думаю, — повторил Борис начало шубинской фразы, — что живи вы здесь, то были бы с ними. Вообще вы очень похожи на редактора нашей газеты.

— Мне уйти? — спросил Шубин.

Ему и в самом деле хотелось уйти.

— Не надо всерьез обижаться на Борю, — сказал Бруни. — Его несдержанность — его беда. В побуждениях он чист.

— В самом деле пора, — сказал Шубин.

Он встал. Остальные покорно поднялись, и в их молчании были укор и разочарование. Шубину стало неловко.

— Значит, вы хотите, чтобы я завтра пришел на митинг? — спросил он.

— Нет, это не главное, — обрадовалась Наташа. — Главное — чтобы вы взяли письмо в Москву и отдали его честному журналисту.

Они проталкивались к выходу. Кафе было полно. Вокруг толпились подростки, одетые и причесанные с провинциальной потугой на телевизионную рок-моду. Все были заняты друг другом.

— А им и дела нет, — сказал вдруг парень в ватнике, словно угадав мысли Шубина.

Они остановились перед выходом из кафе. Неоновая надпись бросала красные блики на лица заговорщиков.

— Мы вас проводим до гостиницы, — предложил Бруни.

— Далеко?

— Нет, три квартала.

Они повернули направо. Шубин понимал, что одного его не отпустят. Ну что ж, потерпим их общество еще пять минут.

— Мы с вами расстанемся на углу, — сказал Бруни. — Может быть, за вами наблюдают. Вы возьмете письмо?

— Возьму.

— Его передаст вам Наташа, если вы зайдете в книжный магазин.

— Зачем такая конспирация? — улыбнулся Шубин.

— Вы не знаете, наверное, — сказал Бруни, — на что способны испуганные люди, облеченные властью.

— На что же?

— Вас могут скомпрометировать. Это лучший способ избавиться от опасного свидетеля.

— Меня трудно скомпрометировать.

— Трудно? — ухмыльнулся парень в ватнике. — Вот, видишь, ребята идут? Устроят драку. Попадем в милицию, а потом доказывай, что ты не верблюд. Даже фельетон сообразят: «Общественники-хулиганы».

Шубина вдруг кольнул страх. Бывает — ничего не

случилось, ничего и не должно случиться, а в сердце неожиданный сбой. Осознание того, что ты очень далеко от дома, где твои права кто-то охраняет и можно в крайнем случае кому-то позвонить... А здесь свой мир, и им правят не эти ничтожные, хоть и отважные заговорщики, а уверенный в себе Силантьев и послушный ему Николайчик.

И Шубин стал присматриваться к двум ребятам, что, видно, шли к кафе и дела им не было до кучки людей, двигавшихся навстречу. Они были в подпитии и чуть покачивались. Поравнявшись с ними, Шубин невольно шагнул в сторону, чтобы не задеть ближнего к нему парня. Парни прошли мимо, ничего не случилось, но гадкое чувство близкого страха осталось.

И тут Шубин услышал сзади голос:

— Сколько времени?

Шедший там, за спиной, Бруни ответил:

— Четверть десятого.

Шубин продолжал идти вперед, не оглядываясь, и следующие слова донеслись издали:

— Ты не уходи, папаша, не спеши. Закурить найдется?

— Я не курю, — сказал Бруни.

— Он не курит? — послышался удивленный голос второго парня.

— Отстаньте! — Это голос Наташи.

Тогда Шубин обернулся.

Один из ребят тащил за рукав Наташу, второй отталкивал Бруни.

Борис кинулся назад, а парень в ватнике остановил Шубина, который тоже рванулся было на помощь.

Теперь страха не было. По крайней мере их трое мужчин, даже если не считать Бруни и Наташу.

Второй пьяный отпустил Бруни и встретил Бориса ударом в лицо, которого тот не ожидал. Шубин видел, как голова Бориса дернулась, как он пошатнулся и протянул руку к стене дома, стараясь удержаться на ногах.

— Да погоди ты! — рывкнул Шубин, вырываясь из рук парня в ватнике и кидаясь на того, кто ударил Бориса.

Он ударил его, но удар пришелся в плечо куртки

и скользнул, а пьяный отклонился в сторону и успел бы ударить Шубина, но тут его перехватил парень в ватнике. Они сцепились и превратились в одного темного, толстого, качающегося и рычащего человека, а тот, что держал Наташу, отшвырнул ее в сторону. Наташа упала, и Шубин увидел в его руке нож. Может, даже не увидел — было почти совсем темно, но почувствовал, что у него в руке нож.

— Осторожнее! — крикнул Шубин. — Нож!

Где-то на периферии зрения Шубина замелькало синим, но он не мог обернуться — он смотрел на руку, в которой был нож.

Взвизгнула сирена.

— Милиция! — закричала Наташа.

Шубин видел, как она поднимается с мокрого снега, скользит и тянется на мостовую, поднимая руку, призывая на помощь.

И в этот момент неподвижности парень в ватнике крикнул в самое ухо Шубина:

— Бегите! Там двор! Бегите!

Сирена приближалась. Один из пьяных, тот, что с ножом, начал отступать, но отступал он не спеша — один шаг, другой. И тут Шубин увидел, что он кинул нож. Тот рыбкой блеснул под далеким фонарем и упал у ног Бориса.

Парень в ватнике резко рванул Шубина к стене дома. Шубин упирался, но молчал. Парень был сильнее.

Шубин не понял, как получилось, что он уже стоял под аркой, где было совсем темно. И парень в ватнике быстро шептал:

— Поверни направо и выйдешь к гостинице. И прямо в свой номер.

— Но мы ничего не делали.

— Беги, идиот! — прошипел парень в ватнике. — Разве не понимаешь: московский журналист участвует в пьяной драке...

Визжали тормоза. Засвистел милицейский свисток.

— Беги же!

И Шубин послушался. Он побежал по белому снегу между корявых кустов. Ударился о ствол дерева. Остановился, чтобы понять, куда бежать дальше, и

взгляд его метнулся назад, к арке, подобной черной овальной раме для картины: в ней маленькая фигура парня в ватнике отбивалась от милиционера, не пуская его во двор.

И тогда до Шубина дошло, что это все охота, охота за ним, чистым, законопослушным, недавно вернувшимся из Аргентины корреспондентом газеты «Известия».

И он побежал прочь от арки.

Оказавшись шагов через сто в узком переулке, Шубин перешел на шаг, чтобы выглядеть человеком, который от нечего делать планирует по улицам города, потому что он знал, что именно таким образом обманывают погоню киногерои. Сзади послышались голоса — невнятные, но угрожающие. Улица была пуста, и спрятаться было негде. Напротив стоял одноэтажный дом за высоким деревянным забором. В заборе была дверь. Шубин скользнул внутрь и, прикрыв дверь, прижался к ней всем телом, глядя наружу через узкую щель между досок.

Из двора, который он только что миновал, выбежали два милиционера.

Они бежали тяжело, скользили, шинели путались в ногах. В переулке милиционеры остановились, стали смотреть — сначала направо, потом налево.

Сейчас они посмотрят на забор и догадаются, понял Шубин. Он начал осторожно продвигаться в сторону от двери.

Сзади хлопнула дверь дома. Яркий прямоугольник света упал на снег и достиг ног Шубина. Шубин обернулся. На крыльце черным силуэтом на фоне желтого света стояла женщина. Она прикрывала глаза ладонью, вглядываясь в темноту.

— Это кто там? — спросила она.

А милиционеры слышат, понял Шубин. Они все слышат.

Он чуть было не сказал женщине: «Тише».

Но сдержался. Он неподвижно стоял животом к забору, повернув голову так, чтобы видеть дверь. На улице было тихо. Возможно, милиционеры подкрадываются к калитке.

Вдруг стало темно. Хлопнула дверь. То ли женщине

стало холодно, то ли она решила, что шум ей померещился.

Шубин понял, что жутко вспотел. Пот катился по спине и животу. И лоб мокрый. Он провел рукой по лбу и понял, что потерял кепку, отличную английскую кепку. И где — не помнит.

Шубин расстроился. И сам удивился тому, что в такой момент может расстраиваться из-за кепки.

Он снова выглянул в щель. Улица была пуста.

Но это могло быть хитростью милиционеров. Он решил подождать. Он сосчитал до ста, потом принялся считать снова. Сначала до ста, потом до пятисот. К третьей сотне он страшно замерз.

Ну и черт с вами, сказал он себе с ожесточением, будто стараясь рассердиться. Он широким жестом распахнул калитку и вышел, мысленно воображая разговор с милиционерами, что выскочат сейчас из-за угла большого дома. «Да я гулял, я ничего не видел, а во двор зашел облегчиться. Простите, у меня слабый мочевого пузырь, а в вашем городе нет общественных туалетов».

Не прерывая этого внутреннего монолога, Шубин вышел на улицу и, мысленно представив план города, направился направо, в сторону вокзала.

Почему-то лицо мерзло. Он снова провел по нему рукой, полагая, что это пот, но пальцам было липко. Бровь над правым глазом была рассечена. Шубин не мог вспомнить, когда это случилось, — вроде бы его никто не бил... Он нагнулся, набрал пригоршню снега и приложил снежок к брови.

Шубин долго шел по плохо освещенным переулкам, почти никого не встречая. Город ложился рано, закрывался в своих ячейках у телевизоров.

Затем неожиданно, с непривычной стороны, Шубин вышел на вокзальную площадь и увидел гостиницу сбоку, отчего не сразу узнал ее.

Он снова оказался в другом городе — шумном, громяющем поездами, шуршащем автобусами и машинами, что подъезжали к вокзалу, перекликающемся голосами. Видно, пришел поезд — на остановках и у стоянки такси толпились люди.

Встретив удивленные взгляды респектабельной па-

рочки, которая почему-то вышла на вокзальную площадь гулять с пуделем, он вспомнил, что все еще держит у брови снежок. Он отбросил его. Под фонарем было светло — снежок стал розовым.

Шум площади и ее обыденность отрезали кинематографический кошмар драки и бегства, и ему не хотелось думать, что все это было. Ничего не было — даже разговоров в кафе и у вонючей речки. Но как назло от вокзала волной пошел тяжелый ядовитый запах, от которого хотелось зажать нос и спрятаться за дверь, что Шубин и поспешил сделать, повернув к гостинице, кораблем плывшей над площадью. Почти все окна в ней светились нерушимостью цивилизации и горячего чая у дежурной по этажу.

Молодой человек с красной повязкой и такой предупредительный днем встал и претрадил дорогу Шубину. Тот долго копался по карманам, разыскивая пропуск в гостиницу. Подвыпившие модно одетые юноши оттолкнули его и принялись совать молодому человеку деньги, склоняясь близко и заговорщически пришептывая.

Шубина совсем оттеснили, и он вдруг испугался, что останется ночевать на вокзале, в чем была доля черного юмора. И в этот момент его заметила Эля, которая сидела в холле и ждала его.

Она возникла за спиной молодого человека с красной повязкой, и Шубин не сразу узнал ее, потому что уже привык к энергичному существу в кожанке и надвинутой на глаза кепке. А Эля была в синтетической дубленке, на плечах белый платок, темные волосы были завиты к концам.

— Этого пропустите, — сказала она громко, и человек с повязкой тут же подчинился, не столько словам, как тону.

— Проходите, товарищ. Вы чего жметесь, гражданин, вы чего там жметесь? — словно Шубин сам был виноват в том, что до сих пор не вошел в гостиницу. Неандертальские глазки дежурного издевались над Шубиным — конечно же, он узнал постояльца.

Хорошо одетые юноши нехотя пропустили его.

В холле было тепло и светло. Эля сразу увидела ссадину над бровью.

- Что с вами? — спросила она. — Вы упали?
- Подрался, — сказал Шубин.
- Ну уж шутки у вас, Юрий Сергеевич.
- А ты что здесь делаешь?
- Я ждала вас, Юрий Сергеевич.
- Ждала? Почему?
- Хотела и ждала. А вы не рады?
- Очень рад. Только не ожидал.
- Значит, я сюрприз вам сделала.

Они стояли посреди холла, возле забытых ремонтниками козел.

Мимо прошли хорошо одетые юноши, они повернули налево, к приоткрытой двери в ресторан, и, проследив за ними взглядом, Шубин услышал, как ресторанный оркестр настраивает инструменты.

- Что же мы будем делать? — спросил Шубин.

Он был раздосадован, увидев Элю, потому что мечтал о том, как бы забраться в номер и остаться одному, совершенно и абсолютно одному. Очевидно, Эля почувствовала это в его голосе и быстро сказала:

— Я могу уйти. Мне все равно домой пора. Я просто шла из гаража и думаю — зайду. А вас нету. Вот и решила подождать — мало ли что, город чужой...

- Готовилась искать меня по моргам?

— У нас это бывает, — сказала она серьезно. — А морг у нас один.

- Тогда пошли ко мне, — сказал Шубин.

- В номер?

- Ну не стоять же здесь?

- Нет, в номер не пойду.

- Почему?

- Я по номерам не хожу.

Она сказала это с вызовом, и Шубин улыбнулся.

— Ты уже ходила, — сказал он. — Сегодня у меня была. Даже раза три. И один раз, когда я спал.

- Так это днем. По делам.

Шубин понизил голос и спросил:

- А целовалась тоже по делам?

- Вот поэтому и не пойду, — обиделась вдруг Эля.

— Ну что тогда делать? Мне в любом случае надо умыться.

- Вы идите, я домой пойду.

— Слушай, — сказал Шубин, — а ты сегодня когда обедала?

— Днем перехватила, — сказала она. — День трудный, в разгоне. А домой зашла, Митьке все сделала и к вам побежала.

Значит, не прямо из гаража, отметил Шубин. Врать не умеет.

— Я что предлагаю, — сказал Шубин. — Давай тогда поужинаем в ресторане. И я за день ничего толком не поел.

— В ресторане? Нет, дорого.

— Это не твоя забота, — сказал Шубин. — Только, наверное, туда не попасть.

— Почему это?

— Желающих много.

Шубин уже жалел, что предложил ужинать. Он знал, что стоит ему потерять из глаз Элю, как разорвется связь, возникшая от того, что ради него другой человек поздно вечером притащился в гостиницу.

Правда, оставалась надежда, что в моральном кодексе Эли ресторан не значится.

Эля широко улыбнулась. Сверкнула золотая коронка.

— Я это устрою, — сказала она. — У меня официант знакомый. Миша. Я его уже видела, пока вас ждала. Он меня спросил даже: гулять собралась? Мы с ним в школе учились. В параллельных классах.

— Вот и отлично, — сказал Шубин. — Только у меня смокинга нет.

— Чего нет? — Эля не поняла его.

— Я не одет для ресторана.

— Вы что, сдурели, что ли? Сюда каждый, как хочет, ходит. А я прямо как подозревала — надела платье.

И было ясно, что ресторан — ее потаенная мечта, хотя сама она предложить такое развлечение не смела.

— Тогда води переговоры с Мишей, а я через пять минут приду.

Шубин поднялся к себе. Отдавая ключ, рыхлая дежурная по этажу сказала:

— Вас тут женщина искала.

В голосе ее было осуждение.

— Я знаю, — сказал Шубин. — Я ее уже встретил.

— После двадцати трех посторонним в номерах не разрешается, — сказала дежурная.

— Еще десяти нет, — сказал Шубин. — Да и в номере у меня пусто.

— Я предупредила, — сказала дежурная, протягивая ему ключ с отвращением, словно некий символ разврата.

Шубин прошел к себе в номер. В туалете на раковине сидел таракан, удивленный столь поздним человеческим визитом. Он не спеша ушел в щель. Шубин поглядел на себя в зеркало. Ссадина была невелика, но вокруг была видна подсохшая кровь. Он начал мыться. Висок и бровь защищало от мыла.

Ничего страшного не произошло, рассуждал он. Давай считать путешествие сюда цепью различных, большей частью забавных приключений, которые еще не закончились, но неприятностей не сулят... сулят, сулят! Шубин был суеверен.

Вот вроде и прилично. Жалко, что нет пластыря, впрочем, порез почти не заметен.

Шубин взглянул на часы: без двадцати десять. Неужели прошло только двадцать минут с того момента, когда пьяный спросил время у Бруни? А ведь в них уместилась драка, потом бегство, потом разговор с Элей... Шубин приложил часы к уху — забыл, что электронику не слышно. Он переложил сигареты в карман пиджака.

Площадь за окном была оживлена, свет фонарей поблескивал в складках одежд монумента труженикам перед вокзалом. Как же он не заметил его днем?

Шубин прикрыл фрамугу, чтобы не так тянуло запахами. И в самом деле после переживаний следует выпить. Он старался не вспоминать о драке и о том, что могло случиться с его знакомыми. В конце концов они сами хотели, чтобы он ушел, и это было разумно. Они местные, им ничего не будет. А ему... получить телегу в Москву о недостойном поведении лектора? Кто-нибудь из недругов этим воспользуется, и в Женеву поедет другой. Желающих достаточно.

Шубин запер комнату и спустился вниз.

Эля раздобыла столик недалеко от эстрады и была тем горда. На нем стояла табличка «Стол не обслуживается». Добродушный увалень с широким плоским лицом — друг Миша — убрал табличку и посадил за стол двух командированных среднего уровня. Они были раздражены и все еще переживали битву с администрацией. Один из них, горбатенький и унылый, сразу начал рассказывать Шубину, что они прописаны в гостинице и потому имеют первоочередное право скромно поужинать в ресторане:

— А свободные места есть, и их берегут для спекулянтов. Везде одно и то же, поглядите за соседний стол. Вы видите ту кавказскую компанию? Получается, что именно они, торговцы, и есть хозяева жизни. А один даже кепку не снял.

— В какую гостиницу ни приедешь, — вторил другой командированный, налитой здоровьем и потому особенно контрастный рядом со своим спутником, — везде они толкуются в вестибюле. Твою бронь найти не могут — понятно, почему не могут. У них связи с администрацией. Все куплены.

К счастью, не видя особого сочувствия, соседи по столу принялись жаловаться друг другу и забыли о Шубине и Эле.

На Эле было плохо сшитое платье из толстого сукна. Она его специально надела, понял Шубин, потому что надеялась, хитрая, что мы с ней сюда пойдем. Тобой манипулируют, Шубин. А впрочем, не так уж и плохо получилось. Все равно надо где-то питаться.

Миша принял заказ у командированных. Они долго выясняли, что можно есть, а что нельзя, почему этого нет, а в меню оно указано, а жесткое ли мясо? Эля сказала Мише, когда он обернулся к ним, держа перед собой книжечку:

— Мишенька, ты уж сам сообрази, хорошо?

— Горячее есть будете? — спросил Миша, тускло глядя на Шубина.

— Мы голодные, — сказал Шубин.

— Мишенька, ты все неси, — сказала Эля. — А мы пить будем? — Это уже относилось к Шубину.

— Будем, — сказал Шубин. — Обязательно будем.

— Вот видишь, — сказала Эля, словно он ранее высказывал сомнения. — Мы выпьем немного.

— Есть водка, коньяк и сухое вино, — сказал Миша.

Командированный напротив услышал и вставил обиженно:

— Почему вы нам не сказали, что водка есть?

— Я в буфете спрошу, — сказал Миша. — А вам тоже?

— Нет, нам не надо, — сказал второй командированный. — Мы будем пить коньяк, как заказывали.

Миша ушел за заказом, и Эля спросила:

— Вы обещали рассказать, что там у вас случилось?

— Меня ждали общественники, — сказал Шубин. — Мы с ними разговаривали.

— Это психованный Борис, да?

— Там их четверо было. Еще девушка из книжного магазина.

— Очкастая? Знаю. Чего им нужно? На Силантьева жаловались?

— Рассказывали, как дела в городе.

— Дурачье они, — сказала Эля. — Они только злят начальство. А лучше не будет.

— Ты им не веришь?

— Разве так дела делаются? Это все равно, что в этот ресторан без знакомства идти. Там снаружи человек пятьдесят стоят, руками машут. А мы здесь сидим, понимаете?

— А завтрашний митинг?

— Они уже вам рассказали? Разгонят митинг. А им только неприятности.

— Ты откуда знаешь?

— А мы, водители, рядом стоим у всех учреждений, — сказала Эля. — Ждем начальство и разговариваем. Если бы среди нас шпион сидел, он бы даже удивился, как мы много знаем. Водителей не замечают. Говорят, а не замечают. А мы все слышим. Мы же нормальные люди. Они уже решили. Сначала сомневались, а потом решили — разгонят. Им бы несколько дней протянуть...

— Пока Силантьевский юбилей отпразднуют? — сказал Шубин.

— Ну вот, вы тоже много знаете. Один день у нас, а столько знаете.

Подошел Миша, поставил салат, бутылку водки, нарезанные помидоры. Командированным пока ничего не дали — только хлеб. Командированные глядели на Шубина и Элю волками, но молчали.

— Вам сейчас будет, — сказал им Миша.

Оркестранты были навеселе, видно, тоже поужинали, один из них рассказывал анекдот, певица в длинном декольтированном платье, вся в блестках, от висков до пола, тонко хихикала.

— Но потом случилась странная история, — сказал Шубин. — Когда мы вышли из кафе, навстречу два парня...

Он рассказал о драке, правда, не стал признаваться в том, как бегал и прятался от милиционеров.

— Он велел бежать? — спросила Эля. — Думали, что это подстроили?

— Да, тот парень думал, что меня хотели скомпрометировать.

— Нет, — сказала Эля. — Если бы их, чтобы на митинг завтра не пришли, то возможно. Они сейчас сидят в отделении, пишут показания. Вот смешно!

— Значит, я зря убегал?

— Нет, не зря. А то бы вы тоже объяснения писали, а я бы тут сидела одна, в новом платье.

— Платье у тебя красивое, — сказал Шубин.

— Откуда здесь красивому быть? Это я еще в сентябре купила, подруга из Москвы привезла. А вам нравится?

— Честное слово, нравится.

Они выпили. Эля опрокинула рюмку резко, незаметно и привычно. В этом была неприятная для Шубина бравада. Или привычка?

Он немного не допил, поставил рюмку. Эля с удовольствием принялась за салат. Потом сказала:

— Нет, про вас они не знали. У нас здесь молодежь такая дикая, вы не представляете! Еще хорошо, что шапку не сняли.

— Я кепку потерял.

— Ой, и другой нет?

— Другой нет.

— Я вам завтра шапку лыжную принесу. У меня от мужа осталась. А то простудитесь. Она почти новая.

Шубин налил водки.

— За ваше здоровье, — сказала Эля. — Чтобы не простужались.

И выпила так же, как первую.

Она ела салат, потом вдруг отодвинула тарелку и сказала:

— Не знали они про вас. Николайчик вышел, когда вы уже отошли. Он меня спросил, куда вы пошли, а я сказала, что не видела. Значит, они не знали.

— Ну и отлично, — сказал Шубин.

Оркестр грянул с тем остервенением, с которым умеют играть ресторанные оркестры. Разговоры пришлось прекратить. Подошел Миша, небрежно поставил на стол две тарелки супа для командированных и ушел.

— Пошли потанцуем! — крикнула Эля на ухо Шубину. — А то не поговоришь.

Они пошли танцевать. Танцевали все, и Шубин подумал, что многие танцуют от невозможности поговорить иначе. От тесноты получался не танец, а некое коллективное покачивание. Эля запрокинула голову, откровенно глядя на Шубина. Он прижал ее к себе, и она была послушна. Они не говорили, да и не хотелось. Водка сразу затуманила голову, потому что Шубин был голоден. Но это ощущение было приятным. Эля положила голову на плечо Шубину, она была ниже его ростом. Он дотронулся губами до ее волос. Волосы пахли мылом.

Когда они возвращались к столу, толпа танцующих рассосалась и Шубин увидел, что у стены, за длинным столом, уставленным бутылками шампанского и водки, сидит знакомый человек, похожий на породистого дога, и внимательно рассматривает Шубина.

Шубин встретил его взгляд и, не узнав еще его, чуть поклонился, но человек не пошевелил головой, а продолжал смотреть, и тогда Шубин вспомнил: это же Гронский, директор химзавода. Он глядел на Шубина тяжелым пьяным взглядом, и, хоть до него было метров десять, ощущение было неприятным, как от физического прикосновения.

За стол возвращались со своими пышнотелыми

дамами соседи Гронского. Народ солидный, крепкий. Когда Шубин уже подходил к своему столику, он обернулся и увидел, что Гронский что-то говорит склонившемуся к нему молодому человеку с оттопыренными ушами. Молодой человек поднял голову, шаря глазами по залу, взгляд его отыскал Шубина. Молодой человек выпрямился и быстро пошел прочь.

— Вы что увидели? — спросила Эля.

— Там Гронский?

— У них банкет сегодня, — сказала Эля. — Комиссия работала по расширению производства, из министерства. Провожают.

Молодой человек с оттопыренными ушами прошел близко от их столика, старательно глядя в сторону.

— А это кто такой? — спросил Шубин.

Эля кинула взгляд в спину молодого человека.

— Референт, что ли... «шестерка».

Шубин сказал:

— Давай еще выпьем.

— Давайте, чтобы забыть о всех неприятностях.

Оркестр снова загремел, и они снова танцевали. Шубин поцеловал Элю в висок, а она теснее прижалась к нему. Шубину почему-то казалось, что Гронский исподтишка наблюдает за ним, он поглядывал на него, но Гронский был занят разговором с соседом, похожим на Хрущева.

Когда они вернулись после танца за стол, командированные уже доели суп и Миша расставлял тарелки — с котлетами для командированных и с подобными же котлетами, но украшенными зеленью, маринованными сливами и дольками лимона, для Эли с Шубиным.

Один из командированных вынул из кармана плоский калькулятор и принялся жать на кнопки.

— Должно быть по четыре сорок с носа, — сказал он горбуну.

— Ага. — Горбун загадочно улыбнулся, и Шубин понял, что они уже точно рассчитали, сколько должны заплатить, и готовятся к обману, обсчету, скандалу и жалобам. Симпатии Шубина были на стороне Миши, но, правда, не настолько, чтобы предупреждать его о намерениях клиентов.

Молодой человек с оттопыренными ушами вернулся к столу Гронского и, склонившись, шептался с ним. Шубин решил, что если Гронский или молодой человек в ходе разговора посмотрят на него, значит, их разговор и уход «шестерки» как-то связан с ним. Но никто на Шубина не смотрел. И он сказал вслух:

— Мания преследования.

— Что?

— Ничего, Эля, давай еще выпьем. Не пропадать же доброму напитку?

Эля протянула под столом руку и дотронулась до колена Шубина.

— Вы очень добрый, — сказала она. — Честное слово.

— С чего ты так решила?

— Я чувствую людей. Я как увидела вас утром, так вы мне сразу понравились. Честное слово.

Котлета была теплой. Мишино расположение не распространялось на качество пищи.

Шубин смотрел на Элю. Она была удивительно хороша. Грубоватой, чуть восточной, чистой красотой лани. Конечно же, лани — даже это идиотское платье не может скрыть гибкости и крепости ее фигуры, о чем, с танца, помнили его пальцы.

Оркестр, молчавший уже несколько минут, вдруг оживился, пианист вышел к микрофону и объявил:

— По просьбе друзей Руслана Квирикидзе, отмечающих его день рождения, исполняется песня «Сулико».

Песню «Сулико» оркестр умудрился исполнить в том же громовом ключе, как и прежние композиции.

— Будете танцевать? — спросила Эля

— Давай доедим сначала, — сказал Шубин.

Мимо проходил Миша, один из командированных поймал его за рукав, и по движению его губ Шубин понял, что тот требует счет. Второй держал руку в кармане — Шубин знал, что там ждет своей минуты бесстрастный калькулятор.

— Я рад, что тебя встретил, — сказал Шубин, наклонившись к уху Эли. Она кивнула, прожевывая кусок котлеты. Прожевала и крикнула:

— Я тоже! Я просто счастливая. Спасибо.

Оркестр застонал, завершая песню. Грузины с длинного стола громко захлопали в ладоши. Миша положил перед командированными счет, и те впились взорами в итог. Миша обернулся к Шубину и спросил:

— Что еще будем?

Шубин отрицательно покачал головой. Он следил за командированными.

На лицах их было написано отвращение. Они вынули из карманов бумажники и принялись выкладывать деньги, потом искали мелочь. Значит, Миша обманул их чаяния — посчитал все правильно.

Миша стоял рядом, делал вид, что его интересует лишь Шубин.

Он спросил:

— Как котлета, понравилась?

— Очень вкусная, — сказала Эля. — Спасибо, Мишенька.

Командированные сложили деньги на скатерти, и горбун подвинул их к официанту.

— Здесь точно? — спросил Миша, подчеркивая свой триумф.

Командированные не ответили. Грозно и шумно отодвинув стулья, они поднялись и пошли к выходу.

Эля засмеялась.

— Ты тоже видела? — спросил Шубин.

— Конечно, с самого начала. И Миша видел.

— Да мне от кухни было видно, как они с калькулятором играют, — сказал Миша. — Я им на шестнадцать копеек меньше посчитал. Для страховки. Так ведь не сознались.

Он сгреб деньги и, не считая, сунул в боковой карман пиджака, как бы отделяя их этим от остальных, более благородных.

— Кофе будем? — спросил Миша.

Эля выжидательно посмотрела на Шубина. Он понимал, что ей не хочется уходить отсюда.

— Несите, — сказал Шубин. Теперь они с Мишей были почти друзьями.

— А вашей даме мороженое, хорошо? — спросил Миша.

— Ну уж и даме! — сказала Эля.

Ей было очень смешно.

— Здесь, наверное, кофе никуда не годится, — сказал Шубин.

— Синтетика, — сказала Эля. — Из бочки.

— У меня растворимый есть. Хороший, настоящий. И кипятильник.

— Где?

— В номере.

— Вы принесете, да?

— Зачем? Пойдем ко мне, выпьем кофе. Потом я тебя провожу.

— Ой, что вы! Уже скоро одиннадцать. Они не пустят.

— Мы ее попросим.

— Да вы что! Здесь строго.

— А им можно? — спросил Шубин, указывая на стол Гронского.

— Им все можно.

— Жалко, — сказал Шубин. — Я люблю справедливость.

Эля положила пальцы на руку Шубина и погладила.

— Не расстраивайтесь. Мы попробуем. Я тогда скажу Мише, что кофе не надо.

Она не успела встать, как подошел Миша с мороженым. Пока Шубин расплачивался с ним, Эля быстро ела мороженое. Уголки губ стали белыми.

— Я ужасно мороженое люблю, — призналась она.

— Ты не спеши.

Шубин посмотрел на стол Гронского. Человек, похожий на Хрущева, смеялся, тыча пальцем в сидящую напротив статную даму.

— Пошли, — сказала Эля. — Пошли, а то автобус ко мне перестанет ходить.

Когда они вышли в холл, Эля сказала:

— Вы по лестнице идите. И отвлекайте ее разговорами.

Шубин пошел к лестнице. У стойки администраторши толпился народ — наверное, пришел поезд или самолет. «Шестерка» с оттопыренными ушами, перегнувшись через стойку, говорил по телефону.

— А ты?

— Я на лифте выше поднимусь и потом вниз по лестнице.

Так и сделали. Дежурная была занята беседой с кем-то из постояльцев, она кинула на Шубина равнодушный взгляд, тот миновал ее стол и пошел по коридору. Коридор был пуст. Он остановился у своей двери, достал ключ, повернул его. И увидел, что по коридору быстро идет Эля. Обошлось. Обошлось, черт возьми!

И тут за спиной Эли в конце коридора возникла фигура дежурной.

— Это ты куда? — грозно спросила она, и голос ее ядром пролетел по коридору.

Эля пробежала еще несколько шагов и замерла, словно ждала следующего выстрела в спину.

Шубин пошел навстречу ей.

Дежурная спешила по коридору, переваливаясь, словно утка. Она догнала Элю и схватила ее за руку. Эля рванула руку, но остановилась. Шубин подошел к ним.

— Это ко мне, — сказал он, стараясь произнести эти слова официальным тоном, но язык не послушался его.

— Вижу, что к вам, — сказала дежурная. — Время одиннадцать, а к нему идут. Я же предупреждала.

— Но мы на минутку, — сказал Шубин.

— Я книжку в номере оставила, — сказала Эля.

— Вот и вынесет он твою книжку.

— Ну что за безобразие! — не выдержал Шубин. — Почему я должен все время чего-то просить, что-то нарушать, перед кем-то унижаться! Мне нужно, чтобы эта девушка зашла ко мне в номер. Она зайдет и выйдет совершенно целая.

Голос Шубина, помимо его воли, повышался, в нем появились визгливые нотки. Эля втиснулась между ним и дежурной, уже готовой к большому скандалу, и заговорила быстро, тихо и напористо:

— Вы не сердитесь, все тихо, все нормально.

И Шубин вдруг увидел, как Эля сует в руку дежурной красную бумажку, и чуть было в справедливом гневе не вырвал эту бумажку, но Эля и тут успела остановить его, будто понимала все, что в нем клокочет. Она отстранила его другой рукой, и он отступил на шаг.

— Только чтобы быстро, — сказала дежурная. — Взяла книгу — и быстро. Поняла?

Она и не смотрела больше на Шубина.

Они были в номере.

— А ты чего хотел? — спросила Эля. — Чтобы я не пришла?

— Противно все это.

— Я к тебе в номер не просилась.

— Я не о том...

— Ты бы радовался, что обошлось.

Она поцеловала его в щеку.

— Разве в других местах не так?

— В Швейцарии не так.

— Но мы же не в Швейцарии. Нам и здесь хорошо.

Шубин понял, что гнев его вымирает, и в самом деле — все хорошо. Они вдвоем. Дверь закрыта. За окном вокзальная площадь чужого города. Дежурная заработала свой червонец. И это даже к лучшему, потому что она куплена и не сунется. Мы не в Швейцарии.

— Я отдам тебе десятку, — сказал Шубин.

— Глупо, — сказала Эля. — Вы же за ужин платили. Больше.

— Сравнила. Сколько я зарабатываю, а сколько ты!

— А я сегодня больше червонца заработала, пока вы там лекцию читали.

— Ты не была?

— Вы лучше кофе сделайте. Обещали ведь.

Шубин достал банку с кофе и кипятыльник.

Эля взяла банку и стала рассматривать.

— Я такого не видела, — сказала она. — С собой привезли?

— С собой. Только у меня ничего сладкого нет.

— Ну и не надо.

— И выпить мы ничего не взяли.

— С меня хватит. Я завтра работаю.

Шубин налил в стакан воды, вложил в него кипятыльник, поставил на письменный стол. Эля стояла совсем рядом. От ее волос пахло мылом. Шубин взял ее за плечи и притянул к себе. Поцелуй был таким долгим, что, когда Эля вдруг рванулась и воскликнула громким шепотом: «Стакан лопнет!» — Шубин не сразу сообразил, что вода в стакане закипела.

— Ты хочешь кофе? — спросил он тоже шепотом, выключив кипятильник.

— Не знаю, — сказала Эля и сама приблизилась к нему, подняв голову и отыскивая губами его губы.

— Я запру дверь? — сказал Шубин.

— Да.

...Эля лежала, уютно вписавшись в тело Шубина, голова мягко давила на выемку под плечом.

— Я такая счастливая, — шептала она. — Очень счастливая. Ты не думай, я не навязываюсь. Я и не думала, что пойду к тебе. Ты, наверное, думаешь, что я со всеми такая — без мужа, шоферка.

— Я так не думаю.

— А у меня грудь красивая, да?

— Очень красивая.

— Я мороженое ела и боялась, что ты сейчас скажешь, что спать хочешь, а что мне пора уходить.

— Я не хотел, чтобы ты уходила.

Шубин поправил подушку, он любил, чтобы голова была высоко. Эля приподнялась, чтобы ему было сподручней это сделать. Он увидел светящееся небо за окном. Зеленоватое с синими и черными провалами. В здешнем небе была всегдашняя тревога. На улице заверещала сирена «скорой помощи».

— Кипяток, наверное, совсем остыл, — сказал Шубин.

— Я сейчас согрею, — сказала Эля, но не двинулась.

Шубин почувствовал, как она считает секунды, которые ей остались. Он прижал ее к себе теснее, и она принялась быстро и нежно целовать его руку.

Такая сладкая и горькая нежность к этой женщине одолела Шубина, что сдавило в груди от неминуемого конца этой встречи.

— Я думала, что ты на меня даже не посмотришь.

— Глупо. Ты красивая и знаешь об этом.

— У меня ноги не очень длинные.

— Я не смотрел.

Кто-то тронул дверь. Толкнул. Как будто человек, неверно шагавший по коридору, ударился о нее плечом. Так сначала Шубин и подумал, но потом раздался стук.

Часть вторая

ПОСЛЕ ПОЛУНОЧИ

— Ошиблись номером, — сказал Шубин шепотом.

— Она не придет, — сказала Эля. — Она червонец взяла.

Стук повторился. На этот раз он был громче и требовательнее.

— Может, телеграмма? — спросила Эля. — Тебе из Москвы не могут телеграмму прислать?

— Лежи, — сказал Шубин, поднимаясь. Коврик у кровати поехал, и Шубин с трудом удержал равновесие. В дверь ударили так, словно хотели ее сломать.

— Погодите! — крикнул Шубин. — Сейчас открою. Босиком он подошел к двери.

— Кто там? — спросил он.

— Откройте, телеграмма, — слышался мужской голос.

— Ну вот, — сказала Эля за спиной Шубина. — Я же говорила.

Шубин оглянулся. Эля сидела на кровати, ее силуэт был черным на фоне светящегося неба.

Что-то удерживало Шубина от того, чтобы открыть дверь. Может, голос был не телеграфный.

— Откуда телеграмма? — спросил он.

— Из Москвы, — ответили из-за двери.

— Знаете что, — сказал Шубин, — я уже сплю. Суньте ее под дверь.

Была пауза, и Шубину показалось, что за дверью шептались.

— А расписаться? — спросил голос.

— Завтра распишусь.

— Нет, возьмите телеграмму и распишитесь.

— Да открой ты, — сказала тихо Эля. — Может, что дома случилось?

Шубин повернул ключ в двери и приоткрыл ее, протягивая руку, чтобы взять телеграмму.

— Давайте, — сказал он.

С той стороны дверь пихнули так, что Шубин, не ожидавший толчка, потерял равновесие и ударился спиной о вешалку. Дверь распахнулась. Яркий свет ударил в лицо из коридора.

Тут же загорелась лампа в прихожей. Поднимаясь, Шубин увидел, что перед ним стоит молодой человек с красной повязкой и лицом неандертальца, которому положено охранять вход в гостиницу. Он держит руку на выключателе.

— Это что такое? — взъерился Шубин.

Дежурный с красной повязкой шагнул вперед, но Шубин загородил путь в номер.

— А ну, пропустите, — сказал неандерталец, — я при исполнении.

Шубин ощутил такой взрыв злобы, что с силой оттолкнул дежурного, и тот, чтобы не упасть, вцепился сильными пальцами в майку Шубина. Майка с треском разорвалась.

— Драться? — закричал неандерталец. — Мало ему разврата, он еще драться!

И тут же, словно его подтолкнули в спину, в дверях появился молодой милиционер в мокрой шинели и мокрой фуражке.

— А ну, бери его! — сказал дежурный. — И в отделение.

Шубин отскочил в номер, но милиционер был резвее — он рванул за плечо и тут же заломил ему руку за спину.

Пролетным, неверным взглядом Шубин успел увидеть Элю. Она стояла возле дивана, завернувшись в простыню.

— Не смейте! — крикнула она, но не могла двинуться, потому что была как бы прикована к месту длинной простыней.

Левой рукой Шубин цеплялся за вешалку, дверь в туалет, за свое пальто, но милиционер лишь сильнее

давил на руку, уверенный, что Шубин подчинится, и было так больно, что Шубин вынужден был подчиниться. Он вылетел в коридор, и милиционер толкнул его к стене лицом.

Дежурный тут же ударил его в бок. Милиционер сказал:

— Ну, это лишнее.

— Он на меня напал, — сказал неандерталец. — Приезжают тут хулиганить.

— Я его не пускала, — услышал Шубин испуганный и потому визгливый голос дежурной по этажу. — Вижу, что пьяный, и не пускала.

— Выходи, — сказал неандерталец, и Шубин понял, что это относится к Эле. Но повернуться не мог.

— Я оденусь, — сказала Эля.

— Умела блядовать, умей и ходить, в чем мать родила, — сказал неандерталец.

— Слушай, — сказал милиционер. — Не тебе разбираться. Пускай оденется.

— Тебя вызвали, ты исполняй.

Дежурный подогревал себя, злился, был на грани истерики, как уголовник, нарывающийся на драку.

— Отпустите, — сказал Шубин милиционеру. — Вы что, хотите меня в трусах тащить?

— И потащим, сука, — сказал дежурный. — За избиение меня при исполнении потащим. При свидетелях.

— Одевайтесь, — сказал милиционер.

Хватка ослабла. Шубин выпрямился. Дежурная по этажу отошла подальше. Неандерталец стоял рядом и тяжело дышал, от него пахло чесноком.

— Только без штучек, — сказал милиционер, входя в номер следом за Шубиным.

Эля уже была в платье, она надевала сапоги.

Шубин увидел на кресле свои брюки. Там же валялась скомканная рубашка. Было стыдно, что чужие люди смотрят на его вещи.

— Вы бы отвернулись, — сказал Шубин. — Здесь женщина.

За окном взвизгнула еще одна «скорая помощь». Загудел паровоз. Гудок его коротко оборвался.

— Блядь, а не женщина, — сказал дежурный.

Милиционер сразу же сделал шаг к Шубину, отрезая его от дежурного, а Эля сказала тихо и зло:

— Ты у меня кровавыми слезами будешь плакать.

— Не пугай.

Шубин сказал:

— Товарищ милиционер, вы свидетель оскорблениям, которым нас подвергают.

— Одевайтесь, одевайтесь, — сказал милиционер, глядя в окно.

— И я вас предупреждаю; завтра же я буду у вашего секретаря горкома.

— Разберемся, — сказал милиционер.

— То-то он тебя примет, — сказал неандерталец.

— Оделись? — спросил милиционер. — Тогда следуйте за мной. В отделение.

— Почему? Вы обязаны мне сказать, в чем вы меня обвиняете.

— В нарушении режима гостиницы, — сказал милиционер.

— Нет! — крикнул неандерталец. — В нападении и хулиганстве.

— А вам не стыдно, товарищ сержант? — спросил Шубин.

— Это вам, гражданин, должно быть стыдно, — ответил милиционер.

У него было простоватое, почти мальчишеское курносое лицо. И видно было, что милиционеру не хочется ни во что вникать и мысли его далеко отсюда.

— Пойдем, — сказала Эля. — Ты им ничего не докажешь. Достали все-таки тебя. А я сначала не поверила.

И только тут Шубин понял, что, вернее всего, Эля права. Его достали. Его старались достать у кафе, а в ресторане, увидев его, Гронский понял, что представляется замечательный шанс ликвидировать журналиста.

— Я не пойду в отделение, — сказал Шубин.

— Надо, — сказал милиционер. — На алкоголь проверим.

Он взял со стола ключ от номера и подтолкнул Шубина к двери.

Эля сама пошла впереди.

— Документы не забыли? — спросил милиционер. Вопрос был задан буднично, и Шубин, стукнув ладонью по груди и убедившись, что бумажник на месте, так же буднично ответил:

— Не забыл.

Милиционер сам запер дверь и протянул ключ дежурной. Она подбежала и взяла ключ.

— Червонец отдай, — сказала Эля.

— Что? Какой? — Дежурная поспешила по коридору впереди, она раскачивалась, как утка, которая спешит спрятаться в камыши.

Неандерталец шел за ней, ежесекундно оборачиваясь, словно боялся, что Шубин приблизится на опасное расстояние. Замыкал шествие милиционер.

Они вышли на лестничную площадку. Там стоял смертельно пьяный парень в дубленке и волчьей шапке. Увидев Шубина, он невнятно, но громко и дружелюбно спросил:

— Что передать на волю?

И пьяно засмеялся.

Снизу раздался короткий крик. Перешел в хрип, оборвался.

— Я одеться должна, — сказала Эля милиционеру. — У меня пальто в ресторане. В гардеробе.

Милиционер обдумывал эту информацию. Они спустились еще на один пролет.

— Эй, — сказал милиционер, — охрана!

Неандерталец обернулся.

— Проводишь девушку одеться.

— Так дойдет.

— Проводишь, говорю. Мы тебя у машины подождем.

Дежурный не ответил, он продолжал спускаться вниз.

За последним пролетом открылся холл гостиницы.

С первого взгляда Шубину показалось, что он видит иллюстрацию к сказке о спящей царевне.

Там все спали.

В желтом прозрачном тумане, заполнившем холл, спали на полу те люди, что недавно толпились у стойки в ожидании места, спала, положив голову на

стол, администраторша, спали те, кто коротал время в креслах. Спал официант у приоткрытой двери в ресторан. И было очень тихо.

В этом сонном царстве была такая заколдованная странность, что милиционер тихо сказал:

— Стоять!

И все послушно остановились, кроме неандертальца, который продолжал спускаться по лестнице.

Снизу поднимался тяжкий, неживой запах, который, хоть и был знаком, не разбудил бы в Шубине воспоминаний, если бы не мерцание желтоватого тумана. И Шубин увидел: черная река... желтый туман по воде... кашель Наташи и слова Бруни о неподвижных сочетаниях сбросов. Это узнавание мелькнуло и пропало, изгнанное невероятной действительностью.

Шубин видел, как неандерталец вступил в прозрачно-желтоватую пелену тумана и движения его стали замедляться. Он схватился двумя руками за горло, повернулся обратно к лестнице, но подняться больше чем на ступеньку не успел, а упал, ударился головой о нижнюю ступеньку и замер.

Шубин схватил за руку Элю, которая кинулась было к дежурному.

— Сказали же, стой! — крикнул он. И крик его был слишком громким для этого зала.

Они стояли втроем на лестнице, и вокруг была страшная тишина, потому что ни из ресторана, ни с улицы не доносилось ни звука. После минутной остроты вниз двинулся милиционер. Он сделал шаг.

— Да нельзя же! — крикнул Шубин, и голос его странно раскатился по холлу, будто тот был гулким храмом.

Желтое легкое марево чуть клубилось, мерцало, словно воздух в жаркий летний день над перегретой дорогой. Шубин физически почувствовал его жадное движение, он понял, что это марево, поглотившее тех людей, которые, казалось, спали, но по их нелепым, неестественным позам было ясно, что они мертвы, стремится к лестнице, чтобы дотянуться до живых людей, заставить его, и Элю, и милиционера упасть и утонуть в нем, как утонул дежурный с красной повязкой на рукаве.

— Там люди, — сказал милиционер. Над верхней губой его проступили капельки пота.

— Ты им не поможешь, — сказал Шубин. — А сам умрешь.

— Умрешь? — тихо спросила Эля. — Как же так?

— Не знаю. Но туда нельзя. Пошли наверх.

Шубин почувствовал дурноту и жжение в горле. Может, это было самовнушение, может, и в самом деле марево испарялось, удушая все вокруг.

Он потянул Элю за руку, а она вдруг жалобно сказала:

— Но у меня пальто в гардеробе.

Шубин начал подталкивать вверх милиционера и Элю, и они нехотя подчинились.

— Они сознание потеряли, — говорил милиционер. — Надо «скорою» вызвать.

Вытолкнув их за площадку на ступеньки, откуда не был виден холл, Шубин остановился и стал шарить по карманам — где сигареты? Все было нереально, нет, не сон, а нереальность, в которой он бодрствует. Один раз в жизни с Шубиным такое было: у самолета — старого, трижды списанного «вайкаунта», принадлежавшего небольшой частной компании, что делала дважды в неделю рейсы из Боготы в провинцию, загорелся в воздухе мотор. Шубин сидел в салоне, вокруг кричали, кто-то пытался встать. Густой шлейф дыма неся за иллюминатором, самолет кренился, кружил, искал места сесть, а внизу были покрытые курчавым лесом горы. Шубин понимал, что все это не сон, а собственная смерть, но продолжал сидеть спокойно и старался, как бы помогая пилоту, сквозь разрывы в дымном шлейфе углядеть прогалину в лесу или плоскую долину для посадки. Самолет все же сел на кочковатом поле, всем набило синяков, потом пилоты выводили пассажиров, выталкивали их из самолета. Люди, не соображая, хватали свои вещи, чемоданы, сумки, а пилоты кричали и гнали их, чтобы они отошли от самолета... И уже издали Шубин увидел, как самолет взорвался, и с каким-то странным удовлетворением понял, что он-то успел взять свой чемодан.

Сверху по лестнице спускался, покачиваясь, парень в дубленке.

— Затормозились? — спросил он. — Хочешь, я тебя освобожу?

Шубин не понял его, он забыл, что только что был арестован, потому что между той сценой в номере и виденным в вестибюле была непроницаемая вековая граница.

— Что? — спросил Шубин.

Милиционер сказал:

— Туда нельзя.

— Ну и дела! — сказал парень в дубленке. — Свободная страна, свободный город. Кого хотят, того хватают.

Он толкнул милиционера, и милиционер отступил, потому что не ощущал себя сейчас милиционером.

— погоди, — сказал Шубин. — Там опасно. Какой-то газ.

— Газ так газ.

Парень был силен и по-пьяному размашист.

Эля зашлась в кашле.

Шубин сказал парню:

— Как хочешь, только поздно будет.

— Да нельзя же, нельзя! Там все мертвые лежат! — закричала Эля и снова закашлялась.

— Какие такие мертвые? — Парень отрезвел. Ему не ответили.

Шубин поддерживал Элю, которой стало плохо, ее начало рвать. Она старалась сдерживаться. Шубин подвел ее к урне, что, к счастью, стояла на лестничной площадке.

Парень прошел на площадку и заглянул вниз. И остановился. Потом тихо выругался, запахнул дубленку и побежал вверх.

Шубин поддерживал обмякшую Элю, ему стало страшно, что она отравилась.

— Ты как? — спросил он. — Это от волнения. Сейчас пройдет.

Словно старался уговорить ее, что это не имеет отношения к желтому мареву, к тому, что они увидели.

— Мне лучше, — сказала Эля. — Ты извини.

— Тебе надо наверх, в номер, тебе надо лечь, — сказал Шубин.

— Да, конечно. — Эля сразу согласилась.

— Где ключ от моего номера? — спросил Шубин.

— Ключ? Я его дежурной отдал, — сказал милиционер.

— Пошли наверх, — сказал Шубин. — Надо позвонить.

— Точно. — Милиционер вдруг улыбнулся с облегчением. Словно получил толчок, вернувший его к реальности.

И он первым побежал наверх.

Шубин достал платок, и Эля вытерла рот.

Когда они поднялись вслед за милиционером наверх, то успели как раз к тому моменту, когда дежурная по этажу привстала от удивления, увидев, что милиционер возвращается один. Она спросила:

— А что? Что еще? Я денег не брала.

— Ключ от номера. Быстро! — сказал Шубин.

Дежурная стала копаться в ящике с ключами.

— А что? Случилось что, да?

— Внизу несчастье. Авария, — сказал Шубин. — Вниз не спускайтесь. И никому не разрешайте. Стойте на лестнице и никого не пускайте.

— Убили кого, да? Кого убили?

Милиционер увидел телефон на ее столе.

— Помолчите, — сказал он.

Он набрал три номера, ударил по рычагу.

— Через восьмерку, — сказала дежурная. — Город через восьмерку.

— Раньше бы сказали.

Милиционер набрал номер и стал ждать.

Шубин взял ключ. Он сказал милиционеру:

— Я отведу Элю в номер. Двести тридцать два. Я вернусь.

Милиционер кивнул и стал снова набирать номер. Дежурная стояла возле.

— Не отвечают, — сказал милиционер.

— Тогда пошли ко мне, позвоним от меня. Может, телефон неисправен.

Они втроем побежали по коридору. В номере горел свет. Его забыли выключить. Милиционер прошел к

столу, отодвинул банку с бразильским кофе и начал набирать.

— Через восьмерку, — напомнил Шубин.

Он подошел к окну и откинул штору. Почему-то раньше это не пришло в голову. Ведь в этом ответ на все вопросы — случилось ли это только в гостинице или и на улице.

Окно было как бы большим экраном, отделяющим Шубина от того, что он увидел. На площади перед вокзалом по-прежнему горели фонари. Их желтый свет как бы рождал ответное желтое мерцание, поднимающееся от земли. Снег потерял свою ночную голубизну.

Это был стоп-кадр.

Площадь была неподвижна.

Человеческие фигурки были разбросаны по площади, будто их, куколок, высыпали с большой высоты. Они были везде. Совсем маленькие, кучками, темными пятнами — возле вокзала и на троллейбусной остановке. Реже на самой площади, между редких машин и у киосков. Совсем мало — справа, на тротуаре, возле темных магазинов.

Еще были машины. Одна из них на скорости налетела на столб, и тот вошел в радиатор, как бы обнятый им. Дверца в машине распахнулась, и водитель до половины выпал головой на мостовую.

Шубин хотел обернуться и сказать, чтобы другие тоже подошли и смотрели, но тут он увидел, как на площадь въезжает высокий «икарус». Желтое мерцание поглотило его колеса и за клубилось впереди. Видно, водитель понял, что впереди неладно. Автобус резко затормозил. Открылась дверь.

Шубин стал рвать на себя окно, забыв повернуть задвижку: он хотел предупредить водителя.

Тот показался в дверях. Огляделся, прыгнул на мостовую и уже в прыжке потерял сознание или умер, потому что его подошвы так и не успели коснуться асфальта — он согнулся и упал головой вперед. Дернулся, будто хотел отползти... и замер.

— Нельзя! — кричала Эля, и Шубин только сейчас услышал ее крик. Она повисла на его руке, отрывала ее от окна, чтобы он его не открыл.

— Ты смотри, смотри! — пытался объяснить ей Шубин.

— Я все понимаю, я все видела... Ты не поможешь — они же не слышат!

Милиционер, не выпуская трубки из руки, тоже смотрел на автобус.

Пассажиров в нем было немного. Человека три.

Первый из них появился в открытых дверях сразу за водителем и задержался на верхней ступеньке, глядя вниз. Он смотрел на водителя и, видно, что-то говорил. Потом повернулся внутрь автобуса — к нему подошел второй пассажир. Затем пассажир начал спускаться вниз. Но медленно, осматриваясь. Шубину было видно, как ноги его утонули в желтом мерцании, взметнувшимся облачком навстречу. Пассажир, испугавшись, хотел подняться обратно в автобус, но вдруг ноги его подломились, словно он хотел усесться на ступеньку, и, нырнув головой вниз, он упал на водителя.

Шубину наконец удалось открыть окно.

— Назад! — закричал он отчаянно. — Не выходите!

Неизвестно, услышал ли второй пассажир крик или сам догадался, что выходить нельзя, но он обернулся к женщине, последней пассажирке, что собиралась выйти через заднюю дверь. Та остановилась, оглянулась. Отмахнулась от его слов и — через несколько секунд уже лежала на мокром снегу у задней двери.

Остался последний пассажир. Он отошел от двери, видно было, как он прижался лицом к стеклу, стараясь разглядеть, что там, на площади. Эля закрыла окно.

Милиционер сказал, показывая трубку Шубину:

— Не отвечают.

— Милиция одноэтажная? — спросил Шубин.

— Дежурная часть на первом этаже.

— А второй этаж есть?

— Второй этаж? Зачем?

— Если газ добрался до первого этажа, то на втором могут остаться люди!

— Но там сейчас нет никого. Ночь.

— Тогда звоните в городское управление. Звоните в горком! В «скорую помощь»! Неужели непонятно!

— А я не знаю, — сказал милиционер жалобно. — Я наш телефон знаю, а других не знаю.

— Хорошо, — сказал Шубин. — Пошли к дежурной. У нее справочник может быть. Эля, милая, не выходи, хорошо? Я скоро вернусь.

— Ты куда, Юра?

— Надо узнать телефоны.

— А я?

— Ты тоже звони. Звони Николайчику. Кого знаешь — звони. Надо, чтобы принимали меры.

— А что случилось? Это газ?

— Откуда я знаю? Мы же с тобой вместе были.

— Мне надо домой. — Эля остановила его. Милиционер стоял в дверях, ждал. Он признал главенство Шубина и его право распоряжаться.

— Зачем тебе домой? Жить надоело?

— Митька дома.

— Ты на каком этаже живешь?

— На четвертом.

— И пускай спит. Он с кем?

— С мамой.

— Тогда позвони маме и скажи, чтобы заперлась и никуда не выходила. И пусть смотрит в окно — есть ли желтый туман. Только ты ей лишнего не говори, не пугай, понимаешь, только не пугай!

Эля покорно слушала, кивала, словно старалась запомнить, а потом сказала:

— У нас телефона нет.

— Звони соседке.

— У нас в доме нет телефонов.

— Звони Николайчику домой. У него-то есть?

— У него есть.

Шубин с милиционером вышли в коридор. Из-за соседней двери доносилась музыка. Слышны были громкие голоса.

— Надо будет поставить кого-то на лестнице, — сказал Шубин. — Чтобы не пускал жильцов вниз.

— Они на лифте могут спуститься, — сказал милиционер.

— Посмотрим.

Дежурной по этажу на месте не было. Вместо нее они увидели человека с чемоданом. Это был один из

командированных — грустный горбун. Он покорно стоял возле столика дежурной.

— Вы куда? — спросил Шубин.

— Я уезжаю, — сообщил командированный. — А ее нет. Мне ключ сдать надо.

— Вот вы и будете стоять на лестнице. Вот здесь, — сказал Шубин. — И никого не пускать вниз.

— Это еще почему? — спросил горбун. — Мне уезжать нужно.

— Сержант, объясните, — сказал Шубин. Он увидел горящий свет в комнате горничной. Может, дежурная скрывается там? Нет, комната была пуста.

— Не может быть, — говорил горбун милиционеру. — Это вымысел. Я был на улице полчаса назад.

— Ваше счастье, — сказал Шубин раздраженно, — что вы вернулись живым.

Он дернул ящик в столе дежурной. Он был заперт. Шубин рванул сильнее.

— Что вы делаете? — спросил горбун.

— Вы стойте, где вам сказали! — рявкнул Шубин.

— Стойте, стойте! — поддержал его милиционер. — А чемодан оставьте. Никто его не возьмет.

Горбун, все еще сомневаясь, сделал несколько шагов к лестничной площадке, но чемодана не выпускал.

Ящик с треском вылетел из стола. Посыпались бумажки. Шубин начал ворошить их, надеясь отыскать какую-нибудь тетрадь или список телефонов.

Зажужжал, проезжая мимо, лифт.

— Черт! — вырвалось у Шубина. Он кинулся к лифту. Но, пока он бежал к нему, услышал, как лифт остановился на первом этаже, его двери открылись. Кто-то вскрикнул. И снова тишина. Красный огонек продолжал гореть рядом с дверью лифта.

— По крайней мере теперь его уже никто не использует, — сказал Шубин.

— А что? Что случилось?

— Спуститесь на один пролет вниз, — сказал Шубин горбуну, — но не больше, загляните вниз и тут же возвращайтесь обратно, если вам мало того, что сказал сержант.

— Но он сказал: там отравление газом.

— Вот именно.

Горбун осторожно пошел вниз.

Наверху кто-то забарабанил в дверь лифта — видно, не мог вызвать и сердился.

— Я пойду наверх, — сказал Шубин. — Может, у кого из дежурных есть телефонный справочник. Вы знаете, что делать?

— Так точно, — ответил милиционер, который не знал, что ему делать.

Шубин подбежал к лестнице. Остановился. Где этот чертов горбун? Вместо того, чтобы бежать наверх, Шубин сошел на несколько ступенек ниже. То, что он увидел, его не испугало, а разозлило.

Горбун сидел на нижней ступеньке лестницы, откинув голову к стене и приоткрыв рот. Чемодан он продолжал держать на коленях.

— Эх, черт! — выругался Шубин. — Проверить решил!

Он посмотрел на холл. Он уже привыкал к этому зрелищу. Оно было невероятным, но не сказочным и не граничило более со сном. Это была тяжелая реальность, и мозг ее воспринимал трезво.

Уровень желтого мерцания поднялся. Зал был залит им метра на полтора. От движения газа контуры предметов были размыты, и казалось, что люди двигаются. Шубин заставил себя не смотреть более на холл.

Наверху милиционер по-прежнему стоял у телефона.

Он увидел Шубина и обрадовался.

— Нигде не отвечают, — сказал он, смущенно улыбаясь, словно был виноват в этом. — Я в «скорую» позвонил и в пожарную команду. И никто не подходит. Странно, да?

— Плохо, а не странно, — сказал Шубин.

— Вы думаете, что и там?.. — спросил милиционер.

— Мы с вами вместе смотрим это кино, — сказал Шубин. — Я пойду наверх, поищу телефонный справочник. Я хочу дозвониться до заводов или до аэропорта.

Он не стал говорить милиционеру о горбатом командированном. Вернее всего, милиционер забыл о нем.

Шубин не успел подняться до третьего этажа, как услышал, что сверху, громко и весело разговаривая, спускается группа людей.

— Нам нет преград ни в море, ни на суше! — загудел бас.

— Стойте! — приказал Шубин, отступая на шаг перед поющими гостями и видя лишь напряженное лицо Гронского.

— Что еще? Это что еще? Нам мешают петь! — воскликнула толстая матрона. — Витя, он нам мешает!

— Он пьян! — нашелся референт. — Уже милицию вызывали, а он все хулиганит.

— И мы тоже пьяные! — запела матрона. — Давайте петь вместе.

Шубин резко оттолкнул ее и оказался лицом к лицу с Гронским.

— Отойдите сюда, — показал он наверх. — Мне надо сказать вам два слова.

— Ты поосторожнее! — закричал референт. — Без хулиганства.

Гронский был насторожен и зол. В глазах читалось опасение: если Шубин смог вырваться из цепких объятий милиции, значит, он нашел какой-то ход, какие-то связи? Какие?

— А вы, — сказал Шубин остальным, — стойте здесь. И не спускайтесь ниже.

В голосе Шубина была та уверенность в праве приказывать, что быстро угадывается и признается людьми иерархии. Это умение, происходящее от внутренней убежденности, трудно подделать.

Компания прервала пение, все замолчали. Стояли, глядели на Гронского, будто он был старшим в этой стае и ему принимать решение.

— Подождите, — сказал он и поднялся на ступеньку выше, так что теперь его отделяли от остальных метра два. Референт приклеился сбоку, чтобы не оставить шефа в опасную минуту.

— Отойдите, — сказал ему Шубин брезгливо, как и положено говорить с «шестерками».

Тот смотрел на Гронского.

— Ну! — сказал Шубин.

Гронский сделал движение головой, отправляя «шестерку» к остальным.

Шубин дотронулся до плеча Гронского, отводя его еще дальше от компании.

— Случилось несчастье, — прошептал он. — Катастрофа. Много людей погибло.

Гронский не отвечал. Он почуял опасность и весь подобрался. Ноздри породистого носа побелели, даже брыли подобрались.

— Вернее всего, это химическое отравление.

— Где? — спросил Гронский шепотом.

— Два этажа вниз, — сказал Шубин. Он уже говорил нормальным голосом и слышал тяжелое дыхание прочих слушателей.

— Если это шутка...

— Тогда идите, только идите один, — сказал Шубин. — Я вам не советую подвергать риску жизнь ваших гостей.

— Это бессмыслица какая-то, — сказал Гронский. Он смотрел не на Шубина, а на очень толстого, туго затянутого в костюм краснощекого лысого гостя. Гость тронул Шубина за рукав.

— Повторите, что произошло, — сказал он.

У него были красные щеки и красный носик. Очень светлые, живые, не замутненные водкой глаза.

— Я не знаю причин катастрофы, — сказал Шубин. — Но внизу лежат мертвые люди. На площади тоже. Много людей.

— На площади? Где? — Толстяк как бы взял в свои руки командование. Он был главнее Гронского, и Шубин понял, что банкет происходил именно в его честь.

— Спуститесь на пролет ниже — можете выглянуть в окно, — сказал Шубин. — В холл спускаться нельзя. Там газ.

— Какой газ? — Гронский был раздражен, ему не хотелось верить Шубину, он подозревал в этом какую-то месть за милицкий рейд. — Какой может быть газ?

Шубин пошел с ними вниз. Теперь не было нужды искать телефонный справочник. Если можно говорить

о везении в такой ситуации — Гронский был этим везением. Уж он-то знает все телефоны.

Толстяк первым оказался на лестничной клетке. Милиционер все еще стоял у телефона. Больше ничего за эти минуты не изменилось. Толстяк подошел к окну возле стола дежурной и отодвинул занавеску резким жестом пьяного человека. Гронский подошел к нему, остальные стояли сзади, заглядывали через плечи.

— Не отвечают? — спросил Шубин у милиционера.

— Боюсь, что нет, — сказал милиционер. Он взял фуражку, что лежала на столе. Надел ее. Он знал, когда имел дело с начальством.

— Чепуха какая-то, — сказал Гронский. Толстяк молчал. — Возможно, они потеряли сознание, — предположил Гронский.

— Сознание? — Толстяк обернулся к Гронскому. Потом перевел взгляд на Шубина: — Давно это случилось, товарищ...

— Шубин.

— Шубин. Очень приятно. Спиридонов. Когда это случилось, товарищ Шубин?

— Я увидел это... минут двадцать назад.

— Как увидели?

— Я спустился в холл. Вместе с сержантом.

Милиционер кивнул. Присутствие толстяка все ставило на свои места. Этот будет принимать меры. И если даже милиционер знал в лицо Гронского, все равно на роль начальника он выбрал именно Спиридонова.

— Там то же самое?

— Да. Там все мертвые. И когда человек, который был с нами, все же спустился в холл, он упал.

— Это случилось быстро?

— Практически мгновенно.

— Что вы можете сказать, Виктор Иннокентьевич? — спросил Спиридонов у Гронского.

— У нас такого не бывает, — сказал Гронский.

— Знаю, что не бывает. Иначе бы давно всю Россию перетравили, — сказал Спиридонов.

— Может, диверсия? — спросил «шестерка». Уши его шевельнулись.

— Диверсия? — повторил Спиридонов. — И на-

верное, американская? Или сионистская? Замечательное объяснение.

— Надо позвонить на биокомбинат, — сказал Гронский. — Может, у них выброс?

— Вот и займитесь, — сказал Спиридонов.

Одна из толстых женщин громко рыдала, прислонившись к стене. Гронский подошел к ней. Он сказал:

— Верочка, не надо.

— Милиция не отвечает, — сказал Шубин.

— «Скорая помощь» тоже, — добавил милиционер. — И пожарники молчат.

— Понятно, — сказал Спиридонов. — Товарищ Шубин, пойдемте со мной, покажете мне, что там, в холле.

Шубин подчинился, подумав, правда, что даже в такой ситуации Спиридонову, привыкшему, чтобы его провожали и ему показывали, не приходит в голову пойти посмотреть на холл одному. Шубин понимал, что это происходит не от того, что Спиридонов боится — он не производил впечатления пугливого человека. Просто он не привык действовать без человека, которому в случае нужды мог бы отдать приказание. А из окружающих он выделил себе в помощники Шубина.

Гронский взял телефонную трубку, протянутую милиционером. Шубин последовал за Спиридоновым к лестнице.

— Осторожнее, — предупредил он, когда они начали спускаться. — Туман постепенно поднимается.

— Туман? Почему вы раньше не сказали?

— Я не уверен, что он причина гибели людей, — сказал Шубин. — Но там есть желтый туман, и я думаю, что люди погибли из-за него.

Они остановились у последнего пролета. Спиридонов стоял, оперев кулаки в бока, и медленно поворачивался, как бы впитывая в себя зрелище.

Два человека лежали, заклинив открытую дверь лифта. Певица из оркестра скорчилась в дверях ресторана, и блески ее платья мерцали в тумане золотыми звездочками.

— Мертвые, — сказал Спиридонов.

Он чуть двинул голову в сторону, чтобы вобрать в поле зрения Шубина.

— Воняет, — сказал он. — Чувствуете?

— Да.

— Здесь всегда воняет, даже вода воняет — я уж отмечал, — сказал Спиридонов. — А чтобы так воняло — не помню.

Шубин не стал отвечать.

— И что же вы предлагаете делать? — спросил Спиридонов.

— Надо связаться с другими районами, — сказал Шубин. — Мне говорили, что город стоит в низине, а заводы расположены выше.

— И зачем? — спросил Спиридонов.

— Они смогут выяснить причину.

— Вряд ли, — сказал Спиридонов. — Ночь на дворе. На заводах только сторожа.

— А ночная смена?

— Сомневаюсь. Начало месяца, — сказал Спиридонов. — Но людей поднимать надо. Добраться бы до армии.

Наверху появились Гронский, рядом его референт. Они смотрели вниз, на холл, лица их были неподвижны.

— А вы что скажете? — спросил Спиридонов.

— Очень странно, — ответил Гронский.

Сверху послышался шум. Чей-то громкий голос кричал:

— У меня самолет через час. Вы что, не понимаете?

В ответ бубнил что-то милиционер.

— Успокойте его, — сказал Спиридонов Гронскому, тот кивнул «шестерке», который сразу сорвался с места. Шубин смотрел ему вслед.

— Чего мы стоим? — спросил он.

— Есть предложения?

Желтый туман закрутился под ногами, и Спиридонов отошел на ступеньку выше.

— Почему мы до сих пор не позвонили в Москву?

— В Москву? — повторил Спиридонов. Пожевал губами. — Может быть, и в Москву.

— Зачем в Москву? — спросил Гронский. Он не

возражал, он задал спокойный вопрос, как человек, который хочет разобраться в трудной задаче.

— В любом случае мы должны сообщить, — сказал Шубин. — Там примут меры.

Гронский смотрел на Спиридонова. Спиридонов — на Гронского.

— Нет, — сказал твердо Гронский. — Мы не знаем ни масштабов аварии, ни причин — ничего не знаем. Что мы скажем Москве? Что в гостинице какое-то отравление?

— Не только в гостинице, — сказал Шубин.

— Пускай не только в гостинице. Пускай и на площади. И нас спросят: а какие вы приняли меры? И мы скажем: позвонили в Москву. Это же, простите, несерьезно! — Гронский развел руками, чтобы все поняли, насколько это несерьезно.

Чувствуя неуверенность Спиридонова, Гронский загремел вопросами:

— И куда мы будем звонить в Москву? В штаб ПВО? В Министерство здравоохранения? Куда? В ЦК?

Слова Гронского звучали разумно, но в них была ложь, в них был страх, что сильнее страха от увиденного. Страх перед собственной гибелью, но не физической, а моральной, карьерной, деловой.

Вернулся «шестерка» с оттопыренными ушами. Он не скрывал восхищения перед филиппикой Гронского. Радостно кивал, будто ждал, когда начнут раздавать конфеты.

— Дело говоришь, — сказал Спиридонов. — До Москвы больше тысячи верст. Пока мы будем дозваниваться да искать, с кем побеседовать, утро наступит. Давайте сначала попробуем задействовать местные силы. Чем больше сделаем сами, тем меньше будет претензий у Москвы. Как там, Гронский, на биокomboinate? Что тебе сказали?

— Никто не подошел.

— Это ничего не значит. Что у тебя предусмотрено на случай аварии?

— Есть программа у дежурного.

— Ты ему приказал действовать?

— Сергей Иванович, но ведь нет аварии на моем

заводе! Нет аварии! Что-то случилось здесь, в центре. А завод вон там. Вы же знаете.

— Так, значит, на завод ты еще не звонил? Иди звони.

Заметив, что «шестерка» хочет бежать за Гронским, Спиридонов приказал ему:

— А ты, Плотников, давай в номер люкс, держи ключ! Неси сюда бутылку и стакан.

Спиридонов посмотрел на Шубина.

— Два стакана. Нам подкрепиться надо... Так, Шубин?

— Так. — Шубину захотелось улыбнуться. В Спиридонове была внутренняя ясность, которая позволяет подчиняться без сопротивления.

— Гронский на завод не дозвонится, вот увидишь, что не дозвонится. У него там тоже все дрыхнут. А мы с тобой, знаешь, что сделаем? Мы с военным аэродромом свяжемся. Здесь есть, в Нехаловке. Пускай поднимут вертолеты и облетят город. Прежде чем действовать, мы должны знать, с чем имеем дело. Разумно?

— Разумно, — сказал Шубин.

— Вот и я так думаю. Пошли, а то я помру от этой вони. Мутит. Тебя мутит?

— Мутит, — сказал Шубин и отметил про себя, что ему очень хотелось добавить: «Так точно!».

Наверху народу прибавилось. Гронский был у телефона. Все смотрели на него. Эля стояла в сторонке, увидела Шубина и обрадовалась. Но не подошла, не посмела. Она понимала, что теперь наступило время начальников.

В стороне стояли три грузина из ресторанной компании. Они допрашивали милиционера, хотели посмотреть, что там, внизу, но милиционер пришел в себя и говорил властно. У лифта, где все еще горел красный огонек, стоял второй из командированных, что был с Шубиным в ресторане. Надо ему сказать, что его товарищ погиб. Потом скажу, подумал Шубин. Он хотел было подойти к Эле, но тут Гронский громко сказал:

— Это кто у телефона? Почему не подходите? Кто-кто, Гронский, вот кто! Что там у вас происходит?

Гронский послушал ответ. Все замерли, замолчали.

— А кто у телефона? — продолжал Гронский. — Так вот, Ховенко, выйди из дежурки, обойди территорию. Я тебе через десять минут позвоню. А если что — немедленно отзвонишь сюда. Какой телефон?

Гронский спросил, зажав трубку ладонью:

— Какой здесь телефон?

— Двадцать-триста четыре, — отозвалась дежурная по этажу.

— Двадцать-триста четыре. Гостиница «Советская». Немедленно отзови.

Гронский положил трубку с таким видом, словно у него гора свалилась с плеч.

— У нас все в порядке, — сказал он.

Получалось, что все происходящее вокруг — лишь видимость, недоразумение.

Это уловил и Спиридонов.

— У тебя в дежурке все в порядке, — сказал он. — А что это значит? Ничего не значит! Люди погибли, а ты — все в порядке!

— Мы будем искать причину, — сказал Гронский, проводя ладонью по гладкой щеке. — Мне позвонят. Все выяснится. Я уверен, что утечка на биокомбинате.

Появился «шестерка» Плотников. Он нес поднос, на котором стояли початая бутылка водки, два стакана и лежала нарезанная колбаска.

Он остановился перед Спиридоновым, не кланяясь ему, но всем видом своим изображая поклон.

— Молодец, — сказал рассеянно Спиридонов, — поставь на стол.

Тот поставил поднос на стол дежурной, и все смотрели молча, как Спиридонов разливает водку в два стакана, будто решая задачу, с кем разделить бутылку.

— Шубин, — сказал Спиридонов, — примем за знакомство.

Гронский не скрывал ненависти. Если бы не беда — ох бы он до Шубина добрался!

Может, в ином случае Шубин бы отказался, но именно из-за взгляда Гронского он стакан взял.

— За здоровье, — сказал Спиридонов. — Твое лицо мне знакомо. Откуда?

— Товарищ Шубин позавчера по центральному телевидению выступал, — сказал «шестерка», легкомысленно предавая своего шефа.

— Точно, — сказал Спиридонов. — У меня память на лица.

Он выпил свой стакан в три глотка.

— Давай, набирай аэродром, Гронский! Поднимем родные ВВС в темное небо. Ты чего не пьешь? — спросил он Шубина.

— Я знаю, куда позвонить в Москве, — сказал Шубин. — Надо позвонить к нам, в «Известия». Они знают, что делать.

— Зачем? — быстро ответил Гронский. Он уже цепко держал телефонную трубку. — Мы собственными силами, без прессы.

— Испугался, — без злобы сказал Спиридонов. — Ты понимаешь, Шубин, что будет, если Москва сейчас вмешается?

— Я думаю о пользе дела, — сказал Гронский и стал набирать номер.

Шубин знал, что все равно позвонит в газету. Сейчас же. Из своего номера.

— Сейчас он с крылышками свяжется, потом твоя очередь, — сказал Спиридонов. — А ты пей, не люблю, когда мои люди манкируют своими обязанностями.

Шубин понял, что никуда ему не деться от принадлежности к людям Спиридонова. И пить придется.

Он выдохнул воздух. И подумал: Господи, спаси меня от этой чести!...

Свет погас. Он погас везде — на лестнице, в коридоре, даже погас красный огонек лифта.

Это произошло не беззвучно. Все здание будто ахнуло — так отозвался в ушах Шубина общий вздох, вскрик всех, кто стоял вокруг. И сразу стало видно, что небо за окном зловеще светится желтоватым отблеском.

Шубин посмотрел туда. Фонари на площади потухли, потухли окна в домах на площади. Погасли окна в вокзале. И лишь в автобусе, что стоял посреди площади с открытыми дверями, у которых лежали его

водитель и пассажиры, горел яркий свет. И дальше к вокзалу светился еще один автобус. Тоже пустой.

Шубин поставил стакан на край стола. «Если высшие силы прислушаются к моим просьбам», — началась мысль, но так и не кончилась, потому что невдалеке возник голос Эли:

— Юра, ты где?

— Я здесь, — сказал Шубин. Он подошел к Эле, наткнулся на кого-то... — Я здесь!

Эля была рядом. Вот она. Она вцепилась в его руку, как цепляется перепутанный ребенок.

За спиной голос Спиридонова произнес:

— Как связь? Работает?

— Нет, — ответил Гронский. — Молчит.

— Значит, энергию вырубили. Кто-то догадался, что опасно.

— А может, не догадался, — сказал Шубин. — Может, до них добрался туман.

— Это может быть? — спросил Спиридонов.

— Электростанция старая, на реке, — пояснил Гронский.

— В низине?

— На нашем уровне.

— Мог добраться, — сказал Спиридонов. — Так что, Шубин, со звоном в Москву придется потерпеть.

— Вижу, — сказал Шубин.

Небо за окном светилось, по нему быстро бежали синие облака, между ними открывалась и сразу пропадала луна.

— Гражданка дежурная, — сказал Спиридонов. Он всегда успевал сказать раньше других. — Дежурная по этажу здесь?

— Здесь, — отозвалась та.

— На случай перебоев в энергии, где хранятся свечи или лампа?

— У горничных в комнате, — ответила дежурная.

— Тогда несите.

— Не могу, — сказала дежурная. — Как раз керосин кончился. Обещали завтра принести.

— Все у вас наперекосяк!

— Но ведь обещали. Если бы знать, из дома бы принесла.

— Все равно несите, — сказал Спиридонов. — В каких-то лампах должен остаться керосин. Вы ведь его не выпивали? Спички есть?

— Ой, кто тут? — раздался голос дежурной. Значит, она все же двинулась и натолкнулась на кого-то в темноте.

— Да помогите ей кто-нибудь! — рявкнул Спиридонов. Его квадратная фигура закрыла окно. Шубин подошел к нему.

— Нас, конечно, вызволят, — сказал Спиридонов тихо, будто сам себе. — Но скандал будет большой. Гронскому не удержаться.

Сзади что-то гремело — дежурная искала лампы.

— Вы что-то сказали? — послышался голос Гронского.

Шубин подумал, что Гронский услышал слова Спиридонова, но предпочел не разобрать их.

— Ничего, — сказал Спиридонов. — Просто меня интересует, как вы дошли до жизни такой?

— Это не мой завод!

— Все равно будут искать виноватых. Смотри, сколько народу погубил.

— Когда разберутся, поймут, что мы ни при чем.

— Завтра на митинге бы и выяснилось, — сказал Шубин.

— Какой еще митинг?

— Да так, общественники, вы же знаете, сколько их теперь развелось, — сказал Гронский. — Сейчас нам надо думать о том, как выбраться отсюда.

— Общественность, говоришь? — Спиридонов не стал поддаваться на отводящий маневр Гронского. — И чем она была недовольна?

— Я с ними разговаривал, — сказал Шубин. — Вполне серьезные люди. Их беспокоило состояние атмосферы в городе. Они хотели написать коллективное письмо в Москву.

— Не успели, — сказал Спиридонов. — Но были правы. Понимаешь, Гронский, что были правы?

— Сначала надо разобраться, что случилось, — упрямо стоял на своем Гронский.

— Тебя не собьешь.

— Что же делать, на этом держимся. Вы завтра

поглядите, сколько мы писали в министерство, чтобы нам выделили фонды. Вам и писали. Мы этим воздухом дышим, а вы, Сергей Иванович, приехали и уехали.

— Еще напомни, что банкет вместе гуляли, — сказал Спиридонов.

— Я не это имел в виду. Я о нашей общей ответственности за дело. Мы — подчиненные люди, мы старались как можно лучше выполнить указания.

— Ну вот, — усмехнулся Спиридонов, — топи всех, может быть, в коллективе выплывем... Нет, Гронский, боюсь, что тебе это не удастся.

Сзади замелькал огонек.

— Нашла, — сказала, подплывая, дежурная. — Нашла! И керосину там наполовину.

— Вот и отлично, — сказал Спиридонов, поворачиваясь и как бы сбрасывая с себя разговор с Гронским. — Иди обратно, ищи еще.

— Да она же горит! — сказала дежурная.

— Сколько их там у тебя?

— Штук шесть есть.

— Так вот, бери лампу и иди обратно. Из шести еще две должны гореть. Мы одной не обойдемся. А когда найдешь, одну поставь мне сюда, с другой пойдешь по этажам, скажешь другим дежурным, чтобы тоже лампы зажигали. И собирали людей. Никого в номерах оставаться не должно. Всех поднимать и гнать... Большое помещение есть? Чтобы повыше?

— Все холлы одинаковые, — сказала дежурная. Она высоко подняла горящую керосиновую лампу, и в круте света замелькали лица. Шубин понял, что народу вокруг прибавилось.

Тишина, владевшая гостиницей, сменилась растущим гулом голосов, окликов, шагов, стуков.

— Значит, так. Собираем всех, кто живет в гостинице, в холле третьего этажа. Понятно? С дежурной пойдут Плутников и Гронский. Нужны еще добровольцы — по одному на этаж. Ну, кто?

Второй командированный откликнулся:

— Я пойду.

— Я могу пойти, — сказал Шубин.

— Нет, ты останешься со мной.

— Я тоже, пожалуй, останусь здесь, — произнес Гронский тихо и требовательно. — Надо организовать мозговой центр.

— Мозговой центр — это я, — сказал Спиридонов. — При мне будут Шубин и милиция. Ты здесь, милиция?

— Здесь, — сказал сержант.

— Остальные — исполнять!

Появилась вторая лампа. Стало веселее и уютнее. Был установлен вроде бы порядок, который помогал не думать о тех людях, что лежат этажом ниже. Дежурная, преисполненная ощущения собственной значимости, двинулась вверх по лестнице. За ней — группа мужчин. Шубин заметил, как Гронский, шедший сзади, в последний момент отвернул от лестницы и остался в глубине холла.

— Сергей Иванович, — сказал Шубин, — мы забыли про наш этаж. Я пойду, разбужу, не возражаете?

— Давай, и возвращайся поскорее.

— Я с тобой пойду, — сказала Эля. — Мне страшно здесь оставаться.

Шубин взял со стола лампу.

Эля легко шла за Шубиным, касаясь его рукой.

— Юрочка, — сказала она, как бы моля, чтобы он ее переубедил, — а газ до моих не доберется?

— Он тяжелее воздуха, — сказал Шубин, стараясь, чтобы голос звучал убедительно. — Вверх он не поднимается. Сюда же не поднялся. Твои ведь на четвертом?

— На четвертом.

— Значит, они в безопасности.

— А вдруг они проснутся и вниз пойдут?

— Я надеюсь, что скоро все это кончится. Ведь не все же в городе вымерли. Есть районы, куда газ не добрался. Особенно на возвышенных местах. Поднимется ветер и все стонит...

— А вдруг...

— Да подожди ты! — огрызнулся Шубин. — Лучшие помогай. Я буду стучать в правые двери, ты — в левые.

Он постучал в первую дверь.

Не ответили. Постучал сильнее. Внутри кто-то завозился, недовольно прокашлялся.

Эля стучала в дверь напротив. Потом засмеялась.

— Ты что? — Смех ее был удивителен.

— Я подумала, — сказала она, — что там они, как мы с тобой... Ведь сейчас больше двадцати трех.

Господи, улыбнулся Шубин. Как давно все это было! Целый час назад!

— Открывайте! — крикнул Шубин. — Авария! Одевайтесь и спокойно выходите из номера. Авария, понимаете?

— Что? Что такое? — открылась дверь дальше по коридору, где было совсем темно. Голос оттуда испуганно спросил: — Почему нет света?

— Где авария? — откликнулись за дверью.

Скрипнула дверь напротив. Шубин услышал, как Эля говорит двум девчушкам, стоящим в дверях в ночных рубашках:

— Ничего страшного. Но надо выйти из номера. Одевайтесь.

— А вещи с собой брать нужно? — спросили издали, из конца коридора.

Шубин пошел вдоль дверей, молотя в них кулаками. Некогда было уговаривать каждого в отдельности.

— Срочно одеваться! — кричал он. — Срочно выходить!

А в ответ раздавались голоса. Казалось, они доносились не только из-за дверей, а со всех сторон — катились по коридору, отражались от потолка, от стен...

— Что? Пожар? Где свет? Что случилось? Кто там хулиганит?...

Три лампы горели на столе дежурной на третьем этаже.

Холл этажа был тесно набит тяжело дышащими, перепутанными сонными людьми. Некоторые не поместились, толпились в коридоре, все время подходили новые люди и шепотом, а то и громко спрашивали, что произошло.

Говорил Спиридонов. Неверный свет ламп обтекал его грубое, щекастое лицо. На кого он похож? На

Фантомаса? За его спиной стояли несколько человек, среди них, конечно же, Гронский и его «шестерка». Как бы штаб. Шубин, обняв за плечи Элю, встал у окна.

— Пока не прибыла помощь, — продолжал Спиридонов, — а на ее прибытие мы рассчитываем, как только восстановится связь, никто из гостиницы не выходит. Никто не спускается ниже второго этажа, там высокая загазованность. Опасно для здоровья.

— Насколько опасно? — спросил кто-то из толпы.

— Очень опасно. Если не верите, можете проверить. Жилыцы второго этажа переходят на этаж выше. Занимают пустые номера или остаются в коридорах.

— А водой пользоваться можно?

— Водой пользоваться не рекомендуется. Пока ее не проверят специалисты. Оснований для паники нет. Приказываю: строго подчиняться административной группе, которая размещается здесь. Я — Спиридонов Сергей Иванович. В случае необходимости обращаться лично ко мне.

Толпа качнулась к центру, к столу, за которым стоял Спиридонов. Начали спрашивать, перебивая друг друга, вопросы повторялись: про вещи, про радиацию. Спиридонов отвечал уклончиво и уговаривал оставаться в номерах. Но в номера мало кто ушел, спрашивали друг друга, никто толком ничего не понял. Но потом кто-то выглянул в окно, ахнул, все стали давиться у окна, Шубина оттолкнули. Он сказал Спиридонову через головы:

— Я пойду вниз, передайте мне лампу.

— Зачем? — спросил Спиридонов.

Шубин пробился к столу.

— Я хочу проверить, не поднимается ли газ.

— Рациональная идея, — сказал Гронский.

Спиридонов взял одну из ламп, протянул Шубину.

— Доложишь мне лично, чтобы никто не знал.

И тут же крикнул:

— Милиция, ты здесь?

— Здесь, — откликнулся сержант от лестницы.

— Никого вниз не пускать.

— Слушаюсь.

— Как же так? — раздался высокий голос. — Я же вещи из номера не взяла.

— Вещи возьмете завтра! — крикнул Спиридонов.

— Там мертвые! Они же все мертвые! — крикнули от окна.

Шубин пошел к лестнице. Эля собачонкой спешила за ним.

— Пойду погляжу, как там, — сказал он милиционеру.

— Вы осторожнее, — сказал тот.

— Спасибо.

— Может, девушка ваша здесь останется?

— Ничего, — сказал Шубин. — Она шофер.

— Шофер? — удивился милиционер. — А мне сказали, что это... из ресторана с вокзала.

— Они скажут, — огрызнулась Эля. — Я еще им покажу.

— Не покажете, — сказал милиционер. — Он там лежит, задохся.

Им удалось спуститься только до второго этажа. И тут же, тремя ступеньками ниже, Шубин увидел желтое, маслянистое в свете керосиновой лампы мерцание. Что-то произошло, заставив туман ожить и двинуться выше. Впрочем, если источник тумана, где идет смертельная реакция, продолжает действовать — а почему бы и нет? — то газ постепенно заполняет котловину города. Люди, что живут в одноэтажных домах, давно уже умерли. Вернее всего, умерли. И не заметили, как это случилось.

— Поднимается, — сказала Эля. — Почему поднимается?

— Не знаю, — сказал Шубин.

— И сколько будет подниматься?

— Вернее всего, это предел, — сказал Шубин. — Газ будет растекаться вокруг. Он уже наполнил низину, а теперь будет растекаться.

— Убивать тех, кто выше?

Шубин пожалел, что разрешил Эле идти сюда. Она дрожала, голос срывался.

— Надо посоветоваться со Спиридоновым, — сказал он. — Пошли обратно.

Милиционер наклонился, увидев, как поднимается

Шубин с лампой в руке. За спиной милиционера гудели голоса.

— Ну что? — спросил он.

— Немного поднялось, — сказал Шубин. — На второй этаж лучше не ходить.

— У вас закурить не найдется?

— Черт возьми, кончается! — сказал Шубин, достав пачку.

— Тогда не надо.

— Нет, берите, я в номере возьму.

— Ты туда не ходи, — сказала Эля.

— Слушайте, мы с вами вроде теперь знакомы, — сказал Шубин милиционеру. — А я не знаю, как вас зовут.

— Сержант Васильченко.

— А по-человечески?

— А по-человечески: Коля, Коля Васильченко.

— Меня Юрой.

— Вот познакомились, даже странно, — сказал милиционер. — Сначала вроде как вы нарушали, а теперь мы вместе.

— Это ты точно заметил, — сказал Шубин. — Только когда-нибудь потом расскажешь мне, чего я нарушал?

— Сами знаете, — сказал Коля и покосился на Элю.

— Ладно. Слушай, Коля, Эля останется с тобой. Чем скорее я схожу в номер, тем лучше. У тебя, Эля, там ничего не осталось?

— Нет. У меня только сумка была.

Он подтолкнул Элю к милиционеру и быстро спустился вниз.

Огонек в лампе затрепетал, чуть-чуть уменьшился. Еще не хватало, чтобы она погасла. Шубин покачал лампу — вроде бы внутри булькнуло.

На площадке второго этажа он остановился и снова поглядел вниз. Желтый туман мирно лежал у его ног. От него исходил мертвый запах. Это как вода, подумал Шубин. Как океан или озеро. На дне его лежат утонувшие люди. Было крушение, утонул корабль, и там лежат люди. И между мной и ними толща воды. И эта вода разлилась широко, еще неизвестно, на-

сколько широко. Затопила много домов... Наводнение на Урале, могут сообщить по телевизору. Хотя наводнения обычно случаются в Бангладеш. Да и лучше, если было бы наводнение. Или землетрясение. В этом никто не виноват. А здесь смерть безмолвная, подлая, придуманная людьми.

Он пошел по коридору. Еще недавно здесь были люди, даже запахи остались. Но теперь стояли тишина и запустение покинутого корабля, который чудом удерживается на плаву. В номере Шубин открыл чемодан. Что взять? Наверное, самое разумное — взять весь чемодан и отнести его наверх. Но неловко. Кто-нибудь заметит, и люди со второго этажа начнут рваться вниз. Нет, если всем нельзя, то и мне тоже. Шубину раньше не приходилось попадать в стихийные бедствия, и он даже удивился собственному решению. Оказывается, совесть твоя не дремлет, Юра, сказал он себе.

Он достал из чемодана сигареты, потом положил в карман «аляски» банку с кофе. Документы здесь. Больше человеку на плоту в открытом океане ничего не нужно. Он хотел уже выходить, но тут его посетила мысль: а что если предметы, попавшие в желтое мерцание, заражаются? Тогда он больше чемодана не увидит. Жалко, хороший чемодан, небольшой, крепкий, красивый, в Кельне покупал. И он забросил его на верх шкафа. Все же лишние полтора метра — может, не достанет. Потом заглянул в ванную, взял оттуда зубную щетку и пасту — тоже может пригодиться.

Перед тем, как уйти совсем, вернулся к окну.

Площадь была такой же — по ней тянулись тени от луны. В пустом автобусе все еще горел свет. Люди на снегу лежали так же покорно и неподвижно, как прежде. На крыше вокзала было какое-то шевеление. Шубин пригляделся. Там был человек. Нет, два человека. Ну и холодно им, подумал Шубин.

Где сейчас Бруни, Борис, Наташа? Если их забрали в милицию, то, вернее всего, их уже нет в живых. Шубин подумал об этом отстраненно, будто решал логическую задачу. Хорошо, если их отпустили. Тогда они дома. И если Бруни увидел, что творится, до того,

как погас свет, он мог успеть позвонить в Москву или в Свердловск. Кто-то же должен был сообразить! Есть железная дорога, аэродром и воинская часть — город как бы вписан в паутину постоянных связей с внешним миром. Значит, сейчас уже поднимается тревога — надрываются телефоны, спешат самолеты...

Шубин спохватился. Пора идти. Эля там с ума сходит. Вчера Эли не существовало. А сейчас он убежден, что она сходит с ума. И ничего в том странного. Может, никогда жена не была ему так близка, потому что за одиннадцать лет жизни ему ни разу не пришлось бояться за нее, да и она никогда не дрожала от мысли, жив ли он? Даже когда родилась дочка, он был за границей. Узнал об этом из телеграммы, как о событии радостном, и не тревожился. И расстались они как-то без трагедии. Он знал, что у нее роман, и даже почти знал — с кем, и даже понимал, что тот, другой, сильнее и отнимет Дашу. Когда захочет Даша, тогда он ее и отнимет. Так и произошло.

Два человека шли по гребню крыши вокзала.

Шубин закрыл дверь в номер. В этот момент керосиновая лампа погасла. Он потряс ее. Не булькает. Пришлось возвращаться, придерживаясь рукой за стену, а потом, уже в холле, возле стола дежурной, стало страшно — ему представилось, что желтый туман подобрался к лестничной площадке и молча поджидает его. Шубин набрал воздуха и задержал дыхание. Он шел, выставив вперед руки. Сердце заколотилось, и не хватало воздуха — грудь разрывало, так хотелось вдохнуть. И потом воздух сам прорвался в легкие. Даже зашумело в ушах. Но ничего не случилось. Шубин отыскал ступеньку и стал подниматься, хватаясь за перила ослабевшей от страха рукой.

— Это ты? — прошептала сверху Эля.

— Лампа погасла, — сказал Шубин. И голос сорвался. Он кашлянул. — Все в порядке. Только лампа погасла, керосин кончился.

Эля бросилась к нему. Она плакала.

— Я хотела к тебе бежать, — сказала она. — А Коля не пускает.

— У нее же света нет, — сказал рядом не различимый в темноте Коля. Они, оказывается, спустились на пролет, ожидая его.

— Да чего со мной случится? — сказал Шубин. — Ничего не случится.

— Чуть не забыл, — добавил Шубин. — Держи. Сигареты.

— Вот спасибо! — обрадовался Коля. — А я думал, что забудете.

— Спички есть?

— Есть.

Они с Элей поднялись выше. Лампа на столе мигала, в ней тоже кончался керосин. Можно было различить силуэт Спиридонова, который стоял, опершись ладонями о стол. Возле него было несколько черных теней. Толпа куда-то рассосалась.

— Основа, очевидно, сероводород, — негромко бубнил Гронский, — он сам по себе опасен. Но без анализа я не скажу.

— Ты же химик. Придумай, что делать, — сказал Спиридонов.

— Я не химик, а администратор. Но даже химик другого не скажет.

— Мать вашу! Довели город до ручки!

Спиридонов почувствовал приближение Шубина.

— Куда провалился? — спросил он ворчливо.

— За сигаретами ходил, — объяснил Шубин. — Пока не поднимается.

— Дай-ка сигареты, — сказал Спиридонов. — Хотя я и бросил.

Шубин открыл пачку. Спиридонов взял сигарету.

— «Мальборо», — сказал он. — Фирменные куришь?

Из темноты протянулись еще две руки, взяли по сигарете.

— Вы будете? — спросил Шубин у Гронского.

— Я не курю, — ответил тот, словно в предложении Шубина было нечто неприличное.

Потянуло вкусным дымом.

Слабенькое пламя керосиновой лампы, огоньки сигарет вокруг, тишина, чей-то повествовательный голос неподалеку, доносящиеся до слуха слова: «И был

еще такой у меня случай. Попал я в командировку в Курган...» — все вместе создавало по-своему гармоничный, законченный ночной мир, и, если забыть, что внизу, под слоем желтой воды, лежат утопленники, то можно придумать вполне мирную, обыденную причину, объединившую этих людей, ожидающих, но не напуганных ожиданием.

— Сергей Иванович, — сказал Шубин, — я хочу подняться на крышу.

— Зачем? Хотя ты прав. Надо наконец осмотреться. Иди. Доложишь. Возьми с собой только кого-нибудь. Один не ходи.

— Я милиционера возьму, — сказал Шубин. — Он местный, он может объяснить.

— Разумно. Идите. Плотников, смени милиционера на лестничной площадке.

Эле Шубин велел остаться внизу, потому что она была без пальто. Эля не стала спорить. Она сказала, что поищет свободный номер, чтобы там устроиться, потому что Юре надо поспать.

С ними пошла дежурная со второго этажа. Этажом выше они нашли лампу. Лампы горели и на пятом этаже, и на шестом, последнем. Во всех холлах был народ — люди боялись расходиться по темным номерам. При виде милиционера с Шубиным люди оборачивались, вставали, спрашивали, что нового. Какая-то женщина сказала:

— Я видела пожар. Из моего окна.

— Спасибо, мы сверху поглядим, — сказал Шубин.

На шестом этаже играла музыка — она доносилась из глубины коридора. Музыка была современная, рваная, с выкриками.

— Что там? — спросил Коля у старика, который сидел за столом дежурной и читал при свете керосиновой лампы.

— Гуляют, — сказал старик равнодушно. — Видно, большие запасы спиртного. Вот и решили ликвидировать.

— Со страху, что ли? — спросила дежурная.

— А им с шестого этажа ничего не видно, — сказал старик и перевернул страницу.

— А вы что читаете? — спросил Шубин.

— Евангелие, — ответил старик. И снова перевернул страницу.

— Чудак, — сказал милиционер, когда они вышли на служебную лестницу. Дежурная показала дверь на чердак. Дверь была закрыта и опечатана.

— Здесь печать, — сообщил Коля.

— Вижу, — сказал Шубин. — Срывайте.

Милиционер колебался. Шубин протянул руку и сорвал печать. Он нажал на дверь, та не поддавалась.

— Дайте я, — сказал милиционер. Он отклонился назад и ударил в дверь плечом. Дверь послушно распахнулась.

Дежурная сказала:

— Вы там найдете выход. А я не пойду. Не одетая я. Я здесь подожду. Вам лампа не нужна?

Они легко нашли выход на крышу.

Было холодно, но безветренно. Большинство домов в городе были ниже гостиницы, потому был виден весь город до невысоких холмов, ограничивавших котловину, разделенную посередине рекой.

Видно было хорошо. Светила луна, чуть светилось небо, а за рекой полыхал пожар. Дворы и крыши домов были покрыты снегом. Так что город был виден почти как днем.

Крыша была плоской, снег лежал на ней ровно — никто не поднимался сюда за последний день.

Город спал. Ни в одном из домов не было огня. Хотя нет, если напрячь зрение, увидишь, что далеко, там, где стоят пятиэтажки, в одном или двух окнах мерцает слабый свет — кто-то зажег свечи.

Шубин поглядел вниз — видна была улица, ведущая от вокзала к центру. Он сразу увидел те же игрушечные фигурки, темные полосы и закорючки на снегу и на грязной мостовой — всюду лежали люди. Их было не так много, потому что несчастье случилось поздно, а город после одиннадцати засыпает. Но все равно в поле зрения оказались десятки тел. Там несколько человек тесно лежат на автобусной остановке, а вот и сам автобус — окна светятся, как у того, что у станции.

Дальше по дворам и переулкам, видимым лишь частично, мертвых было очень мало. Один, два... но

переулки были застроены одноэтажными домами, и желтый газ забрался в них.

Газ можно было угадать. Не столько увидеть, сколько угадать — настолько он был прозрачен. Он накрыл центр города ровным спокойным слоем прозрачной воды. На главной улице он достигал середины окон первого этажа, дальше в переулках он кое-где залил одноэтажные строения до самых крыш. Местность постепенно понижалась к реке — черной полосе за домами. Там, у реки, туман поднимался даже до третьих этажей.

Над водой он клубился, двигался, жил, как бы рождался из воды, выплескивался и, успокаиваясь, как вода, выбивающаяся из подземной скважины, растекался во все стороны. Слева река вливалась в черное незамерзшее озеро, также покрытое подушкой желтого тумана.

Значит, понял Шубин, процесс рождения газа продолжается. И он постепенно поднимается. В желтом тумане там, за рекой, играли отблески пожара. Горело большое трехэтажное здание. В его широких окнах светилось адское пламя, языки прорывались уже сквозь крышу, черный дым порой закрывал луну.

— Что там? — спросил Шубин.

— Текстильная фабрика, — сказал Коля.

Удивительна была безжизненность пожара. Ведь пожар всегда привлекает к себе — не только пожарные машины, но и зеваки окружают место пожара, он вызывает мельтешню людей. А этот пожар пылал в полном безмолвии и равнодушии города.

Шубин старался понять, рассеивается ли желтый туман рядом с огнем, но на таком расстоянии нельзя было вычленить его бесплотную суть из сполохов огня.

Еще один пожар разгорался дальше. Там горел жилой дом, стандартная пятиэтажка, частично перекрытая другими домами, и потому земля вокруг нее не была видна. Но даже если бы и была видна, лучше не смотреть, потому что люди, выбегая из дома, наверняка погибали тут же от газа — дом стоял неподалеку от реки.

А за рекой и такими же немymi и темными кварталами, как по эту ее сторону, город взбирался на

пологий склон. Там тоже стояли дома — одноэтажные улицы сбегали к озеру, погружаясь в туман. Дальше начинались заводские здания. Над лесом труб не было дыма, в окнах — темнота. А есть ли там люди и что они делают — отсюда не разберешь.

— Юра, ты здесь?

Эля вылезла на крышу и подбежала к ним. Она была в одном платье.

— Ты зачем сюда пришла? Здесь ничего мне не грозит, — сказал Шубин. — А ну, давай обратно, простудишься.

— Ну и пускай, — сказала Эля. Она отмахнулась от Шубина, она смотрела к реке, в сторону горящего дома.

— Ты что?

— Ой! — сказала Эля.

— Это твой дом? — Впервые за эту ночь Шубин ощутил холодный ужас.

— Нет, это двадцатый, — сказала Эля. — Мой дальше, правее.

— Не бойся, огонь не перекинется, — быстро сказал Шубин. — Ты же видишь, между ними сквер.

— Но там Верка живет... ты не знаешь. Подруга моя...

— Уходи, — сказал вдруг милиционер. — Уходи, а то силой уведу!

— Нет, не надо, я боюсь, там темно. Пожалуйста, не надо.

Шубин снял «аляску», накинул ее на плечи Эле.

— Коля, — спросил он осторожно, — а ты где живешь?

— Я в общежитии, — сказал милиционер. — Я же после армии. Отсюда не видно... за теми домами. Мне не за кого беспокоиться. Как и вам.

— А почему он загорелся? — спросила Эля.

— Кто-то мог оставить утюг или плитку...

— Оставить и умереть, да?

— Тише!

Над головами родился отдаленный гул. Он приблизился. Над ними летел самолет.

— Нет, — сказал милиционер. — Это рейсовый. Высоко летит.

— Если никто не заметил, что нет энергии, — сказал Спиридонов, который тоже вышел на крышу, — то пожар заметят. Уже заметили.

— Хорошо бы заметили, но плохо, если поедут тушить, — сказал Шубин.

— Далеко не доедут, — согласился Спиридонов.

Спиридонов был в расстегнутом пиджаке, обширный живот наружу. Галстук съехал набок.

— Сейчас бы выпить, — сказал он. — Твой стакан где остался?

— На втором этаже.

— И бутылка там?

— Там, наверное.

— Ладно, потом схожу.

Между тем Спиридонов оглядывал город. У него плохо поворачивалась голова, и потому он разворачивался всем телом.

— До воинской части далеко? — спросил Спиридонов у милиционера.

— Километров двадцать. — Коля показал в сторону завода.

— Дым должны заметить. Не могут не заметить. А аэродром где?

— Там же, только поближе, — сказал милиционер. — Сейчас самолет пролетал.

— Чего же вы молчали? И куда полетел?

— Наверное, рейсовый, — сказал Шубин. — Он высоко пролетел.

— Не люблю, — сказал Спиридонов, — сидеть и ждать, пока тебя сожрут с дерьмом. Этого не люблю. Как ты думаешь, есть какое-нибудь противоядие?

— Не знаю.

— Я тут допрашивал, есть ли химики. Один нашелся, но никакой версии не дал. Потом смылся куда-то.

— Надо сделать ходули, — сказал милиционер. — Только подлиннее, чтобы голова выше была.

— Хорошая мысль, — сказал Спиридонов. — А потом что?

— Потом уйти.

— Много ты на ходулях в своей жизни ходил?

— Не ходил еще.

— И на скрипке не играл?

— Нет, не играл, а что?

— А то, что всему научиться надо. Выйдешь ты на ходулях на площадь, гробанешься на третьем шаге — и прощай, деревня.

Спиридонов прошел на ту сторону крыши, Шубин присоединился к нему. Оттуда были видны подъездные пути с темными вагонами, трупы на рельсах, далее — погруженные по пояс в желтый туман дома, склады... С той стороны город кончался раньше — можно было разглядеть в темноте щетку леса.

— Я что думаю... — сказал Спиридонов. — У них в гостинице должен быть штаб гражданской обороны. Милиция, случайно не знаешь, где он?

— Нет, не знаю.

Милиционер тоже подошел к ним, на той стороне крыши осталась только Эля. Она все смотрела на свой дом и соседний, горящий.

— Жаль, — сказал Спиридонов. — Но, вернее всего, на первом этаже. И какого черта все склады устраивают на первом этаже?

— Потому что города редко затопляет, — сказал Шубин.

— Обыскать бы первый этаж, там наверняка противогазы гниют.

— Если противогазы помогут от этого, — сказал Шубин. — Нет гарантии. Нужны с автономным питанием.

— А мы бы попробовали. Надели бы на Гронского и отправили бы его. Останется живой, мы все спасены, а погибнет — почетные похороны.

— Жалко, но ваш план не пройдет.

— Вижу, что не пройдет. А может, морду замотать мокрым полотенцем? Я читал где-то.

— И куда пойдете?

— Заведу автобус...

Ззади донесся гулкий звон. Еще удар, еще...

Они кинулись на тот край, к Эле.

— Что это? — спросил Спиридонов.

— Это в церкви, — сказала Эля. — Звонят.

— Зачем? — спросил Спиридонов. — Это еще зачем?

— Набат, — ответил Шубин. — Слышите, как бьют? Часто и одинаково.

— Кто разрешил? — И тут же Спиридонов опомнился, махнул рукой.

— Странно, — сказал Шубин. — Он ведь как-то прошел в церковь?

— Церковь на холме, — пояснила Эля. — А он, наверное, в доме живет возле церкви. Красный дом такой.

— Точно, — согласился милиционер. — Он там живет.

— Зря он колотит, — сказал Спиридонов, — и без него плохо.

— Может, он хочет предупредить, — предположил Шубин. — Или привлечь внимание.

— Не знаю, не знаю, — с сомнением покачал головой Спиридонов. — Какой дурак услышит, выскочит из дома — вот ему и конец.

Они замолчали. Колокол продолжал бить, словно пытаясь разбудить мертвый город.

— Я бы полжизни сейчас отдала, только бы до дому дойти, — сказала Эля.

— Не швыряйся жизнью, девушка, — сказал Спиридонов. — Еще нарожаешь.

Эля поежилась, но сделала вид, что не расслышала.

Она потянула Шубина за руку — чтобы уйти.

— И точно, холодно, — сказал Спиридонов, заметив ее движение. — Пошли, я совершу рейд на второй этаж — чтобы бутылка не пропала.

Шел второй час ночи, на втором этаже холл опустел. Три человека спали в креслах, поставив рядом вещи, остальные все же разошлись по комнатам.

На четвертом этаже все еще играла музыка. Спиридонов сказал:

— Разогнать их, что ли? Пир во время чумы устроили.

— Не тратьте силы, только нарветесь на скандал, — сказал старик. Он все еще читал Евангелие. — Они хотят заглушить страх. Каждый это делает, как может.

— Но нам-то бояться нечего.

— Люди, которые мертвые, тоже ничего вчера не боялись.

— Ладно, пошли, — насупился Спиридонов, — нечего тут мистику разводить.

На третьем этаже у стола стояли Гронский и «шестерка» Плотников. О чем-то шептались.

— Вас долго не было, — сообщил Гронский Спиридонову. — Пока никаких происшествий не произошло.

— Отдыхайте, — разрешил Спиридонов. — Завтра трудный день.

Звук колокола сюда не проникал.

— Я пошел на второй этаж, — сказал Спиридонов. — Надо проверить.

— Я с вами, — вызвался Гронский.

— Обойдусь, — сказал Спиридонов.

Лампа совсем уже выгорела, вот-вот погаснет.

— Ты лучше сходи, Гронский, наверх, — сказал Спиридонов. — Принеси другую лампу, там вроде лишняя есть. Только у старика не отбирай.

Он подмигнул Шубину.

— Даю вам пять минут, — сказал Шубин. — Потом высылаю спасательный отряд.

— Я сам кого хошь спасу, — сказал Спиридонов и, убедившись, что Гронский с «шестеркой» ушли, уверенно двинулся к лестнице.

Лампу он взял с собой. Стало темно.

— Я комнату нашла, — сказала Эля. — Пойдем, ты поспишь немножко. Тут рядом, вторая от края.

Шубину спать не хотелось, но он послушно пошел за Элей — она должна быть занята, думал он, хотя никак не мог придумать ей такого занятия, чтобы она отвлеклась от мыслей о доме.

Эля толкнула дверь. Номер был куда больше, чем у Шубина.

— Люкс, — сказала она. — Он был пустой, они всегда люксы держат для особых гостей. Как Спиридонов.

— А кто он такой, не знаешь?

Шубин отодвинул тяжелые шторы, чтобы впустить в комнату лунный свет.

— Вроде бы начальник главка. Из Москвы. Он Гронского начальник.

— Станный человек. В нем нет страха. И нет вины. Как будто он на каких-то маневрах.

— Это хорошо или плохо? — не поняла Эля.

— Не знаю. Но знаю, что сейчас лучше, что он с нами. Бывают люди, которые умеют командовать. Это призвание.

— Он умеет, это точно, — сказала Эля.

Шубин притянул к себе Элю, поцеловал ее в закрытые глаза. Она покорно стояла рядом. Потом сказала:

— Не надо сейчас, хорошо?

— Что не надо? — не понял Шубин. И тут же догадался, улыбнулся и ответил: — Я просто тебя поцеловал. Понимаешь — просто, потому что ты очень хорошая и я тебя люблю.

— Правда?

— Честное слово.

Он смотрел в ее глаза. Удивительно, как он привык к темноте, словно лемур какой-то.

— Мне страшно, — сказала Эля. — Но я очень счастливая. Это плохо?

— Почему плохо?

— Потому что Митька и мама там, а я счастливая.

— С ними ничего не будет. Я тебе слово даю.

— Спасибо, ты добрый.

Шубин посмотрел в окно — как там люди на крыше вокзала?

Но никого не увидел.

И замер от удивления. К вокзалу подходил товарный поезд. Яркой звездой появился огонь прожектора, ударил по вокзалу, протянулся дальше. Даже сквозь стекло было слышно, как стучат колеса. Поезд миновал вокзал. В просвете между зданием вокзала и багажными строениями было видно, как проскакивают вагоны.

— Неужели он не заметил? — спросила Эля.

— Он и не должен здесь останавливаться, — сказал Шубин. — Только если впереди какое-нибудь препятствие.

— Какое?

— Может быть, состав не увели с пути или человек лежит... Не знаю.

— Пускай ничего не будет, пускай он проедет, — сказала Эля.

И как бы в ответ на ее слова раздался отдаленный скрежет. Вагоны начали как-то дергаться, замедляя ход, и поезд останавливался.

— Черт, сглазил! — сказал Шубин.

Он представил себе, как машинист, увидев какое-то препятствие или почувствовав неладное, потому что не освещен вокзал и не горят светофоры, начал срочно тормозить. Он остановит состав... вот-вот. Потом скажет своему помощнику: «Свяжись со станцией, что у них там приключилось, чего не отвечают?»

И никто им не ответит.

Видно было, как все медленнее тянутся мимо вокзала вагоны. И вот поезд остановился... А сейчас машинист спрыгнет на землю... Вот он упал... Вот его помощник спускается к нему, чтобы узнать, что случилось...

— Все!

— Что все?

— Ничего, это я про себя. Сколько времени прошло? Пойду посмотрю, что там со Спиридоновым. Ты останешься здесь?

— Нет, только не здесь. Я лучше к дежурной пойду.

У стола дежурной Спиридонова не было. Милиционера тоже. Где Коля?

— Коля? — позвал он. Тот не откликнулся.

Лампа была у Спиридонова. Шубин ожидал увидеть ее свет, как только опустится на пролет ниже, но в холле второго этажа было темно. Куда же он отправился? Неужели вниз?

— Сергей Иванович! — позвал Шубин.

Шубин вспомнил о зажигалке. Сошел еще на несколько ступенек и остановился — не исключено, что желтый туман поднялся на площадку и Спиридонов попался.

Зажигалка горела ровно, но свет ее был очень слаб. Шубин присел на корточки. Внизу, насколько доставал свет, тумана не было. Шубин спустился еще на две

ступеньки вниз, снова осветил. Так он добрался до второго этажа, не обнаружив тумана. Он выпрямился.

Слабый свет падал через окно, на столе стояла бутылка из-под водки и пустой стакан.

Шубин прислушался. Из коридора донесся какой-то неясный шум. Хлопнула дверь.

Шубин окликнул:

— Сергей Иванович!

Кто-то громко выругался.

Шубин выскочил в коридор. Там, в дальнем конце, он увидел свет. На полу стояла керосиновая лампа. Возле нее дверь в номер была раскрыта, и в дверях возились какие-то темные фигуры.

Шубин побежал к свету. Там дрались... Невнятные и гулкие в темноте всхлипы, удары, возгласы...

Когда Шубин подбежал ближе, раздался тонкий, будто детский крик. Один из драчунов упал.

— Стой! — крикнул Шубин. — Стой, я говорю!

Еще один человек старался подняться, перебирая руками по стене. Третий побежал к Шубину.

— Уйди! — кричал он на бегу.

— Не пускай! Не пускай! — кричали от открытой двери. И Шубин узнал голос Спиридонова.

Шубин кинулся навстречу бегущему, тот махнул рукой, но не удержался от встречного удара, что-то звякнуло о пол, человек упал, откатился к стене, но тут же поднялся и, прихрамывая, побежал дальше.

Второй, странно согнувшись, бежал следом. Нет, не Спиридонов — этот был тонок и невысок.

— Держи же, черт тебя дери! — Спиридонов лежал там, у двери, царапаясь, рвался прочь.

Шубин мгновенно вцепился в убежавшего, повис на нем. Человек вырвался из объятий Шубина, тот побежал за ним. Нет, не догнать. Он молодой и очень испуган.

— Ты куда? — Это был голос милиционера Коли. Он раздался сверху.

Милиционер стоял на лестнице, подняв керосиновую лампу.

Шубин успел увидеть искаженное дракой и отчаянием плоское лицо. И тут на площадку выбежал,

держась за бок, второй — тот, за которым бежал Шубин.

— Стой, стрелять буду! — крикнул Коля.

И оба беглеца, ничего не соображая и думая только о спасении, кинулись по лестнице вниз.

— Туда нельзя! — закричал Шубин. — Вы что!

Снизу раздался стон, глухой мягкий удар тела о пол. И еще один удар...

— Все, — сказал Шубин. — Идиоты!

— Чего же они? — сказал милиционер. — Не понимают?

— Теперь поздно рассуждать.

Шубин сказал:

— Дай лампу.

— А что там случилось?

— Что-то со Спиридоновым.

Он взял лампу и первым пошел по коридору. Коля шел сзади и задавал пустые вопросы:

— Слушай, а кто они? Ты их пугнул? А ты их рассмотрел? Здешние или пришли?

— Откуда пришли? — огрызнулся Шубин. — С крыши?

Спиридонова они увидели не сразу, потому что между ними и им была полоса огня: керосиновая лампа в драке упала, керосина в ней оставалось мало, но достаточно, чтобы пятнами занялся в коридоре грязный палас.

— Еще пожара нам не хватало! — крикнул Шубин. Он начал топтать пятна огня, от них сыпались искры. Шубин высоко поднял лампу, чтобы в нее не попали искры.

Милиционер тоже принялся было протаптывать дорожку дальше. Было дымно, палас отвратительно вонял.

— Потом! — крикнул Шубин. Он перепрыгнул через полоску огня и наклонился над Спиридоновым. Тот полусидел, прислонившись к стене, закрыв глаза, прижав толстые крепкие пальцы к боку. Пальцы были темными от крови.

— Сергей Иванович! — позвал Шубин. — Что с вами?

Спиридонов ответил, еле шевеля губами:

— Пырнули, суки. У них нож был.

Милиционер продолжал вытаптывать очажки огня.

— Я думал, что сгорю, — сказал Спиридонов.

— Больно? — спросил Шубин

— Нет, не больно, тошнит.

— Это от дыма, — сказал милиционер. — Давайте посмотрю, что там.

Спиридонов с трудом, как со сна, приоткрыл маленькие светлые глаза.

— А ты умеешь?

— Нас учили первую помощь оказывать, — сказал Коля.

— Тогда оказывай.

Шубин с милиционером помогли Спиридонову лечь на спину. Милиционер задрал пиджак и рубашку, чтобы увидеть рану.

— Эй! — сказал Спиридонов. — Огонь-то опять пошел.

Шубин поднялся и принялся топтать проклятый палас.

— Ну и что? — спросил Спиридонов. — Как говорится, жить буду?

— А черт его разберет! — сказал Коля. — Рана небольшая. Только не знаю, какая глубокая. Это у них пером называется.

— Черт меня дернул! — сказал Спиридонов. — Я услышал, что они тут шуруют, — удивился. Думаю, ну кому придет в голову шуровать в такое время? Я решил, что, может, кто из клиентов решил свои вещички наверх вытянуть. А они... а они... Слушай, живодер, ты можешь пальцами не лазить? Больно же! Еще микробы занесешь!

— Я платком, — сказал милиционер.

Шубин осмотрелся. Кое-где палас еще тлел. Водой бы его полить.

— Товарища надо наверх отнести, — сказал милиционер.

Спиридонов натужно кашлял. Он снова схватился за обнаженный грязный бок, и видно было, как кровь течет сквозь пальцы.

— А может, не трогать меня? — спросил Спиридонов.

— Нет, — принял решение Шубин. — Сюда газ в любой момент может проникнуть. И дымно.

— Вы не дотащите, только замучаете.

Палас дымил, дышать и в самом деле было трудно, милиционер пропал за пеленой дыма.

— Мы на одеяле, — сказал он. — Я из номера возьму.

Он отыскал дверь в номер, споткнулся обо что-то, выругался. Спиридонов застонал.

— Паршиво, — сказал он.

— Черт знает что! — возмутился Шубин. — В самом деле грабители. Неужели в такое время они бывают?

— А почему нет? — сказал Спиридонов. — В такое время грабить — самый шик. Сбежали они?

— Сбежали, — сказал Шубин.

— Зря вы их не поймали. Они уже на других этажах этим займутся.

— Нет, они вниз побежали.

— Ясно... Значит, сильно мы их пугнули... Черт, больно! Знал бы, не сунулся. Ты понимаешь, я думал, кто из клиентов...

Спиридонов замолчал. Он тяжело и быстро дышал.

Появился милиционер. Он тащил за собой одеяло. В дверях опять натолкнулся на чемодан, который, видно, бросили мародеры. И Шубин с равнодушным отстранением понял, что это его чемодан. Хороший, купленный в Кельне и совершенно не нужный.

Они перетащили тяжелого как камень Спиридонова на одеяло. Потом пришлось оставить его и снова топтать тлеющий палас.

— И ведра нету, — сказал милиционер.

— Сейчас отнесем его к лестнице, там народ позовем, с ведрами. Потушим.

Они поволокли одеяло по коридору. Оно рвалось из рук, выламывало своей тяжестью пальцы.

— Здоровый вы мужик, — сказал милиционер.

— Теперь сам жалею, — сказал Спиридонов. — Осторожнее, черти!

Пока они дотащили его до лестничной площадки, Шубин выбился из сил. Еще шаг — и сердце лопнет.

Он отпустил одеяло и сказал милиционеру:

— погоди, я сейчас.

Только сейчас он сообразил, что милиционер так и не оставил лампы. Тащит одеяло одной рукой, лампа — в другой. Упрямый.

Шубин поднялся по лестнице. Ему казалось, что он бежит, а дыхания не хватало, ноги были ватными. У стола сидели только Эля с дежурной. Они о чем-то разговаривали, и Эля резко подняла голову, услышав шаги и дыхание Шубина.

— Что случилось?

— Спиридонов ранен. У вас аптечка есть? — Шубин не дошел нескольких ступенек до этажа. Стоял, держась за стену.

— Должна быть, — сказала дежурная. — Сейчас поищу.

— Нам нужны доктор и мужчины, чтобы поднять его сюда. Где все?

— Кто выше перешел, а кто в номере сидит, — сказала дежурная.

— Беги по номерам! — приказал Шубин Эле. — Ищи доктора. Или сестру, ну, кого-нибудь ищи. И мужиков зови. Где Гронский с его «шестеркой»?

Шубин прислонился к стене. Не было сил сделать хоть шаг.

Эля бежала по коридору, барабанила в двери, и слышно было, как она спрашивает:

— У вас доктор есть? Там человека ранило! А мужчины есть? Надо помочь.

Ему бы следовало подняться этажом выше и сделать то же там, но ноги не слушались.

Дежурная сказала:

— Вот аптечка. Я думала, куда я ее сунула — вчера еще видела, а оказывается, в нижний ящик, голова садовая.

Шубин запрокинул голову и закричал в пролет лестницы:

— Если там есть доктор, пускай спустится на третий этаж! И мужчины, чтобы поднять раненого.

— Иду, иду, — послышалось сверху.

Быстро спускался старик, который читал Евангелие. Он нес лампу. За ним шел командированный.

— Вы доктор? — спросил Шубин.

— Нет, но я хотел бы помочь.

Шубин открыл коробку из-под ботинок и высыпал ее содержимое на стол. Аспирин, таблетки от кашля, йод... Он взял с собой только рулон ваты.

Внизу было дымно. Милиционер сидел на корточках возле Спиридонова и поддерживал его голову. Спиридонов глухо стонал, в горле булькало. Шубин взглянул вниз и увидел, что желтая мгла, как бульон, заполнивший чашку до краев, подступила к самой лестничной площадке. Вот-вот начнет переливаться через край.

Остальные этого не заметили. Шубин дал Спиридонову ком ваты, и тот окровавленной рукой приложил его к боку. Когда тащили Спиридонова к лестнице, Шубин покрикивал:

— Выше держите, выше!

Он боялся, что провисшее под тяжестью Спиридонова одеяло коснется желтого тумана.

Пролетом выше их встретил Гронский с толстой Верой. Гронский помог тащить Спиридонова. Вера испугалась, что Спиридонов рассердится на Гронского. Она шла рядом с одеялом и все время повторяла:

— Все обойдется, у вас замечательное здоровье...

Ну как же вас угораздило...

А когда Спиридонова втащили, толкаясь и делая ему больно, в первый из номеров, Гронский протиснулся к Спиридонову и укоризненно сказал:

— Ну как же так неосторожно, Сергей Иванович!

Спиридонов не отвечал. Он закусил губу, по подбородку текла струйка крови.

Эля отыскала среди постояльцев медсестру, они выгнали из комнаты всех, кроме милиционера Коли, который помог им раздеть Спиридонова, и закрыли дверь.

Тогда Шубин вспомнил о пожаре.

Он стоял в холле, вокруг возникли люди. На шум пришли те, кто сидел по номерам.

— Кто пойдет со мной на второй этаж? — спросил Шубин, нарушив выжидательное молчание. Никто не назначал его заместителем Спиридонова, но тем не менее ждали именно его слов.

— Я пойду, — сказал старик, который читал Евангелие.

— Мы постараемся быстро посмотреть, что там творится. А остальные — срочно, понимаете, срочно — ищите ведра, миски — что угодно. Надеюсь, вы понимаете, что значит для нас пожар?

Снизу через лестничную клетку тянуло дымом.

— Я пожарный щит там видел, — сказал молодой грузин в кепке. Его звали, кажется, Русланом. — Огнетушитель есть.

— Это самое лучшее, — сказал Шубин.

Он колебался, сказать ли о желтом тумане или промолчать. Ведь испугаются.

Но паузу уловили окружающие.

— А что? Что? — спросил кто-то из темноты.

— А вот что. Газ добрался до площадки второго этажа. Предупреждаю: площадку проходить быстро, не задерживаться.

— А если до ног дотронется? — спросил женский голос.

— До ног, надеюсь, не опасно... Очень надеюсь. Но гарантировать ничего не могу. Мы все тут равны... Впрочем, давайте договоримся: мы проходим к пожару. Если опасности нет, то вы не спускаетесь. А если есть... тогда нужны будут добровольцы.

Вокруг молчали. И в этой внезапной тишине послышались гулкие быстрые шаги. Из темноты выскочил Руслан. Он нес огнетушитель и багор.

— Я же говорил, — сказал он.

— Спасибо, — сказал Шубин, протягивая руку.

— Багор возьми, — сказал грузин. — А огнетушитель сам буду использовать. Я инструкцию читал, а ты не читал.

— На площадке газ.

— Ты идешь? — обиделся Руслан.

— Иду.

— Значит, я иду, ара?

— Тогда вам не надо, — сказал Шубин старику.

— Прошу не указывать мне, что надо, а что нет, — сказал тихо старик.

Шубин не стал спорить.

Он взял с собой лампу, оставив холл третьего этажа в темноте. Лампа была последней, если не считать той, что горела в номере, где лежал Спиридонов.

Перед площадкой второго этажа Шубин остановился. Грузин и старик ждали сзади. Здесь было много дыма. Как Шубин ни вглядывался, он не понял, поднялся ли еще желтый туман.

— Не видно? — спросил сзади Руслан.

— Я пойду, — сказал Шубин.

— Подождите, — остановил его старик. — Я вас буду держать за руку. Если вам, не дай Бог, станет дурно, я вас вытяну.

— Спасибо, не надо, — сказал Шубин, но руку протянул. Пальцы старика были сильными и прохладными.

— И я возьму, — сказал Руслан.

Он ступил на площадку. Ничего не случилось.

— Пошли, — сказал он.

Так они и прошли площадку, держась за руки, втроем.

Дальше было так дымно, что свет лампы проникал метра на два, не больше.

— Я включу огнетушитель, -- сказал Руслан.

— Рано, — сказал Шубин. — До очага метров двадцать, не меньше.

— Может, и меньше, — сказал Руслан. Они прошли еще метров десять и близко услышали треск настоящего пожара.

— Плохо дело, — сказал Шубин.

Было куда теплее, чем на площадке, в лицо дуло горячим ветром, сквозь дым пробивались оранжевые блестяшки.

— А теперь не рано, — решил Руслан. Он перевернул огнетушитель. Он действовал по инструкции. Шубин подумал, что по закону подлости огнетушитель должен быть неисправен. У него же в руке был багор — бессмысленное оружие для борьбы с пожаром в гостиничном коридоре.

— Я пойду по номерам, — сказал старик.

— Зачем?

— Надо всюду включить воду. Пускай течет.

— Номера заперты, — сказал Шубин.

— Эх! — воскликнул Руслан радостно. Огнетушитель дернулся в его руке, и пенная струя рванулась вперед.

Шубин надеялся почему-то, что дым отступит, но струя пены смешалась с дымом, а тот не отступал. Дышать было невозможно, глаза резало так, что трудно было их открыть. Старик ударил ногой в дверь. Дверь открылась, и старик скрылся в темноте.

Стало слышно, как зашумела в ванной вода. Этот звук перекрыл треск пожара и шипение огнетушителя.

— Погоди! — Шубин схватил Руслана за руку. — Ты все истратишь.

— Понимаю, — сказал тот и скрылся впереди в тумане.

Старик вышел из номера. Он нес большой белый ком.

— Я намочил полотенца, — сказал он. — Чтобы легче дышать.

Он вытащил из кома одно, и Шубин благодарно замотал им лицо. Показалось, что стало лучше.

— Эй, генацвале! — крикнул Шубин. — Возьми противогаз!

Из дыма возник Руслан.

— Какой противогаз? — крикнул он.

Шубин протянул ему мокрое полотенце.

Сзади раздался крик:

— Вы где?

Это бежал командированный. Он нес ведро.

— Мы вас не дождались, — сказал он. — Что делать?

— Вон там открыта дверь, — показал старик. — Там течет вода.

— Понятно, — сказал командированный.

Рядом появился еще человек, в дыму не разберешь — кто. Он тоже рванулся в номер, где текла вода, и столкнулся в дверях с командированным. Командированный тут же, от двери, с силой плеснул водой вперед.

— Огонь дальше, — сказал Шубин.

— Без вас знаю, — крикнул командированный и снова исчез в номере.

— Простите, — сказал старик. — Вы не будете так любезны помочь мне отойти немного.

Старик стоял у стены, запрокинув голову, и глаза его над белым полотенцем были мутными.

- Вам плохо?
- Сейчас пройдет.
- Ведра ни у кого нет? — спросили рядом.
- Возьмите багор, — сказал Шубин.

Он помог старику выйти в холл, что с трудом удалось сделать, так как навстречу бежали люди, в дыму и темноте они налетали друг на друга. Подняв лампу, чтобы обойти человека, который не мог разойтись с ними, Шубин узнал милиционера. Милиционер добыл где-то большой таз.

— Коля? — обрадовался Шубин. — Как там Спиридонов?

— А кто его знает! Лежит.

— Ладно. Возьми лампу и постарайся как-то организовать людей, — сказал Шубин. — А то, боюсь, они только мешают друг другу.

— Слушаюсь, — ответил милиционер.

Шубин в полной темноте вывел старика в холл, но и тут задерживаться было нельзя — из-за дыма трудно дышалось. Вокруг были крики, метались люди, и Шубин подумал, что пожар был для них делом понятным и даже спасительным, потому что очень страшно было сидеть в тишине и чего-то ждать, когда можно в любой момент подойти к окну и увидеть мертвых людей на площади. Люди бежали на пожар с остервенением, но без страха, потому что пожар был бедствием объяснимым и всем было известно, что пожар можно потушить.

Шубин помог старику подняться этажом выше. Дыма было много и здесь, но по крайней мере можно было дышать.

— Есть тут кто живой? — спросил Шубин.

— Я на месте, — ответила дежурная, и Шубин различил ее силуэт за столом.

— Где-то было кресло, — сказал старик, отцепляясь от Шубина.

— Как вы себя чувствуете?

— Лучше, спасибо вам, — сказал старик. — Я уже сижу. Так что вы можете заниматься своими делами.

Шубин перевел дух, сердце еще билось, ноги еще бежали, надо было сообразить, что делать дальше.

— Вы идите, не беспокойтесь, — неправильно истолковал его колебания старик.

— Сейчас... Скажите, а вы кто по специальности?

— А почему вы об этом спрашиваете?

— Вы читали Евангелие.

— Нет, я не священник. Я пианист. Я здесь на гастролях. Моя фамилия Володиевский. Не приходилось слышать?

— Простите, я плохо разбираюсь в серьезной музыке.

— Меня мало кто помнит, — сказал старик. — Я всю жизнь подавал надежды. Но не больше. Но очень приятно, когда кто-то говорит мне: «Как же, слышал, неужели это вы?»

— Я к вам еще подойду, — сказал Шубин. Он обернулся к дежурной и добавил: — У вас там в аптечке есть что-нибудь от сердца?

— Не надо, — сказал Володиевский. — Я уже принял нитроглицерин.

Шубин пошел к Спиридонову.

Дверь в первый номер была закрыта. Он постучал.

— Войдите, — сказала Эля.

Шубин закрыл за собой дверь, чтобы не просачивался дым.

На столике у кровати горела керосиновая лампа. Эля сидела на стуле, держа Спиридонова за руку. Тот лежал на спине, глядя в потолок, одеяло ровным и пологим горбом покрывало его живот.

— Это ты, Шубин? — спросил Спиридонов. — Ну как там?

— Горит, — сказал Шубин. — Но прибежало столько добровольцев, что, может, и обойдется.

— Если начало гореть как следует, нам не потушить, — сказал Спиридонов. — Глупо получилось.

— Почему глупо?

Эля поднялась со стула.

— Ты садись, — сказала она. — Хочешь, я тебе воды принесу? Только из-под крана.

Эля все еще была в его «аляске».

— Слушай, — вспомнил Шубин. — Там в кармане банка с раствором. Разведи мне холодной водой.

— Хорошо, — сказала Эля.

Она ушла в ванную.

— Я боюсь, что помру, — сказал Спиридонов.

— Еще чего не хватало!

— Ты думаешь, что я молодой? — сказал он. — Я же на фронте был. Я ран насмотрелся. Этот гад меня глубоко пронзил, слишком глубоко. А они кровь остановить не сумели. Перевязали, все сделали, а она идет. Я уж руку держу под одеялом, чтобы кровь под себя подгребать. Чего людей беспокоить.

— Нет, так не будет, — сказал Шубин, словно отменял приговор.

— Дурак ты! — сказал Спиридонов. — Может, я этого заслужил. Пожар почему? Потому что я сдуру сунулся, куда не следует, лампу опрокинул. Если погибнете, проклинайте меня.

— Вы хотели как лучше.

— Я всю жизнь хотел как лучше. А получилось не как лучше... А знаешь, мне лучше помереть как бы на боевом посту... Я не шучу, Шубин. Я же понимал, чего Гронскому надо — на повышение, в Москву. Он старался, вторую очередь пустил без очистных — и отпрапортовал. А я знал, что здесь липа. И про общественность знал, и про митинг. Все знал и дал понять Гронскому, что не замечаю. Даже вони не замечаю, в которой люди жили. Думал, что обойдется. Мне же тоже рапортовать — уже министру. А я уже пенсионный возраст прошел, сечешь? Если не выполним, мне уходить. А я еще сильный, у меня работать охота была... Да что тебе говорить... Я и в Москву тебе не дал звонить... Помнишь?

Шум воды в ванной прервался. В кране заурчало.

— Ну вот, — сказал Спиридонов.

— Что? — не сообразил Шубин.

— Я все ждал, — сказал Спиридонов. — Это же должно было случиться.

— Вода?

— Конечно. Там же насосная станция. Не из колодца же... А я все думал, как вы начали пожар тушить: вот и конец... вот и конец... Ко-нец... ко-нец...

Спиридонов будто играл этим словом, произнося его все невнятнее и тише.

В комнату вернулась Эля.

— Вода кончилась, — сказала она.

— Тогда плохо, — сказал Шубин. — Если они пожар потушить не смогли... не знаю, куда и бежать...

— Юра... — сказала Эля.

— Что?

— Я люблю тебя.

— Надеюсь, у тебя еще будет в жизни немало поводов сказать это.

— Я, правда, тебя люблю.

Спиридонов застал тонко и тихо, будто ребенок.

— Надо будет тащить его на крышу, — сказал Шубин, и мысль эта была просто ужасна. Эля не могла понять, что значит — тащить Спиридонова.

— Почему на крышу?

— Это наш единственный шанс, — объяснил Шубин. — Вниз нельзя. Это мгновенная смерть. А если уже поднялась тревога, то ищут на крышах.

— На вертолетах ищут?

— Наверняка... И пожар не сразу туда доберется.

Господи, как я неубедительно говорю, подумал Шубин. Я должен говорить твердо, чтобы Эля мне верила. И сейчас будут другие люди, и я тоже должен говорить им твердо, чтобы они верили.

Шубин подошел к окну. Окно в этом номере выходило на пустые крыши домов, на мертвые улицы и зарево пожаров. Шубин поглядел на часы. Еще нет трех. Всего три часа прошло?

Эля стояла рядом с ним, осторожно касаясь его плеча.

— Эля, — сказал Шубин, — я хочу попросить тебя об одной вещи.

— Да?

— Ты не согласишься быть моей женой?

— Ты с ума сошел!

— Я никогда в жизни не был так серьезен. Ты для меня — самый близкий человек на земле.

— Ой, ты для меня тоже. Митька и ты.

По коридору кто-то бежал. Остановился у двери. Громко спросил:

— Здесь?

Далекий невнятный голос дежурной ответил:

— Здесь, здесь.

Дверь распахнулась. Это был милиционер. Грязный, в саже. Он с порога закричал:

— Воды нет! Вода не идет!

— Знаю, — сказал Шубин.

— Но там горит! Весь этаж горит.

— Значит, не успели, — послышался слабый голос с кровати.

— Что делать?

Шубин вздохнул — никуда не деться.

— Будем выводить людей на крышу, — сказал он. — Сколько-то времени у нас есть. Давай зови всех людей снизу. Пускай поднимаются. Проверьте по номерам, чтобы никто не остался. Я сейчас приду.

— Слушаюсь, — сказал милиционер. — Правильно, Юра.

— А сам придешь сюда. Гронского позови, нет, лучше того грузина, с огнетушителем... Будем поднимать наверх Спиридонова. — Шубин показал на кровать.

— Не надо, — сказал Спиридонов явственно. — Лишнее дело. Я умер.

— Иди, иди, — сказал Шубин.

— Сейчас. — Милиционер громко затопал по коридору.

Эля отошла от кровати. Посмотрев, Шубин увидел, что простыня и одеяло мокрые от крови, кровь течет на пол.

— Сергей Иванович! — позвал он.

Спиридонов не откликнулся.

— Он кровью истечет, — сказала Эля.

— Вижу. Перельют. Надо скорее его поднимать.

— А там мороз.

— Какого черта ты сомневаешься? — закричал Шубин. — Нельзя сомневаться. Если мы будем сомневаться, то останемся в мышеловке!

— Да, — сказала Эля робким голосом.

— Прости.

— Ты прав.

— Эля, если ты думаешь, что я сказал про женитьбу только потому, что у нас так получилось, — нет!

— Я верю тебе, Юрочка, — сказала Эля. — Ты не беспокойся, я тебе, конечно, верю.

По коридору снова затопали. Вошел милиционер, за ним Руслан. Руслан был черен весь — от кепки до пяток. Кто-то еще топтался в дверях.

— Отнесем Спиридонова наверх, — сказал Шубин. — Нужно шесть человек, он тяжелый.

— Сейчас подойдут, — сказал Руслан. Зубы и белки глаз у него были белые. На кого же он похож? На шахтера, конечно же, на шахтера!

— Как там пожар? — спросил Шубин.

— Горит, — сказал Руслан. — Красиво горит.

— Нельзя понять, — сказал Коля. — Там дым.

Дым проникал и в номер, потому что дверь была открыта. Все толпились в маленькой прихожей.

— Заходите, — сказал Шубин. — Беремся за углы матраса, а двое посередине.

Спиридонов молчал. Эля наклонилась, попробовала пульс.

— Не задерживай, — сказал Шубин. — Ихвати все одеяла. Сколько можешь. Его надо будет закутать.

Спиридонова они до крыши не донесли. Сначала пришлось остановиться между четвертым и пятым этажами. Спиридонов начал биться, будто хотел вырваться, он ругался, но невнятно, и непонятно было, чего он хочет. Эля, которая захватила с собой графин с водой, старалась его напоить. Он не пил. Потом вдруг перестал биться, замолк, вытянулся. Но еще не умер.

— Шубин, — прошептал он. — Шубин, ты здесь?

— Я здесь, Сергей Иванович.

— Прости, Шубин, — прошептал Спиридонов. Все замолкли, чтобы было слышно Шубину. Спиридонов быстро, мелко дышал. Потом заговорил снова: — Бойся Гронского. Он выживет. Ему надо будет это все дело покрыть... нейтрализовать. Понимаешь? Ты скажи... меня нет, а ты скажи... только осторожно, а жена моя проживает... Ты паспорт мой возьми.

И вдруг он замолчал. И перестал дышать. Сразу.

Они стояли вокруг и ждали чего-то. Эля поставила графин на пол и пригнулась к его лицу, слушала. Потом наклонилась еще ниже и прижала ухо к груди.

— Молчит, — сказала она.

Шубин увидел, что глаза Спиридонова полуоткрыты. Он положил ладонь ему на глаза, и веки послушно сомкнулись. Лоб Спиридонова был горячим.

— Все, — сказал милиционер.

Мимо них проходили люди, обходили, поднимаясь наверх, некоторые несли вещи. Они старались не смотреть на лежащего человека. И ничего не спрашивали.

Шубин ощутил усталую тупость проходивших людей. Уже не страх, а усталость, когда все равно.

— Поднимем его? — спросил Шубин.

— Ты что, совсем дурак? — удивился Руслан. — Зачем мертвого таскать? Ему и здесь лежать хорошо.

Он натянул одеяло на лицо Спиридонову.

И они пошли наверх, на крышу.

На крыше уже было много народу. Некоторые принесли одеяла и кутались в них, сидя на чемоданах, другие стояли или ходили, вглядываясь вдаль, смотрели на небо, откуда должно было прийти спасение.

Говорили тихо.

— Старик, — вдруг вспомнил Шубин, — старик там сидит.

— Где? — не поняла Эля.

Но дежурная по этажу поняла. Она стояла рядом, закутанная в одеяло, которое капюшоном свисало на глаза.

— Помер старичок, вы ушли, а он помер, — сказала она. — Я точно знаю.

— Почему вы знаете?

— Потому что он со стула упал. Я слышу, со стула упал, а он помер. Инфаркт, наверное.

— Не надо, не ходи туда, — сказала Эля. — Он все равно умер.

— Все помер, грехи наши тяжкие, — сказала дежурная. — Никто живой не останется.

Шубин подумал: чего-то не хватает, чего-то ожидаемого. И понял: молчит колокол в церкви.

— Возьми куртку, — сказала Эля.

— Не надо, мне не холодно.

— Возьми, у меня одеяло есть.

— Вернусь, тогда возьму.

— Ты куда? Тот старик умер. Я сама видела.

Шубин увидел Гронского. Он стоял у края крыши, за ним «шестерка» Плотников. И две толстые женщины. Они были одеты — значит, было время одеться. Шубин понял, что он давно уже не видел Гронского. И он не обгонял их, когда несли Спиридонова. Значит, он поднялся сюда раньше.

Гронский стоял, приложив к ондатровой шапке руку в перчатке, и смотрел вдаль, как моряк, ожидающий встречи с землей.

Шубин хотел было сказать ему, что Спиридонов умер, но потом передумал: если сам не спрашивает, значит, забыл о начальнике. Вспомнит.

Подул ветер. Это хорошо. Ветер очень нужен. Зачем? Голова работает с трудом. Ветер нужен, объяснил он себе терпеливо, чтобы разогнать газ, и тогда мы все выйдем из гостиницы. Газ улетит, и мы выйдем. Если, конечно, огонь не отрежет нам путь.

— Коля, — позвал он. — Пошли вниз.

— Пошли, — сказал Коля, святой человек. — Зачем?

— Посмотрим, где огонь. И можно ли выйти из гостиницы.

— Я с вами пойду, — сказал Руслан. — Здесь холодно.

— А выйти нельзя, — сообщил милиционер, спускаясь за Шубиным по лестнице. — Там газ.

Было темно, приходилось идти, придерживаясь за стену.

— Ветер, — сказал Шубин. — Если станет сильнее, он разгонит газ.

— Ветер есть, — сказал Руслан. — Еще какой!

Спиридонов лежал на площадке, и Шубин, проходя, не удержался — поднял его уже похолодевшую тяжелую руку и постарался нащупать пульс.

Руслан и Коля молчали, ждали.

— Пошли, — сказал Шубин.

Но они смогли добраться только до третьего этажа. Там уже был такой дым, что не выйдешь даже в холл. Снизу доносился громкий треск — огонь пожирал нижние этажи. Шубина охватил ужас от ненадежности существования, от того, что огонь пытается вырваться

низ гостиницы и скоро, очень скоро он подточит ее, и крыша со всеми людьми, и Эля, и он — все рухнет в оранжевое пламя.

Шубин даже забыл, что хотел найти старика Володиевского.

— Плохие дела, — сказал Руслан.

— Поднимемся на четвертый, — предложил Шубин.

Там они подошли к окну, что выходило на площадь. Луна спряталась, и стало куда темнее. И небо светилось меньше. Площадь порой скрывалась за клубами дыма, что рвались снизу. Клубы мешали смотреть.

— Что хотите? — спросил Коля.

— Хочу понять, есть ли ветер на площади?

Он вглядывался в прорывы в дыму, стараясь угадать, в каком состоянии газ. Ему казалось, что желтая мгла завивается смерчками... Нет, наверное, он так хочет это увидеть, что видит.

— Погляди, — сказал он Коле.

Милиционер и Руслан прижались к стеклу.

— Поехала, — сказал Руслан. — Точно говорю, поехала.

— Кажется, гонит, — сказал Коля. — Только не знаю, хорошо это или плохо.

— Почему? — спросил Руслан.

— А потому, — рассудительно произнес милиционер, — что ее может нагнать еще больше, чем раньше. Ты думаешь, что ее отгонит, а ее может пригнать.

Это была здравая, хоть и грустная мысль.

Дым валил все сильнее, и площадь появлялась лишь в редких просветах.

— Пошли наверх, — сказал Шубин. — Все ясно.

На крыше мало что изменилось — лишь возросло напряжение. Многие столпились у края, заглядывая вниз, показывали пальцами. Шубин понял, что надежда на то, что ветер, который не спадал, отгонит газ, овладела всеми.

Эля подбежала к Шубину.

— Разгоняет, — сказала она. — Ты знаешь?

— Хорошо бы скорее, — сказал Шубин. — Горит уже третий этаж.

— Не может быть, — прошептала Эля. Она сразу все поняла.

Высокий столб дыма поднялся над крышей, порывом ветра его бросило на людей, кто-то закашлялся. Испуганно вскрикнула женщина. Поднимавшийся ветер подавал надежду на спасение. Черный дым напомнил об опасности.

Шубин смотрел вдаль, к реке, к заводу. Зарево пожара на текстильной фабрике достигало реки, и Шубин мог поклясться, что видит не ровную желтую гладь, а клубы тумана, гонимого ветром.

— Надо спускаться, — сказал кто-то.

Гронский пошел к выходу с крыши. Шубина он обошел, словно не заметил.

За ним потянулась толстая Вера с приятельницей. Сзади шагал «шестерка» Плотников.

— Вы хотите спускаться? — спросил Шубин. — Я там только что был. Горит уже третий этаж. Вы не пройдете.

— Не поднимайте паники, — брезгливо сказал Гронский. — Мы намочим полотенца и пробежим.

— Вы забыли, что воды нет? — Притворяется он, что ли? Или обезумел?

— Как так нет воды? — Гронский подобрал брыли и нахмурился.

Шубин понял, что Гронский на крыше давно, он сюда поднялся еще до пожара, чтобы первым увидеть спасательные вертолеты.

— Воды нет давно, — сказал Шубин, понимая, что его слушают несколько десятков человек, готовых ринуться за спасителем Гронским. — Вы сгорите. Это не лучшая смерть.

— Не может быть, — сказал Гронский, забыв следить за своим голосом. Оказалось, что в действительности он у него куда выше, чем полагали окружающие.

— Три этажа уже сгорели, — сказал весело Руслан. — А вы, гражданин, пока мы пожар тушили, по крыше гуляли, да? Самое интересное пропустили. Ничего, скоро крыша внутрь упадет — как фанерка в печку.

— Пускай он замолчит! — закричала толстая Вера, кутаясь в норковую шубу. — Запрети ему говорить.

— Он совершенно прав, — сказал Шубин. — Но мы еще не погибли. Еще есть время спастись.

Вокруг поднялся гомон, трудно было всех перекричать. Надо было успокоить людей. Как? Только не паника!

— Тише! Тише! — закричал «шестерка» Плотников. — Не мешайте товарищу Шубину!

— Опасности нет! Мы все спасемся. Если вы будете молчать и слушаться меня.

Когда Шубин начинал фразу, он еще не знал, чем ее закончит. И в середине фразы до примитивности простая мысль пришла ему в голову. И в самом деле был шанс.

— Да тише вы! — закричал Гронский.

Породистое, собачье величие его лица превратилось в оскал — словно лицо потеряло все мясо.

— Успокойтесь, — сказал Шубин негромко, хотя хотелось кричать. — Мы можем спастись только в случае абсолютной дисциплины. Полного самообладания. Потому что путь, который я предлагаю, сложный. Если начнется давка — погибнут все.

Он говорил, и вокруг уже было тихо. Так что слышен был треск пожара внизу.

— Мы забыли, что есть пожарная лестница, — сказал Шубин. — Вон она, справа.

Все смотрели туда. Там, словно передок саней, загибались на крышу поручни пожарной лестницы.

И тут же кто-то побежал к лестнице.

— Сейчас еще спускаться нельзя, — сказал Шубин. — Потому что внизу газ. Если кто хочет погибнуть, пускай пробует.

Человек, что побежал к лестнице, остановился в двух шагах от нее.

— Придется немного потерпеть, — сказал Шубин.

Он подошел к краю крыши и заглянул вниз. Раньше он всегда боялся высоты, а сейчас страх прошел, но Шубин даже не заметил этого.

Сначала он увидел не лестницу, а языки пламени, почти бездымного, яркого, что вырывались на втором этаже из окна, которое было рядом с лестницей.

Между вторым и третьим этажами лестница была

забита досками — так часто делают, чтобы злоумышленники не забрались по ней в комнаты.

— Там доски. Их надо оторвать, — сказал Шубин, понимая, что долго рассматривать лестницу нельзя. — Сначала спустится... Руслан. Он их оторвет. Ты сможешь?

— Почему не смогу? — сказал Руслан.

— А почему не я? — вдруг выкрикнул «шестерка». Уши его вылезали из-под шапки под прямым углом.

— Потому что там пожар. Посмотрите вниз, — сказал Шубин. — Руслану я верю. Он в пожаре был, а вам я не верю, вы только погубите все дело и сами погибнете.

Гронский подошел к краю крыши, присел на корточки и что-то достал из кармана. К изумлению Шубина, это был электрический фонарь. Луч его скользнул вниз, по ступенькам лестницы, до досок.

— Все правильно, — сказал он. — Товарищ Шубин прав.

Если я скину его с крыши, подумал Шубин, на том свете меня оправдают. Как нужен был фонарь раньше!.. Впрочем, что бы от этого изменилось? Пускай живет...

Эти мысли неслись как-то стороной и не помешали Шубину спросить Элю:

— Ты графин где оставила?

— Я его с собой взяла, — сказала Эля. — Я думала, вдруг тебе пить захочется.

— Дайте шарф, — сказал Шубин.

Никто не двинулся.

И тогда Шубин мстительно избрал Гронского, подошел к нему и рванул шарф на себя. Голова Гронского мотнулась, он еле успел подхватить очки.

— Это что? Это что такое? — жалобно крикнул он.

— Эля, — сказал Шубин, не глядя на него, — намочи шарф и дай Руслану. Пускай обмотает лицо.

— Меня огонь уже не возьмет, — сказал Руслан.

— Там может газ быть, — сказал Шубин.

Руслан быстро спустился до верхнего края досок. На секунду его скрыло дымом. Эля потянула Шубина за руку, чтобы не стоял близко к краю.

— Сверзишься, ты же усталый, — сказала она, словно извинялась. Она понимала, что Шубину надо смотреть вниз, но все равно боялась.

Шубин послушно присел на низкий парапет.

Руслан начал бить каблуком по концам досок, прикрепленных вертикально к лестнице. Ему пришлось спуститься пониже, чтобы удар получался сильнее. Огонь вырывался из окна на втором этаже, но пока до Руслана достигал только дым. Доски не поддавались.

— Сильнее! — крикнул сверху Гронский. — Не бойся!

Руслан не откликнулся. Он спустился еще ниже, стал пробовать концы досок руками. Затем, ловко держась за переладины лишь носками ботинок, опустился за доски, так что лишь его голова поднималась над их концами.

Шубин догадался, в чем дело: доски были не прибиты — их прикрутили к стойкам проволокой.

Шубину было холодно. Он насквозь продрог под морозным ветром. Только бы выгерпеть... Ведь не худшее испытание.

Вцепившись одной рукой в стойку лестницы, Руслан отматывал ржавую проволоку.

Гронский стал ходить по краю крыши, выказывая нетерпение.

Шубин старался понять, что же происходит с желтой мглой.

Ему казалось, что ветер выдул ее с той стороны здания. Но надолго ли?

— Я помогу ему, — сказал «шестерка» Плотников и перегнулся через край, чтобы тоже спускаться. Ему не терпелось скорее на землю. Гронский понял это, схватил за рукав, зарычал на «шестерку», и обе дамы, что паслись возле Гронского, заверещали. «Шестерка», напуганный, отступил.

Снизу донесся крик.

Шубин посмотрел туда. И изумился. За те несколько секунд, что он отвлекся, огонь прорвался в комнаты третьего этажа и язык пламени, будто разумное существо, высунулся из окна и как-то лениво, любопытствуя, потянулся к Руслану. Руслан, не заметивший этого

нападения, обжегся, подтянулся и, перебирая руками, поднялся выше.

— Не трусь! — крикнул Гронский, который внимательно наблюдал за тем, что происходит внизу. — На тебя надеются женщины и дети.

— Смелее? — озлился Руслан. — Смелее сам сюда лезь, ара?

Язык пламени облизал доски, почернив их, и спрятался в доме, выпустив вместо себя черный удушжающий клуб дыма.

Руслан со злостью ударил по доске. Проволока уже была ослаблена, доска с хрустом оторвалась верхним концом от лестницы и закачалась под прямым углом к зданию.

— Молодец! — закричал Гронский. — Действуй!

Кто-то из зрителей, сбежавшихся к краю крыши, захолопал в ладоши.

Руслан снова полез было вниз, но тут же ему пришлось ретироваться — лестница стала дорожкой между языками пламени, такими горячими, что жар достигал Шубина. Каково же там Руслану!

Эля наклонила графин. Струйка воды, светясь, пролетела мимо Руслана.

— Ну, это уж никуда не годится! — возмутился Гронский.

Шубин так и не понял — необдуманном поступком Эли или поведением Руслана.

Руслан держался из последних сил, на одном упрямстве. Он не мог вернуться с пустыми руками. Интересно, есть ли в грузинском языке слово для этого состояния? У испанцев его называют «мализмом».

Руслан снова сражался с досками. Вторая доска оторвалась. Язычок огня пробежал по плечу Руслана.

— Возвращайся! — закричал Шубин. — Скорее!

— Ну почему же? — сказала Вера. — Вы ему только мешаете! Ведь немного осталось.

Она не понимала, как больно Руслану.

— Наверх! — закричал Шубин. — Я приказываю тебе.

— Жалко, — махнул рукой Гронский, не споря, впрочем, с Шубиным. — Совсем немного осталось.

Одна из оторванных досок, что покачивалась у окна, занялась. Огонь лизал ее сбоку и был упорен.

На четвертом этаже со звоном вылетело стекло, и оттуда вырвался сноп искр.

Руслан поднялся на крышу. Он был чуть живой. Сразу несколько рук протянулись к нему, вытаскивая на крышу. Руслан жестоко обжегся, но сам этого еще не чувствовал.

— Можно спуститься, — сказал он. — Честное слово. И газа нет. Я смотрел.

— Нужна очередность! — Гронский взял на себя руководство спуском.

Шубину было все равно. Люди жались ближе к лестнице. Некоторые так и не выпустили чемоданов.

— Сначала женщины, — сказал Гронский. — И дети.

Детей, к счастью, не было. Среди женщин возникла заминка.

— Сначала пойду я, — сказал тогда Шубин. — Надо оторвать остальные доски.

— Возьмите себя в руки, — сказал Гронский. — Не отталкивайте от лодки слабых. Сначала пойдут женщины.

— Идиот, разве ты не видишь, что доски горят? Как твои женщины пройдут?

— Не спорь, Юра, — сказал милиционер. — Такая уж моя работа. Я пойду. Спущусь и буду принимать людей.

— Давай, — сказал Шубин. — Спасибо тебе за все... Смотри, чтобы газа не было.

— Увидимся, — сказал Коля. — Ты не дрейфь.

Он застегнул шинель, подтянул пояс, надвинул грязную фуражку на самые уши. Гронский замолчал, не вмешивался.

Милиционер спускался быстро. И все у него получилось ладно. Видно, проволока перегорела. Ему удалось сразу сбить оставшиеся доски. На несколько секунд его окутал дым, потом он возник уже внизу.

Коля стоял на последней ступеньке, которая не доставала до земли метра на полтора, и внимательно смотрел вниз. Ему было страшно.

— Давай! — крикнул Гронский. — Не робей!

Подчиняясь этому голосу, милиционер оттолкнулся от лестницы и упал на снег. Сразу встал. Поднял голову.

— Порядок! — крикнул он.

Крик его донесся слабо, потому что с новой силой взвыл огонь.

— А теперь женщины, — сказал Гронский. — Верочка, иди сюда.

Только тут Шубин догадался, что эта матрона в норковой шубе — его жена.

— Нет! — закричала вдруг Верочка. — Ни за что! Я лучше умру!

Гронский тащил ее к краю крыши, ругал, она отбивалась.

— Пойдешь? — спросил Шубин Элю.

— Потом, — сказала она. — Пускай они идут.

Из двери, через которую они выходили на крышу, вырвался дым.

Шубину не хотелось подходить к Гронским, но он понимал, что придется. Время идет. В этот момент какая-то маленькая женщина в нейлоновой шубке кинулась к лестнице и начала спускаться.

Шубин испугался за нее. Эта шубка может вспыхнуть как спичка.

Он закричал:

— Снимите шубу! Вы слышите, снимите шубу! Бросьте ее вниз!

Женщина не слышала или не хотела слышать криков Шубина.

Многие догадались, в чем дело, и тоже начали кричать:

— Сбрось шубу!

Запрокинув голову, кричал милиционер:

— Сбрось шубу!

— Мать ее! — зарычал Руслан, который только что сидел рядом с Шубиным и, тихонько воя, пытался унять боль в обожженных руках. Он перемахнул через бортик крыши и начал спускаться, чтобы догнать женщину раньше, чем она достигнет полосы огня.

Он тоже кричал. Все кричали. Только женщина не слышала. Может, она ценила шубу и боялась с ней

расстаться, а может, полагала, что именно она ее защитит.

Женщина благополучно миновала третий этаж, и язык пламени догнал ее, когда она была уже у второго. Вместо того, чтобы скорее спускаться вниз, женщина вдруг остановилась и, отпустив одну руку, стала сбивать с себя пламя, которое окутало ее легким искристым шаром.

Руслан, почти догнавший ее, принял отчаянное решение. Он прыгнул вниз, схватив в этом прыжке женщину и оторвав ее от лестницы.

Коля подставил было руки, чтобы их удержать, но они упали рядом с ним.

Женщина начала пронзительно и заунывно кричать.

Руслан с трудом поднялся и тут же упал — нога у него подкосилась. Видно, сломал.

Коля сначала потянул в сторону визжавшую женщину, затем помог отползти Руслану.

Люди стояли у лестницы, ждали чего-то.

Гронский все еще уговаривал жену:

— Я буду тебя поддерживать, я тебя не отпущу.

— Нет! — кричала она. — Нет! Ты же сказал, что нас спасут. Мы будем ждать, что нас спасут...

И тут — будто мольбы Верочки донеслись до небес — над ними появился вертолет.

За шумом пожара и криками они его не услышали. Только когда луч его прожектора упал на крышу, все поняли, что с неба пришло спасение.

Это был большой военный вертолет. Он был темнее неба. Зависнув над самой крышей, он казался огромным, как дирижабль.

В брюхе вертолета образовался квадрат света. Все, кто был на крыше, потянулись к свету, поднимая руки... Наступила тишина.

И тогда стал слышен клекот вертолетного мотора.

По веревочному трапу, мягко упавшему на кровлю, ловко спустился офицер в комбинезоне.

— Спокойно, — сказал он, прыгивая на крышу. — Без паники, товарищи.

— Я Гронский, директор химзавода. — Почему-то он первым оказался возле офицера.

— Я вас слушаю. — Офицер оглядывал толпу, жмущуюся к нему. Он выглядел усталым, и Шубин догадался, что для него это не первая подобная миссия.

— Мне необходимо в штаб, — сказал Гронский. — Он организован?

— Да, — сказал офицер. — Давайте сначала возьмем женщин.

— Разумеется, — сказал Гронский. — Верочка, скорее, тебя же ждут.

Верочка закричала снова, что она упадет.

Сквозь ее крик прорвался резкий голос Гронского:

— Товарищ капитан, неужели вы не можете опустить машину ниже? Вы же видите, в каком состоянии женщины.

Люди толпились вокруг трапа, многие держались за него руками, будто боялись, что вертолет улетит.

— Да не толпитесь! — закричал офицер. — Чем спокойнее вы будете вести себя, тем быстрее мы вас всех погрузим.

Гронский уже поднимался по трапу, буквально волоча за ворот шубы свою жену. Офицер удерживал трап снизу, Верочка кричала, из люка высунулся солдат, чтобы принять первых беженцев.

— Шестьдесят восемь человек, — сказал Шубин.

— Ты всех пересчитал? — удивилась Эля.

— Я хорошо учился в школе. Ты будешь проби-ваться туда? За раз ему всех не взять.

— Нет, я с тобой, — сказала Эля.

— Тогда у меня есть предложение, — сказал Шубин.

— Пошли скорее, — сказала Эля, — пока можно спуститься.

Шубин опустил капюшон «алюски» и затянул «молнию», чтобы спрятать Элины волосы. Он тронул кончик ее носа.

Эля улыбнулась.

Шубин спускался по лестнице первым. Эля за ним. Шубин думал, что страшит ее, а Эля спускалась так, чтобы успеть протянуть руку, если Шубин будет падать.

Пламя хваталось за лестницу. Было очень жарко.

— Терпи! — крикнул Шубин, но Эля не услышала.

Шубину казалось, что он залез в духовку. Вспыхнули волосы — он догадался, что вспыхнули волосы, потому что стало больно голове. На какое-то время ему стало так жарко и так горяч был воздух, которым приходилось дышать, что он потерял Элю из виду.

Неизвестно, смогли бы они прорваться, если бы порыв ветра не рванул с такой силой, что пламя отлетело от лестницы... Потом была последняя ступенька — за ней ничего. Шубин не сообразил, что последняя, он упал, но Коля был там, он все еще стоял у лестницы. Он подхватил Шубина, потом Элю.

— У тебя голова обгорела, — это были первые слова Эли.

— Волосы лучше расти будут, — сказал Коля. — Как в лесу.

Шубин провел рукой по голове. В ушах страшно гудело. Волосы были короткие, неровные, ежиком.

— Больно, — сказал он.

— Пройдет, — успокоила его Эля. — У мамы мазь есть от ожогов. Из трав.

И, сказав «мама», Эля мысленно перенеслась к себе домой. Шубин как бы потускнел в ее глазах — она заторопилась...

— Мне надо, — сказала она. — Мне надо, Юрочка, ты не сердись.

— До свидания.

— Погоди, — сказал Коля, — сейчас по городу опасно ходить. Кто знает, где этот газ затаился.

— Коля прав, — сказал Шубин. — Погоди, отдышись, пойдем вместе.

Эля затихла. Шубин так и не спросил, не обожглась ли она. Рукав «аляски» оплавился — из него торчала обгоревшая подкладка.

Руслан лежал на снегу и выл сквозь зубы.

— Потерпи, — сказал Шубин. — Мы «скорую» вызовем.

— Найдешь здесь «скорую», — зло сказал Руслан. — У меня нога сломана, понимаешь?

— Вы идите, — сказал Коля. — Я знаю, что у Эли ребенок дома. А я не уйду, я помощь найду.

— Увидимся. — Шубин пожал руку Коле.

— Обязательно увидимся, — сказал Коля и широко улыбнулся, как будто все плохое в его жизни уже кончилось. — Если вы меня, конечно, узнаете.

Шубин поглядел наверх. Вертолет все еще висел над крышей, и на той части трапа, что была видна снизу, висели люди. Они очень медленно поднимались вверх. Порывы ветра раскачивали трап и заставляли людей замирать, вцепившись в переладины.

Вдруг вертолет загудел сильнее, перекрывая шум пожара, и резко пошел вверх.

— Смотри, что делает, гад! — воскликнул Руслан, который тоже смотрел на вертолет.

И только в следующее мгновение Шубин понял, что произошло.

В том месте, где за секунду до этого был вертолет, возник клуб дымного пламени. Раздался зловещий утробный грохот, поглотивший все остальные звуки. Крыша провалилась внутрь. Вертолет уходил в сторону, быстро снижаясь, и люди, висевшие на раскачивающейся лесенке, казались тлями. Шубин понял, что пилот хочет как можно быстрее спуститься на вокзальной площади, чтобы спасти людей.

И тут он увидел, как один из них сорвался и черной кляксой, растопырив руки, полетел вниз... Что было дальше, Шубин не видел. Вертолет скрылся из глаз.

Руслан зло кричал по-грузински.

Шубин не знал, видела ли это Эля. Она склонилась над плачущей женщиной в обгоревшей шубе.

Но оказалось, что Эля все видела. Потому что она сказала подошедшему к ней Шубину:

— Ты умный, что повел меня по лестнице. А то бы мы точно погибли. Мы бы последними поднимались, правда?

Они оттащили подальше от здания Руслана и ту женщину, потому что стало жарко. Казалось, что гостиница ярко освещена изнутри — в окнах горел желтый и оранжевый свет.

Теперь, когда наступала реакция на эту так еще и не кончившуюся ночь — была половина пятого, еще далеко до рассвета, — Шубину стало смертельно холодно.

Эля сказала:

— Тут недалеко, если ты со мной пойдешь.

— Конечно, пойду, — сказал Шубин, который понимал, как страшно ей одной возвращаться домой.

— Но ты не дойдешь, — засомневалась она. — Ты по дороге околеешь.

— А мы побежим с тобой, — сказал Шубин.

Они вышли на улицу. По улице мело. На выходе из гостиничного двора лежал, согнувшись, будто старался согреться, человек, его уже припорошило снегом. Меховая шапка откатилась в сторону и лежала, как пустое птичье гнездо.

Эля наклонилась, подняла шапку и отряхнула, ударяя ею себя по бедру.

— Возьми, — сказала она. — Ему уже не нужно.

— Не надо, — сказал Шубин.

— Давай-давай! — Эля приподнялась на цыпочки и обеими руками натянула шапку на саднящую, обожженную голову Шубина.

— погоди, — сказал Шубин. — Больно.

Он поправил шапку, она была мала.

— Это в сущности мародерство, — сказал он.

— Твою тоже кто-то носит, — успокоила его Эля.

Она выглянула на улицу, посмотрела направо, налево. Было темно. Облака, затянувшие небо, подсвечивались пожарами, и на открытых местах по снегу пробегали оранжевые блики.

Они вышли к автобусной остановке. Здесь люди лежали странной грудой, один на другом, будто хотели согреться. Автобус с открытой дверью въехал передним колесом на тротуар и уткнулся в столб.

Эля сказала:

— Ты, конечно, не захочешь, а может, пальто снимем?

— Перестань, — сказал Шубин. — Куда идти?

Шапка грела голову, конечно же, грела, но она была чужая, от нее неприятно пахло...

И в следующее мгновение Шубин очнулся.

Он лежал на мостовой. Эля стояла рядом на коленях, приподняв его голову, и прижималась к щеке губами.

— Миленский, — говорила она, — миленский, ну не надо, нельзя, ты что делаешь?

Голова раскалывалась так, что нельзя было двинуть ею, но попытку движения Эля уловила и вдруг принялась ругаться.

— Ты что? — говорила она со злостью. — Ты зачем притворяешься? Поскользнулся, что ли, я не могу больше... Ну нельзя же так. Вставай, вставай, простудишься. Тебе что, плохо стало? Ну вот, потерпи немного, придем домой, я тебе чаю сделаю...

Шубин с помощью Эли сел, его мутило.

— Извини, — сказал он, — отвернись...

Он приподнялся на четвереньки, и его вырвало. Это было мучительно, потому что безжалостно выворачивало, пока хоть что-то оставалось внутри. Эля что-то хотела сделать... но Шубин находил силы лишь отмахиваться, отталкивать ее.

Чтобы она не приставала с пустой, как казалось Шубину, заботой, он попытался отползти на четвереньках в перерывах между приступами рвоты, но рука натолкнулась на холодную преграду — красивая девушка лежала на боку, и ее мертвые глаза внимательно смотрели на Шубина.

Шубин отпрянул, и тут же его снова свернуло пружиной приступом рвоты.

Шубин увидел, что Эля набрала в пригоршню снега, подбирая его у столбиков остановки, где было не натоптано. Он слабо ударил ее по руке, снег рассыпался.

— Ты что? Это как вода, охладит, — сказала Эля как больному ребенку, не обижаясь.

— Дура, — сказал Шубин, стараясь подняться. — Не поняла, что ли? Там газ остался.

— Да, — согласилась Эля, так и не поняв. Она подобрала с асфальта шапку и протянула ее Шубину.

— Эля, — сказал он, стараясь говорить внятно и убедительно, — выбрось ее и не трогай ничего, что было на земле. Ничего. Я тоже не сразу догадался. Даже когда понял, что шапка воняет... Видно, она на мне согрелась... Хорошо еще, что доза была невелика. Ты поняла?

— Ой! — Эля отбросила шапку на мостовую, шапка

ударилась о днище лежащей на боку машины. Вторая машина стояла, уткнувшись в нее помятым радиатором, дверца была раскрыта, и человек, что лежал на переднем сиденье, все еще держался за ручку сведенными пальцами.

— Вытри руки об «аляску», — сказал Шубин. — Как следует. И пошли.

Его все еще мучило, во рту было отвратительное ощущение, но он пошел дальше, обходя тела, лежащие здесь особенно тесно. Шубин никак не мог сообразить, почему здесь погибло так много людей. А Эля, которая догнала его, сказала:

— Здесь кино «Космос», понимаешь? Они с последнего сеанса выходили.

— Побежали, — сказал Шубин, понимая, что вот-вот окоченеет совсем.

Ему казалось, что он бежит, но он трусил лишь чуть скорее, чем если бы шел шагом. Так что Эля, идя быстро и часто, успевала держаться за ним.

— Здесь направо, — сказала она. — Мы дворами пройдем.

Справа догорал дом, в котором жила Элина подруга Валя... или Лариса? Значит, близко... Здесь, между домов, росли тополя, голые, мокрые, пустыми были запорошенные снегом скамейки и детские качели. Здесь не было мертвых, и казалось, что дома мирно спят под утро.

Они миновали еще один дом. На дорожке вдоль дома стояли пустые автомобили. На скамейке возле клумбы сидели, обнявшись, двое.

Они сидели столь мирно и уютно, что Шубин сделал шаг в их сторону, словно хотел окликнуть.

И тут же он понял, что ошибся. И парень, обнявший девушку за плечи, и девушка, положившая голову ему на грудь, были мертвы.

— Ты что? — спросила Эля, которая уже дошла до угла дома.

Она их не заметила.

Шубин побежал следом за ней.

Эля остановилась возле угла дома. Впереди был переулок, на той стороне еще один дом.

— Я здесь живу, — прошептала Эля.

Шубин думал, что она сейчас кинется со всех ног к своему дому, но Элю вдруг оставили силы, и она буквально повисла на Шубине.

— Я не могу, — сказала она.

Дом был темен, он спал. В некоторых окнах были открыты форточки.

— Четвертый этаж? — спросил Шубин.

— Вон те окна.

— Пошли.

Шубин взял ее под руку и буквально потащил через мостовую.

Но в этот момент что-то заставило его поглядеть направо, туда, откуда прилетел очередной заряд снега.

Это их спасло. Снежный заряд был желтым.

Газ, смешанный со снегом, подхваченный ветром где-то над озером или в низине у реки, собрался в гигантский, в несколько метров в диаметре шар и, легкий и даже веселый, мерцая под отблесками пожара, несясь вдоль улицы.

— Назад! — крикнул Шубин и с силой отчаяния рванул Элю назад, к дому, от которого они только что отошли. Эля не поняла, она пыталась вырваться, но Шубин, охваченный страхом, был столь силен, что оторвал ее от земли, кинул за дом и упал сверху.

И все это случилось так быстро, что он не успел ничего сказать. Но, лежа, отворачивая лицо от несущегося шара, прохрипел:

— Не дыши!

И сам постарался задержать дыхание.

Возможно, прошла минута...

Шубин поднял голову. Улица была пуста. Ветер стих. Шубин встал первым, помог подняться Эле. Она придерживала рукой локоть — ушибла.

— Ты что? — спросила она. — Там что было?

— Газ, — сказал Шубин.

— Откуда газ?

— Его по улице несло.

Они быстро перешли улицу, крутя головами, словно боялись, что газ подстерегает их, завернули во двор и вошли в подъезд.

Шубин не дал Эле войти в дом первой. Сначала он открыл дверь в подъезд и сосчитал до пятидесяти.

— Ты газа боишься? — спросила Эля.

Она переступала с ноги на ногу от нетерпения. Она пыталась оттолкнуть Шубина. Она понимала, что он прав, но в ней уже не осталось ни крошки терпения.

Она вырвалась и вбежала в темный провал подъезда.

Застучали ее подошвы по лестнице.

Шубин пошел следом. Ему было страшно догнать Элю, ему было страшно, что будет потом.

Шубин поднимался по лестнице с трудом. Снова мутило, дыхание срывалось — не хватало почему-то воздуха. Он ощущал запах желтого газа в подъезде, особенно на первых двух этажах, но шагов не ускорял, потому что был обессилен.

Он догнал Элю у двери ее квартиры.

Обыкновенная дверь, без глазка, покрашенная коричневой краской, с номером «15».

Эля обернулась, услышав его шаги, и сказала:

— А ключей нет... Ключи в сумке... или в пальто. Не знаю.

— Тогда позвони.

Эля нажала на кнопку звонка, но было по-прежнему мертвенно тихо.

— Дурачье, — сказал Шубин, упираясь ладонью в косяк двери, чтобы не упасть. — Электричества нет. Стучи.

Эля постучала. Тишина.

— Они же спят, — сказал Шубин. — Стучи громче.

Эля постучала сильнее.

— Они не спят, — прошептала она.

Она не могла ничего больше сказать. Лицо ее было неподвижно, и по грязным щекам катились слезы.

Шубин ударил по двери кулаком. Еще раз. Потом начал молотить, только чтобы перебить высокие жалкие звуки, что вырывались изо рта Эли.

И он молотил так, что не слышал, как из-за двери раздался женский голос:

— Кто там?

— Стой! — Эля повисла на его руке. — Это я, это я, мама! Где Митька? Это я, мама!

— погоди, не шуми, — ответил голос, шелкнул замок, дверь открылась, и мать Эли произнесла фразу,

которую намерена была сказать, еще не отворив дверь, и которая теперь прозвучала как из другого мира: — Ты что, опять ключи забыла?

И тут она увидела Элю и страшного — это Шубин только потом, увидев себя в зеркале, понял, до чего страшного — мужчину.

— Господи! — сказала она.

За соседней дверью раздался недовольный мужской голос:

— Вы что шумите, не знаете, сколько времени?

— Порядок, — ответил голосу Шубин. — Извините. Все в порядке.

Эля упала внутрь, повисла на матери и начала судорожно смеяться. Шубин втокнул ее в дверь и быстро захлопнул. Наступила крошечная тьма, и в ней был слышен лишь истерический смех Эли, который прерывался возгласами матери: «Ты что, ты что, что с тобой?». И попытками Эли спросить: «А Митька, где Митька?»

И снова смех.

— Положите ее куда-нибудь, — сказал Шубин. — Ей надо лечь.

Но Эля вырывалась — она рвалась в комнату, распахнула дверь. В свете догорающего пожара была видна кровать. На ней спал мальчик. Эля схватила его, мальчик начал отбиваться со сна, а Шубин оттаскивал Элю и кричал на нее:

— Не смей его трогать! Не смей! На тебе может быть газ!

Эля опустила мальчика на кровать, а сама как-то спокойно, тихо и мирно легла возле кровати на коврик, будто заснула. На самом деле это был глубокий обморок.

Шубин подхватил Элю и спросил ее мать, белая ночная рубашка которой светилась в темноте, как одежда привидения:

— Куда ее положить?

— Ой, а что с ней?

Мать все еще ничего не понимала — да и откуда ей было понять?

— Где диван?..

— Рядом с вами, туда и положите.

Она была сердита, потому что уже уверилась в том, что ее непутевая дочь где-то напилась, попала в переделку и вот теперь хулиганит. Шубин не знал, бывало ли такое с Элей. Он ничего не знал о своей будущей жене. Он с трудом перетащил ее на диван.

— У вас валерьянка есть?

— А вы кто такой? — спросила мать Эли. В ней росло раздражение против бродяги, которого Эля притащила домой.

— Накапайте валерьянки. Или валидола. Ничего страшного. Она очень устала и переволновалась.

И в голосе Шубина была такая настойчивость, что мать, бормоча что-то, пошла в другую комнату и принялась щелкать выключателем.

— Света нет, — сказал Шубин. Он присел на корточки перед диваном и положил ладонь на теплую щеку Эли. И та, все еще не приходя в себя, подняла руку и дотронулась слабыми пальцами до его кисти.

— Почему света нет? — спросила из той комнаты мать.

— Воды нет тоже, — сказал Шубин. — А если есть, то лучше ее не пить. В чайнике вода осталась? Из чайника налейте.

Митька повернулся в кровати и забормотал во сне.

— Да вы хоть скажите по-человечески, что случилось-то? — спросила из той комнаты мать. Она, видно, шуровала среди лекарств, разыскивая валерьянку.

— Авария, — сказал Шубин. — Авария. Выходить из домов нельзя. Закройте форточки...

Мать зашаркала шлепанцами на кухню, громыхнула там чайником.

Шубин прислушался к дыханию Эли. И понял, что она спит.

— Не надо, — сказал он, — она заснула...

Мать уже вернулась в комнату. Шубин не заметил, как — в сознании пошли провалы.

— Вы сами тогда выпейте, — сказала мать уже без озлобления. — Вам тоже нужно.

Она вложила в его руку стаканчик с валерьянкой.

— А где авария? Серьезная, да? На химзаводе?

— Серьезная, — сказал Шубин. И заснул, сидя у

дивана на коврике, положив голову на руки, которыми касался руки Эли.

Было пять часов утра. Те жители города, что остались живы, еще спали.

Шубин проснулся, и ему показалось, что он не засыпал — только закрыл на минутку глаза, чтобы не так щипало. Он сразу вспомнил, где он, и первая его мысль была хорошая: ну вот, обошлось.

Он лежал на том же диване, у которого, сидя на полу, отключился. В комнате стоял утренний полумрак — небо за окном было холодным, голубым. Повернув голову, Шубин увидел кровать и спящего на ней Митьку, которого он толком еще и не видел.

За стенкой тихо разговаривали.

Шубин вспомнил, что обгорел, спускаясь с крыши. Он провел рукой по колючей голове. В комнате было холодно.

Он поднес часы к глазам, но света в комнате было слишком мало. Ничего не увидел. Он поднялся и пошатнулся так, что чуть было не уселся обратно. В голове все потекло.

Эля услышала и вошла в комнату.

— Ты чего встал? — прошептала она.

— Ты же тоже не спишь, — сказал Шубин.

Он прошел на кухню, где на табуретке сидела мать Эли, обыкновенная полная женщина, тоже скуластая и черноволосая. Только губы, в отличие от Элиных, у нее ссохлись и сморщились. Глаза были заплаканы.

На кухонном столе горели две свечи. От них уже наплыло на блюдо.

— Здравствуйте, — сказал Шубин. — Простите, что так вышло.

— Это вам спасибо, Юрий Сергеевич, — сказала мать Эли. Она всхлипнула. — Мне Эля все рассказала, а мы вот сидим и боимся.

— Лучше не выходить, — предупредил Шубин.

— А воды нет, — сказала мать, — и газа, знаете, тоже нет. Когда дадут, вы как думаете?

— И холодно, просто ужасно, — сказала Эля. — Знаешь, на улице похолодало.

В синее окно Шубину было видно, что на улице метет.

Наверху кто-то прошел, зазвенел посудой, дом был панельный — слышимость абсолютная.

— Сколько времени? — спросил Шубин.

Эля поглядела на ходики, висевшие над столом. Шубин сам увидел: половина восьмого.

— В это время уже машины ездят, — сказала Эля, — люди на работу идут. А мама мне верит и не верит.

— Чего ж не верить, — ответила та. — Многие говорили, что этот завод нас погубит. Детей вывозили. Вы слышали?

— Да, я даже видел.

— Но с них как с гуся вода. А Эля говорит, много народу погибло.

— Да, — сказал Шубин, — многие погибли.

Он посмотрел на Элю. Она встретила его взгляд настороженно, будто таясь.

Уже был другой день, другая жизнь, и он в ней был будто гостем. Да и что скажешь при матери?

Шубин подошел ближе к окну. Улица, на которую оно выходило, была пуста. Вон оттуда, из-за угла дома на той стороне, они пытались перейти улицу и потом спрятались от желтого шара. Он увидел истоптанный снег, там они лежали, боясь поднять головы. А чуть дальше за домом — лавочка, где сидят влюбленные.

— Я пойду, — сказал Шубин.

— Что? — не поняла Эля.

— Я пойду. Сама понимаешь, не сидеть же здесь.

— Я вас, Юрий Сергеевич, никуда не пущу, — сказала Эля, перейдя снова на «вы». — Вы на себя в зеркало посмотрите. Вы же на последнем издыхании.

— Я выспался, — сказал Шубин. — Я больше двух часов проспал.

— Я с вами.

— И не мечтай, — сказала ее мать.

И Шубин как эхо повторил:

— И не мечтай.

— Ну как же так... — покорилась Эля.

— Я очень прошу вас, — сказал Шубин, — никуда из дома не выходить. У вас четвертый этаж, это спасение. Мы не знаем, кончилось все уже или еще будут последствия.

— Холодно ведь, — сказала мать. — Когда затопят?
— Я все узнаю и вернусь, — пообещал Шубин.
— Правильно, — сказала мать, — сходите, поглядите и возвращайтесь.

Шубин взял свечу, прошлепал босыми ногами в ванную комнату. Вода не шла. И не могла идти. Он поднял голову, посмотрел в зеркало и увидел себя впервые с вечера. И не сразу узнал, потому что за тридцать девять лет жизни привык к другому человеку.

На него смотрело грязное, обросшее щетиной существо. Волосы его и ресницы были опалены, от волос вообще остались какие-то клочья. На виске и щеке — высохшая кровь. И как назло нет воды.

— Юрий Сергеевич, — сказала из-за двери Эля, — у нас в кастрюле вода осталась. Вам пригодится.

Шубин хотел было с благодарностью согласиться, но сказал:

— Отлей мне в стакан. Неизвестно, когда пустят воду. Надо экономить. Может, целый день придется терпеть... или больше. Ты же понимаешь, что водопровод может быть отравлен.

— Понимаю, — сказала Эля. — Щетку зеленую возьмите, это моя.

Он открыл дверь. Она протянула ему полный стакан.

Он услышал голос матери из кухни:

— В чайнике еще осталось. Смотри не выплесни.

Шубину было неловко, что он не может спустить за собой воду в унитазе. Он прикрыл его крышкой, потом почистил зубы, намочил водой край полотенца и протер кое-как лицо. На полотенце остались пятна сажи и крови.

Пока Шубин натягивал ботинки, Эля почистила его пиджак и пыталась уговорить его съесть холодного мяса. Но есть совсем не хотелось. Он бы еще выпил воды, но не посмел попросить.

Эля стояла в смущении перед вешалкой, потому что Шубину надо бы переодеться, а дома не было мужских вещей. Она уговорила его надеть под рваную «аляску» свой толстый свитер, и Шубин согласился.

Потом она вытащила откуда-то белую лыжную вязаную шапку и сказала:

— Это ничего, что она женская, у нас ребята многие носят.

На шапке были изображены олимпийские кольца.

— До свидания, — сказал Шубин матери, которая стояла в дверях кухни.

— Приходите, — ответила та сдержанно.

Эля вышла проводить Шубина на лестницу.

Он пониже надвинул на глаза лыжную шапку.

— Ты адрес помнишь? — спросила вдруг она. — Улица Строительная, двенадцать, корпус два, квартира пятнадцать. Записать?

— Нет, запомню, — сказал Шубин. — Только не выходи. Не надо. И мать не пускай. Пока не вернусь, не выходи, обещаешь?

— Обещаю, — улыбнулась Эля. Впервые он увидел ее улыбку с прошлого вечера. Блеснула золотая коронка. А он и забыл, что у нее золотая коронка.

Дверь напротив открылась, и оттуда выглянул громоздкий мужчина в пиджаке.

— Привет! — сказал он. — Гостей провожаешь?

В вопросе было плохо скрываемое презрение к соседке.

— Доброе утро, Василий Карпович, — сказала Эля, не выпуская руки Шубина.

Этот человек был из другого, обыкновенного, сонного, вчерашнего существования.

— Чего-то света нету? — спросил он. — Не знаешь?

— А вы проверьте, — сказал Шубин. — Нет воды, нет газа и не работает телефон.

— А что? — Человек сразу поверил и испугался. — Что случилось, да?

— Эля, — сказал Шубин, отпуская ее руку, — я тебя очень прошу. Пройди по квартирам и еще лучше — возьми кого-нибудь из мужчин, на которых можно положиться. Сейчас люди будут вставать, они ничего не знают. Может быть паника, кто-то может заразиться... Ну, не мне тебя учить.

— Хорошо, Юрий Сергеевич, — сказала Эля.

Она хотела еще что-то сказать, но Василий Карпович из соседней квартиры не дал.

— Да что случилось, я спрашиваю! — почти закричал он. — Ты можешь человеческим языком объяснить?

Перешагивая через две ступеньки, Шубин сбежал с лестницы. Хлопнула бурая дверь подъезда.

Холодный ветер ударил в лицо. Он нес колючие снежинки. Шубин надвинул капюшон «аляски».

На улице рассвело. Он перешел улицу и оглянулся. Эля стояла у окна. Она смотрела вслед. Тут же рядом с ней возникло лицо Василия Карповича — значит, он уже проник к ним в квартиру.

Шубин прошел за соседний дом. И остановился у его угла, не оборачиваясь больше. Он понимал, что через несколько шагов уйдет из той обыденности мира, в котором еще ничего не произошло, который только сейчас начинает открывать, и то не во всей полноте, масштабы бедствия, как будто от гостиницы, где они провели ночь, до этих домов много километров и звуку несчастья еще предстоит их одолеть.

Конечно же, Шубин мог остаться у Эли и поспать еще несколько часов. Нет, он бы уже не заснул. Он-то знал, что жизнь этого и соседних домов — только видимость, а то, настоящее, к чему он принадлежит, начнется за углом.

И вдруг неожиданная мысль заставила его оглянуться.

Он посмотрел на Элин дом. Нет, не на четвертый этаж, а на первый. В трех, нет, в четырех окнах первого этажа открыты форточки. Значит, почти наверняка там лежат мертвые люди. Лежат мирно, будто спят, но скоро эти двери взломают. Где водораздел? Два этажа — гробы, три верхних — обыкновенные квартиры, где люди просыпаются и удивляются, почему нет воды и света. Водораздел — на втором этаже...

Больше он не мог стоять. Он должен был оказаться там, где много людей, где что-то делается, где он может пригодиться.

Шубин вышел в следующий двор. Навстречу ему рванулся крик. У скамейки, на которой сидели, обнявшись, влюбленные, стояла, подняв руки, женщина и неразборчиво кричала. Можно было лишь разобрать: «Моя девочка... девочка... Лидуша...»

Хлопнула дверь, из дома выбежал другой человек, побежал к скамейке. Шубин быстро пошел стороной, к главной улице, к вокзалу.

Дворами Шубин вышел на главную улицу, что вела к вокзалу, как раз к арке, через которую он убегал от милиционеров.

Сыпал снег, неровно, зарядами, зло. У кафе, где он сидел с общественниками, лежали тела. Возле них стояли два человека, непонятно зачем — просто смотрели.

По улице, вдоль домов, шел парнишка лет пятнадцати, он нес туго набитый пластиковый пакет. Перехватив взгляд Шубина, он побежал, одна ручка пакета оторвалась, и оттуда начали вываливаться меховые шапки. Парень остановился и принялся собирать их, не спуская взгляда с Шубина.

— Зря ты, — сказал Шубин, — они зараженные.

Прижимая пакет к животу, парень побежал под арку.

И тут Шубин увидел собственную кепку. Она лежала у края тротуара, совсем засыпанная снегом. Ждала его.

Шубин подошел к ней, поднял, снег примерз к ней, кепка была жесткой и чужой. И тут же Шубин уловил взгляд женщины, закутанной в серый платок. В ее взгляде было осуждение.

— Люди страдали, а вы пользуетесь, — сказала вдруг женщина.

— Это моя собственная кепка, — сказал Шубин. — Я ее вчера потерял.

И понял, как глупо это звучит.

— Понимаю, понимаю, — сказала женщина.

— А вы проходите, — озлился Шубин.

Женщина пошла у самой стены.

По улице ехал бронетранспортер. В нем стояли два солдата. Они смотрели по сторонам, видимо, изучая обстановку.

Шубин поглядел им вслед. Повернул туда же, куда ехала машина, — к вокзалу. Он миновал кинотеатр «Космос» и автобусную остановку. Автобус все стоял

передним колесом на тротуаре, но столкнувшиеся машины были убраны с дороги и трупы тоже исчезли.

Быстро работают, подумал Шубин. Молодцы. Кто молодцы и почему — он не задумывался. Ему приятно было, что кто-то думает, делает, принимает меры.

На остановке стоял старичок в военной шинели и заячьей шапке.

— Молодой человек! — окликнул он Шубина. — Почему нет автобуса? Я жду уже двадцать минут.

— Автобуса не будет, — сказал Шубин и пошел дальше.

— Почему? Вы мне можете объяснить, почему? — Старичок стучал палкой.

Шубин увидел, куда убрали трупы. Их, оказывается, еще не успели вывезти. В просвете между большими домами они громоздились грудой, частично прикрытые бульдозером, которым, видно, их туда и отодвинули. Бульдозер был пуст, но возле него стоял милиционер и курил.

Он увидел, что Шубин остановился, и сказал устало:

— Идите, гражданин, смотреть не положено.

— Ладно уж, — сказал Шубин.

По улице медленно ехал грузовик. Задний борт его был откинут. Там тоже лежали тела.

Простоволосая растрепанная женщина в распахнутой шубе бежала посреди улицы навстречу грузовику и кричала, открыв рот, на одной ноте. Грузовик затормозил, гуднул, но она его не видела. Водитель подождал, пока она пробежит мимо, и снова дал газ.

Окна продовольственного магазина, мимо которого проходил Шубин, были разбиты, большие куски стекла валялись на тротуаре. Внутри шевелились какие-то темные фигуры.

Должна была показаться гостиница, но ее не было. И Шубин, пройдя последний большой дом перед вокзальной площадью, понял, что случилось: гостиница стала вдвое ниже — провалившись, крыша увлекла за собой два верхних этажа. Казалось, что в гостиницу попала бомба.

Развалины еще дымились, и снег вокруг был черным.

Шубин вышел на площадь. Как ни странно, подъезд гостиницы не был тронут огнем. Даже сохранились стеклянные двери и стеклянные вывески с названием гостиницы по сторонам. Но сквозь дверь было видно черное сплетение упавших балок.

Вокзальная площадь была странно оживлена. По какой-то организационной причине именно в вокзале находился штаб, который руководил спасательными работами. На площади стояло несколько бронетранспортеров, дальше, между пустыми автобусами, тянулись крытые военные грузовики. У монумента труженикам стоял танк. Его зачехленная пушка была высоко задрана. У входа в вокзал Шубин увидел несколько легковых машин, в том числе две или три черные «волги».

Правильно, понял Шубин, направляясь через площадь к вокзалу. Вокзал — это связь с другими городами. Здесь должны быть паровозы, так что можно обойтись без электричества, пока не запустят станцию.

Трупы с площади уже убрали, и Шубин не стал искать глазами, куда. Он пошел мимо танка. Люк его был открыт, в нем сидел солдат в шлеме и курил. Рядом стоял автобус, двери его были открыты, на полу головой к открытой двери лежал человек.

— Юрий Сергеевич! — услышал Шубин. — Юрий Сергеевич, это вы?

К нему бежал Борис.

И если он был неопрятен и даже страшноват в обычной жизни, то сейчас казался неким подземным чудовищем. Черные длинные волосы сбились неопрятным стогом, пальто было без одного рукава, из которого торчала ковбойка. Под глазом большой синяк.

Борис схватил Шубина за руку и принялся трясти. Солдат из танка смотрел на них сверху, потом сплюнул окурки и спрятался в башне.

— Я думал, что вас нет, что вы погибли. Я ведь специально пришел сюда, к гостинице, я уже час здесь, у меня теплилась надежда. Никто ничего не знает, мне только говорили, что ночью, когда гостиница сгорела, оттуда, с крыши люди вниз кидались. Вот у меня и оставалась надежда.

— Успокойтесь, — сказал Шубин. Он был рад видеть этого психа. — Что с остальными случилось?

— Про Наташу я не знаю, — сказал Борис. — Наташу отпустили. Они, конечно же, вас искали, потом я был на допросе, только это неинтересно, они искали компромат, но на самом деле — письмо Бруни, они думали, что письмо Бруни у вас.

— Кто они, какие письма? — Шубин оглянулся, куда бы отойти с ледяной площади. — Пошли в вокзал, может, там хоть не дует.

— Не сходите с ума, кто вас туда пустит? Там же штаб. Там все оцеплено. Кто нас пустит?

Шубин посмотрел в ту сторону. Он просто не обратил раньше внимания на солдат, каждый из которых был как бы сам по себе, но все вместе они образовали редкую цепочку, перегораживавшую площадь примерно там, где стояли машины. Вот одна из них вдруг развернулась и, поднимая пыль, понеслась с площади. На заднем сиденье был виден профиль Силантьева. Значит, он остался жив.

Шубин повел Бориса в сторону, к киоскам, что тянулись вдоль площади, к стоянке автобусов.

— Зачем нам туда? — спросил Борис. — У нас так мало времени.

Шубин подошел к автобусу, дверь в который была открыта. Он поднялся внутрь и сказал Борису:

— Идите, здесь не дует.

В проходе лежал человек лицом вниз. Значит, сюда не догадались заглянуть те, кто убирал трупы.

Борис скользнул взглядом по мертвецу.

— Вы начали говорить о ваших друзьях, — сказал Шубин.

— Да? Я не знаю, что с Наташей.

— Вы говорили это. Что еще? А остальные?

— Бруни и Сырин погибли. Я видел. Меня наверх повели, меня там допрашивали. Они меня били, потому что я неприятен. Я вызываю раздражение, это я знаю. Даже в вас.

— Нет, вы не правы.

— Впрочем, вы тоже сейчас не красавец, — сказал Борис.

— Они погибли в милиции?

— Дежурный повел меня наверх, они меня допрашивали, а потом внизу был какой-то шум, дежурный заподозрил неладное, это было в одиннадцать — сорок две, вы знаете?

— Догадываюсь.

В автобусе было холодно накопившимся за ночь тесным холодом. По площади проехала «скорая помощь», остановилась у вокзала. Кое-где из соседних улиц возникали люди, тянулись к вокзалу, и Шубин увидел, как их останавливали солдаты и поворачивали назад.

— Он долго не приходил. Было тихо. Я посмотрел в окно и увидел туман. Вы видели туман?

— К несчастью, видел.

— А я видел, как он догонял людей и они падали. Но я был в лучшем положении, чем дежурный. Он не знал, чего ждать, а я ждал этого уже больше месяца. Бруни все это предсказал, он три письма послал об этом. Они лежат у них в делах.

— У кого?

— У Гронского, у Силантьева, в Госконтроле. Ну и, конечно, в эпидемстанции. Он даже механику предсказал — механику диффузии. Именно так... он нам рассказывал, но, вы сами понимаете, кое-что было слишком специально. Например, его расчеты о сочетании рельефа, розы ветров и этих компонентов... Помните, мы вчера просили вас взять в Москву письмо? Представляете, там уже все это описано! И смертельные случаи тоже. Только он не знал, что это будет в таких масштабах. Они пустили вторую очередь, очень спешили и перешли критическую массу... Я ждал, ждал, открыл дверь — никого в коридоре нет. Ночь. Внизу тихо. А я уже знал.

Борис перевел дух. Ему было жарко.

— Я вниз не побежал. Я только увидел, что капитан лежит внизу, у лестницы. И еще один милиционер. Оба лежат. А Бруни и Пашка Сырин, они же были в КПЗ на первом этаже и не могли выйти. Я сразу понял, что они не могли выйти. Что я остался один. Я всю ночь там просидел. И мне нужно было вас найти, а если нет — вырваться и добраться до Москвы.

Но лучше, чтобы вы, вы объективный человек. И у вас нет детей.

— А дети здесь при чем? — Шубину показалось, что Борис бредит.

— А я не сказал?

— Что?

— У меня жена, трое детей... я дома уже был.

— И что?

— Понимаете... Простите, но моя жена погибла. Дети были у бабушки, мы в одном подъезде живем, а она, наверное, беспокоилась, куда я делся. И она спустилась вниз, — она меня иногда встречала, — очень беспокоилась, куда я опять пропал. Она так и лежала у нашего подъезда — она пальто на халат накинула и спустилась. Вы простите, пожалуйста. Я ее отнес наверх, но не домой, потому что дети еще спали. Потом я разбудил Ниночку, она старшая, и сказал, что скоро приду, а в школу сегодня не надо. Вам неинтересно?

— При чем тут интересно или неинтересно! — крикнул Шубин. — Мне непонятно, чего вы здесь делаете! Идите домой!

— Я сейчас пойду, вы не волнуйтесь.

— Неужели вы думаете, что я скрою это в Москве? Что это вообще можно скрыть?

— У нас все можно скрыть, — сказал Борис. — И лагерь, и выселение народов... все.

— Но это было раньше, теперь все изменилось.

— Изменилось, да. Поэтому мы еще разговариваем, и я еще надеюсь. Но механика сокрытия осталась. Надо только отрапортовать, что случилась авария, есть человеческие жертвы. И все — дальше молчок. И нет Аральского моря! Но тихо... И в другом городе — в Свердловске, в Кургане — накапливаются в отстойниках эти жидкости, идут реакции, чтобы взорваться, чтобы кинуться на людей... Бруни все это написал.

— Но, может, они поняли? — неубедительно сказал Шубин.

— Поняли? — Борис громко, деланно засмеялся, как в плохом театре. — Ха-ха-ха! Горбатого могила исправит! Вы думаете, чем они занимаются?

— Как и любой штаб во время бедствия, — сказал

Шубин. — Есть какие-то правила, неподвластные даже тем, кто этим занимается. Там, конечно, суматоха, но они стараются что-то сделать.

— Они стараются сделать так, чтобы не сесть в тюрьму, вот они что стараются сделать.

— Как вы видите, здесь в основном армия.

— Армия, потому что ее вызывают делать черную работу. Солдатики убирают трупы, а потом будут травиться, очищая озеро. Им прикажут, они сделают. А генералы будут обедать вместе с Силантьевым и Гронским и обсуждать, как сделать, чтобы империа-листическая пропаганда не подняла шума, чтобы народ не испугался, чтобы великие свершения не скрылись за темным мраком отдельных недостатков.

— Даже если вы правы, Борис, — сказал Шубин, — то сейчас они уже бессильны.

— Почему же? — Борис сунул пятерню в спутанную шевелюру, пальцы запутались, он с остервенением дернул руку, чтобы освободить.

— Слишком велики жертвы. Этого не скроешь.

— А что вы знаете о том, что уже скрыли? Вы даже о Чернобыле узнали не сразу и не все, хоть он так близок к Киеву. А ведь купленные профессора и академики пели по телевизору, что опасности нет и жертв почти нет... У нас два года назад на Сортировочной цистерны рвануло — домов двести разрушено, народу перебило... А что вы об этом слышали? МПС отрапортовало, и в Москве согласились. Неужели вы не понимаете, что никому не нужны несчастья? От них портится настроение.

— Тогда мы с вами ничего не сможем поделать.

— И пускай моя жена погибла, да, и Бруни тоже? И еще люди? Может, вы провели ночь у бабы и ничего не заметили? Вам хочется поскорее в Швейцарию? В следующий раз они рванут так, что и от Швейцарии ничего не останется. Достанут вас, достанут, честное слово даю!

Борис поднял руку и вопил. Он вопил, как какой-то древний еврейский пророк в пустыне, он готов был пойти на костер, и отблески его, рожденные усталым воображением Шубина, поблескивали за спиной.

— Я не провел ночь у бабы, — сказал Шубин. — Я был в гостинице.

Он вяло показал на дымящиеся руины.

— Тем более, — сказал Борис. — Ни черта вы не видели!

Шубин понял, что спорить с ним бесполезно, нельзя с ним спорить. Он имел монополию на высшее страдание. А впрочем, и право.

— Хорошо, — сказал Шубин. — Мне очень грустно, что у вас такое несчастье...

— Дело не в моих несчастьях. Дело в будущих несчастьях! — закричал Борис, как учитель, отчаявшийся вдолбить тупым ученикам элементарную теорию.

— Что я могу сделать?

— То, о чем мы просили вас вчера. И вы должны это сделать ради памяти о Бруни, обо всех... Вы возьмете все документы — и все, что писал Бруни, копии наших писем, выкладки, прогнозы... и то, что написал я сегодня на рассвете. Я писал возле тела моей жены, вы понимаете? И вы отдадите все прямо в ЦК, прямо генсеку — как можно выше. Пускай это будет набат.

— Понимаю, — сказал Шубин, голова которого просто разламывалась от этого надрывного крика. Жутко неприятный этот Борис, физически неприятный. Но у него правда, если бывает много правд, то у него более важная правда.

— Возьмете?

— Возьму.

— Тогда вам нужно как можно скорее отсюда выбраться. Пока не оцепили город. А может быть, они его уже оцепили.

— Как выбраться?

— Я скажу.

— Почему не сейчас?

— Но мне же нужно принять меры. У меня нет с собой писем. Не могу же я носить их с собой по городу, где меня каждая собака знает! Они за мной будут охотиться, если уже не охотятся. Они подозревают.

Шубин хотел сказать, что сейчас никому нет дела

до Бориса, но понимал, что этим вызовет лишь очередную вспышку крика.

— И что вы предлагаете?

— Через сорок минут я снова буду здесь. В этом автобусе. Добро? А вы где-нибудь укройтесь. Не надо, чтобы вас видели. Где ваш чемодан?

— Сгорел.

— Ах да, конечно. Ну ничего, вы еще новый купите, в Швейцарии.

— И далась вам эта Швейцария!

— Ладно уж, мне ее не видать как своих ушей. Я пошел. А вы не суйтесь.

— Не сидеть же мне здесь все время.

— Лучше сидеть.

— Я должен увидеть как можно больше собственными глазами. Нет ничего глупее, чем отсиживаться. Я могу там пригодиться.

— Вы? Им? — вставил Борис с сарказмом. — Чтобы вас прихлопнули?

Борис подошел к двери автобуса и с минуту оглядывался, как в детективном фильме, нет ли за ним слежки. И если бы кто-то посмотрел в ту сторону, наверное бы, уверился, что видит злоумышленника.

Шубин не стал ждать, пока Борис, пригибаясь и изображая из себя злоумышленника, убежит с площади. Он спрыгнул из промерзлого автобуса на снег, и ему показалось, что снаружи чуть теплее, чем в машине. Он сунул руки в карманы «аляски», надеясь отыскать там сигареты, но нащупал только банку с растворимым кофе. Чего же Эля не вынула, подумал он. Лучше бы вынула и положила сигареты.

От того, что сигарет не было, страшно хотелось курить. Шубин подошел к танку и только собрался постучать по броне, спросить, нет ли закурить у танкистов, как увидел табачный киоск. Киоск был открыт.

Шубин, ничуть не удивившись, пошел через площадь.

В киоске кто-то был.

Шубин спросил:

— Пачку сигарет не дадите?

После некоторой паузы изнутри послышался тонкий голос:

— А вам каких?

— «Прима» есть?

— Сейчас.

На полочку перед окошком легла черно-красная пачка. Ее держала тонкая детская рука.

Шубин сказал:

— Спасибо, — и положил рубль.

Рука сгребла рубль и исчезла.

— А спички есть? — спросил Шубин.

— Спичек нету.

Окошечко со стуком закрылось.

Шубин отошел на три шага, разломал пачку, вытащил сигарету.

Боковая дверь в киоск открылась, и оттуда высунулась голова мальчишки в вязаной шапке. Мальчишка вытащил мешок, явно набитый пачками сигарет, и ловко закинул его за киоск, прочь с глаз. Увидев, что Шубин наблюдает за ним, он ничуть не испугался, а разжал кулак, в котором оказался коробок спичек, и кинул его Шубину.

Тот успел подставить руку и схватить коробок.

Следом за мальчишкой из киоска выбралась девочка с таким же мешком. Оба спрятались за киоск.

Шубин пошел к вокзалу.

Солдат с автоматом, который стоял возле черных «волг» и военных «газиков», число которых за время разговора с Борисом увеличилось, шагнул навстречу Шубину.

— Нельзя, — сказал он.

— Мне можно, — сказал Шубин. Он достал из кармана пиджака редакционное удостоверение. Солдат взял удостоверение, раскрыл, начал читать, шевеля губами. Потом посмотрел на Шубина, сравнивая его с фотографией, и Шубин понял, что сходства солдат отыскать не может. Он закрыл удостоверение и крикнул:

— Величкин! Товарищ старшина!

Старшина в теплой куртке, разрисованной камуфляжными узорами, подошел не спеша. Он был без автомата, но кобура повязана поверх куртки.

— Тебе же приказано — не пускать, — сказал он. Солдат протянул старшине удостоверение Шубина, а сам посмотрел с тоской на дымящуюся сигарету. Шубин вытащил пачку, протянул солдату.

Тот взял сигарету, но закуривать не стал, он смотрел на старшину.

— И что вам там нужно? — спросил старшина.

— Мне надо пройти в штаб, — сказал Шубин. — Я журналист, из Москвы, корреспондент. Я в командировке.

— В командировке? — спросил старшина, и взгляд его проехал по Шубину — от вязаной шапочки, заросшего щетиной, порезанного лица до рваной «аляски» и замаранных брюк. — Что-то непохоже. Паспорт есть?

— Есть здесь кто-нибудь постарше чином? — спросил Шубин терпеливо, отдавая старшине паспорт.

Солдат держал сигарету так, будто готов был вернуть ее Шубину, как только того разоблачат.

— Приказано посторонних не пускать, — сказал старшина. — Авария.

— Послушай, старшина, — сказал Шубин. — Я всю ночь был на этой аварии, пока ты в казарме спал. И мне некогда было себя в порядок приводить. Я там был. — Шубин показал на гостиницу. Солдат и старшина послушно посмотрели на гостиницу.

— Погодите, — сказал старшина и, взяв удостоверение, пошел к вокзалу.

— Самое время бюрократию разводить, — сказал Шубин и зажег спичку. Солдат закурил. Солдат был из Средней Азии, он был напуган, ему было холодно.

Низко над площадью прошел вертолет. Загромыхал за вокзалом состав.

— Как оттуда ушел? — спросил солдат, показывая на гостиницу.

— По пожарной лестнице, с крыши, — сказал Шубин.

— Понимаю, — сказал солдат. — И вещи сгорели?

— Вещи сгорели.

Подъехал «рафик». Из него вылезали люди, некоторые сонные, одетые кое-как, напуганные. Из вокзала выбежал «шестерка» Плотников, издали замахал рукой и крикнул людям, что стояли у «рафика»:

— Сюда, товарищи, в зал ожидания, там вас ждут. Пропустите их!

Он убежал так быстро, что Шубин не успел его окликнуть. Но среди стоявших у «рафика» Шубин увидел Николайчика. Тот плелся за остальными к вокзалу.

— Федор Семенович! — крикнул Шубин. — Федор Семенович!

Николайчик остановился. Другие стали оборачиваться. Шубин подошел к ним.

— Шубин, — узнал его Николайчик. — В таком виде? Что с вами произошло?

— То, что и со всеми.

— Какой ужас! — сказал Николайчик. — Вы просто не представляете, какой ужас.

— Представляю, — сказал Шубин.

— Ну да, конечно. Но никто не мог представить. Меня разбудили час назад, вызвали сюда в штаб. Есть человеческие жертвы! — Последнее Николайчик произнес тихо, будто делиась с доверенным человеком государственной тайной.

— Даже у вас в доме, — сказал Шубин.

— Что?

— Те, кто жили на нижних этажах.

— Надеюсь, что вы ошибаетесь, Юрий Сергеевич, — сказал Николайчик, сразу насторожившись.

— Николайчик! — позвал кто-то из ушедших вперед.

— Сейчас. А вы почему здесь, Юрий Сергеевич? Хотите уехать?

— Меня не пропускают.

— Товарищ солдат, — сказал Николайчик, — надо пропустить товарища Шубина, он корреспондент из Москвы.

— А мне как прикажут, — сказал солдат.

— Пойдемте со мной. — Николайчик потянул Шубина за рукав, но увидел, что рукав рваный, обгорелый, и отпустил его.

Солдат неуверенно сделал шаг, желая перекрыть путь Шубину, но Николайчик был настойчив, и солдат сдался.

Николайчик шел рядом.

— Ужасное бедствие, — говорил он, будто втолковывал Шубину урок, — роковое стечение обстоятельств.

— Какое к черту роковое! — возразил Шубин. — К этому все шло.

— Нельзя так категорично, — сказал Николайчик. — Если бы были предпосылки, неужели вы думаете, что товарищ Силантьев не принял бы мер?

— Вот не принял.

Николайчик насторожился и замолчал. У него было чутье, у этого Николайчика.

Они вошли в здание вокзала. Длинные скамьи для ожидающих, недавно переполненные народом, были пусты, только кое-где в проходах стояли чемоданы и сумки. Никто там не бродил, не фланировал, не убивал время — все спешили, бежали, исполняли. Военных здесь было немного, встречались железнодорожники и милиционеры. Основное направление движения соединяло второй этаж и платформу — муравьиной дорожкой сбегали по широкой лестнице люди, хлопали двери, ведущие на перрон, оттуда также появлялись люди, и смысл этого движения Шубину был непонятен.

— Где здесь туалет? — спросил Николайчик у Шубина.

Шубин ответил не сразу. Он думал о том, сколько людей погибло здесь, ведь залы были переполнены...

— Туалет? Вон видите — стрелка вниз: камеры хранения, туалеты. Только учтите, воды нет.

— Но мне же надо! — капризно ответил Николайчик. — Подождите меня здесь!

Он поспешил к лестнице в подвал, пробежал возле приколотого к стене бумажного листа с надписью: «Вход воспрещен!» Рядом с Шубиным остановились двое мужчин в белых халатах.

— А может, еще повезло, — сказал один. — Почти нет пострадавших. Действовало сразу.

— Почти... Ты не был в первой больнице?

— Нет, меня из дома взяли.

— Там обожженные и раненые. В коридорах лежат, в вестибюле. А людей нету. Совершенно нету. Я даже не представляю, сколько наших погибло.

Неожиданно загорелся свет. Шубин настолько привык к полутьме, что зажмурился.

— Станцию запустили, — сказал медик.

— У тебя дома как?

— Обошлось.

— О-о-о! — раздался крик. Шубин обернулся. Николайчик выскочил из подвала и бежал к нему, поддерживая расстегнутые брюки.

— Там, — сказал он, — там...

— Все ясно, — сказал Шубин. — Можете не объяснять.

— Там... ужасно... Вы не представляете! Там люди!

— А вы думаете, куда должны были снести трупы отсюда? — спросил Шубин. — И надо сказать, что они это быстро сделали.

— Солдаты, — сказал медик. — Они сейчас на путях работают. Там платформы подали.

— А что же будет? Что с ними будет? Вы не представляете!

— Захоронение, — сказал медик, закуривая. — Коллективное захоронение. И как можно скорей. Указание уже есть.

— Почему? — не понял Николайчик. — Как же так?

— А потому, Федор Семенович, — ответил Шубин, — чтобы не портить вам настроение.

— Тонкое наблюдение, — сказал медик. — Но в общем они правы, я бы то же самое приказал. Мы не знаем, как будет действовать газ на окружающих. Тела могут стать источником опасности. Не говоря об эпидемиологии.

— Солдатам только сейчас противогазы привезли, — сказал второй медик. — Там у них на складе, оказывается, всех выбило...

— Но вы не понимаете! — сказал Николайчик медику. — Там они лежат горой, до самого потолка.

— Представляю. Я был в аэропорту, — сказал медик. — Придется привыкать.

— Туда тоже добралось? — спросил Шубин. — Я думал, что аэропорт выше...

— Как я понимаю, туда понесло эту дрянь, когда поднялся ветер.

— А что вы здесь делаете? — спросил Шубин.

— Черт его знает! Дежурим. Нужна машина при штабе. Вот и дежурим. Считай, что нам повезло.

Медики пошли на второй этаж, а Николайчик все не мог успокоиться:

— Я туда спустился, понимаете, Юрий Сергеевич? Там же почти совсем темно. И запах... такой неприятный запах. Я чувствую, что не пройти — впереди преграда. Я стал руками искать проход — я не понял, что за преграда, может, вещи... совсем темно было. И вдруг загорелся свет. Я стою, а вокруг лежат мертвые люди — до самого потолка, вы понимаете? И такой страшный запах...

— Николайчик! — Сверху перегнулся через перила незнакомый Шубину мужчина. — Срочно на ковер!

— Простите, — сказал Николайчик. — Вы идете?

— Иду, — сказал Шубин, но задержался, потому что вспомнил, что его удостоверение у старшины — надо забрать. Он пошел к выходу.

Шубин выглянул наружу — старшины не было видно. Здесь должна быть какая-нибудь комендатура.

Шубин поднялся на второй этаж вокзала.

Зал ожидания был прибран, пуст, скрепленные по шесть жесткие вокзальные кресла отодвинуты к стенам. Но не сам зал был центром деятельности, а комната матери и ребенка, дверь в которую была распахнута, и вторая комната, над которой сияла неоновая, не к месту яркая вывеска «Видеосалон». Вокруг неоновых букв загорались поочередно лампочки, совсем как на новогодней елке.

Пока Шубин стоял в нерешительности, не зная, к какой двери направиться, из видеосалона выбежал «шестерка» Плотников. За ним спешил низенький потный железнодорожник.

— Ну как же я пропущу? Там же людям сходить надо, — говорил он.

— Пропустить без остановки. И все пропускать — неужели вам непонятно? Ведь чрезвычайное положение.

— Вы бы мне бумагу дали, — сказал низенький.

— Будет бумага, будет, вы же видите, что я занят! «Шестерка» побежал от железнодорожника, ко-

торый со вздохом развел короткими руками и пошел обратно в видеосалон. И тут Плотников увидел Шубина. Он пробежал мимо, не сразу узнав его, но затормозил где-то сбоку и сделал два шага задом наперед.

— Шубин? — спросил он.

— Он самый, — сказал Шубин. — И живой.

— Вижу, — сказал «шестерка». — И очень рад. Очень рад, что у вас все в порядке. А что вы здесь делаете?

— Хочу встретиться с руководством штаба, — сказал Шубин. — Надеюсь, что могу пригодиться.

— Зачем? — сказал «шестерка» и вместо того, чтобы продолжать свой путь дальше, развернулся, кинулся к двери в комнату матери и ребенка.

Шубин пошел за ним. Пришлось посторониться — несколько солдат притащили тяжелый ящик и принялись втискивать его в двери комнаты матери и ребенка, застрыв там и перекрыв движение людей.

Вокруг кипели голоса, ругательства и советы, отчего ящик еще больше заклинивало в дверях. Через головы солдат видны были люди, что стояли в зале. Их было много. Шубин увидел Гронского, к которому подбежал Плотников и что-то говорил ему, отчего тот повернул голову к двери, и они с Шубиным встретились взглядами.

Гронский тут же отвел глаза и стал что-то говорить незнакомому чиновнику.

Шубин протиснулся к Гронскому. Гронский выглядел усталым, глаза красные, под ними темные мешки, благородные брыли свисали до плеч.

Он протянул Шубину руку. Рука была холодной, влажной.

— Вижу, что вы уже пришли в себя, — сказал Гронский. Потом добавил, обращаясь к статному усатому чиновнику в финском пальто и шляпе, что стоял рядом: — Познакомьтесь, товарищ Шубин, журналист из Москвы. А это Николаев, директор биокомбината, заместитель начальника чрезвычайного штаба.

Рука Николаева была другой — твердой и широкой.

— Журналист? — недоверчиво спросил Николаев.

Он был недоволен. Шубин словно услышал невысказанные слова: «Когда успел? Кто допустил?»

Гронский уловил недовольство. Он добавил, будто оправдываясь:

— Товарищ Шубин у нас здесь с лекциями по международному положению. Вот и попал в переделку. Мы с ним ночью в гостинице куковали.

— А, международник! — сказал Николаев облегченно и тут же закричал на солдат, которые распаковывали ящик, где таился какой-то прибор с экраном и множеством кнопок: — Правее ставьте, правее, чтобы окно не загоразживать!

Он потерял интерес к Шубину.

— Обзаводимся хозяйством, армия помогает, — сказал Гронский. — Ну как вы, отдохнули?

— А вы энергично взялись за дело.

— К сожалению, — сказал Гронский, — никто не будет нас хвалить за оперативную работу по спасению жизни и имущества граждан. У нас как бывает? Голову сносят за прошлые грехи, сегодняшние подвиги не в счет.

Гронский грустно улыбнулся. Он был искренен.

Шубин позавидовал: у него была возможность побриться.

— Как здоровье вашей жены? — спросил Шубин.

— Спасибо. Разумеется, ей придется отдохнуть — нервный шок. Вы знаете, какая трагедия произошла с вертолетом?

— Я видел.

— Мы буквально чудом остались живы.

— Я хотел быть чем-нибудь полезен, — сказал Шубин.

— Но чем, чем? — вдруг вспыхнул Гронский. Вроде бы оснований для вспышки Шубин ему не давал. — Вы пойдете в бригаду по уборке трупов? Или в пожарники? У нас пожарников не хватает! Или в госпитале кровь сладите?

— Не волнуйтесь, — сказал Шубин. — Я понимаю, как вам трудно.

— А будет еще труднее. С каждым часом... Вам не понять.

— Я вас понимаю, — сказал Шубин, который более

не испытывал неприязни к этому замученному человеку. Неприязнь осталась во вчерашней ночи. Какой он, к чертовой матери, убийца! Чинуша перепуганный. И о жене беспокоится, и надеется, что, может быть, каким-то чудом все обойдется, и понимает, что ничего уже не обойдется. По крайней мере для него.

— И какого черта вы сюда именно вчера приехали, — сказал Гронский с горечью. — Приедете в Москву, начнете ахать — что я видел, что я видел!

— Ахать не буду, — сказал Шубин. — Но если вы в самом деле думаете, что мне здесь делать нечего, тогда помогите мне улететь в Москву. Я думаю, что смогу вам там чем-то помочь. Вам же нужно многое для города.

— Нам нужно все! — почти кричал Гронский. — У нас нет врачей, нет шоферов, ни черта нет! Мы же не можем на одних солдатах спасать положение!

— Ну не надо так нервничать, — слышался начальственный голос.

В зал, в сопровождении небольшой свиты военных и гражданских чинов, вошел Силантьев.

— От вас я не ожидал услышать капитулянтских высказываний.

Силантьев не заметил Шубина, не обратил на него внимания, а может, и не узнал — в отличие от Гронского, он видел корреспондента лишь в своем кабинете в респектабельном обличье.

— Это не капитулянтские высказывания, — сказал Гронский, — а оценка ситуации.

— Ситуация критическая, но не трагическая, — сказал Силантьев.

Он обратился к стоявшему рядом генерал-майору — высокому brunetu с черными глазами и синими от щетины щеками:

— Правда?

— Не могу я больше дать солдат, — ответил генерал, видно, продолжая разговор, который они раньше вели.

— Ты мне больше не давай, — сказал Силантьев, — ты мне оставь сколько есть.

— Люди, которые час на морозе таскают трупы, —

сказал генерал. — Им надо отдохнуть, мы их даже не покормили.

— Что у тебя, детский сад, что ли? — обиделся Силантьев. — А если бы война?

— Сейчас не война, — сказал генерал. Он говорил с легким восточным акцентом. — Сейчас катавасия.

— Еще один капитулянт, — сказал Силантьев и развел руками, будто призывая всех в свидетели тому, как трудно с такими людьми.

— Вы, Василий Григорьевич, не представляете, видимо, масштабы, — сказал генерал.

— Никто не представляет. Но мы уточним. И твоим орлам выделим из неприкосновенных запасов. Не обидим.

— У меня солдаты, — сказал генерал, — специалисты, а не могилыщики.

— Ссориться будем? — спросил Силантьев, мягко укладывая ладонь на зеленый защитный погон генеральской куртки. — Не надо со мной ссориться. Всем трудно. А мне труднее всех. Это мой город, это мой народ!

Шубин нечаянно встретил взгляд генерала. Во взгляде была тоска. Или отчаяние. То же самое, что во взгляде Гронского. И других людей — медиков, Николайчика, даже солдатики на площади. Не было тоски во взгляде Силантьева. Взгляд его был ясен.

Подбежала женщина в белых сапогах и распахнутой дубленке. Длинный шарф размотался, доставал до колен.

— Василий Григорьевич, есть телефонограмма, — сказала она.

Силантьев развернул листок, пробежал глазами.

— Так, — сказал он. — Будем готовиться.

— Что? — спросил Гронский. — Кто едет?

— Область, — сказал Силантьев. — Через сорок минут самолет будет здесь.

— У нас ничего не готово, — сказал Гронский.

— Где принимать будем? — спросил Силантьев у женщины в дубленке.

— В горкоме нельзя, — сказала она. — Там не готово.

— Знаю. С аэродрома возем сюда. Тебе, Мелконян,

главная скрипка. — Это относилось к генералу. — Чтобы БТР спереди, танк сзади — психологическая атака по высшему разряду. Я буду встречать. Силина ко мне в машину. Ты, Гронский, тоже поедешь со мной, у тебя нервы расшатались. Николаев поедет во второй с Немченко. Слышал?

— Слышал, — сказал Николаев.

— Главная наша задача, чтобы они не очень глядели по сторонам. И если на пути следования будет хоть одно неживое тело, — Силантьев сжал руку в кулак, — убью.

Неизвестно, к кому это относилось, но ответил генерал:

— По Пушкинской и Советской мы все очистили, — сказал он. — Но на шоссе гарантии нет.

— Да там и не было никого, — сказал Николаев. — Главное, чтобы автостанцию проехать.

— Мелконян, пошли человека надежного, чтобы весь маршрут проверил. Немедленно. Весь. Если что — в кювет, в кусты... Ты понял?

— Я пошлю, — сказал Мелконян, не глядя на Силантьева.

— Хорошо. Кто готовил цифры? — спросил Силантьев.

— У меня есть, — сказала женщина в дубленке. Она протянула Силантьеву смятый листок. — Здесь оценочное число жертв, зажиганий и так далее.

Силантьев смотрел на листок. Все ждали.

— До ста человек жертв? — спросил он женщину. — Да ты с ума сошла! Они же перепугаются. Это в Москву надо сразу рапортовать.

— Мы писали приблизительно, — сказала женщина.

— Они тоже не лыком шиты. Если доложу, что сто смертельных случаев, они полезут смотреть. Сделаем так: жертвы есть, подсчитываются... Ладно, сделаю... Иванов!

Иванов — расплывшийся человек в потертом костюме, с золотым перстнем на безымянном пальце — отделился от стены.

— Рви в резиденцию. Чтобы обед был готов через два часа. Возьмешь «рафик» и трех милиционеров. Проверь, чтобы вокруг было спокойно. А вы работ-

айте, товарищи, — обратился он к солдатам. — Чтобы через час, когда мы вернемся, все сверкало и работало — пусть товарищи из области видят, как у нас все поставлено.

— А если они меня спросят, сколько жертв? — сказала женщина.

— Санитарный врач доложит. Доложишь?

Шубин видел его раньше, тот был в кабинете Силантьева, когда он случайно подслушал их разговор.

— Я предпочту воздержаться от оценки, — сказал врач.

— Надеюсь, все запомнили эти мудрые слова?

По толпе, окружавшей Силантьева, прошел согласный гул.

— А ты, Шубин? — Шубин так и не понял, когда Силантьев разглядел и узнал его. Но разглядел раньше, не сейчас, потому что, произнося последние слова, он смотрел уже на дверь.

Шубину надо было молчать. Не только из-за опасения за себя — из интересов дела. От того, скажет ли он сейчас что-нибудь или нет, ничего в поведении Силантьева не изменится. А Шубин сможет тихо выбраться из города. Хотя, может быть, он недооценивал Силантьева, и тот уже решил не выпускать его из города.

Шубин сказал:

— Все первые этажи — мертвые.

— Что? Я не понял.

— Сейчас люди начнут открывать первые этажи, а там все мертвые.

— Шубин, не пугай людей, — сказал мирно Силантьев. Он взял Шубина под руку и повлек к двери. — Ты же не знаешь, а я знаю — эта дрянь через стекла не проникает. А ночь морозная, форточки были закрыты. Да и среди наших товарищей есть немало таких, кто живет на первых этажах. Есть такие, товарищи?

В зале была полная тишина, будто боялись пропустить каждое слово, сказанное Силантьевым.

Никто не ответил. Силантьев резко повернулся к толпе, которая медленно текла за ним.

— Надеюсь, среди вас есть люди, проживающие на нижних этажах?

И снова никто не признался.

Санитарный врач сказал:

— Мы не проверяли еще, Василий Григорьевич. У нас были первоочередные дела.

— Мне кажется, — сказал Шубин, — что вы здесь занимаетесь чепухой.

— Что? — Силантьев даже остановился.

— Вы думаете, как это все притушить, закрыть, спрятать... Вы даже об обеде уже подумали. — И, говоря, Шубин как бы освобождал себя. Страх, который сковывал его, потому что он был маленьким человеком в этой отлаженной, хоть и давшей сбой машине и ничего не мог в ней изменить, пропал, как пропадает волнение у неопытного оратора после первых удачных фраз с трибуны. — Кого вы обманете? Областное начальство? А потом? Когда станут понятны размеры катастрофы?

— Неуместное слово, — сказал брезгливо санитарный врач.

— Вы же правите сейчас мертвым городом! — кричал Шубин. — Городом, дома которого наполнены мертвецами! Вы это понимаете? Вы хотите навести марафет на одной улице? Для чего? Чтобы завтра снова травить этот город? Чтобы завтра отравить всю страну? Весь мир?

— Нервы, нервы, — говорил Николайчик, оттаскивая Шубина в сторону.

— Погоди, пускай выговорится, — сказал Силантьев.

— Я выговорюсь не здесь, — сказал Шубин. — Я выговорюсь в Москве.

И в этот момент он уловил перемену в гуле, наполнявшем зал.

До этой секунды гул был сочувственным, потому что почти все, кто стоял там, были потрясены бедой, какими бы куцыми ни были обломки их моральных устоев. И Шубин пользовался их молчаливым сочувствием. Но в тот момент, когда он произнес слово «Москва», он стал чужим.

— Ну что ж, — сказал Силантьев. — В Москве ты выговоришься. Но посмотрим, кому из нас поверят.

— Поверят, — сказал Шубин. — Поверят.

— А я бы хорошо подумал, прежде чем делать выводы, — сказал Силантьев, все еще владея собой. — Что ты видел здесь? Где ты прятался, когда мы все, в одном порыве, ликвидировали последствия аварии?

— Я был там же, где ваш товарищ Гронский, — сказал Шубин.

— Все ясно, — сказал Силантьев и даже улыбнулся. — С крыши наблюдали, как туристы. Хорошо еще, что мы успели вертолет организовать. Это там Спиридонов погиб?

Но вопрос был обращен не к Шубину, а к Гронскому.

Гронский вдруг подтянулся, словно вспомнил роль, которую должен был донести до публики.

— Обстоятельства гибели товарища Спиридонова загадочны, — сказал он. — Пока я организовывал спасение женщин, товарищ Шубин с группой мужчин должен был вынести раненого Спиридонова на крышу. Шубин появился на крыше один. Со своей любовницей.

— А, он и любовницей обзавелся! Ничего себе, моральный уровень.

Силантьев поглядел на часы.

— Разберитесь, — сказал он. — Слава Богу, мы здесь не на пожаре. Таких вещей я никому не спускаю, Шубин. Ты мог вести себя трусливо, мог бежать в Москву и строчить доносы... Но смерть моего старого друга Спиридонова я тебе лично никогда не прощу.

— Все это ложь, — сказал Шубин. — И вы знаете, что это ложь.

— Я знаю то, что мне докладывают, — сказал Силантьев.

И он пошел к выходу из комнаты, на пороге наткнулся на забытую там куклу, наподдал ее начищенным ботинком.

— Все это полная чепуха! — Шубин пошел за Силантьевым, не в силах совладать с желанием оправдаться, объяснить.

Шубина никто не задерживал. Когда он проходил мимо генерала, тот сказал:

— Я бы на вашем месте здесь не оставался.

И прежде чем Шубин смог ему ответить, он быстро отошел от него и приблизился к офицерам, что стояли у двери в видеосалон.

Шубин шел вслед за Силантьевым в редющей толпе «штабистов», и с каждым шагом желание поговорить, убедить Силантьева испарялось. Силантьев не будет его слушать. Но что делать? Можно взобраться на товарный поезд — они проходят тут. И на платформе попытаться доехать до соседнего города. Нет, лучше попробовать аэродром. Туда прилетают самолеты, аэродром открыт. Надо будет пробиться к летчикам, уговорить их...

Рассуждая так, Шубин вышел на лестницу и увидел, что Силантьев с Гронским и приближенными уже сошли в нижний зал и направляются к двери.

Но как добраться до аэродрома? На какой-нибудь машине? Надо поговорить с генералом. Сейчас, когда Силантьева нет, генерал может помочь. Ему лично катастрофа вряд ли чем грозит. Наоборот, он сразу принял меры, и Шубин может это подтвердить...

Шубин хотел вернуться в видеосалон, но тут услышал внизу крики.

От дверей вокзала к Силантьеву и Гронскому кинулась девушка в развевающемся пальто. Неумело в вытянутой руке она держала нож. Черные свалившиеся волосы гривой окружали ее маленькое лицо. Свет люстры отразился в больших очках.

Гронский отпрыгнул назад, за Силантьева, а тот закрылся большим портфелем, который нес в руке. Нож несильно ударился в портфель, скользнул по нему и со звоном упал на каменный пол. И тут же на девушку со всех сторон накинудись несколько мужчин и повалили ее на пол. Мелькали руки, и непонятно было, чего они хотят — избить ее, связать или вытолкнуть.

Мешая друг другу, они подняли девушку с пола, заломили ей руки за спину. Она билась, кричала что-то. Шубин узнал в ней робкую Наташу из книжного магазина.

Он не слышал, что она кричала, потому что кричали все. Но слова Силантьева, выдержке которого можно было только позавидовать, донеслись до Шубина:

— Сумасшедшая. Бывает... Вы с ней осторожнее. Нервный стресс. Вызвать врачей!

И Силантьев продолжил движение к машине. Гронский отстал. Он, видно, совсем расклеился... Николаеву пришлось вернуться за ним. Он повел Гронского к выходу, поддерживая под локоть. Около девушки уже были медики, те, что курили внизу. Они повели ее куда-то в сторону. Зал опустел, только «шестерка» Плотников о чем-то разговаривал с милиционером.

Шубин был бессилен. По крайней мере Наташиной жизни ничто не угрожало. Она жива, все обойдется...

Успокоив себя, Шубин пошел обратно. В видеосалон его не пустил солдат, что стоял за дверью.

— Мне нужно поговорить с генералом Мелконяном, — сказал Шубин.

— Нельзя.

Шубин пытался заглянуть в видеосалон через плечо солдата.

— Мелконян! — закричал он. — Мне надо с вами поговорить.

И в этот момент сильная рука рванула его от двери. Он еле удержался на ногах. Перед ним стоял лейтенант милиции, такой же небритый, как сам Шубин. Рядом — еще один милиционер и «шестерка» Плотников.

— Этот? — спросил лейтенант у Плотникова.

— Этот.

— Пошли, гражданин, вы задержаны, — сказал лейтенант.

— Почему? — спросил Шубин.

— Пошли, разберемся.

Шубин обернулся, но Мелконян не вышел. Солдат, держа автомат у груди, равнодушно смотрел вслед Шубину. По его лицу бегали сполохи от веселой надписи «Видеосалон».

В станционной милиции лейтенант потратил на разговор с Шубиным минуты три. Его успели проинструктировать. Он потребовал у Шубина документы.

Документов у Шубина не было, потому что их не вернул старшина. Об этом лейтенант, видно, уже знал. Затем лейтенант сказал, что товарищ, называющий себя Шубиным, задержан по подозрению в убийстве руководящего работника Спиридонова С.И. этой ночью в гостинице «Советская». Логика в этом тоже была. А идея, как решил Шубин, принадлежала самому Силантьеву. Можно спорить и даже отбрехаться, если тебя обвиняют в хулиганстве, скандале и даже в оскорблении вышестоящих лиц. Но с убийцами, особенно в чрезвычайном положении, ведут себя строго.

Шубин пытался объяснитьсь, но лейтенант слушал его равнодушно и устало. Будто только и ждал, когда Шубин замолчит, чтобы заснуть.

Он сказал:

— Я бы вас к стенке поставил.

И Шубин замолчал. Не исключено, что кто-то мог посоветовать измученному лейтенанту поставить этого бродягу к стенке при попытке к бегству.

Лейтенант сам отвел Шубина в камеру, единственную камеру вокзального отделения милиции. Он шел сзади, вынув пистолет, и Шубину казалось, что лейтенант раздумывает, не прибавить ли Шубина к числу жертв катастрофы. Лейтенант никогда не поверит, что его арестант — заложник Силантьева, Гронского, всей этой благопристойной банды, что трясется не от чувства вины или боли, а от страха за свои шкуры.

Дверь в камеру громко захлопнулась. Под потолком горела тусклая лампочка. Возле нар лежало на полу человеческое тело. И Шубин даже не стал возмущаться этим, понимая, что у лейтенанта и тех милиционеров, что остались в городе, достаточно дел и без выволакивания трупов из КПЗ.

Окна в камере не было. Только дверь с окошком, затянутым решеткой, лампочка, унитаз в углу под крышкой.

Шубин подошел к унитазу и попытался спустить воду. Вода еще не шла. Не пустили воду. А на даче наверняка есть горный родник. Там и будут отдыхать инспектирующие чины, которым приятнее глядеть на красоты природы, чем на вонючие трупы.

Тут Шубин вспомнил, что его давно уже ждет

Борис. А вдруг с ним что-то случилось? Знает ли он, что Наташа бросалась с кухонным ножиком на городское начальство? Бориса вполне могли забрать. Ведь Силантьев — человек предусмотрительный, и они наверняка знают о письмах и бумагах Бруни. А если знают, то ищут. Если вчера эти бумаги были лишь неприятным раздражителем, то сегодня они могут оказаться смертным приговором.

И как бы в ответ на мысли Шубина в коридоре послышались шаги, перед дверью остановились, и Шубин представил себе, что сейчас в камеру войдет лейтенант и равнодушно произнесет:

— Именем закона о чрезвычайном положении вы приговариваетесь к смертной казни, которая будет приведена в исполнение немедленно.

И когда дверь отворилась, Шубин невольно отпрянул к стене. Он сам уже поверил в эти слова лейтенанта.

Лейтенант вошел и остановился у порога. С ним был второй милиционер. Плотников остался в коридоре. Его оттопыренные уши просвечивали красным.

— У меня есть свидетели! — вдруг воскликнул Шубин. Он сам не знал за мгновение, что скажет это, но сказал: — Ваш сотрудник, сержант Васильченко, он присутствовал, он все знает.

— Лицом к стене, — сказал лейтенант.

— Почему? Зачем? Я ничего не сделал!

— Встаньте на шаг от стены, — устало сказал лейтенант, — протяните руки к стене, обопритесь на них.

Он говорил докторским голосом, и Шубин вдруг понял, что его не будут расстреливать. Зачем для этого упираться руками в стену? И он быстро, стараясь показаться послушным и неопасным, повернулся к стене и выставил вперед руки. «Шестерка» засмеялся. Жесткие твердые руки прощупали бока Шубина, брюки, «аляску». Затем поднялись и задержались на секунду на карманах.

— Отойди назад! — сказал лейтенант.

Послышались поспешные шаги — милиционер и Плотников отпрянули. Что же испугало лейтенанта?

Лейтенант запустил руку в карман «аляски».

— Это кофе, — сказал Шубин, — растворимый кофе.

— Помолчите, — сказал лейтенант. — Вижу, что не граната. Бойченко, посмотри, что там внутри.

— Я сам посмотрю, — раздался голос Плотникова. Руки Шубина заныли от неудобной позы.

— Повернитесь лицом ко мне, — сказал лейтенант.

Шубин оттолкнулся от стены, выпрямился и обернулся. Лейтенант стоял перед ним, милиционер на шаг сзади. Плотников в дверях завинчивал банку с кофе.

Лейтенант закончил обыск. Он вытянул из кармана бумажник. Отходя, задел ногой лежавшего человека. Тот что-то забормотал.

— Дайте сюда, — велел Плотников лейтенанту. Тот отдал бумажник. «Шестерка» сунул бумажник себе в карман.

— Больше ничего? — спросил он.

— Больше ничего, — сказал лейтенант.

Лейтенант пошел к выходу. Шубин осмелел.

— А вещи когда отдадите?

— Когда нужно будет, тогда и отдадим.

— Он еще спорит! — с деланным возмущением воскликнул Плотников.

Лучше бы Эля оставила кофе дома, подумал Шубин. Ведь не отдаст, сволочь. Дефицит.

Когда дверь закрылась, Шубин присел на край нар.

Человек у его ног, который оказался не мертвым, а мертвецки пьяным, повернулся, уютнее устраиваясь на полу.

Ясно, что они искали бумаги Бруни. Плотников не сразу спохватился. Прибежал обратно и потребовал личного обыска.

Шубин сидел на краю нар. Спать совсем не хотелось. Ничего не хотелось, только вырваться из этой камеры. Но он понимал, что сейчас в этой суматохе никто его не разыщет. Эля? Эля спохватится, конечно, но кто она? Шоферша. Случайная девочка. Борис? Бориса они постараются изолировать. Было бы окно — написал бы записочку для генерала Мелконяна. Черта с два напишешь записку! Они отобрали бумажник и записную книжку, сейчас «шестерка»

сидит у лейтенанта или в какой-нибудь спецкомнате — изучают его бумажки.

— Закурить не найдется? — трезвым голосом спросил сосед по камере.

— Сейчас, — сказал Шубин. Сигареты ему оставили.

Но, пока он доставал сигареты и спички, сосед снова заснул.

Шубин закурил. За дверью простучали сапоги. Потом снова тишина. Шубин подошел к двери, приложив ухо к решетке, стал слушать. Далеко по коридору звучали голоса. Потом хлопнула дверь. И Шубин не столько услышал, сколько почувствовал тишину в отделении. А чего он ждал? Что они будут здесь сидеть, сторожить его?

Шубин постучал в дверь. Неизвестно зачем, но постучал. Потом сильнее. Ему хотелось стучать в дверь, ему хотелось колотить в нее, вкладывая в эти удары возмущение собственным бессилием.

— Не шуми, — сказал сосед. — Мешаешь.

Шубин спохватился. В самом деле глупо.

Не лучше ли продумать линию поведения? Может, изобразить полное раскаяние? Обещать, что будет молчать...

Далеко хлопнула дверь.

Кто-то вошел в отделение. Шаги замерли. Потом возобновились. Они приближались к двери. Шубин отступил в сторону. Шаги были медленные, осторожные, в них была угроза.

Звякнула щеколда. Дверь открылась. Шубин стоял, прислонившись к стене.

— Ты здесь? — услышал он голос Коли.

Коля вошел в камеру.

— Не бойся, — сказал он. — Это я.

Коля тоже был небрит, но у него светлые волосы, так что не очень заметно. На лбу ссадина.

— Коля! — Шубину захотелось броситься к нему, обнять, как старого друга, но Коля был строг и сух.

— Выходи, — сказал он.

Затем протянул Шубину его бумажник. И Шубин подумал: кофе «шестерка» все-таки взял себе.

— Быстрее, — сказал Коля. — Я из-за тебя под суд идти не желаю.

— Сейчас. — Шубин почему-то принялся застегивать «молнию» «аляски».

Коля выглянул в коридор.

— Там никого нет, — сказал Шубин.

— Без тебя знаю. Нет, не в эту сторону, в другую.

Он провел Шубина по коридору, открыл своим ключом белую дверь, и они оказались на перроне.

— Иди вперед и не оглядывайся, — сказал Коля.

Со стороны должно было казаться, что милиционер ведет задержанного. Перрон был пуст. По дальнему пути медленно двигался маневровый паровоз. Из открытых дверей товарного вагона солдаты разгружали какие-то мешки. Встретившийся железнодорожник скользнул по Шубину равнодушным взглядом.

— Направо, — сказал Коля.

Они остановились в темном проходе между вокзалом и одноэтажным зданием.

— Ну вот так, — сказал Коля другим голосом. — Вот как получилось.

— Ты откуда узнал, что меня забрали?

— Услышал, — сказал он. — Говорили.

— И ты понял, почему?

— А чего тут не понять, — сказал Коля. — Они тебе хотели убийство Спиридонова пришить. Ты бы не отвертелся.

— Но ты же знаешь.

— У меня служба, — сказал Коля. — Ты сейчас сразу налево, не оглядывайся, выйдешь на площадь, иди за киосками. За третьим киоском остановись. Понял?

— Понял.

— А я пошел. Меня и так с тобой увидеть могли.

— Мы обязательно увидимся, — сказал Шубин.

— Может быть, — сказал Коля и скрылся за углом вокзала.

Шубин осмотрелся — никого. Он прошел темным проходом и оказался на вокзальной площади.

Шубин быстро прошел к киоскам, за третьим из них остановился и осторожно выглянул на площадь.

Ветер стих, снег падал редко. На площади было

куда больше людей, чем час назад. Видно, в городе уже знали, что штаб расположен в вокзале. Кучками, поодиночке люди стояли возле цепочки солдат, просились внутрь. Голоса почти не доносились, но общий шум с визгливыми выкриками был явственно слышен.

Шубин вышел из-за киоска, и тут на площадь въехала кавалькада — с аэродрома. Впереди, как и было оговорено, бегомотом двигался БТР, затем три «волги» — две черные, а одна, можно сказать, обыкновенная. Затем еще один БТР. Лучше бы танк, подумал Шубин. Внушительнее.

Машины, объезжая заснеженный газон, проехали вереницей совсем близко от Шубина. В третьей у самого окна сидел Гронский. Он посмотрел на Шубина. Шубин не испугался. Он встретил его взгляд, и удивление Гронского его даже позабавило. Женщины у оцепления кинулись к машинам.

У него было странное чувство непричастности к этим событиям. Будто он был заколдован, заморожен, будто у него был иммунитет против этой болезни.

— Юрий Сергеевич! — окликнул его Борис.

Борис выглядывал из подъезда рядом с комиссионным магазином.

— Сюда!

Шубин зашел в подъезд.

— Я думал, что мне вас не выцарапать, — сказал он. — Просто сказочное везение.

— В чем везение?

— Я сержанту деньги стал давать, он меня чуть не забрал. А когда узнал, что это вас замели, он велел ждать. Я понял, что он вас выручит. Откуда он знает?

— Мы с ним всю ночь в гостинице были, — сказал Шубин.

— Нет, все-таки Бог есть, — сказал Борис.

— Письма с вами?

— Поверил?

— Я давно поверил. Только не знаю, как мы их отсюда вывезем. Они не все перекроют?

— Силенок не хватит. Завтра с помощью области точно перекроют. А сегодня еще не перекроют.

Сзади кто-то плакал.

— Что это?

— Ты забыл, что тут тоже есть первый этаж и второй этаж? Кто-то к своим пришел — и увидел. Не отвлекайся. Слушай. Я украл машину.

— Как украл?

— Проще простого. Как машины крадут? Сейчас в городе, наверное, с тысячу машин без водителей. И ключи в зажигании, понимаешь?

— Понимаю.

— Машина за углом. Я тебя вывезу из города, я знаю, где нет заслонов. Довезу до Синевы, это станция такая. Там останавливается поезд на Москву. Через два часа ты в Перми. А дальше сможешь? Деньги есть?

— Есть. Только паспорта нет и удостоверения.

Они побежали за угол, там стоял «жигуленок».

— Без паспорта плохо, — сказал Борис. — Паспорт нужен. Возьмешь мой.

Он завел мотор и начал разворачивать машину.

— Мы с тобой непохожи.

— Когда я его получал, были похожи. У меня прическа была цивильная и без бороды. Смотри.

Свободной рукой Борис выгашил из кармана паспорт и кинул его Шубину на колени.

— Слушай, — сказал Шубин, — мы не успеем заехать в одно место?

— Нет, — ответил Борис. — Мы никуда не успеем. Они сейчас объявят на тебя охоту. Чрезвычайное положение, убежал убийца, маньяк. Ты себя погубишь и дело.

— Хорошо, — сказал Шубин. — Мне нужно обязательно передать записку одной девушке.

— Напиши ей письмо.

— Я не запомнил адреса.

— Глупо. Если хочешь писать записки, сначала запиши адрес.

— Обстановка не позволяла, — сказал Шубин, но Борис не уловил иронии.

Он пытался развернуться. Места было достаточно, но Борис оказался не очень умелым водителем.

— Давай я за руль сяду, — сказал Шубин.

— Тебе, может, придется прятаться — не хочу, чтобы твоя голова на виду торчала.

Шубин раскрыл паспорт. В самом деле, если

особенно не присматриваться, сойдет. Борис Ашотович Мелконян.

— Я думал, что ты еврей. Генерал — твой родственник?

— Каждый дурак меня об этом спрашивает. Нет, не родственник. Не нужен ему такой родственник!

Борис развернулся было, но тут над ухом взвыла «скорая». Пришлось затормозить.

— А ты Наташу видел? — вспомнил Шубин.

— Я же тебе сказал: не знаю!

— А я видел!

— Что? — Борис ударил по тормозу. Машина подпрыгнула, и ее повело по скользкому снегу.

— Не волнуйся, она жива и, может быть, здорова, — сказал Шубин. — Ты продолжай, разворачивайся, не до вечера же нам крутиться.

— Я буду, буду, ты только Расскажи, что видел.

Шубин стал рассказывать. Борис рычал, ругался, только непонятно было, кого он ругает — Наташу или Гронского.

Шубин посмотрел на площадь, словно прощался с ней. Слева обугленные останки гостиницы, справа — оживший вокзал. У одной из «волг», что стояли у подъезда, сустились люди. Дверцы были распахнуты. С одной стороны туда залезал знакомый лейтенант. С другой — «шестерка» Плотников.

— Ах черт! — сказал Шубин.

— Ты что? Ты что не рассказал? Куда ее увезли? В какую больницу?

— Это ты узнаешь. Меня другое волнует — по моему, я сделал глупость.

— Ну, что еще?

— Когда они с аэродрома возвращались, меня, кажется, узнал Гронский.

— И что?

— Видишь «волгу» — она по нашу душу.

— С чего ты решил?

— Знакомые лица.

— Тогда я лучше обратно поеду, по переулкам.

— Пока ты будешь снова разворачиваться, они уже на нас сядут. Давай вперед!

Борис подчинился. Возможно, это было не луч-

шим решением. Машин на ходу в то утро в городе почти не было. Зеленый «жигуленок», так резво промчавшийся мимо вокзала, конечно же, обратил на себя внимание. Наверное, Шубину надо было спрятаться. Впрочем, тогда бы он открыл не менее известный преследователям профиль Бориса.

— Ничего, мы тут свернем, — сказал Борис, глядя, как черная «волга» отходит от вокзала.

Он свернул направо, потом, увидев, что преследователей еще не видно, повернул в ворота большого дома, но тут ему пришлось затормозить. Во дворе, блокировав въезд, лежали трупы.

— Черт, я же знал... — сказал Шубин. — И забыл.

Борис хотел тут же выбираться из ворот задним ходом, но Шубин удержал его.

— Пригнись немного, — сказал он. — Дай им проехать.

Он смотрел назад, пригнувшись к сиденью. Он оказался прав. Через минуту мимо пронеслась черная «волга». В ней был лейтенант милиции, еще кто-то в штатском и «шестерка» Плотников. Зеленую малолитражку, уткнувшуюся носом в ворота, они не заметили.

Борис подал назад. Они вернулись к вокзальной площади и оттуда уже поехали по другой улице.

— Давай письма, — сказал Шубин. — Мало ли что... А вдруг придется срочно расставаться.

— Ты прав. Возьми в бардачке.

Шубин достал толстый конверт. Конверт был заклеен, но без надписи.

Борис затормозил на перекрестке. Работал автоматический светофор.

Шубин достал из кармана ручку и, пока машина стояла, написал на конверте крупными буквами: «ПЕРЕДАТЬ В ЦК КПСС. СРОЧНО».

Потом с трудом втиснул конверт во внутренний карман «аляски».

— Правильно, — сказал Борис, который видел, как Шубин писал. — А я не догадался. Надо предусмотреть каждую случайность.

Зеленый свет не зажигался. Справа, на первом этаже, было открыто окно, и оттуда двое мужчин вытаскивали тело женщины. Женщина была в одной

рубашке, ноги были белые, полные, тот мужчина, который тянул за ноги, все старался оправить рубашку.

— Давай нарушим, — сказал Шубин.

— А? — Борис тоже смотрел на то, как вытаскивают тело женщины. — Конечно, конечно, — сказал он.

Он рванул через перекресток.

— А я домой только на минуту забежал, — сказал он. — Там моя мама. Она все знает. Мою жену оденут и все сделают, да?

— Конечно, — сказал Шубин.

Он обратил внимание на то, что по тротуарам в ту же сторону, что ехали они, идут люди, быстро, деловито, словно на службу. Машина переехала железнодорожные пути, за ними было открытое место, спускавшееся к реке.

И тут Борис затормозил в изумлении.

Все поле до самой воды было усеяно телами. У края стояли три или четыре грузовика с откинутыми бортами, и солдаты уныло и методично выкидывали тела на землю.

Но между этих тел, многих тысяч тел, ходили люди. Другие спешили туда, стекались с разных сторон. Некоторые вглядывались в лица мертвых, другие не смели подойти близко, одна женщина стояла на коленях перед телом мужчины и била себя кулаком в грудь.

— Вот сюда бы привезти весь обком, — сказал Шубин.

— Как только ты будешь в безопасности, — сказал Борис, — я это сделаю. Клянусь памятью своей жены, я это сделаю...

Они поехали дальше. Они ехали мимо одноэтажных домов, улица была совершенно пуста, и Шубин понимал, почему она пуста — ни в одном из домов не осталось ни души. На мостовой валялась раздавленная собака. Две курицы спокойно клевали что-то у забора. То ли пересидели беду на насесте, то ли у птиц иммунитет...

— А сейчас на всякий случай пригнись, — сказал Борис. — Будет пост ГАИ. Я думаю, здесь никого нет, но если есть, они могли предупредить об особо опасном преступнике.

Шубин пригнулся. На полу машины у его ног лежала женская заколка.

— Можно подниматься. Пронесло, — сказал Борис.

— А хозяин этой машины? — спросил Шубин.

— Хозяйка. Она в соседнем доме жила. Я потом машину поставлю на место, ты не думай.

— Я не думаю.

По сторонам дороги тянулись склады, потом они миновали коровник.

— И сюда добралось, — сказал Борис.

Ворота коровника были распахнуты, и труп коровы валялся в них.

Они миновали опустевшую пригородную деревню.

— Нелегко будет Силантьеву это прикрыть, — сказал Шубин.

— У него сильная поддержка в области, — сказал Борис. — Потому мы и не смогли его скovyрнуть. Он у нас всего второй год, как подающий надежды. А области тоже не нужны неприятности.

Они въехали в лес. Дорога начала подниматься. Она поднималась ровно, и ее было видно на несколько километров вперед. Объехали приткнувшийся к обочине автобус. Потом «москвич», который стоял поперек шоссе.

— Это не главная дорога, — сказал Борис. — Только до Синевы. Поэтому я тебя и повез. Они думают, что мы на аэродром или по свердловской трассе рванем.

«Жигуленок» легко катил в гору.

— Не обольщайся, — сказал Шубин. Он смотрел в зеркало над ветровым стеклом. Далеко сзади шла черная машина.

— Может, другая? — Борис качнул головой, чтобы лучше увидеть преследователей.

— А я говорю: не обольщайся. Много ли шансов, что другая черная «волга» идет именно по этой дороге и в этот час? Тут что впереди, их резиденция?

— Нет, резиденция по свердловскому шоссе.

— Тогда жми, — сказал Шубин, — это за нами.

Борис честно жал, и «жигуленок» шел на пределе. Дорога была покрыта снегом и давно не чинена, так что порой машину подбрасывало так, что казалось —

на асфальт она уже не вернется. Шубину жутко хотелось взять руль — он был куда лучшим водителем, чем Борис, но сейчас было некогда заниматься пересадками.

— Слушай, Борис, — сказал Шубин. — И все-таки ты выполни мою просьбу. Ты Николайчика из «Знания» знаешь?

— Знаю.

— У Николайчика работает шофером Эля.

— Знаю, — сказал Борис. — Она с парнем из моего класса жила.

— Когда?

— Ну, это давно было, года два назад.

— Вот моя карточка. Пускай она мне напишет. И еще мне нужен твой адрес. Ты же хочешь узнать, что мне удалось сделать?

Черная «волга» постепенно приближалась. Водитель на ней был профессиональный.

— Пиши, — сказал Борис. — Гоголя, шестнадцать, двадцать три.

Шубин записал его адрес на одной из своих карточек. Положил ее себе в карман. Вторую сунул в карман Борису.

«Волга» была уже угрожающе близко.

— Что-то надо делать, — сказал Шубин. — До станции еще далеко?

— Километров тридцать — тридцать пять.

— Догонят, — сказал Шубин.

— Я тоже так думаю. Как же они догадались?

— Они, наверное, думали, как и ты.

— Знаю! — крикнул Борис. — Через километр будет поворот, за ним дорожка, через лес, шесть верст, может, немного побольше. Выходит к разъезду Лихому. Там иногда товарняки останавливаются.

— Понял.

— На машине туда не проехать. Туда дорога с другой стороны путей, от Ловчей.

— Что предлагаешь?

— Я приторможу. Только на секунду. А ты беги, чтобы они не заметили, что ты ушел. Я их за собой поведу — как можно дальше. Тогда есть надежда, правда?

— Правда, есть надежда, — сказал Шубин.

Впереди был поворот. Шубин обернулся. До «волги» метров четыреста. Они услышат скрип тормозов.

— Ты тормози не очень резко, — сказал Шубин, — чтобы они не слышали.

Он положил лыжную шапку с олимпийскими кольцами на спинку сиденья, чтобы сзади казалось, что пассажир в машине.

— Готовься! — крикнул Борис.

За поворотом он начал тормозить, сдвигаясь к обочине.

Шубин открыл дверь. К дороге подступали деревья — из «волги» их не было видно. Когда машина, на его взгляд, затормозила достаточно, он оттолкнулся и полетел руками вперед в кювет.

Был удар. Он не почувствовал боли, потому что знал — нужно уйти. Он приподнялся, но в руке была такая боль, что он упал снова. Он пополз вниз, в кювет, и замер, потому что отчетливо услышал, как из-за поворота вылетела, взвизгнув тормозами, «волга». Шубин вжался лицом в холодный жесткий снег. Он не знал, лежит ли он на виду у края дороги или кювет достаточно глубок, чтобы скрыть его.

«Волга» промчалась мимо, но это ничего не значило. Может, кто-то из них смотрел в окно и увидел его, но нужно время, чтобы развернуться.

Шубин приподнялся, стараясь не опираться на больную руку, и побежал к деревьям. Здесь уже было немало снега, по шиколотку, и он понял, что его легко найдут по следам. Добежав до подлеска, к счастью, густого, он вторгся в него, не обращая внимания на то, как стегают по лицу ветви. Потом остановился. Дорогу было хорошо видно. Она была пуста.

Здоровой рукой он тронул больную и чуть не подскочил от острого удара боли. Хорошо, что не ногу сломал, сказал он себе. Мог и ногу.

Вокруг стояла удивительная, сказочная тишина. Вдалеке застучал дятел.

Несмотря на тупую боль, Шубин сломал густую еловую ветку и заставил себя вернуться к шоссе. Он тщательно заровнял истоптанный снег. Так, чтобы не

заметили следов с проезжающей машины. Он отступал, размахивая своей метелкой, и думал о том, что еще не отыскал той дорожки к разъезду, и не прошел по ней шести верст, и не дождался на неизвестном ему разъезде какого-нибудь товарняка. И все это впереди, все это надо вытерпеть.

А может быть, и вытерпеть те гневные и грозные письма, что, опережая его, рванутся из горкома и обкома. В них его будут обвинять во всех грехах, включая, может быть, и убийство начальника главка товарища Спиридонова. Считай — пропала Швейцария.

Он бросил ветку в кусты. Ох и будет Борису, сказал он себе и кустами пошел обратно вдоль дороги, пока не отыскал полузанесенную снегом тропинку, которая через два часа вывела его, вернее, его упрямую тень к разъезду Лихому.

Содержание

Тайна Урулгана	3
Смерть этажом ниже	247

Киp БУЛЫЧЕВ

(Игорь Всеволодович Можейко)

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Серия «Взрослая фантастика»

Тайна Урулгана

Составитель А. В. Алексеев

Художник К. А. Сошинская

Ответственный редактор А. Н. Анисеев

Заказ № 765.

ЛР № 061490 от 30.07.92.

Подписано в печать 05.11.95. Формат 84х108 1/32.
Объем 13,5 печ. л. Уч.-изд. л. 20. Тираж 10 000 экз.

Заказ 765

Издательство «Хронос»

121099, Москва, а/я 880

ПРИ УЧАСТИИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «АРМЭ»

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии издательства «Пресса».
125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

